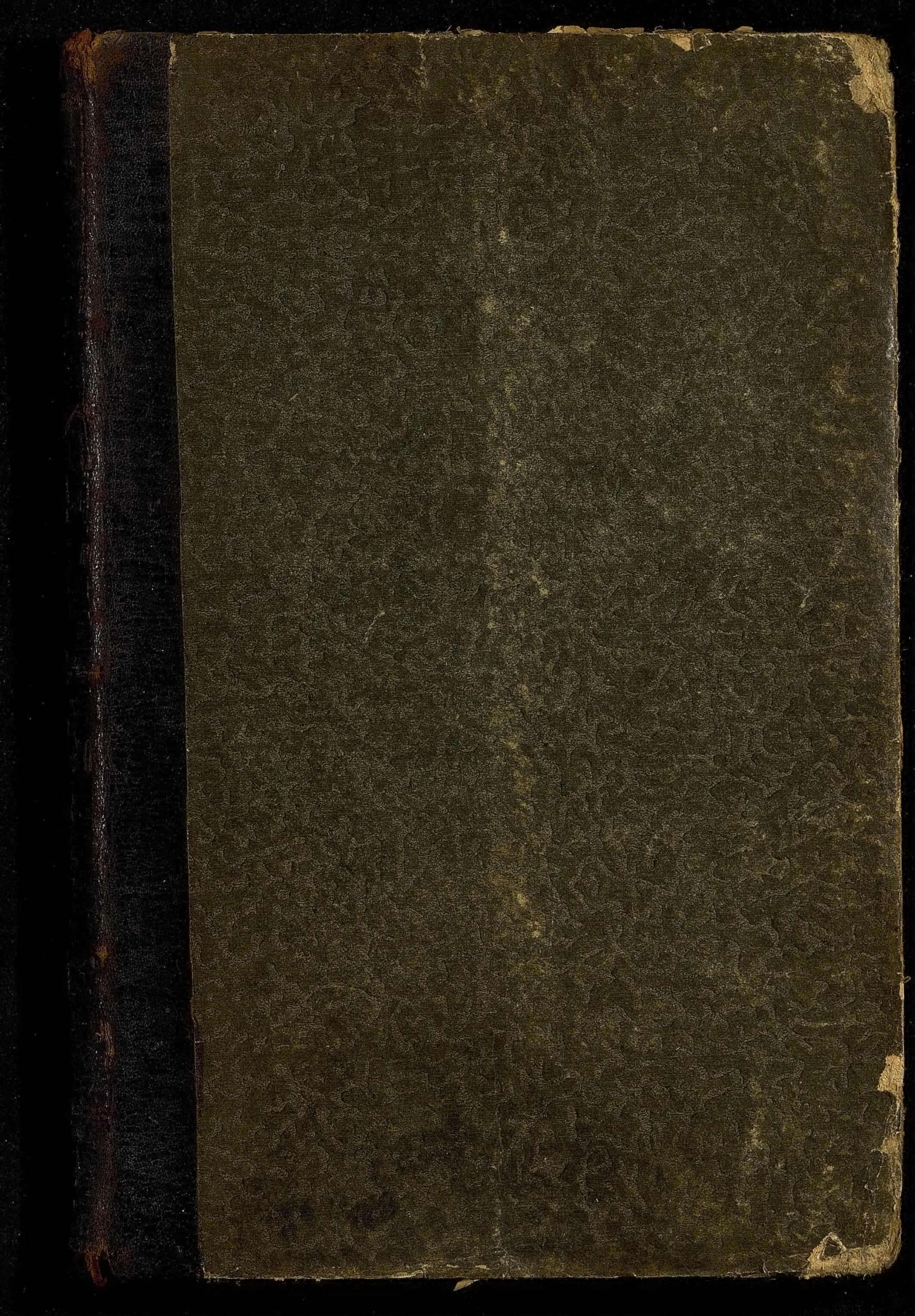

РУССКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМѢСЯЧНОЕ
ИСТОРИЧЕСКОЕ ИЗДАНІЕ.

Годъ XLI-й. ФЕВРАЛЬ. 1910 годъ.

СОДЕРЖАНІЕ:

Принимается подписка на „Русскую Старину" изд. 1910 года.

Пріемъ по дѣламъ редакціи по понедѣльникамъ и четвергамъ отъ 1 ч. до 3 ч. пополудни.
Редакція помѣщается въ С.-Петербургѣ, Фонтанка, д. 18. Телефонъ 37—66.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія т-ва п. ф. „Электро-тип. Н. Я. Стойковой". Знаменская, 27.
1910.

II-я книга „Русской Старины" вышла 1-го февраля 1910 года.

Библіографическій листокъ.

Пушкинъ и его современники. Выпускъ IX. Спб. 1909.

Это полезное, для всѣхъ занимающихся Пушкинымъ, изданіе продолжаетъ давать матеріалы для біографіи великаго поэта и для исторіи его эпохи. Съ чрезвычайнымъ интересомъ читается составленная по добытымъ лишь недавно архивнымъ источникамъ статья П. Е. Щеголева „А. С. Пушкинъ въ политическомъ процессѣ 1826—1828 г.г.“ Этотъ процессъ возникъ по поводу отрывка изъ знаменитой элегіи Пушкина „Андрей Шенье“, который былъ молодежью произвольно связанъ съ декабристскимъ движеніемъ и тѣмъ навлекъ на неповиннаго поэта большія непріятности. П. Щеголевъ по извѣстнымъ прежде въ печати и новымъ свѣдѣніямъ обслѣдовалъ положеніе Пушкина въ процессѣ, превосходно обрисовывающемъ и отношеніе властей къ поэту, и келейное правосудіе его времени. Любопытны сообщенныя Н. В. Чарыковымъ „Извѣстія о дуэли Пушкина, имѣющіяся въ Голландіи“; нѣкоторые документы, оказывается, еще скрываются подъ спудомъ, и голландское министерство иностранныхъ дѣлъ, въ архивѣ котораго хранится цѣлая переписка о дуэли Пушкина, воспротивилось печатанію этой переписки, которое можетъ быть непріятно роднымъ барона Геккерена, одного изъ ближайшихъ виновниковъ гибели нашего поэта. Изъ статьи С. А. Переселенкова „Пушкинъ въ исторіи законоположеній объ авторскомъ правѣ въ Россіи“ видно, что ближайшимъ поводомъ къ установленію пятидесятилѣтняго срока посмертнаго авторскаго права послужило ходатайство вдовы Пушкина о продленіи дѣтямъ поэта срока права на изданіе сочиненій ихъ отца, который долженъ былъ истечь въ 1862 году. Впервые журналъ завелъ (давно надо было это сдѣлать) отдѣлъ текущей пушкинской библіографіи и далъ списокъ книгъ и статей, появившихся въ 1908—1909 г.; въ немъ, впрочемъ, немало пропусковъ.

Н. О. Лернеръ. Новооткрытыя страницы Пушкина. Спб. 1909.

Это рѣдкое и счастливое открытіе значительно обогащаетъ собраніе журнальныхъ статей и замѣтокъ Пушкина. Драгоцѣнныя строки величайшаго русскаго писателя впервые извлечены изъ „Литерат. Газеты“ 1830 и 1831 г.г., гдѣ были напечатаны безъ подписи и до сихъ поръ оставались неизвѣстными всѣмъ критикамъ и біографамъ Пушкина. Несомнѣнно принадлежатъ Пушкину замѣтка о романѣ Бенжамена Констана „Адольфъ“ въ переводѣ кн. П. А. Вяземскаго и рецензія на стихотворенія Сентъ-Бева, самая крупная изъ всѣхъ рецензій Пушкина, особенно важная по высказаннымъ въ ней эстетическимъ сужденіямъ. Впервые узнанныя Н. Лернеромъ страницы отнынѣ станутъ входить въ собранія сочиненій Пушкина.

М. Гершензонъ. Историческія записки (о русскомъ обществѣ). М. 1910.

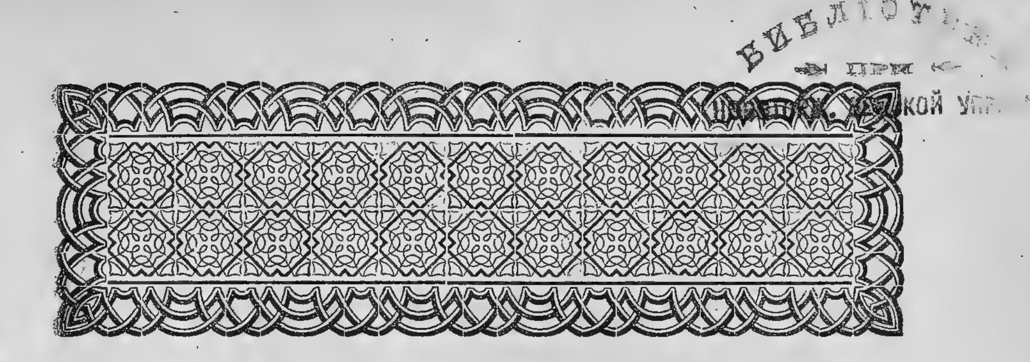
„По мнѣнію многихъ, только тотъ распознаетъ свою современность и служитъ удовлетворенію истинныхъ ея потребностей, кто угадываетъ и умѣетъ дѣлать все такое, къ чему современники неудержимо стремятся, чего ищутъ или ожидаютъ они сознательно или только инстинктивно, что готовы принять“. Эти слова забытаго мыслителя вспоминаются, когда читаешь новую книгу г. Гершензона, мыслителя иначе и глубже понимающаго современность, чѣмъ интеллигентская масса съ ея признанными вождями. Вотъ произведеніе историческое, по истинѣ дѣлающее эпоху. Какъ раскаленное желѣзо въ холодную воду, упала эта книга въ наше больное общественное сознаніе. Нѣтъ сомнѣнія, что сочувственно отзовутся автору лишь очень немногіе, а въ широкихъ кругахъ читающей публики его книгу встрѣтятъ недружелюбно. И не мудрено: слишкомъ настоятельно будитъ она русскую совѣсть, уже шестьдесятъ лѣтъ убаюкиваемую эгалитарно-матеріалистическими теоріями; слишкомъ серьезно, и для сѣраго большинства непереносимо, ставитъ вопросъ о самовоспитаніи личности, о выработкѣ характера, безъ котораго нѣтъ духовной цѣльности, о согласованіи ума, чувства и воли подъ контролемъ строгаго сознанія. Подъ поверхностными, случайными теченіями русской мысли Гершензонъ показываетъ сильную, чистую, самобытную струю, настоящій родникъ живой воды—ученіе о природѣ и долгѣ личности, провозгласителями котораго были Кирѣевскій (попутно разъясняется съ необычайной простотой и глубиной философскій генезисъ славянофильства), Ю. Самаринъ, Гоголь. Но тяжелъ былъ и есть предначертанный ими путь, трудностей котораго не боятся только немногія, избранныя души, а массы очутились на торной дорогѣ раціонализма, такой удобной и заманчивой,—и пришли къ тупику и безнадежно топчутся на одномъ мѣстѣ. Мы не ожидаемъ отъ книги смѣлаго, безпощаднаго мыслителя обширныхъ результатовъ въ смыслѣ прямого реальнаго воздѣйствія на современное общество, но тѣмъ немногимъ, у кого есть уши, чтобы слышать, она указываетъ путь спасенія и чрезъ нихъ, косвенно, такъ или иначе, должна повліять на духовную жизнь Россіи.

Пятидесятилѣтіе Литературнаго Фонда. 1859—1909. Общій очеркъ. Составилъ **А. А. Корниловъ.** Спб. 1909.

Недавно печать и общество торжественно чествовали литературный фондъ по случаю полустолѣтія его дѣятельности. Къ этому дню былъ составленъ А. А. Корниловымъ, по печатнымъ источникамъ и документамъ, общій очеркъ исторіи фонда. Получилась очень интересная страничка русской культурной исторіи. При своемъ возникновеніи фондъ поставилъ ближайшею цѣлью „вспомоществовать нуждающимся осиротѣвшимъ семействамъ литераторовъ и ученыхъ и самимъ литераторамъ и ученымъ, которые, по преклонности лѣтъ или по какимъ-либо другимъ обстоятельствамъ, находятся въ невозможности содержать себя собственными трудами. При дальнѣйшемъ развитіи своихъ средствъ, общество, кромѣ главной, выше указанной цѣли, способствуетъ изданію въ свѣтъ полезныхъ литературныхъ и ученыхъ трудовъ, которые не могутъ быть изданы самими авторами и пере-

Ц. Кюи

Поѣздка въ Самборъ.

Уже давно меня тянуло въ Самборъ по слѣдамъ Димитрія, Марины, Юрія Мнишка, но только въ 1897-мъ году мнѣ удалось осуществить это желаніе. Одобренія и поощренія вокругъ меня я мало нашелъ. Даже краковскіе знакомые не подавали надежды на какой-либо успѣхъ. Вы тамъ ничего не найдете, говорили компетентныя лица. Однако же я заупрямился и, по правдѣ сказать, вовсе въ этомъ не каюсь, хотя Америки и не открылъ.

Львовъ лежалъ на моей дорогѣ. Прибывъ туда, я немедленно отправился къ Бернардинамъ. Такъ называются въ Польшѣ францисканскіе монахи. Извѣстно, что они были въ самыхъ близкихъ сношеніяхъ съ сендомирскимъ воеводою и со всѣмъ его семействомъ. Можно было надѣяться найти у нихъ полезныя указанія. Настоятель монастыря о. Норбертъ Голиховскій отнесся къ моей задачѣ съ просвѣщеннымъ вниманіемъ. Человѣкъ образованный, начитанный, онъ самъ занимался исторіею и печаталъ свои труды о Бернардинахъ въ Польшѣ. У него нашлись двѣ орденскія, рукописныя хроники XVII столѣтія. Одна изъ нихъ, написанная о. Кипріаномъ Дамирскимъ, умершимъ въ 1676-мъ году, уже дважды появилась въ печати, въ Галиціи и въ Италіи, и ничего не содержитъ о самозванщинѣ. Другая, неизданная, составлена въ 1647-мъ году. Авторъ ея, о. Бернардинъ Калискій, упоминаетъ о Димитріи, но бѣгло и какъ бы мимоходомъ, зато онъ обстоятельно описываетъ городъ Самборъ и его монастыри.

Изъ настоятельской келіи мы прошли въ смежную съ монастыремъ церковь св. Андрея апостола. Тамъ находится мраморный придѣлъ св. Іоанна изъ Дукли, въ Галиціи, памятью котораго очень дорожили въ семействѣ Мнишекъ [1]). Этотъ монахъ францисканскаго ордена жилъ въ XV-мъ столѣтіи и стяжалъ славу необыкновеннаго благочестія. Братъ Марины, Францискъ Бернардъ, пріобрѣлъ около 1636-го года часть Дукли, возобновилъ тамошній замокъ и былъ похороненъ въ мѣстной церкви. Впослѣдствіи все мѣстечко перешло во владѣніе рода Мнишекъ, иждивеніемъ которыхъ вскорѣ былъ основанъ монастырь для Бернардиновъ.

Тѣмъ обстоятельствомъ, что церковь св. Андрея принадлежала также Бернардинамъ, и что въ ней чествовали св. Іоанна изъ Дукли, объясняется щедрое расположеніе къ ней Юрія Мнишка, отца Марины. Объ этомъ свидѣтельствуетъ мраморная темнокрасная доска, которая находится не далеко отъ выше упомянутаго придѣла, и гдѣ кратко излагается прошлое церкви. Первоначально въ 1460-мъ году, выстроенная изъ дерева, она подвергалась пожарамъ, погромамъ и татарскимъ набѣгамъ. Въ царствованіе Сигизмунда III-го, благодаря особенно содѣйствію Димитрія Соликовскаго, архіепископа Львовскаго, Юрія Мнишка de Magna Konzcyce, воеводы Сендомирскаго, Станислава Жолкѣвскаго, впослѣдствіи воеводы кіевскаго, полнаго гетмана и канцлера, деревянное зданіе было замѣнено каменнымъ и въ 1620-мъ году, въ третье воскресенье послѣ Пасхи, совершился обрядъ освященія церкви. Въ тѣсной и темной ризницѣ висятъ на стѣнахъ картины. Между ними выдается портретъ Юрія Мнишка, писанный масляными красками неизвѣстнымъ художникомъ и, какъ мнѣ кажется, никѣмъ еще не воспроизведенный. Онъ имѣетъ нѣкоторое сходство съ гравюрою Луки Киліана, но осанка воеводы благороднѣе, черты его лица правильнѣе, выраженіе мягче и пріятнѣе.

Изъ Львова съ письмомъ и добрыми пожеланіями о. Голиховскаго я поспѣшилъ въ Самборъ. Теперь это полу-польскій, полуеврейскій городъ, обычнаго провинціальнаго типа, безъ всякихъ посягательствъ на изящность. Вокругъ него раскинуты густые лѣса, которыми промышляетъ мѣстное населеніе. Въ 1891-мъ году городъ праздновалъ 500-лѣтнюю годовщину своего основанія. По случаю этого торжества, и пользуясь самборскими архивами, г. Budzynowski напечаталъ краткій, для историковъ очень полезный, очеркъ подъ

---

[1]) Отличную монографію Дукли помѣстилъ г. Swieykowski въ изданіи Краковской академіи наукъ Rozprawy akademii, Wydzial filologiczny. Serya II. Tom XX. Zeszyt I. 1902.

заглавіемъ *Kronika miasta Sambora, Zebrana i wydana ku uczczeniu 500 letniej rocznicy Zalozenia miasta Sambora. Sambor, 1891* [1]).

Въ старину, Самборъ, для защиты противъ татаръ былъ снабженъ укрѣпленіями, слѣды которыхъ еще существуютъ въ юго-восточномъ направленіи. Тамъ же, между Млыновкою и Днѣстромъ, возвышался королевскій замокъ, гдѣ обыкновенио пребывалъ Юрій Мнишекъ со своимъ семействомъ. Подробное описаніе замка, деревянной придворной церкви и хозяйственныхъ строеній было сдѣлано въ 1596-мъ году, по случаю оффиціальной ревизіи, которую вызвали загадочные счеты сендомирскаго воеводы, представленные сейму въ томъ же году. Нынѣ на мѣстѣ, нѣкогда занимаемомъ королевскимъ замкомъ, построена пивоварня. Разсказываютъ, что нѣсколько лѣтъ тому назадъ любознательные, но слишкомъ робкіе, ученые пытались дѣлать раскопки и наткнулись на желѣзныя двери. Никто не рѣшился проникнуть далѣе. Вмѣсто того обратились съ телеграфнымъ запросомъ въ Вѣну, откуда отвѣтили запрещеніемъ всякихъ раскопокъ. Таинственныя врата такъ и остались не разверзтыми.

Между жителями Самбора держится документательно подтверждаемое мнѣніе, что Юрій Мнишекъ проводилъ часть года въ другомъ, не отдаленномъ, замкѣ *Laszki murowane*, принадлежащемъ семейству его жены Ядвиги Тарло. Впослѣдствіи замокъ перешелъ въ собственность Франциска Бернарда Мнишка. Онъ былъ окруженъ толстыми стѣнами съ восемью башнями и широкимъ рвомъ. Старинный его планъ хранится въ львовскомъ архивѣ, и на немъ обозначены покои, которые нѣкогда занималъ Димитрій. Величіе минувшихъ лѣтъ напоминаетъ теперь очень скромное зданіе, которымъ владѣетъ графъ Михаилъ Красицкій. Замѣчательно, что въ народѣ, въ его преданіяхъ и пѣсняхъ, нѣтъ помину ни о Димитріи, ни о Маринѣ. Тщетно я разспрашивалъ крестьянскихъ старожилъ. Они вытаращивали глаза и ничего не умѣли сказать.

Изученіемъ самборскихъ архивовъ, гражданскихъ и церковныхъ, усердно занимался добросовѣстный изслѣдователь Маркеллъ Туркавскій: тяжкая, кропотливая работа, и въ силу мѣстныхъ условій, требующая много времени и настоящаго самоотверженія. Г. Туркавскій имѣлъ въ виду написать монографію о семействѣ Мнишекъ, но, насколько мнѣ извѣстно, если она и была составлена, то въ цѣломъ видѣ не появилась. Только нѣкоторые отрывки, впрочемъ

---

[1]) Лѣтопись города Самбора, собранная и изданная въ честь 500-лѣтней годовщины основанія города Сабмора. Самборъ 1891.

очень дѣльные, были напечататы въ польскихъ журналахъ [1]). Ими подтверждается, что Юрій Мнишекъ дѣятельно и успѣшно завѣдывалъ управленіемъ ввѣренныхъ ему королевскихъ угодій, поощряя торговлю и промышленность, заботясь объ обученіи дѣтей въ школахъ, которыя состояли на попеченіи духовенства. При томъ, какъ истинный вельможа, онъ велъ широкую жизнь и держалъ многочисленную прислугу. По случаю ревизіи 1596-го года, самборскіе мѣщане жаловались на его казаковъ и гайдуковъ, которыхъ было такъ много, что на нихъ требовалась большая затрата, да кромѣ того мѣста не хватало для ихъ помѣщенія. Не удивительно, что самъ воевода всегда нуждался въ деньгахъ и постоянно ихъ выпрашивалъ у короля.

По слѣдамъ г. Туркавскаго, я отправился на архивные поиски къ Бернардинамъ. Монастырь, въ которомъ они помѣщались въ XVII-мъ столѣтіи, перешелъ вмѣстѣ съ церковью въ вѣдѣніе правительства, и въ немъ находится теперь областный (obwodowy) судъ и тюрьма. Только малая часть церкви осталась при своемъ первоначальномъ назначеніи и служитъ узникамъ для отправленія ихъ духовныхъ требъ. Въ этой церкви, 17-го января 1603-го года, вѣнчалась сестра Марины, Урсула, съ княземъ Константиномъ Вишневецкимъ. Тамъ же, въ придѣлѣ св. Анны, похоронены Юрій Мнишекъ, скончавшійся 16-го мая 1613-го года, и сынъ его Сигизмундъ.

Въ настоящее время Бернардины завѣдуютъ церковью, которая нѣкогда принадлежала Іезуитамъ, поселившимся въ Самборѣ уже послѣ эпохи самозванцевъ. Въ монастырѣ собственно архива никакого нѣтъ. Сохранилась одна орденская рукописная хроника подъ заглавіемъ: Acta seu Monumenta ex duobus vetustissimis protocollis conventus istius samboriensis ad Beatissimam Virginem Mariam in coelum Assumptam, Ordinis Minorum Sancti Patris Nostri Francisci Regularis Observantiae—Ad tutiorem securioremque conservationem rerum memorabilium et posteritati pro necessaria perquirendarum notitia; neve sicut jam nonnullae perierunt chartae, caeterae etiam infeliciter dilabantur... Sub tempus tertiae visitationis canonicae, mediis diebus Augusti anno Christi 1730 absolutae, collecta et in unum volumen istud compillata [2]).

---

[1]) Przeglad Lwowski, сентябрь и октябрь 1883 г.

[2]) Акты или памятники, извлеченные изъ двухъ древнѣйшихъ записей здѣшняго самборскаго монастыря Успенія Блаженнѣйшей Дѣвы Маріи, ордена Меньшихъ Святаго Отца Нашего Франциска, Законной Обсерванціи. Въ виду вѣрнѣйшей и полнѣйшей сохранности замѣчательныхъ дѣйствій, и для увѣдомленія потомства при необходимыхъ розысканіяхъ; чтобы также

Рукопись, какъ видно изъ заглавія, есть собраніе разнородныхъ документовъ, да къ тому же довольно безалаберное и не полное. Недостаютъ два—три листа, гдѣ по всей вѣроятности говорилось о Маринѣ. Перечисляются имена Бернардиновъ, сопровождавшихъ Юрія Мнишка въ Москву. Между нимъ былъ братъ Петръ, хирургъ, *frater laicus*, то есть такой инокъ, который не былъ іереемъ. Здѣсь произошло забавное недоразумѣніе. Подъ неопытнымъ перомъ неизвѣстнаго писца *frater laïcus* обратился въ *frater lascus*, и помнится, что я гдѣ-то читалъ остроумныя догадки на счетъ брата *Lasky*.

Въ ряду благодѣтелей монастыря самое почетное мѣсто отводится сендомирскому воеводѣ Юрію Мнишкѣ. Прежде него, подобнаго ему не было, свидѣтельствуетъ рукопись, да и впредь вѣроятно не будетъ.

Въ инвентарномъ отдѣлѣ приводится, что въ 1605-мъ году, возвратившись „побѣдителемъ" изъ Москвы, Юрій Мнишекъ пожертвовалъ московское золотомъ вышитое знамя. А четыре года спустя, въ 1609-мъ году, Марина прислала изъ Россіи серебряныя паникадила прекрасной работы для помѣщенія на главномъ алтарѣ самборской церкви. Вдали, въ затрудненіяхъ и горести, мысль ея переносилась въ любимую отчизну и побуждала ее къ пожертвованіямъ.

Въ другой бернардинской рукописи неизвѣстнаго автора, извлеченіе изъ которой находится въ Краковѣ [1]), передаютъ извѣстіе, что Марина была утоплена въ Россіи, и что та же участь постигла о. Антонія, ея вѣрнаго спутника до конца жизни.

Вотъ всѣ скудныя извѣстія, которыя въ настоящее время мнѣ удалось добыть. Остается пожелать, чтобы предпріятіе г. Туркавскаго исполнилось, и появилась монографія семейства Мнишекъ. Для полной характеристики Марины такое пособіе необходимо.

Новѣйшій ея историкъ, г. Гиршбергъ, отнесся къ ней чрезвычайно сурово [2]). Столь рѣшительное осужденіе во всякомъ случаѣ

остающіеся документы не разсѣялись, какъ нѣкоторые передъ тѣмъ уже погибли. Во время третьей канонической ревизіи, завершившейся въ половинѣ августа 1730-го Христова года—собранные и въ этотъ единственный томъ помѣщенные.

[1]) Музей Чарторыскихъ, Zeka Naruszewicza, 108, f. 155—169.

[2]) Maryna Mniszchówna, we Lwowie, 1906. Съ критическимъ пріемомъ г. Гиршберга нельзя примириться. У меня сказано: „воспитаніе въ набожномъ Самборѣ наложило на Марину неизгладимую печать". („Русск. Стар.", 1903, стр. 257). Онъ самовольно прибавляетъ „ревностной католички" (стр, 339), и пускается въ доказательство, что ей недоставало ревности.

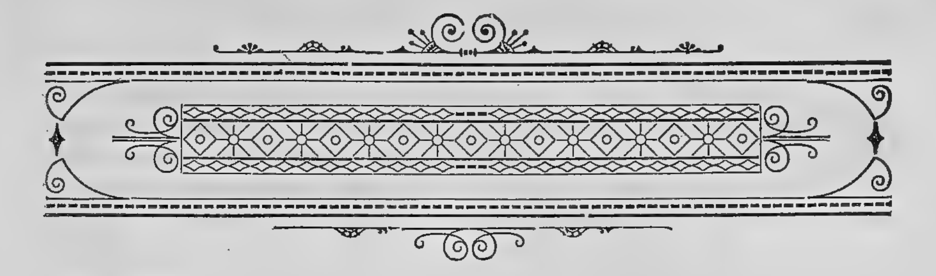
еще преждевременно. Слишкомъ мало историческаго матеріала пущено въ ходъ до сихъ поръ. Въ жизни воеводы сендомирскаго есть конечно непригдядныя стороны, но на воспитаніе его дѣтей онѣ, конечно, не повліяли. Здѣсь встрѣчаются глубокія убѣжденія. Сестра Марины вступила въ строгій кармелитанскій орденъ. Ея братъ, Францискъ Бернардъ, отличался, по словамъ Нѣсецкаго, необыкновеннымъ благочестіемъ. Сама Марина осталась непоколебима въ своихъ вѣрованіяхъ, дорожила церковной обстановкой, даже въ Москвѣ былъ сдѣланъ для нея „Костелъ у Стретенья на переходахъ подле Николы Явленскаго“ [1]), при всякомъ изъ своихъ трехъ браковъ она прибѣгала къ таинству и священному обряду.

Молодая царица была честолюбива. Это не подлежитъ сомнѣнію. Но ея честолюбіе не было мелочное и ничтожное чувство. Въ немъ преобладаетъ страсть величія. Что всего болѣе подкупаетъ въ пользу Марины, это странная смѣсь отваги и простоты: въ письмахъ къ отцу она дѣтски беззаботна, въ Москвѣ, Тушинѣ, Калугѣ, Астрахани является боевая, безстрашная, богатырь-женщина.

Пирлингъ.

[1]) С. А. Бѣлокуровъ, Разрядныя Записи за Смутное время, стр. 8.

Два года,—1864 и 1865, изъ исторіи крестьянскаго дѣла въ Минской губ.

II [1]).

Минская губернія въ 1864 году.

Когда, недѣлю назадъ, проѣздомъ въ Вильну, я ночевалъ въ Минскѣ, я вовсе не ознакомился даже съ внѣшнимъ видомъ города. Пріѣхалъ я ночью; везли меня по нѣсколькимъ тускло освѣщеннымъ улицамъ; на другой день я проѣхалъ еще по нѣсколькимъ окраиннымъ улицамъ; Минскъ не интересовалъ меня тогда. Теперь, я пріѣхалъ въ Минскъ, какъ полугражданинъ его; я понималъ, что мнѣ придется часто бывать здѣсь, и я уже внимательно вглядывался въ него. Городъ былъ не нарядный, раскинутый, полудеревенскій. Дома преимущественно деревянные, окруженные садами, огородами; только на двухъ, трехъ улицахъ, въ серединѣ города, были каменные дома, и то двухъэтажные; трехъэтажныхъ было два, три во всемъ городѣ. Видно было, что городъ не богатый и не торговый, хотя евреевъ на улицахъ было, какъ мухъ на тарелкѣ съ медомъ.

Я едва нашелъ себѣ мѣсто въ гостиницѣ; мнѣ сказали, что сейчасъ въ Минскѣ съѣздъ повѣрочныхъ комиссій и мировыхъ посредниковъ. Первымъ дѣломъ моимъ было, разумѣется, явиться губернатору, что я сейчасъ и исполнилъ. Минскимъ губернаторомъ былъ тогда Кожевниковъ, человѣкъ пожилой, очень образованный и, судя по первому впечатлѣнію, очень добрый, безхитростный. Онъ принялъ меня въ своемъ кабинетѣ очень радушно; объяснилъ мнѣ, что радуется моему пріѣзду, такъ какъ въ губерніи нѣсколько участковъ

[1]) См. „Русскую Старину“ 1910 г. январь.

безъ мировыхъ посредниковъ, и тѣмъ болѣе пріятно ему получить не новичка въ крестьянскомъ дѣлѣ, а опытнаго, русскаго мирового посредника. Онъ сказалъ мнѣ, что теперь собралъ въ Минскѣ почти весь личный составъ крестьянскихъ учрежденій Минской губерніи, чтобы обсудить съ ними результаты работъ повѣрочныхъ комиссій въ прошедшемъ году, вникнуть во всѣ встрѣченныя затрудненія, и по возможности разрѣшить ихъ. Онъ разъяснилъ мнѣ, что мировой посредникъ участвуетъ въ дѣйствіяхъ повѣрочныхъ комиссій при повѣркѣ выкупныхъ актовъ по всѣмъ поселеніямъ своего участка; поэтому онъ приглашаетъ меня участвовать въ засѣданіяхъ собранныхъ комиссій, чтобы ознакомиться съ этимъ новымъ для меня дѣломъ. Торопиться въ Бобруйскъ мнѣ нечего; мировой посредникъ, отъ котораго я долженъ принять участокъ, продолжаетъ завѣдывать имъ; это опытный, толковый человѣкъ, и вовсе не революціонеръ; никакихъ безпорядковъ и упущеній въ участкѣ произойти не можетъ. Дѣятельность же моя здѣсь, въ засѣданіяхъ, будетъ гораздо полезнѣе для меня и для дѣла, такъ какъ, прослушавъ доклады и бесѣды членовъ повѣрочныхъ комисій, работавшихъ все прошлое лѣто, я весною приступлю къ дѣлу сознательно. Указанія эти казались мнѣ совершенно правильными, и я охотно согласился оставаться въ Минскѣ на время общихъ засѣданій комиссій.

Кожевниковъ объяснилъ мнѣ, что мнѣ надо сейчасъ же представиться военному губернатору Минской губерніи. Съ остальными властями я познакомлюсь по мѣрѣ надобности, постепенно, „а съ товарищами вашими я познакомлю васъ завтра. У меня въ квартирѣ, въ 12 часовъ дня, будетъ общее засѣданіе; приходите сюда къ этому времени“. Въ заключеніе онъ пригласилъ меня обѣдать въ тотъ же день.

Разговоръ этотъ произвелъ на меня отрадное впечатлѣніе. Послѣ холодныхъ, оффиціальныхъ пріемовъ виленскихъ, я встрѣтилъ тутъ простую, умную рѣчь, которая обѣщала мнѣ въ будущемъ такой же образъ дѣйствій и такія же открытыя, честныя отношенія, въ какихъ я провелъ всю жизнь мою.

Представленіе военному губернатору было оффиціальное. Сначала какой-то адъютантъ сдѣлалъ мнѣ допросъ: какъ, когда, куда и почему я назначенъ, гдѣ служилъ и т. д. Все это онъ записалъ и пошелъ въ канцелярію. Явился военный писарь, съ какой-то книгой, еще дополнилъ все сказанное мною адъютанту и заставилъ росписаться въ книгѣ; пересмотрѣлъ и мои документы. Воротился адъютантъ, провелъ меня въ небольшую темную залу и пошелъ доложить его превосходительству! Вошелъ молчаливый, сѣдой генералъ, съ кислымъ выраженіемъ лица; прослушалъ мою оффиціальную фразу

представленій, спросилъ меня: долго ли я намѣренъ пробыть въ Минскѣ; выслушалъ мой отвѣтъ, молча, кивкомъ головы, распрощался со мною и пошелъ обратно въ свой кабинетъ. Фамиліи этого генерала я не помню и никогда болѣе никакихъ сношеній съ нимъ не имѣлъ.

Въ 4 часа я возвратился въ губернаторскій домъ, къ обѣду. Въ 1864 году губернаторъ жилъ въ томъ самомъ домѣ, который минскій губернаторъ занималъ теперь. Это прекрасное двухъэтажное зданіе, рядомъ съ католическимъ соборнымъ костеломъ. Костелъ этотъ и домъ принадлежали іезуитамъ, а по изгнаніи ихъ, домъ былъ отобранъ въ казну. Комнатъ въ немъ много, комнаты большія, свѣтлыя; однимъ словомъ—помѣщеніе роскошное. Семейство у Кожевникова было большое, и мы сѣли за столъ, кажется, человѣкъ двѣнадцать; при чемъ я былъ единственный посторонній. Жена губернатора была женщина образованная, привыкшая къ пріемамъ и радушная хозяйка. Разговоръ за столомъ шелъ преимущественно о только что пережитыхъ ими въ Минскѣ тревогахъ повстанія: говорили безъ злобы. При прощаніи, губернаторша просила меня навѣщать ее, сказавъ, что всегда рада видѣть у себя образованныхъ людей.

На другой день, въ 12 часовъ, я снова пришелъ въ губернаторскій домъ, гдѣ уже собралось множество людей въ сюртукахъ, тужуркахъ, молодыхъ, старыхъ, статскихъ и военныхъ. Шумно говорили, расхаживали по огромной залѣ, среди которой былъ поставленъ длинный столъ, накрытый зеленымъ сукномъ, и множество стульевъ вокругъ него. Ко мнѣ подошелъ маленькій, черненькій, очень бойкій господинъ; отрекомендовался, что онъ секретарь губернскаго по крестьянскимъ дѣламъ присутствія Арнольди, и сказалъ, что губернаторъ предупредилъ его о моемъ появленіи, и поручилъ ему познакомить меня съ членами губернскаго присутствія. Онъ предложилъ мнѣ исполнить это и подвелъ меня къ нѣсколькимъ серьезнымъ чиновникамъ. Это были лица, назначенныя Муравьевымъ на мѣста уволенныхъ имъ членовъ присутствія изъ мѣстныхъ уроженцевъ-поляковъ. Представленіе было оффиціальное, ограничилось пожиманіемъ рукъ и нѣсколькими общими фразами. Не перечисляю этихъ лицъ по именамъ, такъ какъ они по своей незначительности не играли никакой роли въ дѣятельности крестьянскихъ учрежденій въ Минской губерніи, и вскорѣ исчезли, получивъ какія-то другія назначенія. Значительную роль въ губернскомъ по крестьянскимъ дѣламъ присутствіи игралъ губернскій предводитель дворянства Прушинскій, богатый старикъ, помѣщикъ, заядлый полякъ, высокаго роста, очень умный и хитрый. Онъ былъ предводи-

телемъ по назначенію Муравьева, послѣ удаленія предмѣстника его, выбраннаго дворянствомъ, знаменитаго Лаппы. Какъ чиновникъ, назначенный Муравьевымъ, онъ не могъ, не смѣлъ выступать явно со всѣми своими польскими убѣжденіями и стремленіями; но въ душѣ былъ точно такимъ же повстанцемъ, какъ Лаппа, сидѣвшій уже гдѣ-то въ крѣпости. Онъ мало говорилъ, внимательно слушалъ все, по временамъ злобно оглядывалъ окружавшихъ его москалей, но всегда былъ вѣжливъ, сдержанъ. Впослѣдствіи, когда я сблизился съ нѣкоторыми помѣщиками поляками, я спрашивалъ ихъ: что за охота была Прушинскому, богатому, независимому человѣку, ставить себя въ такое неблаговидное, тяжелое, двусмысленное положеніе? Они объяснили мнѣ, что Прушинскій дѣлалъ это изъ любви къ отечеству, ойчизнѣ; на постѣ губернскаго предводителя дворянства онъ могъ охранять многихъ, сдерживать въ губернскомъ по крестьянскимъ дѣламъ присутствіи антипольское направленіе, могъ предупредить кого надо о грозившей опасности и заступиться за него.

Губернаторъ открылъ засѣданіе. Члены губернскаго присутствія и выборный комитетъ отъ повѣрочныхъ комиссій сѣли за столъ; а мы, толпа, разсѣлись на стульяхъ вокругъ. Членъ губернскаго присутствія сталъ разбирать работы Борисовской повѣрочной комиссіи и указалъ на найденныя имъ неточности и на статьи несогласныя съ инструкціей, данной повѣрочнымъ комиссіямъ. Докладчикъ былъ очень слабъ, говорилъ неувѣреннымъ голосомъ, плохо зналъ мѣстныя условія; разбиралъ дѣло по-канцелярски, бумажно. Всталъ и сталъ возражать ему предсѣдатель Борисовской повѣрочной комиссіи Божовскій, брюнетъ, высокаго роста, съ замѣчательно красивой наружностью. Онъ говорилъ громкимъ, звучнымъ голосомъ, очень вѣжливо, но самоувѣренно, толково. Въ нѣсколько минутъ стало ясно, что докладчикъ, членъ губернскаго присутствія, дѣла не знаетъ, судитъ на основаніи инструкцій и писанныхъ наставленій, не обращая вниманія на мѣстныя условія и потребности крестьянъ; докладъ былъ чисто канцелярскій. Завязался споръ. Всѣ члены повѣрочныхъ комиссій поддерживали Божовскаго, осуждали сухую бюрократическую теорію, на основаніи которой членъ губернскаго присутствія осуждалъ дѣйствія Борисовской повѣрочной комиссіи. „Вы держитесь теоріи: pereat mundus, fiat justicia“, говорили они докладчику и доказывали, что инструкціи составлены очень неудачно людьми, незнакомыми съ бытомъ и условіями Минской губерніи; что придерживаться буквально указаній инструкцій нельзя; надо многое измѣнить въ ней.

Участвуя три года въ нашихъ скромныхъ, но толковыхъ, дѣловыхъ засѣданіяхъ Вяземскаго съѣзда мировыхъ посредниковъ, я не

разъ присутствовалъ въ Смоленскомъ губернскомъ по крестьянскимъ дѣламъ присутствіи, знакомъ былъ съ правильнымъ ходомъ докладовъ и преній въ засѣданіяхъ. Я тотчасъ понялъ безпорядочность, скажу даже безтолковость засѣданія, на которомъ присутствовалъ теперь. Многіе члены повѣрочныхъ комиссій говорили очень дѣльно, толково; доводы ихъ показывали, что они вникли въ свое дѣло, любятъ его. Особенно выдѣлялись Божовскій, предсѣдатель Борисовской повѣрочной комиссіи, Раковичъ (старшій), предсѣдатель Минской повѣрочной комиссіи; они говорили спокойно, выслушивали возраженія и не перебивали другихъ. За то очень многіе члены горячились, прерывали докладъ, говорили неумѣренно и часто безсодержательно. Кожевниковъ не въ силахъ былъ упорядочить засѣданіе, вести его. Когда я бесѣдовалъ съ нимъ въ кабинетѣ, онъ говорилъ такъ разумно, дѣловито, что я невольно почувствовалъ къ нему симпатію; но въ этомъ засѣданіи я сильно разочаровался. Это былъ прекрасный человѣкъ, умный, дѣловой, но безъ авторитета, безъ силы воли, необходимыхъ въ его положеніи. Онъ не умѣлъ, не могъ сдержать дерзкихъ, смѣлыхъ, слишкомъ увлекающихся; не могъ дать высказаться другимъ, болѣе слабымъ, но въ сущности болѣе правымъ. Всѣ говорили, подъ конецъ даже шумѣли, но изъ разговоровъ этихъ нельзя было сдѣлать никакого окончательнаго вывода. Проспоривъ и проговоривъ часа два, всѣ разошлись, не выработавъ ничего. Я конечно все время молчалъ; то, что они говорили, о чемъ спорили, было мнѣ ново, незнакомо; ничего подобнаго не было у насъ въ Смоленской губерніи. Наши помѣщики не обирали такъ безсердечно своихъ крестьянъ, не поддѣлывали документовъ; у насъ не было такихъ стоверстныхъ болотъ и песковъ съ перелогомъ пашни на десять лѣтъ.

Въ Сѣверо- и Юго-Западномъ краѣ, точно такъ же какъ во всей Россіи, въ 1861 году были составлены уставныя грамоты; въ грамотахъ этихъ точно такъ же опредѣлялся размѣръ земельнаго надѣла и размѣръ повинности денежной (оброка) или издѣльной (барщины), опредѣляемой за этотъ надѣлъ. Но уставныя грамоты здѣсь были составлены не такъ честно, правильно, какъ въ русскихъ губерніяхъ. Еще до 19 февраля 1861 года, польскіе помѣщики старались всячески обезземелить крестьянъ, отбирали у нихъ землю. Правительство издавало по всѣмъ западнымъ губерніямъ распоряженіе о возвращеніи крестьянамъ отобранныхъ у нихъ земель и угодій. Но требованія эти плохо исполнялись. При составленіи уставныхъ грамотъ, мировымъ посредникамъ предписано было внимательно провѣрить, разыскать всѣ случаи такого отобранія земель у крестьянъ и возвратить имъ все отобранное.

Распоряженіе это не было исполнено, такъ какъ лишенія земли были не единичные случаи, не жадность и безсердечіе какого-нибудь исключительно жестокаго помѣщика, а заурядное, систематически обдуманное дѣло польскаго католическаго дворянства, стремившагося ослабить, унизить православныхъ крестьянъ, и въ ихъ лицѣ русскій элементъ края. Мировые посредники были выбраны изъ поляковъ католиковъ; вся администрація края была подобрана также изъ поляковъ, или лицъ, подпавшихъ подъ ихъ вліяніе; а потому уставныя грамоты были составлены пристрастно, въ пользу помѣщиковъ; всѣ требованія крестьянъ о возвратѣ земли отвергнуты, и всѣ отобранныя земли, напротивъ, окончательно утверждены за помѣщиками. Когда Муравьевъ вступилъ въ управленіе Сѣверо-Западными губерніями, онъ тотчасъ вникъ въ жалобы крестьянъ. Онъ нѣкогда самъ былъ губернаторомъ въ Гродненской губерніи, зналъ въ чемъ дѣло, и исходатайствовалъ Высочайшее распоряженіе о пересмотрѣ уставныхъ грамотъ, составленныхъ польскими мировыми посредниками. Для провѣрки этихъ уставныхъ грамотъ и составленія выкупныхъ актовъ (по обязательному, по распоряженію правительства, выкупу), были назначены повѣрочныя комиссіи, по одной комиссіи на каждый уѣздъ. Эти комиссіи проработали лѣто 1863 г. и съѣхались теперь доложить результаты своихъ работъ.

Повѣрочныя комиссіи были составлены исключительно изъ русскихъ людей; въ губернское по крестьянскимъ дѣламъ присутствіе были назначены теперь русскіе люди, мировые посредники-поляки замѣнены русскими. Къ несчастью, большинство этихъ русскихъ людей было незнакомо съ крестьянскимъ дѣломъ, новички въ Западномъ краѣ; а имъ приходилось бороться съ опытными, знающими дѣло и мѣстныя условія помѣщиками-поляками, которые съ остервененіемъ, со злобою, защищали совершенные ими захваты земель. Инструкціи повѣрочнымъ комиссіямъ были составлены добросовѣстно, честно; но составляли ихъ люди, знавшіе дѣло болѣе теоретически, изъ переписки о захватахъ земель и жалобъ крестьянскихъ, но не подозрѣвавшіе, какія вопіющія злоупотребленія совершались на мѣстахъ, какъ велико было зло. Повѣрочныя комиссіи, изслѣдуя дѣло на мѣстѣ, убѣждались, какъ безобразно, безстыдно обездолены были крестьяне. Помѣщики, защищая то, что считали уже своею собственностью, подстрекаемые и поддерживаемые польскимъ жондомъ и всею революціонною организаціей, употребляли всѣ доступныя имъ средства отбить эти нападенія.

Они писали отчаянныя жалобы, клеветали, забрасывали протестами губернское присутствіе, генералъ-губернатора, министра внутреннихъ дѣлъ. Подъ вліяніемъ этихъ жалобъ, губернское кресть-

янское присутствіе разсматривало дѣйствія повѣрочныхъ комиссій. Члены присутствія новаго состава, люди честные, но, къ сожалѣнію, не прозорливые, держались буквы закона—инструкціи и не хотѣли признать, что эта инструкція не совершенна. Отъ этого происходили всѣ споры въ только что окончившемся засѣданіи.

Во время засѣданія, я познакомился съ многими изъ присутствовавшихъ членовъ повѣрочныхъ комиссій и мировыхъ посредниковъ. Среди ихъ не нашлось ни одного стараго моего знакомаго. Слушая споры и доклады, я невольно почувствовалъ симпатію и уваженіе къ нѣкоторымъ изъ присутствовавшихъ. Въ перерывъ засѣданія, я подошелъ къ Божовскому, представился ему и поговорилъ съ нимъ. Онъ познакомилъ меня еще съ нѣсколькими лицами, наши взгляды и мысли сходились, и мы сразу сблизились. Пошли обѣдать въ какой-то ресторанъ, проговорили тамъ до вечера; потомъ пошли къ Божовскому, тамъ проговорили до поздней ночи. Оказалось, что я правильно оцѣнилъ Божовскаго. Это былъ умный, талантливый человѣкъ, патріотъ; онъ увлекался невѣроятно крестьянскимъ дѣломъ; своимъ энтузіазмомъ, энергіей онъ увлекалъ другихъ; вокругъ него собрался кружокъ единомышленныхъ съ нимъ, честныхъ, трудолюбивыхъ русскихъ людей. Малороссъ, сынъ сельскаго священника, Божовскій до 1863 года былъ секретаремъ Екатеринославскаго губернскаго по крестьянскимъ дѣламъ присутствія. По особенно блестящей рекомендаціи екатеринославскаго губернатора, Муравьевъ сдѣлалъ Божовскаго председателемъ Борисовской повѣрочной комиссіи. Какъ сынъ сельскаго священника, онъ хорошо зналъ бытъ народа; какъ секретарь губернскаго по крестьянскимъ дѣламъ присутствія, онъ изучилъ хорошо всѣ законы, относящіеся къ крестьянскому дѣлу. Словомъ, онъ былъ вполнѣ на мѣстѣ, какъ председатель повѣрочной комиссіи, сразу сталъ на правильную точку при провѣркѣ составленныхъ польскими мировыми посредниками уставныхъ грамотъ; разоблачилъ проницательно всѣ злоупотребленія помѣщиковъ и навелъ на нихъ панику. Талантливость, краснорѣчіе, твердая воля, быстрая смѣтка, дѣлали его непобѣдимымъ въ спорахъ. Товарищи уважали его, любили, слушались его совѣтовъ, его дѣловыхъ указаній.

Среди членовъ повѣрочныхъ комиссій было много людей безотвѣтныхъ, трусливыхъ, не знающихъ дѣла; они смотрѣли на Божовскаго съ ужасомъ, какъ на человѣка опаснаго, увлекающаго ихъ на борьбу съ поляками-помѣщиками; они чувствовали, что такая борьба не подъ силу имъ; нѣтъ у нихъ ни энергіи, ни знаній. Отъ этого среди членовъ комиссій образовались двѣ партіи: партія русская и партія полякующихъ. Назвали ихъ полякующими неправильно; го-

спода эти очень мало заботились о благѣ поляковъ и о польской справѣ; они берегли просто свою шкуру, свои мѣста въ повѣрочныхъ комиссіяхъ, которыя боялись потерять вслѣдствіе жалобъ помѣщиковъ. Это заставляло ихъ закрывать глаза, не раскапывать злоупотребленій помѣщиковъ. Они дѣлали это и не изъ корыстолюбивыхъ цѣлей; они не были взяточниками: грѣхъ было бы взводить эту клевету; они были просто слабые, неспособные, трусливые и лѣнивые люди. Къ счастью, такихъ людей было немного.

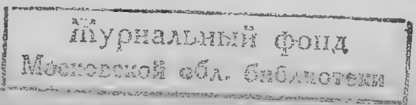
Засѣданія происходили ежедневно; одинъ день было засѣданіе повѣрочныхъ комиссій; другой день—засѣданіе губернскаго по крестьянскимъ дѣламъ присутствія, которыя посѣщались очень мало и неохотно. Я постоянно являлся въ тѣ и другія засѣданія, желая ознакомиться съ разнообразными условіями жизни Минской губерніи, разобраться въ хаосѣ разныхъ убѣжденій, высказываемыхъ тамъ. Въ засѣданія губернскаго по крестьянскимъ дѣламъ присутствія появлялся иногда управляющій палатой государственныхъ имуществъ Готовцевъ. Умный, образованный человѣкъ, онъ держался особнякомъ; явно высказывалъ свое несочувствіе дѣятельности повѣрочныхъ комиссій. Онъ стоялъ за умѣренныя мѣры, за точное исполненіе указаній инструкцій повѣрочнымъ комиссіямъ, за исполненіе законовъ во что бы то ни стало; громко осуждалъ крутыя мѣры Муравьева. Среди крестьянскихъ дѣятелей онъ за это пользовался конечно общимъ нерасположеніемъ, и заявленія его были гласомъ вопіющаго въ пустынѣ. Это былъ серьезный, дѣловой человѣкъ, ученый юристъ; его доводы были справедливы, и не разъ его протестъ останавливалъ состоявшееся рѣшеніе и заставлялъ губернское присутствіе переиначить постановленіе, на которое члены уже дали было свое согласіе. Онъ не долго оставался въ Минскѣ и уѣхалъ по вызову Николая Алексѣевича Милютина въ Варшаву, гдѣ получилъ блестящее назначеніе. Онъ былъ назначенъ предсѣдателемъ Юридической комиссіи, на которую возложено было: выработать порядокъ введенія въ Царствѣ Польскомъ общихъ судебныхъ и мировыхъ учрежденій.

Я сказалъ, что въ составѣ членовъ повѣрочныхъ комиссій и мировыхъ посредниковъ у меня не было старыхъ знакомыхъ. Это происходило оттого, что въ числѣ ихъ не было людей петербургскихъ, а собрались люди разныхъ губерній, съ Поволжья, изъ Малороссіи и даже съ дальнаго сѣвера, какъ Архангельская губернія. Въ числѣ ихъ было два, три человѣка съ университетскимъ образованіемъ; остальные были средняго образованія, служившіе по разнымъ отраслямъ. Я сблизился съ однимъ только Божовскимъ, поддерживая съ прочими товарищескія, но не близкія отношенія. Къ счастью, я нашелъ

въ Минскѣ тѣсный кружокъ своихъ петербургскихъ знакомыхъ въ составѣ Минскаго губернскаго акцизнаго управленія. Гротъ не задолго передъ тѣмъ ввелъ въ Минской губерніи акцизную систему, въ замѣнъ бывшаго виннаго откупа. Гротъ набиралъ въ составъ акцизныхъ управленій очень много людей образованныхъ; а огромное (по тогдашнему времени) содержаніе, получаемое чинами этого вѣдомства, побуждало идти туда людей лучшаго общества. Таковъ былъ составъ Минскаго губернскаго акцизнаго управленія: управляющій Гринвальдъ, человѣкъ высшаго общества, отставной гвардейскій полковникъ; помощникъ его, полковникъ Ивашкевичъ, былъ до того помощникомъ инспектора классовъ I кадетскаго корпуса; старшій ревизоръ баронъ Штакельбергъ, офицеръ гвардейской конной артиллеріи, мой сослуживецъ и пріятель; младшій ревизоръ Мореншильдъ, офицеръ гвардейскаго драгунскаго полка. Я былъ пораженъ, встрѣтивъ, въ первый день моего пріѣзда въ Минскъ на улицѣ барона Штакельберга, въ статскомъ платьѣ. Мы обнялись, обрадовались; съ Гринвальдомъ я былъ знакомъ по Петербургу; съ Ивашкевичемъ у семьи моей были старыя, дружескія отношенія. Эти люди, жившіе въ Минскѣ со своими семьями, приняли меня въ свой кружекъ; я проводилъ у нихъ все свободное время, забывая, что я на чужбинѣ. Съ ними у меня все было общее: прошлая жизнь, воспитаніе, вкусы и привычки. У всѣхъ у нихъ были семьи, а потому жизнь была семейная, которую я такъ любилъ.

Внѣшнихъ развлеченій въ Минскѣ не было никакихъ. Существовалъ, правда, какой-то театръ; онъ помѣщался въ частномъ домѣ; зала, сцена были небольшія; убранство бѣдное, грязноватое; освѣщеніе скудное. Я разъ пошелъ посмотрѣть представленіе. Труппа была сборная, изъ актеровъ распуганныхъ повстаньемъ польскихъ труппъ, которые играли теперь по-русски, русскія пьесы, съ отчаяннымъ польскимъ акцентомъ, примѣшивая безсознательно польскія слова. Но главная бѣда была въ томъ, что актеры были ниже посредственности. Двѣ актрисы, молоденькія, довольно красивыя, увлекали невзыскательную публику; ея было немного. Я больше не пошелъ въ этотъ театръ.

Было впрочемъ еще одно крупное развлеченіе: на масляницѣ, губернаторъ Кожевниковъ сдѣлалъ у себя балъ. Прекрасное, просторное помѣщеніе губернаторскаго дома представляло къ тому всѣ удобства. Приглашено было все минское русское общество; въ томъ числѣ всѣ члены повѣрочныхъ комиссій и мировые посредники. Собралось очень большое общество; было много дамъ, были нарядные туалеты, были и красивыя дамы. Особенно отличались красотою и роскошными нарядами двѣ супруги командировъ полковъ, стоявшихъ

гарнизономъ въ Минскѣ, г-жи Корево и Полторацкая. Я не принималъ участія въ танцахъ, такъ какъ общество было мнѣ незнакомое. Въ боковыхъ комнатахъ играли въ карты; былъ ужинъ; балъ во всей формѣ, и все очень хорошо, нарядно, но семейно, неоффиціально.

Я прожилъ такимъ образомъ въ Минскѣ три недѣли и въ началѣ поста попросилъ у губернатора Кожевникова разрѣшенія ѣхать въ Бобруйскъ, къ моему мѣсту службы. Онъ согласился; на прощаніе попросилъ меня зайти къ нему вечеромъ, чтобы переговорить о необходимомъ. Тутъ, у себя въ кабинетѣ, Кожевниковъ былъ опять умный, толковый губернаторъ. Онъ очень вѣрно понималъ ошибки и хорошія стороны засѣданій общаго собранія повѣрочныхъ комиссій; вѣрно судилъ о губернскомъ по крестьянскимъ дѣламъ присутствіи. Къ сожалѣнію, вѣрно понимая все это, онъ не въ состояніи былъ дать дѣлу то направленіе, которое ясно указывалъ на словахъ.

Онъ далъ мнѣ очень вѣрную характеристику того, что я найду въ Бобруйскомъ уѣздѣ; указалъ мнѣ образъ дѣйствій, обѣщалъ мнѣ полную поддержку и просилъ обращаться къ нему, кромѣ оффиціальныхъ бумагъ, частными письмами.

Изъ Бобруйскаго уѣзда въ засѣданіяхъ повѣрочныхъ комиссій участвовалъ только предсѣдатель Бобруйской повѣрочной комиссіи Янковскій; помощникъ его, Раковичъ (младшій) былъ въ отпуску; а изъ мировыхъ посредниковъ никто не пріѣхалъ. Янковскій былъ полякъ-католикъ; онъ служилъ передъ тѣмъ въ Вильнѣ, кажется, въ канцеляріи генералъ-губернатора, и предмѣстникъ Муравьева, генералъ-губернаторъ Назимовъ, призналъ Янковскаго настолько благонамѣреннымъ, благонадежнымъ, что назначилъ его предсѣдателемъ повѣрочной комиссіи. Странное назначеніе! Янковскій былъ добрый человѣкъ, средняго ума, средняго образованія, не зналъ крестьянскаго дѣла; однимъ словомъ, у него не было никакихъ данныхъ для занятія этой должности. Положеніе его было затруднительное. Какъ полякъ, католикъ, онъ не могъ сочувствовать дѣлу, которое исполнялъ; разыгрывать роль Прушинскаго (минскаго губернскаго предводителя дворянства), то-есть втихомолку парализовать дѣйствіе своей комиссіи и русскихъ властей, онъ не могъ, ни по разуму своему, ни по трусости своей; онъ дорожилъ хорошимъ содержаніемъ, которое давала ему должность его. Помощникъ его Раковичъ, русскій образованный человѣкъ, безусловно честный, не допустилъ бы также никакихъ лукавыхъ дѣйствій повѣрочной комиссіи. На общихъ засѣданіяхъ повѣрочныхъ комиссіи Янковскій молчалъ и игралъ вообще въ средѣ членовъ комиссіи довольно безцвѣтную роль. Я познакомился съ нимъ тотчасъ по пріѣздѣ въ Минскъ, хо-

тѣлъ получить отъ него свѣдѣній о Бобруйскомъ уѣздѣ, но не услышалъ отъ него ничего, кромѣ общихъ фразъ и уклончивыхъ отвѣтовъ. Когда я уѣзжалъ въ Бобруйскъ, онъ остался тамъ еще на нѣкоторое время, но любезно предложилъ мнѣ остановиться на его квартирѣ, такъ какъ въ Бобруйскѣ нѣтъ гостиницъ, а разысканіе квартиры потребуетъ нѣсколько дней. Я съ благодарностью принялъ его предложеніе.

Бобруйскъ—уѣздный городъ, на Московско-Варшавскомъ шоссе, на берегу прекрасной рѣки Березины. Въ 1864 году, въ немъ числилось около 20.000 жителей; но, несмотря на это, онъ былъ городъ бѣдный, безъ промышленности, безъ торговли. Бобруйскъ состоитъ изъ двухъ отдѣльныхъ частей: изъ крѣпости Бобруйска и изъ города Бобруйска. Крѣпость была построена Императоромъ Николаемъ I, который признавалъ за ней большое стратегическое значеніе, лично наблюдалъ за ея постройкой и безпрерывно пріѣзжалъ туда, осматривать работы. Въ 1864 году она еще считалась необходимой и поддерживалась въ полномъ порядкѣ; теперь она упразднена и обращена въ военный складъ.

Крѣпость расположена на самомъ берегу Березины, а городъ въ одной верстѣ отъ крѣпости, на песчаной равнинѣ, вдали отъ рѣки. По крѣпостнымъ правиламъ, въ городѣ не позволялось строить каменныхъ зданій; всѣ постройки были деревянныя, дома одноэтажные. Въ крѣпости расположены были войска, все комендантское и крѣпостное управленіе, склады, но не дозволялось жить частнымъ лицамъ; тамъ не было никакихъ лавокъ, никакихъ торговыхъ заведеній. Тамъ помѣщалась еще большая арестантская команда, кажется, цѣлый батальонъ, назначенный для исполненія разныхъ работъ по крѣпости.

Городъ Бобруйскъ питалъ, одѣвалъ, снабжалъ всѣмъ необходимымъ крѣпость. Тамъ набралось 20.000 жителей, потому что при постройкѣ крѣпости они кормились отъ разныхъ подрядовъ и поставокъ; теперь постройка давно окончилась, и жители сидѣли безъ заработка, или зарабатывали себѣ хлѣбъ мелкой торговлей, дѣлались портными, сапожниками, разными мастеровыми. Торговля ограничивалась продажей съѣстныхъ продуктовъ для жителей крѣпости и города; никакой промышленности, фабрикъ не было. Изъ 20.000 жителей христіанъ было въ Бобруйскѣ не болѣе 1.000 человѣкъ, чиновниковъ, рабочихъ; остальные 19.000 всѣ были евреи. Не было ни одного хорошаго магазина; вся торговля сосредоточивалась на базарѣ, гдѣ стояли досчатые деревянные балаганы. Мало мальски хорошіе товары приходилось выписывать. Сообщеніе съ образованнымъ міромъ было очень скудное. До повстанія, черезъ Бобруйскъ

два раза въ недѣлю проходила почта изъ Москвы и въ Варшаву, и привозила въ Бобруйскъ корреспонденцію. Во время повстанія, ходъ почты отъ Бобруйска до Варшавы временами прекращался, а потому почтовыя кареты, возившія почту и пассажировъ, доходили только изъ Москвы до Бобруйка; далѣе почта доставлялась уже на телѣгахъ. Петербургская почта доставлялась въ Бобруйскъ черезъ Минскъ, тоже два раза въ недѣлю; письма шли дней семь и болѣе. Вотъ въ какую глушь забросила меня судьба!

Я разыскалъ себѣ довольно быстро квартиру въ домѣ Колесникова, русскаго купца. Колесниковъ былъ родомъ изъ Вязьмы; я зналъ тамъ его родного брата, тоже богатаго купца. Мальчикомъ онъ выѣхалъ изъ Вязьмы и никогда болѣе не возвращался туда. Онъ служилъ вначалѣ приказчикомъ у какого-то лѣсопромышленника, тутъ же въ Минской губерніи; потомъ самъ завелъ торговлю лѣсомъ; сплавлялъ лѣсъ по Днѣпру на югъ Россіи; подъ старость прекратилъ торговлю и поселился навсегда въ Бобруйскѣ. Въ Бобруйскѣ было нѣкогда большое польское учебное заведеніе, коллегія, кажется, устроенная іезуитами. За вредное направленіе она была закрыта, обширныя зданія ея распроданы. Колесниковъ купилъ все это имущество. Дома эти были среди города, на бойкой улицѣ, подлѣ православнаго собора, и занимали цѣлый кварталъ. Главный домъ, чисто барскій, съ садомъ, онъ занималъ самъ; остальные сдавалъ въ наймы. Онъ былъ, кажется, единственный русскій домовладѣлецъ въ Бобруйскѣ. Я занялъ квартиру въ нѣсколько комнатъ, просторныхъ, высокихъ, свѣтлыхъ, со всѣми хозяйственными потребностями, и былъ очень доволенъ, что живу не въ еврейскомъ домѣ, не въ еврейскомъ обществѣ, потому что Колесниковъ роздалъ всѣ свои дома въ наймы только христіанамъ.

Являться въ Бобруйскѣ мнѣ было не кому, потому что у меня тамъ не было начальства. Я познакомился съ уѣзднымъ предводителемъ дворянства, съ исправникомъ и съ военнымъ начальникомъ Бобруйскаго уѣзда. Предводитель дворянства Ратынскій, полякъ заядный, былъ очень вѣжливъ, любезенъ до приторности; но мы оба поняли, что далѣе этого мы никогда не пойдемъ; исправникъ, мѣстный бѣлоруссъ, фамилію его не помню, женатый на полькѣ, также не могъ быть мнѣ близокъ, какъ человѣкъ безъ всякаго образованія. Военный начальникъ, полковникъ Полѣновъ, командиръ полка, расположеннаго въ крѣпости, былъ типичный армейскій офицеръ, добродушный холостякъ. Для усмиренія повстанія и истребленія шаекъ матежниковъ, Муравьевъ назначилъ въ каждый уѣздъ военнаго начальника, далъ ему большую власть. На помощь военному начальнику, въ каждомъ станѣ былъ ему назначенъ помощ-

никъ изъ офицеровъ того же полка. Ихъ спеціальная обязанность была слѣдить за шайками повстанцевъ, принимать всѣ необходимыя мѣры для истребленія шаекъ и для охраны жителей. Полковникъ Полѣновъ сказалъ мнѣ, что въ Бобруйскомъ уѣздѣ всѣ шайки истреблены окончательно. Крестьяне Бобруйскаго уѣзда всѣ православные, ненавидятъ своихъ помѣщиковъ-поляковъ и много способствовали ему переловить повстанцевъ. Среди православныхъ крестьянъ раскиданы поселки польской шляхты, которая вся сплошь мятежная; но теперь шляхта смирна, потому что главные коноводы усланы въ Сибирь, на всѣхъ наложены большія денежныя контрибуціи. Кромѣ того, опытъ показалъ имъ, что при малѣйшей мятежной попыткѣ, ему, Полѣнову, нечего приводить войска для усмиренія ихъ, а стоитъ созвать крестьянъ, которые ненавидятъ ихъ, и тѣ быстро перевяжутъ мятежниковъ. Вообще, по его словамъ, все усмиреніе мятежа въ Бобруйскомъ уѣздѣ основано на преданности Государю крестьянъ, они выслѣживали польскія шайки, они окружали ихъ, а войска являлись больше для поддержки крестьянъ. Онъ сказалъ мнѣ, что по всему уѣзду, на всѣхъ главныхъ проѣзжихъ дорогахъ, онъ устроилъ сторожевые пункты, заставы, охраняемые вооруженнымъ карауломъ крестьянъ. Караулы эти имѣютъ право арестовать подозрительныхъ лицъ, осматривать проѣзжіе возы и экипажи. О предводителѣ дворянства, Ратынскомъ, онъ сказалъ, что это двуличный человѣкъ, котораго онъ охотно посадилъ бы въ одинъ изъ казематовъ въ крѣпости; но ему приказано отложить это намѣреніе и только строго слѣдить за дѣйствіями Ратынскаго. Исправника онъ назвалъ негодяемъ, котораго конечно скоро удалятъ. Слыша такіе рѣзкіе отзывы добродушнаго полковника, я только удивлялся, какъ предводителя и исправника давно не убрали съ ихъ мѣстъ. Изъ поляковъ, помѣщиковъ моего участка, Полѣновъ одобрилъ только одного человѣка, мирового посредника Нерезіуша, смѣнить котораго я пріѣхалъ. Онъ призналъ его честнымъ, благороднымъ человѣкомъ, который никогда не шелъ противъ русскаго правительства, не соглашался подать въ отставку по требованію революціоннаго правительства; теперь онъ выходитъ въ отставку по собственному желанію, ибо конечно не можетъ сочувствовать крутымъ мѣрамъ, въ корень уничтожающимъ вліяніе польскихъ помѣщиковъ въ краѣ. Полѣновъ совѣтовалъ мнѣ, для пріема участка, ѣхать прямо къ Нерезіушу, въ его имѣніе Балашевичи, около мѣстечка Глуска, и отнестись къ нему, какъ къ человѣку правдивому, честному.

Я такъ и поступилъ; и на другой день пріѣхалъ въ Балашевичи, имѣніе Нерезіуша. Меня подвезли къ большому, прекрасному дере-

вянному дому, окруженному прекрасными хозяйственными постройками. Нерезіушъ встрѣтилъ меня просто, радушно. Это былъ старикъ лѣтъ шестидесяти, съ сильной просѣдью въ волосахъ, средняго роста, широкоплечій, здоровый. Онъ объяснилъ мнѣ, что онъ холостъ, живетъ со старухой-сестрой; въ большомъ домѣ у него всегда готова комната для гостей, а потому онъ проситъ меня расположиться въ этой комнатѣ, и прежде всего пообѣдать, такъ какъ проѣздъ 30 верстъ конечно утомилъ меня и я голоденъ. Онъ говорилъ прекрасно по-русски. За обѣдомъ онъ разсказалъ мнѣ о положеніи дѣлъ въ участкѣ, а послѣ обѣда я началъ пріемку дѣлъ. Все оказалось въ полномъ порядкѣ и аккуратно подготовлено къ сдачѣ. Нерезіушъ посовѣтовалъ мнѣ не брать поляка письмоводителя, который служилъ у него, сказавъ, что мнѣ надо непремѣнно взять письмоводителя русскаго. Принявъ дѣла, я уложилъ ихъ въ ящикъ, запечаталъ. Нерезіушъ обѣщалъ мнѣ самъ привезти ящикъ въ Бобруйскъ, куда онъ собирался ѣхать на дняхъ.

Такъ какъ я хотѣлъ тотчасъ сдѣлать объѣздъ всѣхъ волостей моего участка, Нерезіушъ указалъ мнѣ, какъ удобнѣе сдѣлать это, чтобы не проѣзжать два раза по однимъ мѣстамъ, указалъ, въ какихъ волостяхъ я могу удобно ночевать и достать пищу. На другой день я обревизовалъ Балашевичскую волость, расположенную въ 2 верстахъ отъ усадьбы Нерезіуша, собралъ тамъ волостной сходъ и въ первый разъ ознакомился съ бѣлорусскимъ крестьяниномъ.

Я вышелъ къ нимъ въ пальто, такъ какъ было холодно, съ шашкою черезъ плечо, револьверомъ у пояса, снялъ фуражку и, по-русски, поклонился имъ въ поясъ, сказавъ: „Здравствуйте, друзья мои! Меня прислалъ къ вамъ генералъ Муравьевъ, и теперь я буду вашъ мировой посредникъ. Я русскій человѣкъ, былъ уже посредникомъ у себя въ Смоленской губерніи. Я офицеръ гвардіи Государя; знаете вы, что такое гвардія? Это войско, которое живетъ около Государя, охраняетъ его. Понятно, въ гвардію берутъ только людей, которые любятъ Государя, готовы жизнь положить за него. Ну, я вотъ такой человѣкъ! Военный начальникъ Полѣновъ сказалъ мнѣ, что вы такіе же вѣрные подданные Государя, вы помогли ему переловить бунтовщиковъ. За это я уже полюбилъ васъ, и теперь мы будемъ вмѣстѣ работать. Разскажите мнѣ: какъ вы живете, какія вамъ обиды, какъ можно помочь вамъ?“

Бѣлоруссы недовѣрчиво глядѣли на меня, молчали. Я подошелъ къ дряхлому, сѣдому старику, заговорилъ съ нимъ; разспрашивалъ: какъ велика его семья, сколько ему лѣтъ; разспросилъ его о хозяйствѣ. Оказалось, что это достаточный крестьянинъ. Недалеко отъ него стоялъ плохо одѣтый, забитый крестьянинъ; я заговорилъ съ

нимъ, онъ сталъ изливать свои горести. Мало по малу, въ разговоръ стали вмѣшиваться другіе. Видя, что довѣріе увеличивается, я сталъ разспрашивать крестьянъ о многомъ. Дошла рѣчь до сельскихъ карауловъ, гдѣ стоятъ караулы? какъ они отбываютъ ихъ. Тутъ толпа оживилась; разомъ заговорило нѣсколько человѣкъ. Они жаловались на обременительность карауловъ, указывали, что на дняхъ надо начинать пахать; караулы отвлекутъ крестьянъ отъ сельскихъ работъ. Я спросилъ: можно ли снять караулы? Толпа въ одинъ голосъ закричала: „Можно!“ Я сказалъ, что изъ такого крика нѣтъ никакого толка; пускай они выбирутъ толковаго человѣка, тотъ разскажетъ мнѣ все. Моментально мнѣ указали крестьянина лѣтъ сорока, на видъ очень умнаго; тотъ объяснилъ мнѣ, что паны и шляхта теперь присмирѣли, боятся; что отъ карауловъ теперь нѣтъ никакого толка; это было хорошо зимою, когда былъ глубокій снѣгъ, и надо было непремѣнно ѣхать по дорогѣ. Какой же бунтовщикъ будетъ такъ глупъ, поѣдетъ на караулъ, если теперь вездѣ можно проѣхать стороной?—Я согласился съ этими доводами и сказалъ, что переговорю съ военнымъ начальникомъ; можетъ быть, удастся освободить ихъ отъ карауловъ. Я подтвердилъ имъ однако, чтобы они продолжали зорко смотрѣть за шляхтой, и чуть только замѣтятъ что-нибудь подозрительное, сообщали военному начальнику. Мы уже дружески распрощались, и я поѣхалъ въ другую волость.

Почти буквально то же самое повторилось во всѣхъ волостямъ; но крестьяне уже привѣтливо встрѣчали меня; до нихъ дошелъ слухъ о моемъ образѣ дѣйствій, и онъ пришелся имъ по сердцу. Въ участкѣ моемъ было 7 волостей; онъ занималъ всю западную часть уѣзда, къ Слуцку. Онъ весь покрытъ былъ лѣсомъ, среди котораго мѣстами стояли деревни. Только около деревень были открытыя мѣста, занятыя пахотными полями и сѣнокосами крестьянъ. Надо было проѣхать по лѣсу верстъ 15 и даже 20, отъ деревни до деревни. Это было въ полномъ смыслѣ Полѣсье. Деревни большею частью были не велики, дворовъ на десять, двадцать; мѣстами, въ деревняхъ замѣтна была большая бѣдность. Меня, великоросса, особенно поражала нищенская бѣдность крестьянскихъ построекъ; избы были маленькія, всѣ курныя; хозяйственныя постройки плохія; все крыто соломой. И это въ странѣ, сплошь заросшей вѣковымъ лѣсомъ, гдѣ лѣсъ былъ ни по чемъ, гнилъ на корнѣ! Ознакомившись ближе съ бытомъ этого края, я узналъ, что польскіе помѣщики сознательно не позволяли крестьянамъ строить хорошія избы; они старались всячески унизить, оскотинить православныхъ бѣлоруссовъ, называли ихъ на своемъ языкѣ быдло (скотина), и требовали, чтобы эти крестьяне устраивали по-скотски всю свою обстановку: избы

приказывали имъ строить не болѣе аршинъ шести, невысокія; окна въ нѣсколько вершковъ, не болѣе одной четверти аршина; двери низкія. Скота у крестьянъ было не много; скотъ мелкій, худой; крестьяне обработывали землю волами; лошади были не у всѣхъ и почти не заслуживали названія лошадей; это были маленькіе, худые, безсильные, мохнатые звѣрки. Упряжь на лошадяхъ состояла вся изъ оголовка—хомута, очень упрощеннаго—самодѣльныя клещи и войлочный потникъ; шлеи не было; гужи веревочные; дуга самодѣльная, низенькая, почти лежала на шеѣ у лошади. О сѣделкѣ, черезсѣдельникѣ и помину не было! На такихъ лошадяхъ, при такой сбруѣ, я дѣлалъ объѣздъ волостей, сидя въ телѣжонкѣ, тоже до крайности упрощенной: колеса не кованныя, кузовъ состоялъ изъ двухъ дрожинъ съ доскою, на которую положена вязанка сѣна для сидѣнія. Когда, на дальнемъ краю моего участка, я выбрался на шоссе и могъ потребовать себѣ пару лошадей и почтовую бричку на почтовой станціи, мнѣ показалось, что я ѣду въ роскошномъ экипажѣ, на дорогихъ лошадяхъ.

Воротившись въ Бобруйскъ, я разсказалъ военному начальнику просьбы крестьянъ: освободить ихъ отъ караула на дорожныхъ заставахъ. Онъ призналъ требованіе ихъ основательнымъ и сказалъ, что помощники его докладывали ему то же самое, и онъ ожидалъ только моего возвращенія, чтобы услышать мое мнѣніе объ этомъ. Онъ просилъ написать ему „бумажку“ о снятіи карауловъ и обѣщалъ тотчасъ сдѣлать представленіе военному губернатору о снятіи карауловъ. Я, съ своей стороны, сдѣлалъ форменное представленіе объ этомъ минскому губернатору Кожевникову и разсказалъ ему еще, въ частномъ письмѣ, свои впечатлѣнія перваго объѣзда волостей. Къ большому моему удовольствію и не малому удивленію, черезъ очень короткій промежутокъ времени ко мнѣ пріѣхалъ сіяющій полковникъ Полѣновъ и показалъ полученное имъ разрѣшеніе снять сельскіе караулы въ III участкѣ Бобруйскаго уѣзда, то есть въ моемъ участкѣ. Я спросилъ Полѣнова: отчего это распоряженіе не распространено на два другіе участка Бобруйскаго уѣзда? Оказалось, что мои сослуживцы, мировые посредники тѣхъ участковъ, признали это несвоевременнымъ и опаснымъ.

Послали пріятное извѣщеніе это по волостямъ, и я самъ поѣхалъ опять навѣстить и подробно обревизовать дѣлопроизводство волостей, разобрать накопившіяся жалобы. Крестьяне встрѣчали уже меня совсѣмъ иначе. Когда я выходилъ къ волостному сходу, они, не ожидая моего привѣтствія, сами здоровались со мною и говорили: „благодаримъ, что пожалѣли насъ!“ Въ этотъ объѣздъ твердо установились между крестьянами и мною открытыя, дружескія от-

ношенія. Я проѣздилъ цѣлую недѣлю и то воротился въ Бобруйскъ потому, что получилъ извѣщеніе, что въ Бобруйскъ пріѣзжаетъ помощникъ генералъ-губернатора Крыжановскій, и что мировые посредники должны представить ему подробный отчетъ о состояніи своихъ участковъ.

Генералъ Крыжановскій былъ помощникомъ Михаила Николаевича Муравьева, по должности генералъ-губернатора Сѣверо-Западнаго края; по своему прошлому, онъ былъ артиллеристъ, много лѣтъ состоялъ директоромъ Михайловскаго артиллерійскаго училища и Михайловской артиллерійской академіи. Онъ считался ученымъ артиллеристомъ, очень талантливымъ человѣкомъ; но многіе оспаривали эту громкую репутацію и утверждали, что это шарлатанъ, карьеристъ. Я слышалъ много хорошаго о Крыжановскомъ отъ профессора Михайловской артиллерійской академіи Александра Адамовича Фишера, моего товарища дѣтства и пріятеля. Я встрѣчалъ Крыжановскаго въ знакомыхъ домахъ, говорилъ съ нимъ, но у него въ домѣ никогда не былъ. Опредѣленнаго понятія о немъ я себѣ не составилъ и склоненъ былъ судить о немъ по отзывамъ А. А. Фишера.

Мои сослуживцы, мировые посредники Бобруйскаго уѣзда, Воронцовъ и Васьковъ пріѣхали въ Бобруйскъ, для представленія Крыжановскому. Я воспользовался этимъ, чтобы познакомиться съ ними, и сдѣлалъ имъ визитъ. Они приняли меня очень оффиціально и холодно. Я не обратилъ на это вниманія и отвѣчалъ на ихъ безпричинную и непонятную мнѣ холодность вѣжливо и предупредительно. Воронцовъ и Васьковъ владѣли своими имѣніями по наслѣдству; обширныя имѣнія эти были пожалованы предкамъ ихъ Императрицею Екатериною II, по присоединеніи этого края къ Россіи. Она раздала тогда много конфискованныхъ имѣній русскимъ людямъ, съ условіемъ, что они будутъ въ нихъ жить и хозяйствовать. Воронцовъ, человѣкъ лѣтъ сорока, отставной военный инженеръ, считался очень умнымъ, дѣловымъ человѣкомъ. Васьковъ, дряхлый старикъ, служившій когда-то въ Костромской губерніи, былъ очень добрый человѣкъ, но не дѣятельный, мало развитой.

На общемъ утреннемъ представленіи, Крыжановскій просилъ насъ, мировыхъ посредниковъ, прибыть къ нему вечеромъ, въ 8 часовъ. Мы явились. Онъ принималъ насъ каждаго отдѣльно, въ кабинетѣ. Онъ привѣтствовалъ меня воспоминаніемъ о нашихъ встрѣчахъ въ Петербургѣ; затѣмъ сказалъ мнѣ, что М. Н. Муравьевъ поручилъ ему вникнуть въ мою дѣятельность здѣсь. Онъ разспрашивалъ меня: какъ сложились мои отношенія къ окружающимъ, къ крестьянамъ, помѣщикамъ? что я вообще дѣлалъ все это время, и

какъ я себя чувствую тутъ? Я подробно и откровенно разсказалъ ему все, ни на что не жаловался и выразилъ убѣжденіе, что могу быть полезенъ здѣсь. Онъ очень одобрилъ мое ходатайство о снятіи сельскихъ карауловъ, мои продолжительные объѣзды волостей; совѣтовалъ мнѣ не довѣрять полякамъ, называя ихъ неисправимыми мечтателями, сумасбродами; спросилъ: участвовалъ ли я въ дѣйствіяхъ Бобруйской повѣрочной комиссіи? Я сказалъ, что повѣрочная комиссія работаетъ въ восточной части уѣзда, гдѣ не мой участокъ, а ко мнѣ не пріѣзжала. Онъ улыбнулся и проговорилъ: „И не пріѣдетъ!“ Я съ удивленіемъ посмотрѣлъ на него. Тогда онъ медленно, съ разстановкой сказалъ, какъ бы нехотя: „Ей тамъ удобнѣе дѣйствовать!“ Разговоръ продолжался съ полчаса. На прощанье онъ сказалъ: „Мнѣ очень пріятно будетъ донести генералъ-губернатору, что вы пришлись здѣсь ко двору, дѣйствуете смѣло, умно“.

Бобруйское крѣпостное начальство разсказывало мнѣ, что Крыжановскій большую часть времени пребыванія своего въ Бобруйскѣ посвятилъ осмотру крѣпости, ея укрѣпленій, фортовъ; осматривалъ артиллерійскіе склады, артиллерію, планы вооруженія крѣпости въ случаѣ войны, и призналъ крѣпость не удовлетворяющею современнымъ требованіямъ военнаго искусства, артиллерію ея устарѣлою; при осадѣ крѣпости непріятель подвезетъ осадную артиллерію болѣе крупную и черезъ нѣсколько дней заставитъ замолчать слабую бобруйскую артиллерію; кирпичные форты крѣпости не могутъ устоять противъ современныхъ крупныхъ орудій. Гг. крѣпостные инженеры и артиллеристы были очень смущены.

Объѣхавъ свои волости, разъяснивъ себѣ состояніе моего участка, я рѣшился посидѣть нѣсколько дома въ Бобруйскѣ; заняться канцеляріей, перепиской, составленіемъ отчетовъ о моихъ ревизіяхъ. Въ это время я познакомился съ нѣкоторыми жителями Бобруйска. Мои пріятели, акцизники въ Минскѣ, указали мнѣ на начальника Бобруйскаго акцизнаго округа барона Николая Васильевича Штейнгеля, какъ на пріятнаго для меня знакомаго. Баронъ Штейнгель, офицеръ гвардейской пѣшей артиллеріи, пріѣхалъ въ Бобруйскъ незадолго до меня; онъ только что оставилъ гвардію и женился на образованной, очень пріятной особѣ. Какъ гвардейскіе артиллеристы, мы тотчасъ сошлись; у насъ нашлось много общаго. Наше знакомство скоро перешло въ дружбу и продолжалось очень много лѣтъ.

Я познакомился также съ комендантомъ крѣпости генераломъ Карломъ Васильевичемъ Пистолькорсомъ. Тутъ у меня тоже завязалось очень пріятное, скажу даже драгоцѣнное для меня знаком-

ство. Генералъ Пистолькорстъ былъ артиллеристъ, даже конно-артиллеристъ. Передъ пріѣздомъ въ Бобруйскъ, онъ былъ вторымъ комендантомъ въ Москвѣ. По требованіямъ военнаго времени, во время повстанія, понадобилось замѣнить устарѣлаго бобруйскаго коменданта болѣе энергичнымъ, дѣятельнымъ и стойкимъ человѣкомъ. Пистолькорса командировали туда. Онъ, не болѣе полугода назадъ, пріѣхалъ въ Бобруйскъ. Это былъ очень умный, добрый, серьезный человѣкъ, педантически аккуратный, добросовѣстный по службѣ. Онъ былъ вдовъ; съ нимъ пріѣхали двѣ дочери его, дѣвицы, очень красивыя, образованныя; одной было 18 лѣтъ, другой 16 лѣтъ. Генералъ Пистолькорсъ принялъ меня привѣтливо, просилъ навѣщать его. Черезъ нѣсколько дней ко мнѣ явился его камердинеръ и просилъ, отъ имени генерала, откушать въ слѣдующее воскресеніе, въ 3 часа. Я конечно съ удовольствіемъ принялъ приглашеніе. Къ обѣду, кромѣ меня, были приглашены добрякъ полковникъ Полѣновъ и такой же добрякъ полковникъ Андреевъ, командиръ крѣпостного полка. Въ гостиной приняли насъ дочери. Семейство Пистолькорсъ было очень образованное. При первыхъ же разговорахъ моихъ съ дѣвицами, у насъ оказалось очень много общихъ знакомыхъ; въ числѣ ихъ нѣсколько моихъ товарищей, офицеровъ конной гвардейской артиллеріи. Когда онѣ упомянули о полковникѣ П....ѣ, я невольно сказалъ себѣ: не одна ли изъ васъ та очаровательная особа, въ которую П. былъ такъ безнадежно влюбленъ, и которая не согласилась выйдти за него замужъ? Впослѣдствіи я узналъ, что старшая дѣвица была именно та особа, о которой я слышалъ столько восторженныхъ похвалъ отъ П., отъ Л. и другихъ поклонниковъ ея. Надо сказать, что всѣ эти молодые люди были самыми блестящими офицерами нашего гвардейскаго кружка, по уму, образованію и по положенію своему въ свѣтѣ. Они всегда восхищались, наравнѣ съ красотою, ея мягкимъ нравомъ, образованностью, серьезностью. Оказалось, что съ одною изъ моихъ искреннихъ знакомыхъ Елисавета Карловна Пистолькорсъ очень дружна и ведетъ дѣятельную переписку. Въ годы, проведенные семействомъ Пистолькорсовъ въ Москвѣ, они сблизились съ славянофильскимъ кружкомъ, Аксаковыми, Самариными. Дѣвицы, даже генералъ, прониклись убѣжденіями этихъ людей. Можно себѣ представить, съ какимъ наслажденіемъ я узнавалъ все это, какъ радостно было для меня сознаніе, что въ глуши этой я встрѣтилъ людей одного общества, однихъ чувствъ и мыслей со мною. Пистолькорсы получали нѣсколько журналовъ; между прочимъ „Русь“ Аксакова, которую я давно не читалъ. Меня снабдили десяткомъ послѣднихъ нумеровъ, съ предложеніемъ пользоваться ею впредь.

Въ продолженіе всего пребыванія моего въ Бобруйскѣ я пользовался гостепріимствомъ этого образованнаго, радушнаго семейства. Мы выѣхали изъ Бобруйска почти одновременно, и я навсегда сохранилъ о нихъ благодарное воспоминаніе. Два семейства эти—Штейнгель и Пистолькорсъ вполнѣ удовлетворяли потребность моего духа общественности.

Свободнаго времени у меня было не много. Чѣмъ ближе я знакомился со своимъ участкомъ, тѣмъ больше времени приходилось мнѣ посвящать ему. Понявъ мою готовность помогать имъ, крестьяне осаждали меня просьбами, жалобами, и я по недѣлямъ бывалъ въ разъѣздахъ по волостямъ. Въ это лѣто у меня были неожиданно два очень милыхъ и дорогихъ гостя. Въ началѣ іюня, въ крыльцу моему подъѣхала почтовая бричка, и изъ нея вышелъ запыленный, добрѣйшій, милый генералъ Ратчъ. Я пораженъ былъ: какъ это генералъ-лейтенантъ, начальникъ артиллерійскаго округа, путешествуетъ такъ просто, безъ удобствъ? Выйдя запыленнымъ изъ брички, генералъ привѣтствовалъ меня словами: „Очень радъ, что засталъ васъ дома! Окажите мнѣ гостепріимство! Мнѣ по уставу готово помѣщеніе въ дворцовомъ флигелѣ; но вы знаете, какъ я не люблю оффиціальные пріемы. Я усталъ, хочу отдохнуть на свободѣ. Всѣ пріемы я буду отбывать тамъ, на этой оффиціальной квартирѣ, васъ не будутъ безпокоить. Позвольте только начальнику крѣпостной артиллеріи полковнику Ѳомину явиться мнѣ здѣсь, у васъ; я передамъ ему распоряженіе о завтрашнемъ днѣ!“

Генералъ Ратчъ пріѣхалъ сдѣлать смотръ крѣпостной артиллеріи и батареямъ полевой артиллеріи, расположеннымъ въ Бобруйскѣ, и долженъ былъ обсудить подробно разные вопросы, возбужденные Крыжановскимъ. Въ теченіе трехъ дней, проведенныхъ имъ у меня, мы много бесѣдовали; конечно, болѣе всего о положеніи дѣлъ въ Сѣверо-Западномъ краѣ, о Муравьевѣ, о повстаньѣ. Интереснѣе и полезнѣе всего для меня были разсказы Ратча о дѣятельности Муравьева. Онъ близко зналъ ее, такъ какъ въ то время собиралъ уже матеріалы для книги о Муравьевѣ, изданной впослѣдствіи. Признавая дѣятельность Муравьева въ Сѣверо-Западномъ краѣ патріотической, онъ видѣлъ въ немъ человѣка, который спасъ, сохранилъ Россіи этотъ край и даже Царство Польское. Ратчъ оправдывалъ крутыя, суровыя мѣры, которыми Муравьевъ достигъ своей цѣли. Онъ былъ убѣжденъ, что опасность совершеннаго отпаденія отъ Россіи этого края была громадна, и только энергія, желѣзная воля, мудрость, могли устранить эту опасность. Онъ утверждалъ, что, промѣшкай сколько нибудь Муравьевъ, не порази онъ такъ быстро мятежниковъ и всѣ россійскія власти своими вѣрными,

мѣткими ударами, мятежъ принялъ бы очень обширные размѣры; европейскія державы воспользовались бы этимъ замѣшательствомъ Россіи, чтобы ослабить ее. Онъ разсказалъ мнѣ: какъ тяжело дался Муравьеву этотъ блестящій успѣхъ, какую борьбу пришлось ему вести съ Петербургомъ; какъ трудно было ему подобрать себѣ помощниковъ. Онъ признавалъ, что Муравьевъ до сихъ поръ одинокъ, все долженъ самъ обдумать, что эти усиленные труды разстроили его здоровье, сдѣлали суровымъ, мрачнымъ расположеніе духа его; но умъ его свѣтелъ, ясенъ, воля не поколебима. Онъ разсказалъ, что, окончивъ усмиреніе края, Муравьевъ занялся теперь устройствомъ его; строитъ православныя церкви, русскія школы, старается поднять духъ и образованіе православнаго населенія края; что работу его слабо поддерживаетъ правительство высшее, и едва-ли Муравьевъ долго останется въ Сѣверо-Западномъ краѣ.

Я слушалъ все это со вниманіемъ и съ своей стороны разсказалъ Ратчу тяжелое впечатлѣніе, произведенное на меня пребываніемъ моимъ въ Вильнѣ; какъ меня поразили лицемѣріе, всеобщая ложь, легкомысліе. Онъ призналъ существованіе этого зла и сказалъ, что Муравьевъ дѣйствительно плохо окруженъ, и это можетъ погубить его. Слишкомъ мало около него честныхъ, трудолюбивыхъ людей, и слишкомъ много карьеристовъ, льстецовъ.

Разсказалъ онъ мнѣ и почему путешествуетъ въ почтовой бричкѣ. Онъ выѣхалъ изъ Вильны въ удобной, легкой колясвѣ, которую нарочно купилъ для предстоящихъ разъѣздовъ. Между Вильною и Минскомъ коляска нѣсколько разъ ломалась и оказалась такою непрочною, что онъ вынужденъ былъ бросить ее въ Минскѣ, и поручилъ еврею, хозяину гостиницы, въ которой остановился, заарендовать или купить какой-нибудь экипажъ для дальнѣйшаго путешествія. Тотъ представилъ ему прекрасную коляску, и на вопросъ о цѣнѣ отвѣтилъ, что владѣлецъ коляки, панъ ***, проситъ принять этотъ знакъ уваженія; но генералъ можетъ сдѣлать пану *** большое одолженіе, если скажетъ Муравьеву, что братъ пана несправедливо арестованъ и проч. Ратчъ, въ отвѣтъ на это, велѣлъ подать себѣ почтовую бричку и такъ пріѣхалъ сюда. Въ Бобруйскѣ артиллеристы разыскали ему какой-то экипажъ. Уѣзжая, онъ обнялъ меня, отечески благословилъ, и я навсегда сохранилъ дорогое воспоминаніе о нѣсколькихъ дняхъ, проведенныхъ въ его обществѣ. Другой дорогой гость, навѣстившій меня, былъ Синявскій, смоленскій помѣщикъ, членъ смоленскаго губернскаго по крестьянскимъ дѣламъ присутствія. Синявскій былъ человѣкъ не богатый, но очень умный, образованный, развитой. Его очень уважали въ Смоленскѣ, какъ члена присутствія по крестьянскимъ дѣламъ;

но были люди, которые очень не любили его, осуждали его дѣятельность, называли его революціонеромъ за то, что онъ стойко (скажу: даже слишкомъ стойко!) отстаивалъ интересы крестьянъ, не щадилъ ни имущественныхъ интересовъ, ни самолюбія лицъ, называвшихся тогда крѣпостниками. Это была свѣтлая голова, честная душа. Въ Смоленскѣ я не былъ съ нимъ близокъ; но много разъ проводилъ съ нимъ вечера у знакомыхъ, спорилъ съ нимъ и любилъ его общество.

Въ Бобруйскѣ онъ тоже заѣхалъ прямо ко мнѣ. На разспросы мои: какъ, почему, онъ попалъ въ эту глушь? Синявскій разсказалъ мнѣ, что частыя принципіальныя столкновенія его съ многими лицами въ Смоленскѣ надоѣли ему; онъ предложилъ свои услуги М. Н. Муравьеву и теперь состоитъ членомъ совѣщательной комиссіи по крестьянскимъ дѣламъ въ Вильнѣ. Происхожденіе этой новоявленной комиссіи Синявскій объяснилъ мнѣ такъ. До сихъ поръ полнымъ распорядителемъ и руководителемъ крестьянскаго дѣла въ Сѣверо-Западномъ краѣ былъ Левшинъ. Руководительство его оказалось миѳомъ; онъ крестьянскаго дѣла не знаетъ, вести его не можетъ; это слишкомъ серьезная задача для него. Муравьевъ понялъ это; предоставилъ Левшину административную часть, то есть назначеніе личнаго состава повѣрочныхъ комиссій и мировыхъ посредниковъ; а для разсмотрѣнія и разрѣшенія принципіальныхъ вопросовъ крестьянскаго дѣла образовалъ совѣщательную комиссію, которая состоитъ изъ Зубкова, Синявскаго и еще нѣсколькихъ спеціалистовъ крестьянскаго дѣла. Совѣщательная комиссія обратила вниманіе на неуспѣшный ходъ дѣла въ Минской губерніи, на серьезные споры и недоразумѣнія общаго съѣзда повѣрочныхъ комиссій и командировала Синявскаго изучить на мѣстѣ причины неуспѣшности. Ознакомившись въ Минскѣ съ губернскимъ по крестьянскимъ дѣламъ присутствіемъ, Синявскій убѣдился въ полной неспособности членовъ этого присутствія. Теперь онъ знакомится съ дѣятельностью повѣрочныхъ комиссій и мировыхъ посредниковъ. Онъ прожилъ у меня два дня, все время изучалъ работы Бобруйской повѣрочной комиссіи, затѣмъ, ѣдучи въ Слуцкъ, обревизовалъ три волости моего участка, расположенныя на шоссе.

Въ свободные часы, въ Бобруйскѣ и въ пути, много говорили. Онъ разсказалъ мнѣ, что военное положеніе въ Минской губерніи снято, военный губернаторъ сокращенъ; минскій губернаторъ Кожевниковъ уволенъ; на мѣсто его назначенъ полковникъ Шелгуновъ. Я отъ души пожалѣлъ Кожевникова, разсказалъ Синявскому хорошія стороны дѣятельности Кожевникова. Онъ не соглашался со мною, утверждалъ, что край все еще не усмиренъ, мятежный духъ еще

силенъ въ немъ, и при такихъ условіяхъ нельзя довѣрить губернію такому слабодушному человѣку, какъ Кожевниковъ.

Мы заговорили о Муравьевѣ. Я выразилъ удивленіе: какъ онъ, прославленный смоленскій либералъ, революціонеръ, предложилъ свои услуги Муравьеву? Онъ отвѣчалъ: Смоляне такъ же ложно поняли меня, какъ московскіе бары поняли Чацкаго. Чацкій осуждалъ предразсудки баръ, необразованность, лицемѣріе, ихъ лично; а они провозгласили его революціонеромъ, сумашедшимъ. Я препятствовалъ смоленскимъ помѣщикамъ злоупотреблять крѣпостнымъ правомъ, раскрывалъ ихъ злоупотребленія, дѣлалъ это по долгу службы; они придали этому политическую окраску, объявили меня революціонеромъ! Въ Муравьевѣ я вижу крупную, историческую личность; только крутыми мѣрами можно было остановить повстаніе; Муравьевъ имѣлъ мужество сдѣлать это. Полный успѣхъ принятыхъ имъ мѣръ показалъ рѣдкую силу воли, проницательный умъ Муравьева и пренебреженіе его къ ложнымъ мнѣніямъ общества, которое теперь преклоняется передъ нимъ. Я пріѣхалъ сюда помогать этому историческому человѣку не въ усмиреніи повстанія; дѣятельность Муравьева по крестьянскому дѣлу мнѣ вполнѣ симпатична. Муравьевъ первый обратилъ вниманіе на загнанность несчастныхъ бѣлоруссовъ поляками-помѣщиками, на угнетенное имущественное ихъ положеніе и принялъ съ обычной своей энергіей, рѣшительныя мѣры къ освобожденію бѣлоруссовъ изъ этого рабства.

Я пріѣхалъ сюда, говорилъ Синявскій, продолжать то, что я дѣлалъ въ Смоленской губерніи: обличать жестокосердныхъ помѣщиковъ, раскрывать козни, которыми они опутали крестьянъ; но поле дѣятельности для меня здѣсь шире, потому, что злоупотребленія были здѣсь серьезнѣе и болѣе общи.

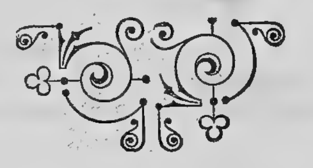
Окончивъ осмотръ моихъ волостей, онъ сказалъ мнѣ, что нашелъ все въ полномъ порядкѣ, что довѣріе ко мнѣ крестьянъ и авторитетъ мой надъ ними очевидны. Онъ разсказалъ мнѣ также, что Крыжановскій въ отчетѣ своемъ очень одобрилъ мою дѣятельность! Работы Бобруйской повѣрочной комиссіи Синявскій призналъ медленными и очень поверхностными.

Недѣли черезъ три по отъѣздѣ Синявскаго, я получилъ форменное извѣщеніе, что въ Бобрускомъ уѣздѣ образуется вторая повѣрочная комиссія, и что я назначенъ предсѣдателемъ ея, помощникомъ ко мнѣ былъ назначенъ Ѳедоръ Васильевичъ Вахрамѣевъ, человѣкъ совершенно мнѣ незнакомый; мировымъ посредникомъ, на мое мѣсто, назначенъ князь Дивѣевъ. Мнѣ предписывалось, по сдачѣ участка князю Дивѣеву и по пріѣздѣ Вахрамѣева, безъ промедленія

начать дѣйствія повѣрочной комиссіи, и именно въ западной части Бобруйскаго уѣзда, въ предѣлахъ бывшаго моего участка.

Назначеніе это было для меня совершенно неожиданно; можно себѣ представить съ какимъ удовольствіемъ я принялъ его. Прежде всего я видѣлъ въ этомъ явное одобреніе моей дѣятельности и въ Бобруйскомъ уѣздѣ; затѣмъ предстоявшая мнѣ работа была гораздо интереснѣе, шире; наконецъ—денежное содержаніе мое значительно увеличивалось, такъ какъ предсѣдатель комиссіи получалъ 2.500 р., то есть на 1.000 р. болѣе, чѣмъ мировой посредникъ. Я невольно вспомнилъ слова, сказанныя мнѣ Муравьевымъ при прощаніи со мною, „что разумную дѣятельность мою онъ вознаградитъ щедро“. Конечно много помогъ мнѣ вѣроятно Синявскій, который, однако, ни словомъ не обмолвился мнѣ объ этомъ и даже не высказалъ предположенія объ открытіи второй Бобруйской повѣрочной комиссіи.

Николай Полевой.

Воспоминанія И. И. Янжула о пережитомъ и видѣнномъ.

(1864—1909 г. г.).

ГЛАВА III.

Мое свадебное путешествіе.—Гейдельбергъ.—Цюрихъ.—Поѣздка въ Англію. —Горестныя приключенія.—Лондонъ.—Меблированныя комнаты г-жи Сиггерсъ.—Первыя впечатлѣнія.—Несчастіе съ моимъ содержаніемъ.—Русское посольство—не для русскихъ.—Исправность русскихъ друзей и редакцій.—Британскій музей.—Работа надъ диссертаціей.—Неудачная поѣздка въ Мюнхенъ.—Н. И. Стороженко.—Возвращеніе въ Россію.—Защита магистерской диссертаціи и выборы въ доценты.—Начало профессуры.—Горе слѣдуетъ за радостью.—Сильная болѣзнь жены и необходимость лѣченія за границей.

После свадьбы мы немедленно уѣхали окружнымъ, длиннымъ путемъ въ Швейцарію, въ Цюрихъ, гдѣ я предполагалъ послушать профессора Бемерта, представителя тогда довольно популярной школы свободной торговли, и сверхъ того, конечно, имѣть возможность проводить медовый мѣсяцъ среди красотъ швейцарской природы. Дорогой мы остановились прежде всего на два дня въ Лейпцигѣ. Я познакомилъ свою молоденькую супругу съ этимъ городомъ, дорогимъ мнѣ по воспоминаніямъ, какъ начало моего знакомства съ Германіей и ея наукой. Другая остановка была въ Тюрингервальдѣ, въ знаменитомъ Вартбургѣ, гдѣ мы исходили не мало горъ и спускающихся долинъ. Погода все время благопріятствовала. Мы наслаждались живописными видами, какъ только можетъ наслаждаться счастливый смертный. Посѣтивши Кельнъ и Боннъ, на скоромъ пароходѣ поднялись по Рейну до Майнца, осмотрѣли историческую рѣку Германіи съ ея замками, преданіями и легендами и вновь остановились на болѣе продолжительное время въ Гейдельбергѣ, университетъ котораго я предполагалъ посѣтить и прежде. Въ это время въ Гейдельбергѣ сосредоточилось много русскихъ, которымъ предстояло сдѣлаться моими друзьями или знакомыми. Такъ, мы нашли въ Гейдельбергѣ Чупрова съ женой, магистранта Макарова, весьма

интересныхъ дѣвицъ Шумовыхъ, допущенныхъ, какъ исключеніе тогда, въ университетъ, одна изъ которыхъ впослѣдствіи вышла замужъ за моего пріятеля Зибера, сдѣлавшись сама докторомъ (нынѣ въ Институтѣ Елены Павловны), другая была замужемъ также за однимъ извѣстнымъ врачемъ. Также мы составили интересное знакомство, продолжавшееся еще много лѣтъ съ Мороховцемъ, впослѣдствіи профессоромъ Московскаго университета, нашимъ большимъ другомъ, съ математикомъ В. В. Преображенскимъ и двумя братьями профессорами Умовыми, одинъ юристъ, мой товарищъ, другой математикъ, оба женатыхъ. Мы провели на этотъ разъ въ Гейдельбергѣ съ недѣлю времени. Моя жена быстро вошла и очень понравилась въ профессорскихъ кругахъ, какъ и самъ Гейдельбергъ понравился намъ, и дали слово его непремѣнно посѣтить еще разъ, а пока отправились дальше въ Швейцарію, въ Цюрихъ.

Я не буду описывать этого красиваго города и университета, который мнѣ пришлось посѣщать. Къ сожалѣнію, на этотъ разъ я уже значительно опоздалъ къ началу семестра, который въ Цюрихѣ почему-то начался гораздо раньше обычнаго. Курсъ Бёмерта еще меньше чѣмъ въ Лейпцигѣ соотвѣтствовалъ моимъ вкусамъ, тѣмъ болѣе, что мнѣнія почтеннаго профессора о безусловной пользѣ свободной торговли я далеко не раздѣлялъ и имѣлъ скорѣй влеченіе, навѣянное, можетъ быть, отчасти Рошеромъ и Кнаппомъ, къ исторической методѣ политической экономіи и соціальному характеру ея построеній. Мы пробыли съ женой, посѣщая изрѣдка университетъ, въ Цюрихѣ около двухъ мѣсяцевъ, затѣмъ объѣздили немножко главнѣйшіе пункты Швейцаріи и вернулись въ концѣ августа въ Гейдельбергъ. Тамъ мы нашли изъ прежнихъ поименованныхъ нами лицъ, какъ напримѣръ, Ковалева и Зибера, но Чупровы при насъ уѣхали въ Швейцарію, а позднѣе въ Вѣну, затѣмъ Мороховцы, мужъ съ женой, съ которыми мы весьма сблизились, мужъ усерднѣйшимъ образомъ работалъ на медицинскомъ факультетѣ, занимаясь преимущественно въ лабораторіяхъ, и много новыхъ пріѣзжихъ лицъ, изъ которыхъ упомяну о молодыхъ супругахъ Черемшанскихъ, впослѣдствіи извѣстный психіаторъ и врачъ въ Петербургѣ въ психіатрической больницѣ на 11-ой верстѣ. Подобно мнѣ они недавно поженились и ѣхали на короткое время за границу по командировкѣ, должно быть Военно-Медицинской академіею, при чемъ въ дѣйствительности провели времени за границею гораздо болѣе, чѣмъ предполагали. Мы очень съ ними сошлись, какъ съ людьми совершенно подходящими по вкусамъ и образованію. Онъ оказался, какъ и я, большой поклонникъ англійской науки, хотя, конечно, разныхъ

со мной отраслей и подобно же мнѣ изучившій рано англійскій языкъ, любилъ читать книги на этомъ языкѣ, начиная съ общелюбимаго нами Диккенса. Онъ не говорилъ однако ни слова по-англійски, и это останавливало, въ виду неблагопріятныхъ слуховъ, которые въ тѣ времена были распускаемы объ Англіи, отъ всякой попытки туда ѣхать. Встрѣча и знакомство съ нами подбавили къ старому желанію, такъ сказать, жару. Какъ нарочно, мы помѣстились съ Черемшанскими въ одномъ и томъ же домѣ у нѣкоего весьма почтеннаго еврея, ювелира Розенберга, у котораго послѣдовательно проживали въ Гейдельбергѣ нѣсколько литературно-извѣстныхъ русскихъ людей изъ учащихся, напримѣръ В. А. Гольцевъ, Н. П. Боголѣповъ и я съ Черемшанскимъ.

Мы жили съ Черемшанскимъ вмѣстѣ, жены наши также очень подружились; такъ какъ это былъ осенній вакатъ 1873 года и времени свободнаго было много, то мы его и наполняли тѣмъ, что взаимно другъ друга взвинчивали и подкрѣпляли мысль о желательности совмѣстнаго путешествія въ страшный Лондонъ, о которомъ много слышали дурного вмѣстѣ съ хорошимъ. Кончилось это, разумѣется, тѣмъ, что и слѣдовало ожидать, что мечты постепенно начали переходить въ дѣйствительность. Мы во всемъ полагались на англійскій языкъ Екатерины Николаевны; для большей увѣренности, впрочемъ, прежде, чѣмъ ѣхать, рѣшили нѣсколько удостовѣриться и подкрѣпить ея знанія и умѣніе обращаться съ этимъ невозможнымъ птичьимъ языкомъ въ разговорѣ и пригласили англичанку. Оказалось, съ нею бойко объясняется наша переводчица, и въ свою очередь понимаетъ ее; послѣ чего, подбодрившись, мы уже болѣе рѣшительно начали думать о нашемъ путешествіи. Причиной поѣздки въ Лондонъ являлось, впрочемъ, не одно любопытство, но совѣтъ многихъ лицъ, какъ русскихъ, такъ и нѣмцевъ. Двое нашихъ москвичей (Посниковъ и Соболевскій) уже успѣли раньше побывать въ Лондонѣ и очень хвалили его. Знаменитый Рошеръ неоднократно изъявлялъ Чупрову свой рѣшительный совѣтъ ѣхать русскимъ въ Англію, чтобы изучать политическую экономію тамъ съ большей пользой, чѣмъ въ Германіи!..

Наконецъ, послѣ нѣсколькихъ колебаній этотъ вопросъ былъ рѣшенъ окончательно. Совмѣстно, на нѣсколько недѣль мы рѣшили предпринять эту поѣздку, съ самыми малыми, при томъ, денежными средствами, которыя у насъ тогда были на рукахъ. Помню, я даже занялъ для этой цѣли у добраго Лешера что-то около ста талеровъ. 9-го ноября 1873 года я писалъ любимой мною матери моей жены слѣдующее, сохранившееся у меня письмо: „Жребій брошенъ, завтра или уже не далѣе, какъ въ воскресенье, мы отправляемся въ страш-

ный Лондонъ съ господами Черемшанскими, о которыхъ вамъ Катя пишетъ. Вы ошибаетесь, думая, что насъ страшитъ этотъ городъ малымъ знаніемъ языка; это собственно не велика бѣда, съ голода не помремъ, да жена моя не такъ плохо его знаетъ, чтобы не объясниться для удовлетворенія первыхъ потребностей. Здѣсь къ намъ ходила нѣсколько дней англичанка, съ которой она такъ и рѣзала на этомъ птичьемъ языкѣ. Жаль, конечно, что я не предвидѣлъ, сначала, необходимости побывать въ Лондонѣ и раньше самъ не занялся разговорнымъ языкомъ. Насъ страшитъ совсѣмъ другое, дороговизна лондонской жизни и мошенничество, доведенное тамъ до артистичности, говорятъ, какъ нигдѣ"!

Такимъ образомъ, наконецъ, состоялась эта желанная поѣздка въ Англію. Мы вечеромъ, въ третьемъ классѣ со скорымъ поѣздомъ, по Прирейнской дорогѣ направились на Антверпенъ въ Бельгію, чтобы тамъ сѣсть на пароходъ и прямо ѣхать до мѣста назначенія, т. е. до Лондона. Самые цѣнные пункты и остановки до тонкости изучены и выбраны по гидамъ. И такъ, съ Богомъ, въ путь! Такъ рѣшился одинъ изъ очень важныхъ въ моей жизни шаговъ къ дальнѣйшему моему усовершенствованію и занятію науками и должному ходу всей моей практической жизни.

Увы, первый блинъ, по русской поговоркѣ, вышелъ комомъ! Наше путешествіе началось благополучно. Курьерскій поѣздъ мчался безъ удержку и почти безъ остановокъ. Мы размѣстились, какъ могли въ третьемъ классѣ, попавши въ отдѣльное купэ, довольно удобное и скоро заснули молодымъ здоровымъ сномъ. Глубокой ночью почувствовали, что поѣздъ остановился и стоитъ что-то неестественно долго; начали просыпаться, выглянули въ окна. Оказалось, упорно стоимъ гдѣ-то между университетскимъ городкомъ Бонномъ и Кельномъ. Изъ разспросовъ желѣзнодорожной прислуги, бѣгавшей на маленькомъ бангофѣ и отвѣчавшей неохотно, мы узнали только, что случилось около самой станціи какое-то несчастье; столкнулись два поѣзда, вслѣдствіе этого путь загороженъ, и намъ вѣроятно придется пересаживаться, чтобы ѣхать дальше. Наконецъ раздался звонокъ, и кондуктора пригласили всю ѣхавшую публику выйти изъ вагоновъ и пройти пѣшкомъ вдоль рельсовъ довольно длинное разстояніе, чтобы сѣсть въ новые вагоны и поѣздъ насъ ожидавшій дальше. Еще была глубокая ночь. Намъ пришлось перелѣзть черезъ дорогу и рѣшетку вдоль насыпи и идти по очень дурной дорогѣ, по какому-то огороду, безпрестанно спотыкаясь. Ручной багажъ оттягивалъ руки и очень затруднялъ. Я какъ-то случайно повредилъ себѣ палецъ и съ трудомъ тащилъ тяжести. Смоляные факелы освѣщали нашъ путь довольно мрачно, какъ на

похоронахъ. По сторонамъ лежали разбитые вагоны въ довольно значительномъ количествѣ. На разспросы наши, были ли погибшіе люди, отвѣчали, однако, что пострадавшихъ будто бы не было, кромѣ одного раненаго кондуктора, хотя курьерскій поѣздъ столкнулся съ пассажирскимъ. Наконецъ дошли до цѣли, вскарабкались вновь въ вагоны и быстро доѣхали до огромнаго вокзала въ Кельнѣ, но лишь въ 9 часовъ утра, вмѣсто семи, какъ слѣдовало по расписанію. Поэтому поѣздъ, съ которымъ мы должны были ѣхать дальше къ границамъ Бельгіи и къ Антверпену, уже давно ушелъ, и намъ пришлось ждать слѣдующаго, вмѣсто скораго, простого пассажирскаго.

Послѣ утомительнаго и скучнаго ожиданія въ Кельнѣ, мы отправились дальше и благополучно ѣхали нѣсколько часовъ до самой границы Бельгіи, которая отъ этой маленькой послѣдней станціи отдѣляется отъ Германіи горой, съ довольно длиннымъ туннелемъ. Опять продолжительная остановка и послѣ нѣкотораго надоѣданія прислугѣ, услышали тоже роковое объясненіе: въ туннелѣ имѣло мѣсто столкновеніе двухъ поѣздовъ: скораго изъ Кельна, съ которымъ мы должны были ѣхать, если бы не опоздали ночью, съ бельгійскимъ товарнымъ. Пока не очистятъ туннель, да не разберутъ крушенія, отвѣчали, намъ нельзя-де двигаться дальше. Прошло еще часа два утомительнаго ожиданія, пока намъ скомандовали садиться въ наши старые вагоны. Мы благословили небо и думали, что все приключеніе окончено и дальше поѣдемъ безъ остановокъ. Какъ бы не такъ! Проѣхавши съ версту съ чѣмъ-то до начала туннеля поѣздъ остановился. Намъ приказали выходить и пѣшкомъ пройти туннель до другого конца. Раздавались на всѣхъ языкахъ оханья и проклятія, потому что туннель, видимо, былъ длинный, его конца не видно, а отъ станціи отъѣхали уже порядочно; дѣлать было нечего. Мрачный туннель опять былъ освѣщенъ смоляными факелами и фонарями. Картина крушенія была гораздо ужаснѣе, чѣмъ предшествующую ночь. Вдоль всего туннеля лежали разбитые вагоны. Первые, только сошедшіе съ рельсовъ и отчасти поврежденные, но чѣмъ дальше, тѣмъ хуже. Большое число вагоновъ разбито на части. Половина вагона въ одной сторонѣ, другая въ другой и намъ приходилось лавировать, чтобы пройти между остатками. Особенно страшную картину представляло крушеніе при выходѣ изъ туннеля на бельгійской сторонѣ. Нѣсколько вагоновъ смѣстились силою столкновенія другъ на друга, доставали передними колесами края выемки и висѣли какъ бы на воздухѣ. Днища были разбросаны по туннелю. Вѣроятно, въ силу той же системы молчанія при подобныхъ приключеніяхъ, намъ никто не хотѣлъ отвѣтить о результатѣ

жертвъ или потерь людьми, хотя несомнѣнно по остаткамъ было разбито много именно пассажирскихъ вагоновъ.

Когда мы наконецъ измученные и утомленные добрались до перваго ожидавшаго насъ бельгійскаго поѣзда, то непріятнымъ сюрпризомъ, вдобавокъ къ ужасамъ всей этой ночи, явилось требованіе съ насъ какой-то добавочной платы за экстренный поѣздъ, и только единодушный протестъ и возраженіе со стороны публики на ближайшей станціи всему мѣстному начальству заставили бельгійцевъ согласиться оставить насъ безъ этого штрафа за чужую вину.

Вмѣсто ранняго утра мы пріѣхали въ Антверпенъ лишь въ половинѣ четвертаго, осмотрѣли немного городъ и приготовились на слѣдующій день сѣсть на пароходъ, чтобы ѣхать прямо въ Лондонъ. Черемшанскій, какъ медикъ, взялъ на себя хлопоты и заботы о нашемъ здоровьѣ. Часа въ четыре на слѣдующій день мы размѣстились въ каютахъ II класса и двинулись въ путь, сначала, конечно, благополучно, пока ѣхали по Шельдѣ, но едва выѣхали въ море, началась жестокая качка, которая постепенно усиливалась. Я тотчасъ обратился къ Черемшанскому за лѣкарствомъ, но, увы, при первомъ же пріемѣ самаго сильно дѣйствующаго, по его мнѣнію, чуть ли не танина, со мной сдѣлался сильнѣйшій припадокъ морской болѣзни. Моему примѣру немедленно послѣдовалъ самъ докторъ, мы поочередно ухаживали другъ за другомъ, слыша при томъ часто изъ дамской каюты голосокъ моей супруги, тоже чрезвычайно страдавшей этой болѣзнью. Единственной, по какой-то непостижимой прихоти судьбы, свободной все время отъ болѣзни, была m-me Черемшанская, какъ учено потомъ объяснялъ ея мужъ, въ виду того, что она въ отдаленномъ сибирскомъ городишкѣ, гдѣ выросла, привыкла упражняться чуть не ежедневно на качеляхъ и такимъ путемъ застраховала себя отъ этой ужасной морской болѣзни.

Рано утромъ мы вошли въ Темзу, при чемъ почти всю ночь не спали. Лица у всѣхъ были блѣдныя, а желудки пусты, мы замѣтно ослабѣли и нѣсколько разъ подымали вопросъ, хорошо ли сдѣлали, что пустились въ такое проклятое путешествіе, но воротиться, увы, нельзя было. Довольно рано, что-то около восьми часовъ, наконецъ, доѣхали въ туманѣ до пароходной пристани въ центрѣ Лондонскаго City, такъ называемой „Катерининой верфи“. Тамъ послѣдовалъ довольно длинный и обстоятельный таможенный досмотръ, при чемъ англійскіе таможенные, не ограничившись осмотромъ чемодановъ и мѣшковъ всякаго рода, вытряхали мои запасные русскіе сапоги и ботинки m-me Черемшанской, чтобы удостовѣриться, что мы

туда ничего запретнаго не запрятали. Наконецъ утомительная процедура окончилась, и мы по Бедекеру сказали носильщику, чтобы онъ привелъ кэбъ, т. е. извощичью карету, и настойчиво потребовали, ссылаясь на стоящаго полисмена, чтобы кэбъ везъ насъ именно въ выбранный нами Диккенсъ-отель, подкупившій насъ своимъ почтеннымъ названіемъ.

Два дня прошли въ шатаніи по городу двухъ русскихъ парочекъ на удивленіе всѣхъ зѣвакъ, подвергаясь иногда неожиданнымъ разспросамъ и приставанію отъ уличныхъ мальчишекъ и какихъ-то подозрительныхъ личностей, при чемъ, слѣдуя наставленію Бедекера, мы немедленно говорили: „Police"! и искали глазами спасительнаго полисмена, при чемъ пристававшая личность быстро стушевывалась, оставляя насъ въ покоѣ. Вообще въ первый разъ въ жизни мы постигли вполнѣ ясно, что полицейскій долженъ быть самой пріятной персоной для всякаго благонамѣреннаго смертнаго, и привыкли взирать всегда на крупныхъ и необыкновенно здоровыхъ представителей въ Англіи этой службы со спокойной увѣренностью и даже удовольствіемъ.

Вотъ что писала моя жена своей матушкѣ черезъ два дня нашего пребыванія въ Лондонѣ о своихъ общихъ впечатлѣніяхъ: „До того много самыхъ разнообразныхъ впечатлѣній прошло", писала она, „въ эти два дня, что чувствуешь себя какъ бы во снѣ; а если кто спроситъ, что собственно я видѣла, что меня поражало, то право не сразу найдусь отвѣтить. Хотѣть описать вамъ свои ощущенія на клочкѣ бумаги и при томъ въ возбужденномъ настроеніи, было бы глупо. Скажу только, что дѣловое движеніе и промышленное развитіе обнаруживается здѣсь чуть ли не на всякой улицѣ и болѣе поражаетъ меня, чѣмъ самыя рѣдкости и прелести, которыя видѣли въ здѣшнихъ музеяхъ и другихъ подобныхъ учрежденіяхъ. Публичная жизнь не ограничивается, впрочемъ, въ Лондонѣ улицей, она пробивается подъ нее, она создаетъ новый міръ подземный, гдѣ движеніе такъ называемой подземной дороги уподобляется движенію во время грозы. Подобно шуму грома раздаются крики кондукторовъ на станціяхъ подземной желѣзной дороги. Вслѣдъ за ними промелькнетъ поѣздъ, чтобы черезъ секунду опять, при новомъ раздающемся крикѣ кондуктора летѣть дальше и дальше и быть замѣненнымъ другимъ и еще другимъ поѣздомъ..."

„Не мудрено, что въ концѣ дня чувствуешь себя въ разстроенномъ положеніи, когда весь день глаза и уши напрягаются до такой степени. Здѣсь почти нѣтъ улицъ, гдѣ бы чувства могли отдохнуть, они постоянно находятся въ натянутомъ состояніи, и это переходитъ даже въ сонъ"...

„Самой не вѣрится", пишетъ она вскорѣ въ другомъ письмѣ, (отъ 13 октября 1873) „а вамъ можетъ показаться еще страннѣе, что ваша Катя попала въ ужасный Лондонъ, а вѣдь просто можно благодарить судьбу, что мы не погибли по дорогѣ сюда во цвѣтѣ лѣтъ! Два раза въ одну и ту же ночь были страшныя крушенія поѣздовъ, и чуть только не подъ нашимъ носомъ, потомъ бурный переѣздъ по морю"!...

Черезъ нѣсколько дней мы устроились болѣе прочно. Наняли комнатки по болѣе дешевой цѣнѣ, нежели въ отеляхъ, въ Keppel-Street, вблизи Британскаго музея у Г-жи Siggers, которую намъ рекомендовали жившіе у нея прежде россіяне, гдѣ и получили въ наше распоряженіе двѣ комнаты рядомъ, съ огромными колымагами-постелями, занимавшими большую часть пространства, и на которыхъ въ случаѣ надобности можно было бы уложить цѣлое семейство. Оказалось, что г-жа Siggers старая и очень добродушная дама, далеко уступавшая по своему образованію и развитію любой, вѣроятно, хозяйкѣ меблированныхъ комнатъ Германіи. При этомъ она отличалась вдобавокъ двумя качествами, нестерпимой болтовней, отъ которой, страдала и даже жертвою была моя жена, единственная ее вполнѣ понимавшая. Она постоянно что-то разсказывала о какомъ-то своемъ добромъ двоюродномъ братѣ и о какомъ-то путешествіи, когда мы начали, наконецъ, понимать немного ея англо-ирландскій діалектъ. Сверхъ того mrs Siggers отличалась большой привязанностью къ джину и рому, что приводило ее часто въ веселое настроеніе, а щеки постоянно покрывало густымъ румянцемъ. Впрочемъ, при ея несомнѣнномъ добродушіи, ладить съ ней было вполнѣ возможно, хотя и не всегда пріятно.

Недѣли двѣ быстро пролетѣли у насъ въ Лондонѣ въ осмотрѣ многочисленныхъ музеевъ, картинныхъ галлерей, Хрустальнаго дворца и другихъ достопримѣчательностей, которымъ тамъ нѣтъ конца. Наши спутники Черемшанскіе начали настойчиво говорить объ отъѣздѣ и возвращеніи въ милый Гейдельбергъ, гдѣ мы также, подобно имъ, оставили всѣ наши вещи, взявши съ собой только маленькій ручной чемоданъ съ парой бѣлья. Наконецъ, Черемшанскіе въ серьезъ собрались ѣхать во-свояси и при томъ окружной дорогой, черезъ Парижъ. Мы же съ женой, по зрѣломъ размышленіи, рѣшили еще остаться на пару недѣль, какъ выражаются нѣмцы, по двумъ причинамъ: во-первыхъ, Лондонъ намъ чрезвычайно понравился, и чѣмъ дальше, тѣмъ нравился больше и больше; я начиналъ мало-по-малу сознавать, что Англія наиболѣе подходящая страна, какъ для моего дальнѣйшаго развитія и усовершенствованія, такъ и занятій финансами, что особенно быстро и блистательно

оправдалось послѣ личнаго ознакомленія съ библіотекой Британскаго музея.

Была и вторая причина не спѣшить намъ изъ Лондона вслѣдъ за Черемшанскими. Тѣ небольшія деньжонки (сто талеровъ), съ которыми я пріѣхалъ, очень быстро подходили къ концу, а между тѣмъ присылки моего третного жалованія, падавшаго на это время, почему-то не послѣдовало. Я писалъ два раза справки въ Петербургъ, черезъ г. Икорникова въ Министерство, но никакого отвѣта не получилъ. Волей неволей приходилось запасаться терпѣніемъ.

Первое время послѣ отъѣзда Черемшанскихъ прошло въ продолженіи тѣхъ же осмотровъ Лондона и разныхъ достопримѣчательностей, но скоро стало надоѣдать, и немного мучила совѣсть, когда же примемся наконецъ за дѣло? Главное дѣло для меня должно было заключаться, конечно, въ писаніи диссертаціи, и я давно былъ озабоченъ вопросомъ о выборѣ подходящей темы для того. Два года моихъ занятій въ качествѣ преподавателя статистики въ Императорскомъ Техническомъ училищѣ оставили глубокій слѣдъ въ моихъ вкусахъ и наклонностяхъ въ выборѣ любимыхъ темъ для моихъ занятій въ области народнаго хозяйства: меня всегда особенно здѣсь интересовали вопросы науки, связанные такъ или иначе именно съ промышленностью и торговлей; въ этой же области я (находясь за границей въ такъ называемой профессорской командировкѣ) искалъ для себя темъ по финансовому праву, по которому и долженъ былъ получить ученую степень. Очевидно, мнѣ лучше всего было сосредоточиться поэтому на косвенныхъ налогахъ, непосредственно соприкасающихся съ любимымъ отдѣломъ науки... Чтеніе извѣстной брошюры Лассаля, какъ разъ въ это время, о косвенныхъ налогахъ произвело на меня глубокое впечатлѣніе: я захотѣлъ выяснить и провѣрить, насколько Лассаль правъ, что эти налоги служатъ какъ бы средствомъ для богатыхъ классовъ перелагать свою финансовую тягость на бѣдные, или малоимущіе классы; я чувствовалъ уже смутно, что такая провѣрка можетъ быть сдѣлана лишь путемъ изученія соотвѣтствующей исторіи какого-либо народа, но какой народъ для этого выбрать и какъ приступить къ дѣлу? Съ нѣмецкой литературой по вопросу я познакомился изрядно, но никакихъ указаній на надлежащій путь въ работѣ я въ ней не нашелъ.

Когда я пріѣхалъ въ Лондонъ и попалъ нѣсколько позднѣе (что опишу отдѣльно) въ книжную сокровищницу Британскаго музея, въ которомъ попытался ознакомиться по каталогамъ именно съ литературой о косвенныхъ налогахъ, то я былъ буквально пораженъ богатствомъ незнакомой мнѣ литературы, оригинальностью англій-

ской мысли и учрежденій и скоро получилъ тамъ больше новыхъ идей о косвенныхъ налогахъ, нежели принесли мнѣ раньше всѣ лекціи и разговоры стараго Рошера. Я письменно устроился тогда съ Черемшанскими въ Гейдельбергѣ относительно сдачи своей квартиры и вещей, о которыхъ они тогда предложили позаботиться, и остался въ Лондонѣ всего, вмѣсто двухъ недѣль, около девяти мѣсяцевъ, съ малымъ перерывомъ для поѣздки позднѣе на короткое время въ Мюнхенъ.

Помимо соображеній, такъ сказать, профессіональныхъ о диссертаціи, мои вкусы и симпатіи Лондонъ завоевалъ и по другимъ причинамъ. „Трудно себѣ представить, напримѣръ“, писалъ я въ это время изъ Лондона родственникамъ, „всю затягивающую умственную атмосферу Лондона. Каждый день открываю, могу сказать безъ преувеличенія, новые запасы для мозговой дѣятельности, то книгу, то какое-нибудь наблюденіе, то просто газету. Газеты“, писалъ я, „здѣсь замѣчательны. Можно сказать безъ всякаго парадокса, что тотъ, кто въ Англіи не пожилъ, газетъ не знаетъ и не понимаетъ. Прежде всего онѣ въ высшей степени разнообразны тамъ и богаты содержаніемъ. Есть особенные органы для всѣхъ спеціальныхъ вопросовъ. Напримѣръ, газета, преслѣдующая задачу уничтоженія одного какого-нибудь налога, газета для собирающихся жениться, газеты для нежелающихъ праздновать воскресенья, газеты для атеистовъ одного оттѣнка, газета, содержащая только свѣдѣнія объ ужасныхъ убійствахъ, и т. п. газеты, безъ конца. При ихъ множествѣ и богатствѣ содержанія, онѣ стоютъ неимовѣрно дешево; въ 10 огромныхъ страницъ газетина стоитъ часто лишь 3 копѣйки, и вы получаете извѣстія не только со всего міра, но преимущественно о тѣхъ вопросахъ, которыми интересуетесь и газета посвящена; нужно только взять спеціальную газету. На дняхъ моя жена вѣрно замѣтила, что здѣсь можно получить образованіе, читая только однѣ газеты. Въ воскресенье мы съ ней обыкновенно за газетами и проводимъ весь день, т. к. все заперто, удовольствій и развлеченій никакихъ по воскреньямъ не допускается, даже почта не дѣйствуетъ, всѣ письма пріостанавливаются. Англичанами мы очень довольны, недавно посѣтили здѣсь двѣ коопераціи, одну земледѣльческую, другую—типографію (производительная ассоціація въ огромныхъ размѣрахъ). Вездѣ принимали насъ чрезвычайно любезно, особенно въ первой, надавали книгъ, приложеній, и т. д. Затѣяли переписку съ однимъ здѣшнимъ финансистомъ (ученымъ), который прислалъ немедленно свои сочиненія, и у насъ затѣялся письменный диспутъ о свободной торговлѣ и ея выгодахъ“. На каждомъ его письмѣ стояло, какъ мотто или эпиграфъ, положеніе, выражавшее сущность его эконо-

мическихъ воззрѣній: „Universal Free-Trade is Universal Peace“, (Всеобщая свободная торговля есть всеобщій миръ)“.

Все вмѣстѣ тянуло, конечно, насъ къ оставленію въ Лондонѣ на продолжительное время. Множество неизвѣстныхъ почти на континентѣ книгъ, особенно изданій разныхъ политическихъ обществъ, посвященныхъ спеціально финансовымъ вопросамъ, напримѣръ „ассоціація финансовыхъ реформъ“, вмѣстѣ съ окружающимъ насъ оригинальнымъ складомъ англійской жизни и газетами, давало столько умственныхъ импульсовъ, что отъ продолжительнаго пребыванія можно было только ждать великой для себя пользы и еще раньше даже, чѣмъ я познакомился съ богатствомъ библіотеки Британскаго музея, этой лучшей сокровищницей знаній, какую я видѣлъ первый разъ въ жизни.

Но прежде чѣмъ описывать Британскій музей и водвореніе въ немъ, я долженъ вернуться къ одному постороннему, но очень характерному эпизоду моей жизни въ это время. Какъ я упоминалъ раньше, въ концѣ 1873 года мое жалованье или стипендія изъ Министерства не приходило къ сроку, несмотря на мои тщетныя письма и напоминанія Министерству: что была за причина, не понимаю до сихъ поръ, но опозданіе произошло не менѣе, чѣмъ на два мѣсяца, время достаточное, чтобы умереть въ Лондонѣ съ голоду безъ денегъ. Тутъ имѣли мѣсто два факта въ моей жизни, заслуживающіе вниманія. Мнѣ пришло въ голову, не могутъ ли деньги, мнѣ присланныя въ Лондонъ, почему либо быть отправлены въ посольство, не нужно ли мнѣ тамъ справиться, чтобы добиться, наконецъ, полученія и высылки слѣдующаго мнѣ содержанія. И вотъ я ѣду въ посольство, въ которое собственно, по данной мной подпискѣ Министерству, я и обязанъ былъ являться, но первоначально занятъ былъ другимъ и не исполнилъ этого петербургскаго требованія.

Когда я подошелъ къ роскошному дому Chasham House, въ аристократической части города, принадлежащему нашему послу, тогда, кажется, барону Бруннову и попробовалъ пройти мимо важнаго, колоссальнаго роста привратника въ вестибюлѣ посольства, то онъ меня немедленно остановилъ неожиданнымъ вопросомъ: „Вы русскій?“ „Yes“, отвѣтилъ я. „Въ такомъ случаѣ вамъ нельзя войти сюда“. — „Какъ нельзя, почему?“ — „Посолъ разъ навсегда принялъ за правило русскихъ сюда не пускать. Если желаете имѣть какую-нибудь надобность до своего правительства, или даже до самого посла, то извольте прислать ваше желаніе письменно, или обратиться къ генеральному консулу въ City, въ другой части Лондона. Здѣсь же вы никоимъ образомъ не можете быть приняты, кромѣ по личному распоряженію посла“. Я былъ въ боль-

шомъ затрудненіи. Сказалъ суровому привратнику, что мнѣ до консула, собственно, дѣла нѣтъ, потому что я не по торговой надобности и не по паспорту, показывалъ даже свой паспортъ, чтобы подтвердить это, но величавый англійскій представитель русскаго посольства отклонилъ рѣшительно всѣ переговоры и твердилъ мнѣ одно только слово: „No, no, no, no...“

Дѣлать было нечего; тогда я отправился къ русскому священнику, съ которымъ имѣлъ удовольствіе познакомиться, къ извѣстному отцу Евгенію Ивановичу Попову, пользовавшемуся всеобщимъ уваженіемъ всѣхъ русскихъ, его видѣвшихъ и всѣхъ англичанъ. Я объяснилъ ему мои затрудненія. Онъ мнѣ только подтвердилъ такое распоряженіе. „Мы имѣемъ“, говорилъ онъ, „весьма мало отношенія къ русскому посольству, можно сказать, почти чужды ему. За десятки лѣтъ моего пребыванія въ Лондонѣ были назначаемы главнѣйшимъ образомъ послы только изъ нѣмцевъ, протестантовъ, которые, разумѣется, не могли быть прихожанами нашей православной церкви и бывали у насъ только въ царскіе дни. Вотъ, другое дѣло, если бы вамъ была какая-либо надобность въ Турецкое посольство, я бы могъ легко доставить вамъ всякое въ этомъ случаѣ покровительство отъ моего почтеннаго прихожанина Музурусъ-Паши, родомъ грека, турецкаго паши, болѣе 30 лѣтъ посла въ Лондонѣ. Турецкое посольство и бываетъ у насъ въ церкви очень часто, впрочемъ, обращаясь ко мнѣ, „я знаю одно средство проникнуть вамъ въ настоящее русское посольство. Тамъ недавно получилъ занятіе нашъ причетникъ Орловъ, по письменной части, котораго вы, кажется, встрѣчали. Вотъ вамъ моя англійская карточка, отправляйтесь съ ней опять въ посольство и скажите грозному привратнику, что вы присланы мной по надобности церкви къ причетнику, занятому въ канцеляріи, вѣроятно, тогда онъ васъ пуститъ. Можете Орлову объяснить, что вамъ надо на счетъ вашего жалованья“. Такъ я и сдѣлалъ. Былъ допущенъ, впрочемъ, не дальше вестибюля, поговорилъ съ Орловымъ, но, къ сожалѣнію, все-таки моихъ денегъ въ посольствѣ не оказалось, и мои хлопоты въ данномъ случаѣ оказались напрасны.

Любопытно, что когда я разсказалъ хозяйкѣ нашей квартиры о своей неудачѣ проникнуть въ русское посольство и о рѣшительномъ отказѣ въ пріемѣ именно только русскимъ, простоватая и неразвитая Mrs Siggers впала въ настоящій ражъ и начала настойчиво мнѣ совѣтовать, чтобы я написалъ и пожаловался на посла своей королевѣ (?), что навѣрное, по ея мнѣнію, будетъ успѣшно— такіе случаи уже бывали, говорила она. Смѣшная англичанка воображала, разумѣется, что всюду сидятъ королевы, одинаково съ

королевой Викторіей, милостиво относящіяся къ жалобамъ своихъ подданныхъ!!.

Единовременно, въ виду того, что у меня деньги вышли и послѣднюю недѣлю приходилось намъ уже жить въ долгъ у mrs Siggers, которая добродушно соглашалась ждать денегъ за квартиру, я хлопоталъ о средствахъ изъ разныхъ источниковъ, между прочимъ, тщетно требовалъ, написалъ цѣлыхъ *девять писемъ* редактору „Русскихъ Вѣдомостей" Скворцову, чтобы получить 98 рублей, которые мнѣ газета была должна за годъ корреспонденцій изъ Германіи и Швейцаріи въ разное время; письма писалъ сначала вѣжливо и любезно, затѣмъ грубо и невѣжливо, дерзко, настойчиво, просительно и съ угрозами, но рѣшительно ничего не дѣйствовало, и деньги не были присланы! Тогда я вспомнилъ о томъ, что у меня въ Москвѣ существуетъ одинъ близкій пріятель—студентъ Сиверцевъ, и вотъ я послалъ ему письмо съ убѣдительнѣйшей просьбой взыскать эти деньги, которыя не хочетъ, мнѣ казалось, выплатить редакторъ „Русскихъ Вѣдомостей". Прошло недѣли четыре безъ отвѣта. Наконецъ, я получилъ его отъ Сиверцева съ довольно страннымъ содержаніемъ(!!?) Во-первыхъ, онъ довольно энергично защищалъ Скворцова отъ упрековъ, увѣряя меня, что онъ вполнѣ честный человѣкъ, не отрицалъ долга и согласился немедленно его уплатить, когда онъ его засталъ, посѣтивши редакцію *пять разъ*, но что затѣмъ, онъ, Сиверцевъ, удивляется, *какъ я могъ къ нему обратиться съ подобнымъ порученіемъ*, ибо долженъ знать его неисправность и слабость въ денежномъ отношеніи и что онъ проситъ меня написать (хотя ему адресъ мой былъ извѣстенъ), что съ этими деньгами дѣлать, *что онъ ихъ уже издержалъ*, но что скоро получитъ и по моему распоряженію тогда вышлетъ куда я скажу(??!!).

Такимъ образомъ, благодаря этой русской дружественной исправности, вновь прошло нѣсколько недѣль, пока я, наконецъ, дѣйствительно, несомнѣнно, имѣя дѣло съ честными русскими людьми, получилъ наконецъ свои деньги, но единовременно съ тѣмъ пришло наконецъ и мое запоздавшее жалованье и пришелъ заемъ или точнѣе ссуда, о которой я просилъ въ Россіи у родственниковъ моей жены, и такимъ образомъ наступило настоящее émbarras de richesses;—„не было полушки и вдругъ алтынъ!!!".

Я успокоился наконецъ, получивши такимъ образомъ средства, необходимыя для существованія, и рѣшился первѣе всего приступить къ писанію диссертаціи. Однажды ко мнѣ зашелъ вышеупомянутый причетникъ Н. В. Орловъ и предложилъ, если желаю, пойти съ нимъ въ читальню Британскаго музея, гдѣ я еще до тѣхъ поръ не былъ. Я охотно отправился; но насъ, какъ не имѣвшихъ вход-

ныхъ билетовъ, допустили лишь по заведенному тамъ порядку только „till Glass“ (до стекла), т. е. до входа въ огромную круглую залу читальни, откуда мы могли видѣть черезъ большое стекло все это превосходное учрежденіе въ нѣсколько этажей, наполненныхъ сверху до низу книгами, со множествомъ столовъ, идущихъ отъ каталоговъ, расставленныхъ концентрическими кругами отъ середины залы, многочисленныхъ открытыхъ шкаповъ, въ уровень зала, для свободнаго, безъ всякаго спроса пользованія всевозможными справочными книгами. Огромный куполъ надъ залой бросалъ свѣта достаточно, несмотря даже на лондонскіе туманы. Зала была наполнена народомъ при относительной въ то же время тишинѣ, располагающей къ занятіямъ (полъ сплошь покрытъ толстымъ резиновымъ ковромъ). Я пришелъ въ восторгъ отъ вида одного только зала и немедленно отправился съ Орловымъ къ секретарю за полученіемъ билета, что, увы, оказалось, требовало длинной процедуры. Билетъ, дающій доступъ въ читальню, обязательно долженъ быть подписанъ какимъ-либо постояннымъ жителемъ Лондона, при чемъ не всѣмъ оказывалось довѣріе; наша пьяненькая mrs Siggers не пользовалась имъ, и мнѣ пришлось ради билета ѣздить къ консулу въ City за подписью. Женѣ же моей прямо было отказано въ выдачѣ билета *по ея несовершеннолѣтію*. Лица до 21 года доступа въ читальню Британскаго музея не имѣютъ, а ей было всего 18 лѣтъ. Предполагается у англичанъ, что такія лица читаютъ какіе-нибудь пустяки, вродѣ романовъ, наконецъ, вообще не достаточно серьезны, чтобы имъ довѣрить безконтрольно, какъ это дѣлается въ Музеѣ, массу книгъ въ свободное распоряженіе.

И такъ мы были временно разлучены съ женой, я рано утромъ въ девять часовъ отправлялся въ Музей и оставался до закрытія его, что было зимой до 4-хъ часовъ, потому что до изобрѣтенія электричества въ Британскомъ музеѣ только работали при дневномъ свѣтѣ. На полчаса или часъ среди дня, я дѣлалъ перерывъ для обѣда, для котораго сходился у входа въ Музей съ женой, а затѣмъ опять разлучался до вечера или точнѣе закрытія Музея. У меня быстро и незамѣтно въ работѣ проходило время. Оказалось, Британскій музей представляетъ такъ много благопріятныхъ условій для занятій, какъ никакая другая библіотека на свѣтѣ. Несмотря на отсутствіе тогда систематическаго или предметнаго каталога, я находилъ, что искать нужныя и любопытныя сочиненія вовсе не затруднительно въ этой библіотекѣ. Каждый подобный поискъ былъ самъ по себѣ полезенъ, ибо всегда при этомъ встрѣчались названія новыхъ интересныхъ по заглавію или содержанію книгъ. Чтобы найти одну книгу, я всегда обращался съ пачкой „ticket“-овъ для требованія многихъ книгъ.

Лишь найдя и собственноручно записавши необходимую книгу, гдѣ она стоитъ по каталогу, можно было ее потребовать. Но зато въ Британскомъ музеѣ дозволялось требовать неопредѣленное количество книгъ, а потому, при нѣкоторой привычкѣ къ обращенію съ книгами, работа тамъ является въ высшей степени интенсивной. Въ одинъ день можно просмотрѣть 10 или болѣе нужныхъ книгъ и случайно найти истинное сокровище между ними, чего, при старыхъ системахъ библіотечныхъ требованій только посредствомъ записи книгъ и при исканіи библіотекарями, сдѣлать нельзя.

Огромную выгоду Британскаго музея составляетъ также множество, цѣлыя тысячи справочныхъ книгъ, подъ которыми весьма широко разумѣются всѣ наиважнѣйшія изданія по всѣмъ отраслямъ человѣческаго знанія. Сюда одинаково, расположенные систематически входятъ не только всѣ главные учебники всѣхъ наукъ, но и важнѣйшія монографіи, важнѣйшіе журналы и словари буквально всѣхъ языковъ. Всякая справка, требующая въ иныхъ библіотекахъ затраты многихъ дней, здѣсь дѣлается часто въ 10 минутъ или меньше, если только знакомы съ устройствомъ библіотеки достаточно хорошо.

Я съ жаромъ принялся за работу, какъ никогда. Бьющійся около меня сильно пульсъ политической жизни, дебаты парламента, масса памфлетной и брошюрной литературы, изданія многочисленныхъ политическихъ обществъ и богатства, такъ называемыхъ, „Синихъ Книгъ“, все это вмѣстѣ какъ бы объяснило и указало путь и способъ новой работы... Я долженъ, сказалъ я себѣ, изучать исторію англійскихъ косвенныхъ налоговъ, въ связи съ общей экономической исторіей страны, борьбой ея политическихъ партій и спеціально современную литературу предмета. За ранній періодъ я долженъ обратить главное вниманіе на памфлеты, занимавшіе до XVIII столѣтія мѣсто газетъ, а съ конца XVIII—парламентскія пренія.

Усердно просидѣвши съ утра до вечера въ Британскомъ музеѣ, почти 9 мѣсяцевъ, съ однимъ лишь перерывомъ для короткой поѣздки въ Мюнхенъ, о которой будетъ говориться дальше, я собралъ необходимый матеріалъ для первой части историческаго своего изслѣдованія, а для второй, содержащей современное описаніе организаціи англійскихъ акцизовъ и общіе выводы изъ всей работы вмѣстѣ съ критикой, была подготовлена большая часть.

Къ сожалѣнію, мѣсяца два я вынужденъ былъ работать одинъ, жена мнѣ помогать, при всемъ ея добромъ желаніи, не могла, лишенная возможности посѣщать Музей и, по правдѣ сказать, настроеніе духа иногда у меня было не важное при воспоминаніи о томъ, какъ она, бѣдняжка, проводитъ время съ болтливой m-s

Siggers и воюетъ съ мышами, которыхъ оказалось въ нашей комнатѣ, почти совершенной мансардѣ, огромное количество. Ихъ было такъ много, что онѣ безцеремонно днемъ бѣгали по комнатѣ и мебели, а ночью очень часто, какъ я убѣдился въ первый разъ, давали концертъ, испуская какой-то гармоничный пискъ, въ весьма значительномъ количествѣ. Вечеромъ или точнѣе часовъ въ пять, я возвращался домой въ высшей степени усталый отъ напряженнаго труда, такъ что пользоваться обществомъ или помощью жены могъ лишь весьма мало, и дѣло первоначально, слѣдовательно, не могло такъ спориться, какъ бы слѣдовало. Вотъ что, напримѣръ, пишетъ моя жена своимъ родителямъ 21 ноября 1873 года:

„Пишу вамъ, дорогіе мои, пока И. И. легъ отдыхать послѣ долгихъ занятій въ Музеѣ, куда онъ аккуратно ходитъ всякій день утромъ отъ 9 до часу, затѣмъ послѣ обѣда отъ 2 до 4, когда библіотека уже совсѣмъ запирается зимой. Дѣло въ томъ, что мы рѣшили остаться въ Лондонѣ на всю зиму; онъ сильно принялся за подготовку диссертаціи“ (въ слѣдующемъ письмѣ она знакомитъ своихъ родныхъ съ самымъ характеромъ моей работы); „весь день почти мы съ нимъ не видимся, только обѣдать я захожу за нимъ, затѣмъ онъ опять меня покидаетъ и прямо съ обѣда идетъ въ Музей, и только вечеромъ уже сидимъ дома, но и тутъ все жалуется, занятый купленными книгами, что я его отвлекаю отъ чтенія, и собирается меня шутя „отослать къ родителямъ“!? Со вчерашняго дня мы наняли англійскаго учителя для практики языка мужу, который будетъ ходить три раза въ недѣлю. Что же касается меня, то я себя чувствую здѣсь столь же дома, сколько въ Германіи; не имѣю рѣшительно никакого затрудненія въ языкѣ, объясняюсь порядочно, вполнѣ все понимаю. Я знала, что недоставало только пожить мѣсяцъ между англичанами, чтобы наторѣться въ говорѣ. Впрочемъ, теперь меньше имѣемъ дѣло съ англичанами, потому что ходимъ обѣдать въ нѣмецкій ресторанъ (клубъ нѣмецкихъ лакеевъ(!!?)—Deutscher Kellner-Verein, по шиллингу обѣдъ въ пять блюдъ). Для меня хорошую практику составляетъ хозяйка, которой я потому и не посылаю лишь къ чорту, хотя иногда она такъ сильно надоѣдаетъ своей родословной, своими безконечными разсказами по поводу перваго встрѣчнаго предмета или человѣка!! Наша жизнь здѣсь, какъ Вы уже замѣтили изъ моихъ письменныхъ разсказовъ, очень оригинальна. Живемъ въ огромномъ городѣ, между тѣмъ занимаемъ крошечную мансарду, въ которой, что ни повернуться, все что-нибудь задѣнешь. Ежедневно видимъ массу людей, между тѣмъ знакомыхъ ни души не имѣемъ, но я тѣмъ не менѣе полюбила и эту маленькую комнатку, и это людное уединеніе, потому что вижу,

какъ наше пребываніе здѣсь полезно мужу и интересно для меня. Моя цѣль познакомиться въ эти мѣсяцы поближе съ англійской литературой, почему все мое чтеніе исключительно на англійскомъ языкѣ"... „На дняхъ", пишетъ она дальше, „мы отправляемся на митингъ ассоціаціи рабочихъ, куда насъ обѣщалъ провести директоръ одного кооперативнаго общества m-r Greening, къ которому мы обращались за свѣдѣніями относительно устройства и положенія этого общества. Онъ милый очень человѣкъ, и такъ какъ пользуется большимъ значеніемъ въ своей партіи кооператоровъ, то всего лучше можетъ удовлетворить любопытство мужа. Замѣчательно, до какой степени здѣсь развита общественная и политическая жизнь, какъ она проникаетъ во всѣ скромные слои общества"...

Написавъ эти строки своего письма о m-r Greening'ѣ и о посѣщеніи въ будущемъ конференціи рабочаго общества, жена не предвидѣла, какое великое удовольствіе и благо для нея скоро готовится отъ этого самого Гининга. Вслѣдствіе маленькаго ея нездоровья мы убоялись ѣхать очень далеко на другой конецъ Лондона на вышеозначенное засѣданіе и написали извиненіе Greening'у. На другой день во время моихъ занятій въ музеѣ, къ моему удивленію, ко мнѣ подошелъ служитель библіотеки, уже знавшій мое имя, безобразно исковерканное въ m-r „Дженджель" и объявилъ, что меня спрашиваютъ какіе-то господа, желающіе меня видѣть, въ передней комнатѣ музея. Я немедленно вышелъ и, къ великому моему изумленію, нашелъ свою супругу въ обществѣ m-ra Гининга, который былъ настолько любезенъ и обязателенъ, что, въ виду нашей ссылки на болѣзнь жены и отсутствія въ засѣданіи, пріѣхалъ лично узнать о ея здоровьѣ и выразить сочувствіе. Заставши ее совсѣмъ удрученной отъ нескончаемой болтовни m-s Siggers, онъ спасъ ее, предложивши отправиться съ визитомъ ко мнѣ въ Британскій музей.

Узнавши, что я еще не видалъ, откуда получаю заказанныя книги, онъ немедленно вызвалъ одного изъ главныхъ библіотекарей, своего, кажется, хорошаго пріятеля, и тотъ провелъ насъ по внутренности библіотеки, объясняя ясно и досканально все устройство и организацію размѣщенія книгъ, отпуска ихъ, разборки, и т. д. Въ заключеніе, насъ провели въ русскій отдѣлъ, гдѣ познакомили съ m-r Рольстеномъ, главнымъ библіотекаремъ славянскаго отдѣленія (котораго, впрочемъ, я видѣлъ одинъ разъ раньше, какъ объясню далѣе), m-r-омъ Накэ, его замѣнившимъ впослѣдствіи, очень юркимъ польскимъ евреемъ и нѣсколькими другими библіотекарями изъ внутреннихъ отдѣленій музея.

Когда m-r Greening съ нашихъ словъ передалъ имъ выраженіе нашего сожалѣнія, что мы съ женой разлучены цѣлый день, и она

не можетъ мнѣ помогать, какъ бы хотѣла, благодаря строгому ригоризму правилъ, недопускающихъ несовершеннолѣтнихъ для работы, всѣ присутствующіе библіотекари немедленно вошли въ нашъ интересъ, усѣлись вокругъ стола, сочинили и написали совмѣстно прошеніе со своими подписями и ручательствомъ, къ главному „Опекуну", какъ ихъ называютъ,—„Trustee" Британскаго музея, о необходимости сдѣлать въ данномъ случаѣ изъятіе и жену не разлучать съ мужемъ. Благодаря такимъ образомъ любезности англичанъ, вовсе не формалистовъ, когда для этого есть достаточно вѣскія основанія и въ особенности, любезности Грининга, такъ мало насъ знавшаго, мы опять соединились съ женой на цѣлый день и начали вмѣстѣ успѣшно работать, при чемъ работа пошла вдвое скорѣй и болѣе весело. По моему указанію, жена прочитывала и дѣлала конспекты разныхъ книгъ, выписки или переводы, смотря по спеціальности книги, часть же времени посвящала всецѣло на свое собственное чтеніе и образованіе; какъ увѣряла потомъ, въ нѣсколько мѣсяцевъ въ Британскомъ музеѣ она прочла больше, чѣмъ всю свою жизнь внѣ его.

Вотъ образецъ ея описанія музея за первый день полученнаго разрѣшенія, въ ея письмѣ къ матери отъ 16 января 1874 года: „Съ понедѣльника", пишетъ она, „я хожу съ мужемъ въ музей, гдѣ занимаюсь изученіемъ и краткимъ изложеніемъ дѣятельности Вальполя, англійскаго министра въ XVIII столѣтіи. Папашѣ интересно будетъ знать, что предметомъ своей диссертаціи И. И. избралъ исторію акциза въ Англіи (преимущественно акцизъ на вино и водку, такъ что я называю теперь его диссертацію диссертаціей о водкѣ или водочной диссертаціей). Матеріала куча; въ музеѣ можно найти всевозможныя книги, и старыя и новыя, заниматься тамъ отлично. Зала необычайна по своей величинѣ и красотѣ, все прекрасно приспособлено для занятій. Кромѣ тѣхъ книгъ, которыя заказываютъ, вся стѣна зала, которая имѣетъ круглую форму, уставлена разными справочными книгами, исторіями, атласами, всевозможные журналы, всѣ классическія литературныя произведенія и т. д. Въ промежутокъ времени стоитъ только сдѣлать два шага, можно безъ спросу брать любую изъ этихъ книгъ".

„Позанявшись утромъ акцизомъ, я послѣ обѣда посвящаю обыкновенно на чтеніе журналовъ и книгъ общаго интереса. Въ эти нѣсколько дней я уже чтеніемъ пріобрѣла много свѣдѣній, не говоря уже о наслажденіи, которое испытывала, узнала, напримѣръ, о современномъ норвежскомъ писателѣ, о которомъ до сихъ поръ никогда не слыхала. Познакомилась съ португальской литературой эпохи возрожденія, прочла большой отдѣлъ книгъ по разнымъ со-

ціальнымъ вопросамъ. Между прочимъ статьи объ образованіи дѣвочекъ, объ образованіи женщинъ, ихъ способность къ политической дѣятельности, написанныя очень интеллигентной женщиной, женой извѣстнаго политико-эконома, профессора Фоссета, которымъ теперь занимается мой мужъ, и т. д. и т. д. Дома я читаю свои книги, романы Вальтеръ-Скотта, какъ легкое чтеніе, а какъ занятіе, политическую экономію Милля, или перечитываю англійскую исторію, а въ воскресенье читаю съ мужемъ газету „Examiner“ и „National Reformer“, которыя всегда оставляютъ въ головѣ не только кучу новыхъ свѣдѣній, но ясное пониманіе ихъ, возвышая умъ и душу своимъ благороднымъ направленіемъ; „какъ досадно“, восклицаетъ она, „что вы не знаете англійскаго языка, а то пріятно было бы дать вамъ прочесть всѣ эти журналы въ Россіи. Даже въ самыхъ обыкновенныхъ газетахъ нерѣдко появляются замѣчательныя статьи, которыя мы обыкновенно вырѣзываемъ и сохраняемъ. Такимъ образомъ вы видите, все время у насъ проходитъ въ работѣ, а работается весело“!!.

„Англичанами и англійскими устройствами мы все больше и больше восхищаемся, если бы не дороговизна, которая заставляетъ насъ за хорошую цѣну имѣть скверную конурку, экономить, воздерживаться отъ лишняго стакана пива (почему И. И. вѣрно и выбралъ этотъ предметъ для диссертаціи; Вы увидите, онъ, нѣтъ сомнѣнія, будетъ сильно нападать на акцизъ спиртныхъ напитковъ, дѣлающихъ ихъ столь дорогими, что онъ отъ водки совсѣмъ отказался, пива же выпиваетъ лишь одинъ маленькій стаканъ за обѣдомъ); и такъ, если бы не дороговизна, а также полный недостатокъ своего общества, то здѣсь было бы, право, какъ нельзя лучше жить!!?“ Тотъ же вопросъ о недостаткѣ общества, часто конечно, несмотря на дѣятельную рабочую жизнь, приходилъ намъ въ голову и въ нѣсколькихъ нашихъ письмахъ къ роднымъ за это время встрѣчаются шутливыя выраженія, напримѣръ, при встрѣчѣ новаго 1874 года, что „мы тутъ, *отшельникъ съ отшельницей*, встрѣчаемъ новый годъ въ лондонской пустынѣ“, и дѣйствительно это наше первое пребываніе въ Лондонѣ, съ начала октября по конецъ марта, прошло всецѣло за трудной и спѣшной работой, безъ всякаго почти развлеченія и общества и самыми жалкими матеріальными средствами. Такъ какъ моя молодая супруга вела тогда счеты обратно съ послѣдующимъ чрезвычайно аккуратно, то вычислила и сообщила мнѣ, что въ январѣ мѣсяцѣ, напримѣръ 1874 года, при переводѣ на русскую валюту, мы издержали въ Лондонѣ вдвоемъ на все существованіе, включая покупку книгъ и газетъ, молоко для жены и табакъ для меня, всего лишь 71 рубль, что, конечно, нельзя не считать очень скромнымъ???!!!

*

Всѣ письма, которыя я получалъ въ это время изъ Москвы, сообщали мнѣ въ сущности одно и то же: необходимость возвращаться домой непремѣнно съ диссертаціей, если я хочу устроить свою университетскую участь должнымъ образомъ. „Пишите и пишите", что относилось къ диссертаціи, получалъ я отъ всѣхъ благопріятелей, почему и напрягалъ всѣ силы свои, а жена свою помощь, чтобы довести работу до ближайшаго окончанія. Одно время меня обезпокоилъ слухъ изъ Москвы о новыхъ выборахъ на пять лѣтъ моего патрона Мильгаузена, который такъ категорически заявилъ мнѣ въ свое время, что онъ уже кончаетъ службу и будто бы выбираться не будетъ. Произошло какъ разъ наоборотъ. Молодой, относительно, Бабстъ вышелъ въ отставку, сдѣлавшись управляющимъ Московскаго купеческаго банка, и Чупровъ спѣшно былъ приглашенъ начать чтеніе лекцій въ 1874 году въ качествѣ преподавателя. Мильгаузенъ же наоборотъ остался еще на пять лѣтъ. Впрочемъ профессоръ Соколовъ, секретарь факультета, дружелюбно ко мнѣ расположенный, очень скоро, тоже въ ноябрѣ 1873 года, успокоилъ меня на счетъ этого обстоятельства. Вотъ выдержка изъ его письма по этому поводу:

„Очень радъ слышать, что ваши занятія по диссертаціи идутъ успѣшно и къ августу будущаго года будутъ окончены. Это обстоятельство очень важное, и отъ него главнымъ образомъ будетъ зависѣть разрѣшеніе всѣхъ вопросовъ, которые васъ озабочиваютъ, и на которые я могу дать вамъ такой отвѣтъ, основываясь на соображеніи извѣстныхъ мнѣ обстоятельствъ:

„Вопросъ о мѣстѣ для васъ при нашемъ университетѣ главнымъ образомъ зависитъ отъ васъ, т. е. отъ вашей диссертаціи, и рѣшается очень просто. Факультетъ въ настоящее время не имѣетъ недостатка въ свободныхъ вакансіяхъ профессуръ, и только бы имѣлись на лицо люди, признаваемые за достойныхъ и способныхъ, онъ не затруднится съ представленіемъ о назначеніи ихъ. Въ частности ваше положеніе, при наличности вышеуказанныхъ предположеній, не представляетъ на мой взглядъ никакихъ затрудненій. Пусть Камаровскій читаетъ съ осени международное право, пусть Мильгаузенъ продолжаетъ читать финансовое право; и при этихъ комбинаціяхъ для васъ можетъ найтись дѣло и мѣсто. Каѳедра финансоваго права, по уставу, подраздѣляется на двѣ части: а) теорія финансовъ и б) русское финансовое право, распредѣленіе ихъ между двумя лицами и возможно и желательно. Слѣдовательно, вамъ нужно только пріобрѣсти jus ad rem, т. е. изготовить и представить диссертацію, и тогда факультетъ получитъ возможность дѣйствовать для предоставленія Вамъ jus in re. Я не говорилъ объ этомъ въ

факультетѣ и въ настоящее время нахожу это совершенно излишнимъ, но когда придетъ нужное для того время и надобность, я буду говорить и увѣренъ, что никакихъ затрудненій въ существѣ вопроса не представится. И такъ, мой совѣтъ—спокойно вести работу по диссертаціи, окончить ее къ августу и явиться съ нею къ намъ. Частнымъ образомъ я буду вскорѣ говорить о васъ съ Мильгаузеномъ, и каковы бы ни были его намѣренія относительно своей службы при Университетѣ (кажется, въ будущемъ году срокъ его пятилѣтія и новой баллотировки), въ нихъ, я полагаю, не найдется затрудненій для васъ. Пишите диссертацію"...

„Вопросъ о печатаніи ея удобнѣй будетъ разрѣшить здѣсь на мѣстѣ, когда она уже изготовлена. Ваше личное здѣсь присутствіе съ диссертаціей будетъ всего важнѣй. Выводъ опять одинъ и тотъ же: пишите диссертацію! Была бы готова—напечатаютъ".

Къ этому времени упорнаго сидѣнія моего и работы въ Британскомъ музеѣ относится знакомство мое съ однимъ изъ моихъ дорогихъ друзей въ будущей жизни въ Московскомъ университетѣ, Николаемъ Ильичемъ Стороженко. Я его увидалъ въ первый день моего посѣщенія Музея вмѣстѣ съ причетникомъ Орловымъ, о чемъ говорилъ выше. Познакомился же съ нимъ черезъ нѣсколько дней по очень простой причинѣ. Встрѣтивши какія-то затрудненія вначалѣ въ поискахъ за книгами и въ расположеніи каталоговъ музея, я обратился, согласно обычаю, къ такъ называемому „суперинтенденту", т. е. старшему библіотекарю, надзирающему въ читальнѣ за всѣмъ порядкомъ и ходомъ дѣла. Тотъ, видя, что я еще плохо выражаюсь по-англійски, немедленно вызвалъ изъ внутренняго помѣщенія библіотеки извѣстнаго ученаго по славянскимъ языкамъ, мнѣ уже знакомаго Рольстона. Рольстонъ немедленно, со своей стороны, предложилъ меня познакомить, какъ онъ заявилъ, съ моимъ соотечественникомъ, здѣсь въ читальнѣ постоянно занимающимся и хорошо знакомымъ со всѣми порядками библіотеки, профессоромъ Стороженко, что немедленно и исполнилъ. Такимъ образомъ я познакомился впервые съ моимъ будущимъ товарищемъ и близкимъ другомъ, смерть котораго я до сихъ поръ оплакиваю, Николаемъ Ильичемъ Стороженко. Мало встрѣчается на свѣтѣ такихъ добрыхъ, жизнерадостныхъ, веселыхъ и остроумныхъ людей, какъ онъ. Въ его обществѣ и присутствіи нельзя было буквально скучать или, тѣмъ болѣе, грустить. Постоянныя шутки и остроты самаго безобиднаго характера сыпались у него какъ изъ рога изобилія. При этомъ огромномъ чисто малороссійскомъ юморѣ, Николай Ильичъ отличался большимъ умомъ, большими свѣдѣніями въ литературѣ и удивительной памятью, особенно на стихотворенія. При случаѣ онъ

выпаливалъ цѣлыя страницы стихотвореній кого-либо изъ болѣе или менѣе извѣстныхъ поэтовъ и рѣшалъ этимъ, или давалъ извѣстную постановку тому или иному вопросу и при томъ въ такомъ блестящемъ видѣ, что уже дальнѣйшіе споры по этому поводу не могли имѣть мѣста.

Въ концѣ 80-хъ годовъ я написалъ, напримѣръ, и прочелъ публичную лекцію сначала въ Москвѣ и повторилъ ее потомъ въ Петербургѣ, о новомъ гуманитарномъ движеніи въ Англіи среди молодого образованнаго университетскаго общества. Молодые люди во главѣ со стариками, вродѣ профессора Рёскина, и другими шли къ бѣднякамъ рабочимъ въ восточномъ Лондонѣ, поселялись между ними и своимъ усерднымъ трудомъ и примѣромъ старались поднять и улучшить положеніе бѣдныхъ классовъ и сдѣлать ихъ болѣе довольными своимъ существованіемъ. Эти лекціи впослѣдствіи были мною напечатаны въ „Вѣстникѣ Европы" подъ именемъ: „Практическая филантропія въ Англіи" и собраны вмѣстѣ въ моей книгѣ: „Въ поискахъ къ лучшему будущему" (2 изданіе 1908 г.): Н. И. Стороженко, присутствовавшій на этой лекціи, видя и раздѣляя энтузіазмъ публики, очень довольный этимъ чтеніемъ, немедленно обратился ко мнѣ въ антрактѣ съ предложеніемъ къ этой лекціи избрать эпиграфомъ одно французское стихотвореніе въ русскомъ переводѣ, по его мнѣнію наиболѣе подходяще выражающее основныя мысли всего содержанія. Этотъ эпиграфъ, который, къ моему удивленію, черезъ много лѣтъ я встрѣтилъ нечаянно повтореннымъ въ „На днѣ" Максима Горькаго, былъ къ сожалѣнію выброшенъ редакторомъ по цензурнымъ соображеніямъ, и статья появилась безъ него. Стороженко цѣликомъ, тутъ же въ антрактѣ, продиктовалъ мнѣ въ нѣсколько минутъ этотъ любопытный и очень удачный эпиграфъ вступленія къ этой лекціи:

„Если къ правдѣ святой
Міръ дороги найти не умѣетъ,
Честь безумцу, который навѣетъ
Человѣчеству сонъ золотой.
Если бъ завтра землѣ нашей путь
Освѣтить наше солнце забыло,
Завтра жъ цѣлый бы міръ освѣтила
Мысль безумца какого-нибудь!.."

Эта находчивость, остроуміе и постоянно почти веселое ровное настроеніе духа бодрило всѣхъ присутствующихъ и составляло исключительную особенность покойнаго Стороженки. Послѣ начала нашего знакомства черезъ Рольстона, надъ которымъ милый мало-

россъ немало подшучивалъ, увѣряя, что онъ потому къ нему имѣетъ большую симпатію, что одинаково съ нимъ обладаетъ краснымъ носомъ, указывающимъ на извѣстную будто бы слабость (хотя, наоборотъ, въ дѣйствительности Стороженко былъ человѣкъ очень умѣренный по части выпивки), мы начали весело, бокъ-о-бокъ работать въ музеѣ втроемъ (жена къ новому году—въ 1874 году,—была допущена въ читальный залъ), и время проходило совершенно незамѣтно, а результаты получились для работы самые плодотворные. Каждый лишній день открывалъ намъ прекрасную душу Николая Ильича и способствовалъ большему между нами сближенію. Вотъ что, напримѣръ, писала о немъ моя жена своимъ родителямъ, нѣсколько позднѣе, въ іюлѣ мѣсяцѣ 1874 года: „Мнѣ помѣшалъ немедленно вамъ писать своимъ приходомъ Стороженко, нашъ новый знакомый, московскій профессоръ исторіи и литературы; славный онъ человѣкъ, безконечно добрый и общительный, просидѣлъ въ нашей конуркѣ весь вечеръ, все болталъ о разныхъ матеріяхъ. Если придется удобный случай, я васъ непремѣнно съ нимъ познакомлю въ Москвѣ. Впрочемъ, тамъ его пожалуй не поймаешь, у него куча знакомыхъ и между ними много дамъ, которыя, я могу себѣ представить, не подѣлятъ его между собой. Какъ видите, мы теперь не такъ живемъ уединенно, какъ въ началѣ, хотя такъ же скромно въ отношеніи квартиры и ѣды. Небольшое знакомство, впрочемъ, которое у насъ началось, вовсе не служитъ помѣхой нашимъ занятіямъ; оно, напротивъ, лишь доставляетъ необходимую рекреацію для ума и сердца. Изъ музейскихъ часовъ, т. е. промежуткомъ между 9 часами утра и 6 вечера (съ начала весны) мы никогда не позволяемъ себѣ ничего просрочивать. Только вчера позволили себѣ въ первый разъ пропустить цѣлый день и посвятили его на Хрустальный Дворецъ, который, къ сожалѣнію, какъ большая часть музеевъ въ Лондонѣ, открытъ только въ будніе дни. Все это было бы ничего, лишь бы только поскорѣй устроиться...“

Чѣмъ болѣе времени проходило, и главная наша работа на диссертацію подвигалась, тѣмъ больше въ то же время закрадывалось невольно сомнѣніе о будущемъ и о томъ, какъ устроимся впереди.

Въ письмѣ къ матери жена моя пишетъ, напримѣръ, въ это время, въ іюнѣ 1874 года: „Дѣло въ томъ, что мы начинаемъ сильно безпокоиться на счетъ мѣста, съ тѣхъ поръ какъ узнали отъ пріѣхавшаго сюда одного московскаго профессора, что Мильгаузенъ, котораго мужъ долженъ былъ замѣнить, снова выбранъ и остался еще на пять лѣтъ. Правда, намъ писалъ Соколовъ, что хотятъ учредить вторую финансовую каѳадру, но это еще не вѣрно, и во всякомъ случаѣ это будетъ каѳедра по русскимъ финансамъ, такъ

что И. И. придется читать предметъ, которымъ онъ мало занимался, а теперешніе его труды не получатъ непосредственнаго приложенія. Изъ всего этого, главное, обидно, что всѣ эти новости мы узнали со стороны, а что тѣ люди, которые должны были бы, кажется, чувствовать нѣкоторую отвѣтственность, такъ какъ сами обнадежили мужа, тѣ молчатъ, какъ ни въ чемъ не бывало... Мы, конечно, надежды вполнѣ не теряемъ, но обидно будетъ, если придется искать мѣста не въ Москвѣ. Я съ нетерпѣніемъ жду, какъ это все рѣшится? И. И. работаетъ, кажется, какъ нельзя больше, и за нимъ дѣло не должно бы постоять".

Любопытно, что въ то же время у насъ начало появляться съ женой впервые, несмотря на всю усердную работу и удовольствія и культуру англичанъ, нѣкоторое Heimweh, тоска по родинѣ, которая чаще и чаще сказывалась въ нашихъ письмахъ, между прочимъ и въ письмахъ жены къ ея родителямъ, которая съ дѣтства (съ 12 лѣтъ) не видала Россіи, оставаясь безвыѣздно на воспитаніи въ Дрезденѣ. Такъ, въ вышеупомянутомъ письмѣ ея отъ 13 іюня 1874 г. она пишетъ по поводу извѣстія объ ея братьяхъ, уже вернувшихся домой, слѣдующія замѣчательныя строки: „Я по правдѣ сказать не вѣрю, чтобы мальчики", какъ она довольно смѣло называетъ братьевъ, изъ которыхъ одинъ былъ по крайней мѣрѣ гораздо старше ея, а другой былъ почти ровесникомъ, „мало интересовались всѣмъ русскимъ. Мнѣ кажется, я, послѣ того какъ осмотрѣла нѣсколько европейскихъ столицъ, все-таки съ особеннымъ чувствомъ буду проходить черезъ простую русскую деревню. Оттого ли, что женская натура больше живетъ чувствомъ, я сохранила глубокое, хотя и смутное воспоминаніе о картинахъ дѣтства и боюсь, что расплачусь при первыхъ звукахъ русскаго народнаго языка(!). Много я видѣла хорошихъ странъ и вотъ теперь живу въ самомъ центрѣ цивилизаціи, гдѣ поминутно восхищаюсь успѣхами человѣчества, а внутреннее чувство все-таки тянетъ куда-то къ себѣ, въ свою родину, въ свой домъ, къ своимъ роднымъ. Чувство это такъ сильно, что когда предположишь возможность, что никогда не попадешь отсюда въ Россію, или, что какое-нибудь неожиданное обстоятельство задержитъ наше возвращеніе, то замираетъ сердце, и чувствуешь себя такъ же, какъ во снѣ, когда видишь близкаго человѣка, хочешь къ нему подойти, но увы, ноги окоченѣли и не можешь сдвинуться съ мѣста..."!! „Иногда мнѣ кажется, что я не переживу выѣзда въ Россію и радостной встрѣчи со всѣми. Но вы, впрочемъ, пожалуй скажете, что я фантазирую, и я начинаю раскаиваться, что это написала"...

Я долженъ въ настоящее время нѣсколько вернуться назадъ въ хронологическомъ отношеніи, къ веснѣ 1874 года, къ общему ходу

нашихъ съ женой занятій въ стѣнахъ Британскаго музея. Въ мартѣ значительная часть матеріала для диссертаціи была собрана, о чемъ я особенно и заботился, такъ какъ писать можно было бы вездѣ. Въ то же время лондонская дороговизна и особенно недостаточное питаніе и жизненная обстановка становились нестерпимы, послѣ полугодичнаго пребыванія. Иногда приходилось мнѣ прерывать свое куреніе, женѣ отказываться отъ молока къ чаю и все-таки не всегда удавалось сводить концы съ концами, какъ было въ январѣ. Кромѣ того нѣкоторыхъ важныхъ нѣмецкихъ книгъ для исторіи Англіи я не могъ найти въ Лондонѣ. Все это вмѣстѣ привело за собой мысль покинуть Лондонъ и дописывать диссертацію въ другомъ мѣстѣ. Списавшись, помню, по этому поводу съ А. И. Чупровымъ, который раньше меня былъ въ Мюнхенѣ, Вѣнѣ и Берлинѣ, я остановился на мысли переселиться въ Мюнхенъ, Hof-Bibliothek котораго Чупровъ особенно хвалилъ, отмѣчая также и тамошнюю дешевизну жизни. И вотъ мы рѣшили переселиться изъ Лондона въ Мюнхенъ и пробыть тамъ до августа, срока нашего возвращенія восвояси, на родину.

Я не буду описывать нашей обратной дороги въ Германію, которая прошла благополучно, хотя была интереснѣй нашего стараго путешествія. Мы пріѣхали сначала въ тотъ же Гейдельбергъ съ нашими вещами, но только окружнымъ путемъ черезъ Парижъ, гдѣ пробыли всего нѣсколько дней, при чемъ послѣ продолжительной жизни въ Лондонѣ и нѣсколькихъ англійскихъ привычекъ къ нашему собственному удивленію, Парижъ намъ не понравился и показался вовсе не блестящимъ и шумнымъ городомъ, какъ приличествуетъ столицѣ. Насъ поразили, помню, въ это короткое пребываніе въ Парижѣ, лишь двѣ черты: необыкновенно изящный вкусъ французовъ во всемъ и про все, начиная съ украшеній лавокъ и магазиновъ и кончая костюмами женщинъ и затѣмъ сравнительная дешевизна съ Лондономъ, понятіе впрочемъ очень относительное, такъ какъ на дурно приготовленномъ англійскомъ продовольствіи я былъ сытъ, а на хорошемъ парижскомъ я все время чувствовалъ себя голоднымъ!!!

Въ Гейдельбергѣ мы застали большую знакомую компанію русскихъ, встрѣтившихъ насъ съ распростертыми объятіями, и пробыли тамъ, при хорошей къ счастью погодѣ, въ серединѣ марта около недѣли, забрали весь свой обширный багажъ, хранившійся у Розенберга и Черемшанскихъ, и отправили его малой скоростью на Мюнхенъ. Большая компанія пріятелей провожала насъ на бангофъ съ наилучшими пожеланіями скорѣй видѣться, что къ сожалѣнію относительно многихъ не осуществилось на цѣлые годы.

Выѣхавши вечеромъ изъ Гейдельберга при хорошей погодѣ, мы пріѣхали въ Мюнхенъ рано утромъ, при чемъ снѣгъ валилъ какъ среди зимы, и всѣ улицы наполнены были сугробами, что насъ очень сразу огорчило. Нашъ единственный пріятель, жившій въ Мюнхенѣ, Макаровъ подтвердилъ намъ свѣдѣнія Чупрова о дешевизнѣ Мюнхена, сравнивая съ Лондономъ, въ чемъ мы впрочемъ убѣдились скоро сами, а равно и въ томъ, что насколько начали лучше питаться, настолько же, увы, проиграли, оставивши Лондонъ, въ своихъ научныхъ интересахъ. На другой же день я отправился въ Государственную библіотеку, чтобы получить въ нее доступъ. Оказалось, какъ намъ, впрочемъ, раньше говорилъ Макаровъ, что тамъ собственно заниматься нельзя, вслѣдствіе дурного и неприспособленнаго помѣщенія, въ это время при томъ очень холоднаго, и что надо брать книги на домъ, для чего обязательно требуется рекомендація. На мой запросъ въ библіотекѣ, какую рекомендацію могу представить, старшій библіотекарь отвѣтилъ мнѣ: „Конечно, вашего посольства“. Отправился туда (посланникомъ нашимъ, на сколько помнится, былъ тогда г. Озеровъ). На мою просьбу дать мнѣ рекомендацію для полученія книгъ секретарь посольства отвѣтилъ рѣшительнымъ отказомъ: „Почемъ оно меня знаетъ?“ При этомъ, какъ я слышалъ изъ громкаго разговора секретаря, очевидно, съ посломъ въ сосѣдней комнатѣ, поставленъ былъ вопросъ о моей доброкачественности, съ какой стати они будутъ ручаться, когда я каждую минуту могу съ книгами уѣхать изъ Мюнхена, а имъ отвѣчать?! На всѣ мои настоянія и просьбы дать мнѣ возможность заниматься, отвѣчали рѣшительнымъ „нѣтъ“ и выдали только свидѣтельство, что по паспорту я значусь такимъ-то, что было совершенно безполезно, ибо, какъ извѣстно, въ иностранномъ паспортѣ имѣется и безъ того страница на нѣмецкомъ языкѣ. Какъ и слѣдовало ожидать, главный библіотекарь Hofbibliothek отвѣчалъ мнѣ рѣшительнымъ отказомъ выдавать книги. „Не могу я“, резонно говорилъ онъ, „вѣрить Вамъ, когда вамъ не вѣритъ ваше посольство“?!! Мнѣ оставалось отправляться назадъ въ Лондонъ. Вѣроятно по моему лицу было замѣтно большое огорченіе, если секретарь (посла я не видалъ все время въ глаза) спросилъ меня, нѣтъ ли у меня кого-нибудь знакомаго изъ мѣстныхъ жителей? На что я ему рѣшительно отвѣтилъ, что нѣтъ. Тогда библіотекарь, спасибо ему хоть за это, посовѣтовавшись съ кѣмъ-то, предложилъ мнѣ, какъ послѣднее средство, внести залогъ и вотъ, будучи въ весьма тѣсныхъ матеріальныхъ условіяхъ, я долженъ былъ внести что-то въ родѣ 30 гульденовъ, сумму для меня большую, которая должна была постоянно лежать въ библіотекѣ до отъѣзда, а мнѣ

отпускалось за нее по рѣшенію библіотекаря всего лишь пять книгъ.

При новыхъ условіяхъ очень неудобныхъ пришлось мнѣ продолжать свою работу надъ диссертаціей въ Мюнхенѣ. Я имѣлъ прекрасную, сравнительно съ Лондонской, комнату около англійскаго и общественнаго сада въ Мюнхенѣ, съ хорошимъ воздухомъ, сытной, если не вкусной пищей, чрезвычайно дешевый напитокъ въ видѣ превосходнаго пива, и т. д., но, увы зато полное препятствіе къ успѣшному занятію. Вскорѣ оказалось, что система выдачи составляетъ въ библіотекѣ большое зло на практикѣ, что въ Британскомъ музеѣ было невозможно. Я получалъ часто отвѣты, что такой-то книги у нихъ нѣтъ, потому что она читается или совсѣмъ ея нѣтъ, чего я провѣрить былъ лишенъ возможности, а впослѣдствіи оказывалось, она есть и была не найдена лишь по небрежности библіотекаря. Двѣ, три недоставшихъ мнѣ нѣмецкихъ книги по исторіи XVII вѣка въ Англіи я, конечно, прочелъ очень быстро; затѣмъ пришлось обратиться къ тѣмъ же англійскимъ и особенно къ безконечному многотомному „Parliamentary Debates“ изъ многихъ тысячей томовъ. Я уже просмотрѣлъ съ помощью жены въ Британскомъ музеѣ нѣсколько сотъ томовъ этого изданія и выписалъ изъ нихъ все важнѣйшее по акцизу, но у меня оставалось за XVIII—XIX вѣкъ еще болѣе сотни непросмотрѣнныхъ томовъ и, если въ Англіи я имѣлъ возможность, съ помощью жены, перелистовать въ одинъ день 20 томовъ, то въ Мюнхенѣ можно было это же сдѣлать, и то не всегда, съ двумя, тремя, при общемъ числѣ пяти забранныхъ книгъ. Слѣдовательно, для одного только Parliamentary Histories, принимая во вниманіе большія выписки изъ нея, мнѣ понадобилось бы, расчелъ я, нѣсколько мѣсяцевъ. Очевидно я не могъ долѣе при этихъ условіяхъ оставаться въ Мюнхенѣ и работать съ успѣхомъ, чтобы кончить диссертацію до августа. Что же дѣлать? Какъ быть? Ѣхать въ Вѣну? Но тамъ библіотека была гораздо хуже, по словамъ Чупрова, и даже въ Берлинѣ въ то время библіотека была въ меньшихъ размѣрахъ, нежели въ Мюнхенѣ. Такимъ образомъ, послѣ нѣсколькихъ недѣль занятія и размышленія, я невольно пришелъ къ заключенію о необходимости покинуть Мюнхенъ, и какъ ни жалко, съ первыми пароходами по Рейну пришлось возвратиться въ Лондонъ съ его худыми матеріальными условіями.

Послѣ всѣхъ этихъ неудачъ и полуторамѣсячнаго пребыванія въ Мюнхенѣ, я оставилъ цѣлый большой ящикъ своихъ книгъ, накопившихся за двухлѣтнее пребываніе за границей, у одного пріятеля въ Мюнхенѣ съ просьбой ихъ нѣсколько позднѣе выслать малой скоростью въ Москву на имя профессора Соколова, который на

то согласился, дабы избѣжать всѣхъ мытарствъ и мукъ съ цензурой, увы, не предвидя, что къ этимъ мытарствамъ присоединятся еще совершенно неожиданно мытарства таможенныя, о которыхъ я не догадывался и въ свое время разскажу. Затѣмъ, самолично я довольно быстро перебрался въ Майнцъ, гдѣ мы сѣли на пароходъ и за дешевую, помню, чрезвычайно цѣну во второмъ классѣ, вдоль по Рейну и черезъ Роттердамъ, вернулись въ милую нашему сердцу, если не карману, столицу Альбіона.

Мы опять водворились у той же нестерпимой, но добродушной mrs Siggers, чуть не на чердакѣ, и избѣгали войны съ мышами только пребываніемъ большей части дня въ стѣнахъ Британскаго музея, открытаго лѣтомъ до 6 часовъ и, замѣчу въ скобкахъ, въ тѣ времена онъ позднѣе не открывался, ибо по старымъ законамъ занятія въ немъ возможны были только при солнечномъ свѣтѣ. Позднѣе, черезъ нѣсколько лѣтъ, во время одного изъ нашихъ многочисленныхъ посѣщеній Лондона, пріѣхалъ нашъ извѣстный изобрѣтатель Яблочковъ изъ Парижа, устроилъ электричество впервые на Ватерлосскомъ мосту и въ Британскомъ музеѣ, при чемъ мы, русскіе, конечно, торжествовали, что дали возможность какъ-бы отплатить англичанамъ за ихъ любезность и одолженія для насъ ихъ библіотекой; Британскій музей съ тѣхъ поръ началъ круглый годъ работать до 7 или 8 часовъ, хотя очень скоро какія-то практическія несовершенства, а можетъ быть практическая неловкость русскихъ изобрѣтателей проявилась и у Яблочкова, какъ у многихъ другихъ россіянъ (помню, оно часто и внезапно потухало). Дальнѣйшее усовершенствованіе для электричества сдѣлала берлинская фирма Сименсъ и Гальске; къ ней перешло скоро поэтому освѣщеніе музея, такъ что мы, русскіе, гордились очень короткое время.

Мы опять съ женой водворились на старыхъ столахъ, добродушно перездоровались со всѣми библіотекарями и служителями, какъ со старыми знакомыми, и усердно принялись на всѣхъ парахъ за дальнѣйшее приготовленіе диссертаціи. Писаніе пошло еще быстрѣе, чѣмъ прежде, несмотря на милое общество Стороженки, иногда насъ отвлекавшаго отъ работы.

Планъ моей книги вскорѣ былъ совершенно выработанъ. Историческій отдѣлъ, это часть первая диссертаціи, была цѣликомъ написана; второй же отдѣлъ, гдѣ описывалось дѣйствующее законодательство, лишь набросанъ частями; матеріалы для него лишь въ значительной части были собраны, и требовалось лишь мѣсяца два легкой работы привести конспектъ и этотъ матеріалъ въ настоящую книгу, что я надѣялся сдѣлать уже въ Россіи, хотя бы во время

самаго процесса печатанія. Главнѣйшимъ гвоздемъ моей работы являлась мысль или идея о борьбѣ классовыхъ интересовъ, которая отражается на государственномъ строѣ и характерѣ финансовыхъ учрежденій,—идея, выработанная мною самостоятельно, безъ всякаго вліянія, напримѣръ Маркса, который хотя незадолго передъ тѣмъ вышелъ, но я не зналъ его даже по имени, работая съ нимъ, какъ впослѣдствіи оказалось, чуть не рядомъ и по тѣмъ же источникамъ Британскаго музея, главное щедро пользуясь матеріалами и указаніями въ извѣстномъ трудѣ прошлаго вѣка „Morton Eden: The State of the Poor", оригинальной книги, которой Марксъ обязанъ своими выводами больше, чѣмъ о томъ упомянулъ въ своихъ сочиненіяхъ.

„Историческій очеркъ англійскаго акциза", писалъ я, позднѣе, для словаря Венгерова, „доказываетъ несомнѣнный фактъ, что на формѣ обложенія въ Англіи всегда рѣзко отражалось имущественное господство того или другого класса народа: борьба классовыхъ интересовъ опредѣляетъ характеръ финансовой системы. Такъ, акцизы, какъ форма выгодная для интересовъ землевладѣльческаго класса, введена въ Англіи въ XVII, а равно и въ XVIII вѣкахъ, во время именно преобладанія политическаго этого сословія въ странѣ; въ XIX вѣкѣ наоборотъ, съ ростомъ значенія высшей денежной аристократіи, огромное большинство акцизовъ, какъ и таможенныхъ пошлинъ, отмѣняется, потому что они препятствуютъ дальнѣйшему ходу развитія британской промышленности и торговли; изъ нихъ остаются немногіе, но очень доходные налоги, а въ настоящее время, наконецъ, съ нѣкоторымъ развитіемъ политическаго значенія рабочаго класса, уже болѣе и болѣе раздаются голоса за расширеніе прямого оцѣночнаго обложенія съ доходовъ и отмѣну уцѣлѣвшихъ косвенныхъ налоговъ. Главнѣйшій выводъ всего изслѣдованія состоитъ въ томъ, что равномѣрность и пропорціональность податной способности въ англійской финансовой системѣ явно нарушается, и рабочій классъ въ два съ половиной раза обложенъ сильнѣе, нежели высшіе классы.

„Добавлю къ этому, что Марксъ въ то время мнѣ былъ извѣстенъ лишь по имени и никакого вліянія на мои выводы оказать не могъ, и они получены совершенно самостоятельно на основаніи изученія англійской экономической исторіи, въ тѣхъ же залахъ Британскаго музея, гдѣ штудировалъ нѣмецкій соціалистъ (С. А. Венгеровъ. Критико-біографическій словарь русскихъ писателей и ученыхъ. т. VI СПБ. 1904—1907, стр. 62).

Главная идея моей книги чрезвычайно заинтересовала нѣмецкаго молодого экономиста Артура фонъ-Штудницъ, жившаго тогда

въ Лондонѣ, въ качествѣ корреспондента извѣстной тогда Аугсбургской нынѣ Мюнхенской Allgemeine Zeitung. Нѣсколько лѣтъ спустя, по его просьбѣ, мой другъ М. М. Ковалевскій, о которомъ позднѣе буду много говорить, работавшій тогда въ музеѣ, сдѣлалъ для него большой конспектъ изъ моей книги. Штудницъ напечаталъ въ своей газетѣ цѣлыхъ двѣ о ней статьи, подавшія поводъ къ обсужденію (1876 годъ) и критикѣ въ нѣмецкой печати моихъ экономическихъ воззрѣній, большею частью въ благопріятномъ смыслѣ.

Наконецъ, приблизилось время, въ концѣ, примѣрно, іюля, возвращаться намъ въ Россію и покинуть столь дорогой и полезный для нашей научной дѣятельности и развитія, Британскій музей и Лондонъ. Мы рѣшили вернуться тѣмъ самымъ путемъ, какъ первый разъ я вступилъ въ предѣлы Германіи, т. е. черезъ Дрезденъ, Сосновицы и Варшаву. Въ первомъ хотѣли повидать нѣкоторыхъ старыхъ знакомыхъ и этой дорогой, съ недѣльнымъ отдыхомъ въ Дрезденѣ, мы двинулись въ Москву, для моей жены совершенно не знакомую, которую, какъ приводилъ я раньше, она такъ жаждала видѣть вмѣстѣ со своей бѣдной необразованной родиной.

Въ Дрезденѣ, какъ мы ожидали, уже нашли очень мало старыхъ знакомыхъ. Какъ я раньше объ этомъ разсказывалъ, въ 1874 году, вмѣстѣ съ опубликованіемъ устава о всеобщей воинской повинности, огромное число русскихъ, постоянно проживавшихъ въ Дрезденѣ, возвратилось домой, ради пользованія льготными правами для воинской службы. То же продѣлала и семья моего тестя, сыновья котораго, братья моей жены, уже давно вернулись въ Москву. Естественно, поэтому, что Дрезденъ произвелъ на насъ болѣе грустное, чѣмъ радостное впечатлѣніе. Знакомыя улицы и отсутствіе привычныхъ родственныхъ и дружественныхъ лицъ производило угнетающее впечатлѣніе, и мы не зажились долго, черезъ недѣлю уже собрались домой на родину, демократически, конечно, въ 3-мъ классѣ, и дня черезъ три жена моя въ первый разъ не безъ удивленія и сильнаго волненія увидала Москву. Дорогой никакихъ особенно заслуживающихъ вниманія впечатлѣній не было, кромѣ развѣ комическаго случая на самой границѣ при таможенномъ надзорѣ, о которомъ стоитъ упомянуть. Матушка моей жены, вернувшись въ Россію въ городъ Ржевъ, гдѣ проживалъ Н. В. Вельяшевъ, не могла найти въ то время въ уѣздномъ городкѣ одинъ необходимый предметъ домашняго обихода, распространенный за границей, а именно каменное ведро для выливанія грязной воды послѣ умыванья. Жена моя, которой она жаловалась въ письмѣ на это маленькое горе, желая услужить милой мамашѣ, пріобрѣла въ Дрезденѣ такое именно ведро, при чемъ чрезвычайной тяжести, ничтоже сумняшеся набила

его мягкимъ бѣльемъ и помѣстила на днѣ нашего большого чемодана. Я рѣзко протестовалъ противъ этого, указывая на чрезвычайную тяжесть ведра, а потому на высокій желѣзнодорожный тарифъ, по которому придется платить за его перевозку, на огромное разстояніе до Твери (гдѣ ея мать тогда жила) вѣроятно дороже, чѣмъ ведро стоитъ, но все было тщетно. Тогда я пошелъ съ женой на компромиссъ, что я согласенъ взять это ужасное ведро, но съ тѣмъ, что, если на границѣ русской таможни, въ добавокъ ко всѣмъ расходамъ, объявятъ ведро подлежащимъ уплатѣ пошлины, то мы его выбрасываемъ (багажъ былъ сданъ только до границы). Когда мы пріѣхали въ Сосновицы, въ пограничную русскую таможню и чиновники обратились ко мнѣ съ вопросомъ: „Нѣтъ ли у васъ чего-нибудь подлежащаго оплатѣ пошлиною?“ я имъ смѣло отвѣчалъ: „У меня ничего нѣтъ, у жены есть; она везетъ на днѣ своего сундука каменное ведро“. Я, конечно, ожидалъ въ нихъ найти немедленно союзниковъ, что они потребуютъ высокую по нашему тарифу пошлину и ведро будетъ выброшено. Но, увы, эффектъ получился совершенно иной, даже съ противоположными послѣдствіями. Таможенные приняли мое заявленіе очевидно за шутку, громко разсмѣялись и тотчасъ же приказали артельщику запереть сундукъ и отправить его по назначенію. Жена моя торжествовала. Мнѣ вновь пришлось уплатить дорого за провозку ведра въ ущербъ для русской фаянсовой промышленности, къ интересу которой я отнесся такъ ригорозно и строго.

Когда мы прибыли въ Москву и немного осмотрѣлись, дѣло мое оказалось въ довольно удовлетворительномъ положеніи. По предложенію Соколова установлено было, въ виду моего прибытія и притомъ почти съ диссертаціей, немедленно открыть въ университетѣ другую каѳедру финансовъ—исторію и поручить мнѣ, но печатать мою работу университетъ отказался, потому что „Университетскія Извѣстія“ въ это время по недостатку средствъ были прекращены, а другого источника не было.

Предстоялъ такимъ образомъ спѣхъ съ окончаніемъ диссертаціи. Матеріалъ для второй части у меня былъ почти весь собранъ, и даже конспектъ набросанъ. Мнѣ недоставало для пользованія нѣсколькихъ книгъ, которыя были вмѣстѣ съ прочими высланы моимъ пріятелемъ за мѣсяцъ до возвращенія въ Москву на имя профессора Соколова, чтобы облегчить хлопоты съ цензурою. Когда я обратился съ запросомъ къ Н. К. Соколову, пріѣхавши въ Москву, при первомъ посѣщеніи я получилъ отъ него отрицательный отвѣтъ, затѣмъ спрашивалъ еще два или три раза, но книгъ онъ все еще не получалъ. Между тѣмъ диспутъ мой непремѣнно дол-

женъ былъ состояться какъ можно скорѣй, въ виду чего пожертвовавши отчасти качествомъ своего сочиненія, я долженъ былъ пропустить обработку тѣхъ вопросовъ второй части, по которымъ нужныхъ книгъ недоставало. Между тѣмъ время шло своимъ чередомъ. Н. К. Соколовъ въ это время серьезно заболѣлъ и волею Божіею скоро умеръ. Диссертація моя была написана окончательно и напечатана уже безъ помощи моей библіотеки, исчезнувшей неизвѣстно куда. Я наводилъ справки въ Мюнхенѣ, оказывалось безполезно. Книги были посланы давнымъ давно и слѣдовало имъ быть собственно еще при жизни Соколова у него на рукахъ.

Наконецъ, по совѣту одного опытнаго практическаго человѣка, я явился къ одному нижнему чину въ таможнѣ и всучилъ ему напередъ въ благодарность рубль, если онъ найдетъ большой тюкъ съ книгами изъ Мюнхена. Представьте мое удивленіе и негодованіе, когда, черезъ нѣсколько времени, этотъ служащій увѣдомилъ меня открыткой, что дѣйствительно уже нѣсколько мѣсяцевъ книги мои прошли въ московскую таможню и лежатъ неполученныя, а сами книги записаны какъ старыя и удалены. Я вновь отправился за тридевять земель, потому что жилъ далеко, на Николаевскую станцію, гдѣ помѣщалась заграничная таможня. Провѣрили,—извѣстіе оказалось вѣрнымъ. Но, вмѣсто того, чтобы поправить свою вину и поспѣшить выдать мнѣ книги, таможенные объявили, что я кругомъ виноватъ, не получая столько времени свою собственность, они же вовсе не обязаны доставлять по адресу, а адресатъ долженъ постоянно справляться въ таможнѣ. Теперь-де я долженъ заплатить большой штрафъ за неявку, а сверхъ того за все полежалое храненіе книгъ, помимо обычныхъ сборовъ на артель и проч.!!!

Когда я заявилъ, что профессоръ Соколовъ успѣлъ скончаться, не получивши этихъ книгъ для меня, то мнѣ предъявили таможенные новую непріятность и осложненіе, отказались выдать мнѣ мой ящикъ съ книгами иначе, какъ я докажу судомъ свои права наслѣдства послѣ Соколова.

Представьте все мое отчаяніе послѣ этихъ хлопотъ? Книги крайне нужны, мои собственныя, пріобрѣтены на послѣдніе гроши, собранные за границей, и вдругъ я долженъ нести большія тягости, платить штрафъ, да еще судомъ доказывать на нихъ права наслѣдства! Послѣ большихъ хлопотъ, въ которыхъ принялъ участіе добрый С. М. Соловьевъ, написавшій отъ себя просительное письмо къ управляющему таможеннымъ округомъ, мнѣ рѣшили выдать книги безъ суда, но тѣмъ не менѣе таможня собрала экспертовъ изъ иностранныхъ книгопродавцевъ и опредѣлила стоимость книгъ, при чемъ я пострадалъ за честность, назвавши ихъ дѣйствительную

стоимость. Книги эти, съ обычной процедурой пройдя черезъ горнила цензуры и утративши нѣсколько секвестрованныхъ книгъ (въ томъ числѣ „Примѣчанія къ политической экономіи Милля“!!!), были мнѣ вручены и доставлены въ Грузины, гдѣ уже надобность въ значительной части этихъ книгъ для меня миновала, а въ настоящее время онѣ пребываютъ въ стѣнахъ университета въ качествѣ его собственности, дорого оплаченныя мною за мою неопытность и дикую нелѣпую волокиту и порядки нашей таможни.

Надо было привести въ порядокъ матеріалъ для второй части диссертаціи и хорошенько его изложить, для чего требовалось уединиться на нѣсколько недѣль. Сдѣлать это въ Москвѣ было мудрено при отсутствіи, съ окончаніемъ стипендіи, всякихъ средствъ и дороговизнѣ жизни, а въ это время родители жены настойчиво звали насъ вмѣстѣ къ себѣ въ Ржевъ; и вотъ я во второй разъ въ моей жизни направился въ этотъ промышленный городокъ Тверской губерніи съ молодой супругой и съ недоконченной диссертаціей, для ея окончанія. Я не буду говорить болѣе о самомъ Ржевѣ, хотя нашелъ въ немъ много перемѣнъ. Во-первыхъ, къ нему проведена была желѣзная дорога, измѣнившая во многомъ экономическое положеніе. Въ немъ открылась гимназія, банкъ, и городокъ замѣтно оживился. На этотъ разъ недостатка въ обществѣ отнюдь не было, хотя старыхъ извѣстныхъ мнѣ лицъ не доставало. Увы, отецъ Дмитрій скончался, В. И. Кудрявцевъ обѣднѣлъ и переселился куда-то въ другое мѣсто и т. д. Но мнѣ, впрочемъ, на этотъ разъ общество и не нужно было. Необходимо было сосредоточиться на три или на четыре недѣли, чтобы поставить въ диссертаціи послѣднюю точку, что я собственно и сдѣлалъ. Уже въ концѣ сентября мое изслѣдованіе объ англійскихъ акцизахъ было закончено. Надо было лишь позаботиться объ его напечатаніи.

Такъ какъ университетъ отказывался мнѣ помочь въ этомъ дѣлѣ, а разумѣется, я не имѣлъ такой суммы, какъ 600 р., по вычисленію типографіи, необходимой для печатанія, то слѣдовало поискать издателя. Къ счастью тутъ помогли старые знакомые и нѣкоторыя добрыя души. Супруга издателя уже въ это время прекратившагося журнала „Грамотей“ Ольга Ивановна Алябьева, съ которой я имѣлъ удовольствіе прежде встрѣчаться, вспомнила старую пріязнь, употребила нѣкоторое вліяніе на своего брата, извѣстнаго московскаго типографщика, Анатолія Ивановича Мамонтова, который и взялся напечатать мою диссертацію безъ всякихъ съ моей стороны расходовъ и на самыхъ льготныхъ для меня условіяхъ. Я воспользовался съ истинной благодарностью этимъ добрымъ предложеніемъ и послѣ нѣкотораго, довольно впрочемъ продолжительнаго срока, недѣль

въ шесть, книга моя „Опытъ изслѣдованія англійскихъ косвенныхъ налоговъ. Акцизъ“ была напечатана, и я съ радостью держалъ ее въ своихъ рукахъ въ началѣ ноября. Немедленно затѣмъ она была роздана всѣмъ членамъ юридическаго факультета, и 23 ноября 1874 г. было торжественное публичное собраніе, на которомъ я выступилъ въ защиту тезисовъ своей работы для полученія степени магистра. Оппонентами на диспутъ явились два добро расположенныхъ ко мнѣ лица, самъ деканъ профессоръ Мильгаузенъ и другъ, профессоръ Чупровъ. Благодаря несомнѣнно отчасти этому обстоятельству, диспутъ мой былъ настоящимъ торжествомъ для меня и сошелъ вполнѣ благополучно, прерываемый постоянными рукоплесканіями. Въ заключеніе же, по нѣкоторомъ совѣщаніи очень краткомъ, Мильгаузенъ прочелъ слѣдующее о моей работѣ мнѣніе факультета и постановленіе его:

„Диссертація кандидата Янжула: „Исторія косвенныхъ налоговъ въ Англіи“ составляетъ трудъ совершенно самостоятельный, основанный на изученіи первоначальныхъ источниковъ, доступъ къ которымъ былъ открытъ ему въ Британскомъ музеѣ. Пользованіе этими источниками дало ему возможность не только пополнить, но и исправить нѣкоторыя свѣдѣнія, содержащіяся въ сочиненіяхъ ему предшествующихъ. Этого мало. Авторъ не ограничивается тѣсными предѣлами своей спеціальности, а разсматриваетъ исторію каждаго отдѣльнаго налога всегда въ связи съ общимъ политическимъ и экономическимъ состояніемъ страны, указываетъ на вліяніе господствующихъ политическихъ партій на сужденія и приговоръ общественнаго мнѣнія. Въ этомъ послѣднемъ отношеніи богатымъ матеріаломъ служила ему текущая литература за всѣ два—три вѣка, которыхъ касается его сочиненіе, напримѣръ, памфлеты, газетныя статьи, петиціи разныхъ обществъ и т. д. На эту сторону предмета до него ни одинъ писатель не обращалъ надлежащаго вниманія, а между тѣмъ она-то сообщаетъ изложенію автора особенную живость и интересъ. По всѣмъ указаннымъ причинамъ Юридическій Факультетъ считаетъ диссертацію кандидата Янжула не только достойной искомой имъ степени, но удовлетворяющею и самымъ строгимъ требованіямъ науки“.

„Деканъ О. Мильгаузенъ“.

Послѣ обычныхъ поздравленій и лобызаній всѣ разъѣхались по домамъ. Увы, я былъ слишкомъ бѣденъ, чтобы предложить, по заведенному въ такихъ случаяхъ обычаю, своимъ товарищамъ обѣдъ. Помню, какъ теперь, послѣ диспута, я съ тремя изъ болѣе близкихъ своихъ закадыкъ, старыхъ пріятелей по студенчеству, вернулся къ себѣ въ маленькую комнатку въ номерахъ Андреева на

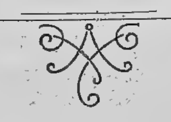
Пречистенскомъ бульварѣ и послалъ жену впередъ распорядиться купить водки и закуски, чтобы угостить этимъ простымъ русскимъ образомъ почтившихъ посѣщеніемъ товарищей, но, увы, она оказалась при своемъ нѣмецкомъ воспитаніи такъ наивна, что купила водки и больше ничего, такъ что, когда мы явились въ номеръ, оказались на столѣ большая бутылка водки и большая банка съ вареньемъ, присланная мнѣ ея милой мамашей, и за неимѣніемъ другой закуски мои гости со смѣхомъ рѣшились пить водку съ вареньемъ.

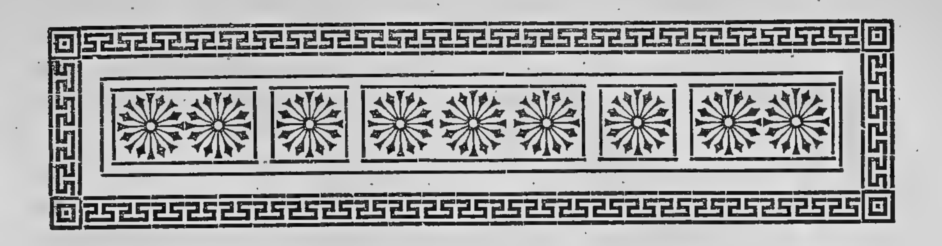
Вскорѣ же, какъ получившій степень магистра, я былъ избранъ совѣтомъ доцентомъ финансоваго права, со дня избранія т. е. съ декабря 14-го 1874 г. Такимъ образомъ скользкій и тернистый путь всей профессорской промоціи въ этотъ великій для меня день закончился полученіемъ перваго профессорскаго званія и мѣста, четыре года спустя послѣ моего оставленія при университетѣ, и нѣтъ сомнѣнія, повторяю опять, въ значительной степени благодаря благопріятнымъ обстоятельствамъ и, во главѣ ихъ, моей женитьбѣ и, слѣдовательно, двойной успѣшности въ ходѣ моихъ ученыхъ работъ и занятій. Разница между мной въ декабрѣ 1874 г. послѣ диспута и въ іюнѣ 1870 г., когда я былъ причисленъ къ университету, огромная. Во всѣхъ отношеніяхъ я сдѣлался выше. Благодаря четыремъ благотворно проведеннымъ годамъ за границей, я не только былъ гораздо болѣе свѣдущъ въ своей финансовой наукѣ, но сдѣлался еще зрѣлѣе, ровнѣе по образованію и съ большимъ сознаніемъ относился къ окружающему и своимъ нравственнымъ и гражданскимъ обязанностямъ.

Къ сожалѣнію, всякая радость въ моей жизни чередовалась немедленно съ горемъ. Такъ было и въ настоящее время. Едва я сдѣлался магистромъ и доцентомъ и причисленъ къ сонму профессоровъ, а въ концѣ этого мѣсяца наканунѣ новаго года моя молодая, неопытная супруга въ первый разъ обзаводилась разной рухлядью, мебелью, и мы устроили свое гнѣздо на далекой окраинѣ Москвы въ такъ называемыхъ Грузинахъ, а переселились туда лишь въ одинъ изъ первыхъ дней новаго 1875 года, какъ вдругъ разразилась надо мной гроза... Младшій братъ моей жены, мальчикъ 18 лѣтъ, Сережа, внезапно заболѣлъ злокачественной жабой, дифтеритомъ, въ то время болѣзнь страшная, ибо не знали еще способовъ борьбы съ ней. Онъ жилъ временно у насъ, и сестра за нимъ усердно ходила, частью не сознавая опасности болѣзни. Послѣ нѣсколькихъ недѣль страданія и колебанія то въ хорошую, то въ дурную сторону, несчастный мальчикъ скончался на ея рукахъ, когда уже приглашенъ былъ операторъ для совершенія извѣстной трахеотоміи. Жена моя была не только страшно

потрясена этой первою смертью (отъ матери, которая находилась во Ржевѣ, скрывали эту болѣзнь), но сама заразилась дифтеритомъ и слегла вслѣдъ за похоронами брата. Увы, такимъ образомъ мое гнѣздо, о которомъ я такъ мечталъ съ женой, обратилось быстро въ очагъ заразы, отъ котораго бѣгали всѣ знакомые. Мѣсяца два жена моя боролась со смертью, при чемъ по тѣмъ временамъ добрый и хорошій докторъ, мой землякъ по Рязани, Константиновскій, не желая шарлатанить, не употреблялъ никакихъ лѣкарствъ. Приказалъ лишь постоянно освѣжать комнату. Я цѣлый день переносилъ больную изъ одной комнаты въ другую—освѣжаемую, въ чемъ и состояло долго мое занятіе, вмѣсто чтенія лекцій. Наконецъ молодая природа побѣдила, жена начала понемногу очень медленно поправляться, и я лишь въ концѣ марта мѣсяца могъ открыть свой первый университетскій курсъ студентамъ 4-го курса по исторіи финансовъ, при чемъ успѣлъ ихъ познакомить, кажется, только съ исторіей бѣглаго очерка финансовъ двухъ или трехъ странъ, а главное, взялъ на себя тяжелую обузу и велъ за своего патрона Мильгаузена студенческіе экзамены.

Иванъ Янжулъ.

Дневникъ академика В. П. Безобразова.

1886.

3 іюня. Былъ вчера у кн. Долгорукова. Онъ дѣйствительно снисходительно смотритъ на рѣчь Алексѣева (о Софіи) и даже ее оправдываетъ, хотя и говоритъ, что А. не былъ уполномоченъ. „Что же особеннаго, что А. высказалъ желаніе, воодушевляющее весь русскій народъ до послѣдняго мужика. (?) Поэтому и Государь велѣлъ печатать рѣчь въ „Правит. Вѣстникѣ“: нѣтъ причинъ скрывать отъ Европы желанія русскаго народа! Что за чепуха! Очевидно mot d'ordre поддерживать этотъ взглядъ данъ изъ Петербурга, но неужели въ самомъ дѣлѣ Государь хочетъ ринуться въ „политику приключеній“? Европу этимъ испугать нельзя—она знаетъ, что мы не въ силахъ занять Константинополь; но все это внушаетъ къ намъ недовѣріе и потрясаетъ кредитъ. Не лучше ли было бы заняться внутренними дѣлами? А тутъ же всѣ жалуются на промышленный застой.

Вечеръ провелъ у стараго пріятеля Ник. Мих. Козлова (хлопчатобумажнаго фабриканта изъ Гавриловскаго посада). Тутъ же типическая фигура его отца, вернувшагося изъ Іерусалима. Изъ очень маленькаго фабриканта онъ сдѣлался крупнымъ. Теперь производитъ въ годъ разныхъ тканей на 400 т. р. На эту сумму имѣлъ въ 1885 г. только 2% пользы. Онъ сократилъ, по случаю застоя, производство только на 5%. Любопытный вопросъ: онъ увѣряетъ, что при теперешнемъ застоѣ легче мелкимъ фабрикамъ (какова его), чѣмъ большимъ мануфактурамъ (напр. А. Баранова). Онъ затѣваетъ пунцовое дѣло и не боится конкурренціи Баранова; будетъ производить 500 кусковъ, хотя Барановъ болѣе 500 т. кус. Онъ объясняетъ это тѣмъ, что у крупныхъ фабрикантовъ много

излишнихъ расходовъ (накладныя, освѣщеніе, больница, техники и проч.).

6 мая. Вчера завтракалъ съ редакціей „Русскихъ Вѣдомостей" въ Славянскомъ базарѣ (Соболевскій, Богдановъ, Чупровъ). Мнѣнія ихъ (кромѣ Чупрова) хотя и нисколько не революціонныя, гораздо менѣе умѣренныя, чѣмъ мои. Они защищали противъ меня оправданіе бунтовавшихъ рабочихъ у Морозова въ Владим. окружн. судѣ. Говорятъ, что со стороны Морозова были страшныя злоупотребленія (штрафы), и что обвиненные просидѣли годъ въ острогѣ. Всѣхъ хуже, по-моему, рѣчь обвинителя, который 3 раза возвращался къ злоупотребленіямъ фабриканта.

28 іюня. Пріѣхалъ въ Носково 7 іюня, съ раной на рукѣ. Сильно порѣзалъ руку, сунувши ее въ закрытое окно. Новое испытаніе, посланное мнѣ за мою разсѣянность. Сегодня въ первый разъ пишу. Докторъ Якубъ (земскій врачъ изъ Хотькова) удивляется, что въ мои годы такъ скоро затянулась рана.

Носково, 18 іюля. Долгій перерывъ въ запискахъ: нечего было записывать, кромѣ мыслей, да и трудно было много писать.

Былъ крайне огорченъ поведеніемъ въ отношеніи ко мнѣ носковскихъ крестьянъ. Они первый разъ показали враждебныя ко мнѣ чувства (исторія аллеи). Одинъ, два негодяя подняли всѣхъ. Пассивность нашего народа.

15 іюля съѣхалось такъ много отовсюду, какъ никогда не бывало въ Носковѣ. Это очень скучно. Я лучше дѣлалъ, когда уѣзжалъ на этотъ день.

16 и 17 іюля были земскіе выборы (мелкопомѣстныхъ) въ Дмитровѣ. Такихъ жалкихъ выборовъ я никогда не видалъ.

Съѣхалось избирателей (14) даже менѣе, чѣмъ нужно гласныхъ, (20), и всѣ съѣхавшіеся, безъ выборовъ, признаны гласными. Очевидный повсемѣстный упадокъ земской жизни. Много на это причинъ. Печально. Неужели должно разстаться съ мыслью о самоуправленіи въ Россіи?

5 августа въ $10^1/_2$ часовъ утра выѣхалъ изъ Носкова и черезъ Дмитровъ, по почтовой дорогѣ, пріѣхалъ въ Москву (Слав. базаръ) въ $2^1/_2$ час. ночи.

Ѣхалъ до ст. Черной съ дмитровскимъ почтмейстеромъ Аксеновымъ (испыталъ всѣ неудобства для моихъ цѣлей ѣздить не одному). Останавливался на Покровской мануфактурѣ у Ф. Ф. Бордтмана, потомъ на фабрикѣ Сафонова и въ Дѣдѣневскомъ монастырѣ.

Бордтманъ о Покровской мануфактурѣ. Отчасти вслѣдствіе кризиса (накопленія товара), отчасти вслѣдствіе новыхъ механическихъ приспособленій, уменьшившихъ нужду въ рабочей силѣ, нужно

было отпустить къ 1 іюля около 1000 рабочихъ, но нельзя было отпустить. Не уходятъ. Какъ же выгнать? Исправникъ не взялся прогнать. Эти 1000 человѣкъ давно, около 20 лѣтъ, на фабрикѣ. Они въ своихъ деревняхъ бросили дома и землю. Вотъ вопросъ. Оставили работать, хотя производятъ въ убытокъ. Но 3 мѣсяца кормили даромъ.

Великій вопросъ о нашихъ рабочихъ массахъ при превратностяхъ промышленныхъ дѣлъ (я пишу объ этомъ въ „Рус. Вѣд.").

Страшная конкурренція со стороны Лодзи. Тамъ всѣ расходы производства дешевле (каменный уголь).

Теперь работаютъ 18 часовъ вмѣсто прежнихъ 24 (вслѣдствіе закона 1882 г. о женщинахъ),—стало быть не вслѣдствіе кризиса.

Законъ о дѣтяхъ не имѣетъ значенія, такъ какъ не было дѣтей меньше 15 лѣтъ.

Страшнѣе новый законъ 1886 г. объ усиленіи правъ инспекціи (произволъ инспекціи).

Янжулъ былъ на фабрикѣ одинъ разъ въ теченіе часа, въ конторѣ.

Великолѣпная новая больница на 50 кроватей. Нелѣпа эта роскошь. Больныхъ очень мало.

Бордтманъ говоритъ, что таможенный тарифъ имъ не нуженъ (теперь Лодзь опаснѣе Англіи).

Отъ него дешевле хлѣбъ, а отъ этого меньше покупаютъ мануфактурныхъ товаровъ.

Суконная фабрика Сафонова. Сукна и драпъ. Полуручное производство. Управляющій Гофманъ, добродушный нѣмецъ. Водяной приводъ, немножко дѣйствуютъ и паровой машиной (прядильная). 200 рабочихъ; половина живетъ тутъ, въ казармахъ, другая въ ближайшихъ деревняхъ. Дѣтей нѣтъ, женщинъ немного. Кризисъ не чувствуется. Сбытъ постоянный на портныхъ (главное шапки) въ Москвѣ.

Дѣдѣневскій монастырь. Нѣтъ описанія и исторіи,—я обѣщалъ казначеѣ достать. Пріѣхалъ во время всенощной. Игуменья Серафима очень ко мнѣ внимательна. Казначея интересная женщина (дочь дѣйств. ст. сов.), 56 лѣтъ, въ монастырѣ 23 года; умная и, кажется, образованная. Тутъ замѣчательный священникъ (пріятель Поливанова) Павелъ Степановичъ Преображенскій—завелъ школу; она теперь земская, лучшая въ уѣздѣ (привлекъ къ пожертвованіямъ Боткину). Вотъ возможность вліянія духовенства.

Владиміръ, 9 августа. Вчера выѣхалъ изъ Москвы въ 4 ч. и пріѣхалъ во Владиміръ въ 10½ ч. Остановился въ Кофейной гостиницѣ.

Тутъ нѣкоторое улучшеніе, но едва-ли найдется теперь въ губернскомъ городѣ такая плохая гостиница.

Метаморфоза пути отъ Москвы до Владиміра въ теченіи 45 л.— дачи отъ Москвы до Павловскаго посада и культурность окружающихъ мѣстъ (сады, хорошія дачныя постройки). Дачная поверхностная культура въ Россіи.

Особенность владимірскаго населенія: эссенція практичности и трезвости великорус. племени московской области, безъ ярославскаго плутовства, безъ костромского добродушія—это самое нормальное выраженіе типа.

Тутъ же въ Кофейной гостиницѣ остановился сегодня ночью Петръ Павловичъ Кожинъ. Образчикъ падшаго дворянства. И предводителемъ не удалось быть выбраннымъ (нельзя было продолжать соединять съ предсѣдательствомъ въ губернской управѣ,—а нужно жалованье), и онъ теперь членъ москов. отд. Дворянскаго банка. Въ этотъ банкъ пристраиваются теперь разорившіеся дворяне.

Былъ у губернатора Судіенко, и онъ былъ потомъ у меня. Онъ, кажется, виляетъ между своимъ довольно просвѣщеннымъ и либеральнымъ образомъ мыслей и нынѣшнимъ направленіемъ. Въ морозовскомъ бунтѣ онъ во всемъ обвиняетъ Морозова и его притѣсненія. Оправданіе въ окружномъ судѣ было неизбѣжно, тѣмъ болѣе, что прокуратура была слабѣе защиты, но вліяніе оправданія на умы рабочихъ ужасное. Онъ вынужденъ былъ двухъ оправданныхъ не освободить изъ заключенія, но административно выслать. А печально, когда (онъ самъ говоритъ) администрація идетъ въ разрѣзъ съ судебной властью.

Нигилисты только утихли и лишились средствъ, а существуютъ по-прежнему.

Былъ у архіепископа Ѳеогноста. Онъ заводитъ приходскія школы (говорятъ, принудительно, велѣлъ священникамъ, чтобы были), но говоритъ, что много затрудненій, нѣтъ средствъ. Мы говорили о пользѣ соединенія земскихъ и церковно-приходскихъ школъ.

10 августа. Вчера обѣдалъ у Судіенко.

Судіенко говорилъ въ весьма враждебномъ самоуправленію духѣ. Дворянское самоуправленіе онъ считаетъ невозможнымъ, вслѣдствіе отсутствія дворянъ, но правительство должно взять все земское хозяйство въ свои руки. Все пойдетъ дешевле и лучше.

Меня поражаетъ во Владимірѣ отсутствіе людей, въ сравненіи съ 1860 г. Сколько тогда было здѣсь дѣятелей. Люди возникали подъ вліяніемъ духа реформъ. Вообще интересно сравнить мое

путешествіе того года съ нынѣшнимъ: какое тогда было движеніе. Сколько вездѣ мыслящихъ людей!

11 августа. Вчера обѣдалъ у Судіенко съ ген. Назаровымъ, начальникомъ дивизіи (познакомился въ Нижнемъ, на ярмаркѣ) и съ графомъ Комаровскимъ.

Судіенко сталъ рѣшительно другимъ человѣкомъ, какъ я его зналъ 6 лѣтъ назадъ, или онъ меня тогда (эра Лориса) надувалъ своимъ либерализмомъ, или повернулъ въ угоду нынѣшнимъ вѣтрамъ. Онъ сталъ отвратителенъ своимъ реакціонернымъ направленіемъ, онъ даже фанфаронитъ своимъ деспотизмомъ, хвастается своими произвольными распоряженіями. Вотъ Zeichen der Zeit [1]).

Гусь, 11 августа. Смѣшная исторія съ извозчикомъ, котораго я вынужденъ нанять (несмотря на обѣщаніе Судіенко) за 10 руб. до Маругина (коляска четверней). Выѣхалъ изъ Владиміра въ 10 часовъ, прибылъ въ Маругино въ 5 часовъ, 41 вер., а на серединѣ въ с. Веригинѣ остановка (старуха спрашиваетъ о спорной землѣ). Питаюсь припасами изъ Владиміра. Край (Судогод. у.) сѣрый, бѣдный, такого я еще не видалъ во Владимір. губ. Хотя довольно много деревень черезъ 10, 15 верстъ отъ Владиміра, и народъ не имѣетъ печальнаго вида (но не такой, какъ во Владимірской губерніи).

Пріѣхалъ въ Гусь въ 10½ часовъ вечера на лошадяхъ, высланныхъ за мной оттуда. Тутъ главноуправляющій, Михаилъ Михайловичъ Гайдуковъ—тонкій, терпкій, самобытно русскій, но обученный, говорящій на 3 иностранныхъ языкахъ, очень гостепріимный. Безъ такого человѣка, что бы могъ сдѣлать Нечаевъ-Мальцевъ, наѣзжающій сюда разъ въ годъ, на нѣсколько часовъ?

12 августа. Осмотръ Гуся съ Гайдуковымъ. (Есть Гусь желѣзодѣлательный Баташевыхъ въ Рязанской губерніи). Я не зналъ, и Судіенко не зналъ (вотъ путешествія по Россіи), что Гусь отрѣзанъ отъ всѣхъ путей (тупикъ), кромѣ Владиміра, черезъ который тянетъ къ Москвѣ и Нижегородской ярмаркѣ (его главный сбытъ ярмарка). Неудобство въ сравненіи съ московскими и владимірскими фабриками на желѣзныхъ дорогахъ — единственное удобство нѣкоторая дешевизна рабочихъ рѣкъ. Очень туманныя историческія свѣдѣнія. Устроенъ въ половинѣ XVIII в. купцами Мальцевыми изъ Москвы. Родоначальникъ Якимъ. Вѣроятно, имъ дали крѣпостныхъ и поссессіонныхъ крестьянъ. Сперва тутъ только хрустальное производство, историческое въ этомъ краѣ. Въ 40-хъ годахъ Иванъ Сергѣевичъ Мальцевъ устроилъ здѣсь хлопкопрядиль-

---

[1]) Знаменіе времени.

ное и хлопкоткацкое производство, которое теперь здѣсь важнѣйшее. Всякіе №№ пряжи (продажа) и миткаля. Теперь откроется новый корпусъ прядильный. Значитъ, расширяются эти два производства—хрустальное, очень тонкое, лучшее въ Россіи? и хлопковое. Ив. С. Мальцевъ, основавъ Сампсоніевскую хлопчатую мануфактуру въ Петербургѣ (потомъ продалъ), то же крѣпостную, и изъ нея перевелъ сюда многихъ мастеровъ.

Это особый типъ дворянской крѣпостной фабрики. Выгода при невыгодѣ этой мѣстности была только въ даровомъ трудѣ. Здѣсь все рабочее народонаселеніе (8 т. душъ) безземельные крестьяне—дворовые; Мальцевъ ихъ покупалъ, привозилъ сюда изъ другихъ имѣній.

И теперь это особое владѣльческое государство. Власть только Гайдуковъ—административная и судебная. Приписаны къ сельскимъ волостямъ, но никакихъ отношеній къ нимъ не имѣютъ. Податей никакихъ не платятъ (?). Все на счетъ владѣльца. Полиціи и мировыхъ судей не знаютъ, становой за 40 в., никогда не приходится къ нимъ прибѣгать. Обходятся домашними мѣрами. Кабаковъ нѣтъ, —ближайшій 7 в. Пьянства нѣтъ. Отношенія къ рабочимъ наилучшія. Особенность рабочаго быта — маленькіе (большей частью) каменные домики; немного, до 500, живутъ въ небольшихъ казармахъ.

У домиковъ нѣтъ огородовъ, которые имѣются въ особыхъ мѣстахъ. У всѣхъ тамъ свои мѣста, у всѣхъ также свои коровы, овцы, птицы и сѣнокосъ. Всѣ рабочіе живутъ семейно, есть пришлые, но немного. Жилища, отопленіе,—все даромъ, за это рабочая плата нѣсколько ниже.

Двухклассная мужская и одноклассная женская школа: 500 учениковъ. Публичная библіотека. Школы въ 4-хъ домахъ. 10 учителей и 2 учительницы.

Церковь очень хороша; хочетъ строить другую.

Роща съ часовней, ключемъ и иконой. Гулянье. Больница хорошая на 60 кроватей, 2 доктора. Все народонаселеніе производитъ пріятное впечатлѣніе, хотя крѣпостное высокопочитаніе, и что-то слишкомъ смирны—для фабричныхъ.

Въ домикахъ очень опрятно, оригинально; убираютъ чисто днемъ, но спятъ на полу и на диванахъ очень густо въ 2-хъ комнатахъ (чистая и кухня). Вездѣ жильцы—разные ремесленники.

Все просто безъ показныхъ затѣй, улучшенный нашъ крестьянскій (съ фабричнымъ оттѣнкомъ) бытъ. Но это не крестьяне. Некрасивы.

13 августа. Выѣхалъ утромъ въ 10½ ч. утра изъ Гуся по той же

дорогѣ и прибылъ во Владиміръ въ 7 ч. (остановился въ Кофейной). Меня отвозятъ на гусевскихъ лошадяхъ.

Вязники, 15 августа. Вчера по желѣзной дорогѣ выѣхалъ изъ Владиміра въ 11 ч. утра и прибылъ въ Вязники въ 4 ч. ночи. Остановился въ гост. Скосырева, новой, для уѣзднаго города очень пристойной.

Во Владимірѣ осматривалъ Мальцевское ремесленное училище. Великолѣпіе построекъ, — entrée хотя бы для дворца. Мастерскія съ паровыми приводами — слесарно-кузнечная и столярная прекрасны; также классы. Верхній этажъ весь—квартира начальника. Теперь 50 учениковъ въ 2 классахъ (говорятъ, поступаютъ мало). Заведеніе существуетъ только годъ. Нѣтъ пансіона: всѣ приходящіе. Удобно ли это? Инспекторъ (техникъ изъ Москов. технич. училища, очень симпатичный и скромный) говоритъ, улыбаясь: „для насъ удобно". Вотъ для этихъ удобствъ начальства у насъ и закрыты были интернаты. Ученики живутъ на квартирахъ во Владимірѣ. Наняты мастера, имѣющіе помѣщеніе въ училищѣ, какъ и всѣ служащіе. Скорѣе надо было поступить наоборотъ: дать училище ученикамъ. Во всемъ у насъ личный эгоизмъ. Ученики остаются цѣлый день. Даютъ даромъ обѣдъ. Стало быть, только не ночуютъ здѣсь. Обученіе и все даромъ. Принимаютъ всѣхъ желающихъ по экзамену (экзаменъ сельскаго народнаго училища).

Судьба этого только-что начавшагося заведенія въ будущемъ. Теперь судить нельзя. Но я имѣю сомнѣніе. Я не вѣрю въ низшія техническія заведенія, устроенныя при промышленныхъ заведеніяхъ. Вѣрно все-таки, что это заведеніе страшно дорого. На 1 мил. можно бы сдѣлать что-нибудь лучше! Опять несостоятельность земства. Уже теперь не достаетъ на содержаніе 25 т. $^0/_0$ съ 500 т. капитала ($1^1/_2$ т. берется въ купонный налогъ; вотъ дичь!).

Сообщ. М. В. Безобразова.

Бытовые очерки прошлаго.

По архивнымъ документамъ.

Отрѣзаніе уха за кражу голицъ [1]).

Настоящее судебное дѣло конца XVII вѣка, содержаніе котораго мы предлагаемъ, представляетъ сравнительно рѣдкій примѣръ, когда за первую кражу виновному вмѣсто обычнаго наказанія за этотъ проступокъ —„битья кнутомъ“ отрѣзается еще ухо за непріязнь мѣстнаго воеводы къ хозяевамъ наказаннаго вора.

20 ноября 1687 г. въ г. Кадомъ, Тамбовской губерніи, явился изъ села Игнатьева Шацкаго уѣзда помѣщика Трофима Гавриловича Жукова крестьянинъ Максимъ Тимофеевъ сынъ Кривошеинъ. Начало уже смеркаться, когда онъ подошелъ къ лавкамъ на торгу. У одной изъ нихъ, въ концѣ ряда, на ларѣ, было выложено нѣсколько паръ кожаныхъ голицъ. Кривошеинъ пощупалъ одну пару, взялъ ее въ руки и, не видя никого въ лавкѣ, спряталъ голицы подъ полушубокъ и пошелъ съ торга. Но едва сдѣлалъ нѣсколько шаговъ впередъ, какъ услышалъ крикъ. Максимъ бросился бѣжать, но былъ настигнутъ хозяиномъ лавки посадскимъ человѣкомъ Андрономъ Арефьевымъ вмѣстѣ съ другими торговцами и „съ поличнымъ“, т. е. съ украденными голицами, былъ доставленъ въ Съѣзжую избу.

Въ допросѣ Кривошеинъ въ кражѣ сознался, сказавъ, что въ его винѣ вольны Великіе государи, прибавивъ, что разбоевъ и иныхъ татебъ за нимъ не бывало.

---

[1]) Моск. Архивъ М. Ю. Дѣло упразд. Темниковскаго уѣзднаго суда, въ столбцѣ, по 61 описи, вязка 3. „Голицами“ наз. большія кожаныя рукавицы.

При разборѣ дѣла воеводою стольникомъ Өедоромъ Ильичемъ Мустофинымъ былъ приведенъ слѣдующій законъ:

Статья 9-я главы 21 Соборнаго уложенья: „А приведутъ татя и доведутъ на него одну татьбу, и того татя пытать и въ иныхъ татьбахъ и въ убивствѣ; да будетъ съ пытки въ иныхъ татьбахъ и въ убивствахъ не повинится, а скажетъ, что онъ кралъ впервые, и того татя за первую татьбу бить кнутомъ, отрѣзать ему лѣвое ухо и посадить въ тюрьму на 2 года, животы его отдать исцамъ. А изъ тюрьмы выимая, посылать его въ кандалахъ работать на всякія издѣлья, гдѣ Государь укажетъ. А какъ 2 года въ тюрьмѣ отсидитъ, и его послать въ Украйные городы, въ какой чинъ пригодится, давъ ему письмо за дьячьею приписью, что онъ за свое воровство урочные годы въ тюрьмѣ отсидѣлъ и выпущенъ“.

На основаніи этого закона, Кривошеина передъ воеводою пытали, было дано ему 54 удара, но и съ пытки онъ ни въ чемъ другомъ кромѣ кражи голицъ не винился.

Тогда крестьянину Трофима Гавриловича Жукова „Максимкѣ Тимофееву Кривошеину,—какъ сказано въ документѣ,—за первое его воровство—за кражу голицъ 14 января 1688 г. учинено наказанье и казнь—битъ кнутомъ и отрѣзано ему лѣвое ухо и посаженъ въ Кадомъ въ тюрьму на 2 года“.

Но не истекъ еще годъ послѣ заключенія Кривошеина въ тюрьму, какъ его помѣщикъ Трофимъ Гавриловичъ Жуковъ подалъ въ декабрѣ мѣсяцѣ того же 1688 г. челобитную на имя „Государей Іоанна и Петра Алексѣевичей и царевны Софьи Алексѣевны“, въ которой говоритъ, что „Кривошеинъ ни въ какихъ другихъ воровствахъ себя не оговорилъ, что воевода Мустофинъ учинилъ ему, Кривошеину, наказанье и торговую казнь, *мстя ему, Жукову, недружбу съ родственниками* его, Жукова“. Такъ какъ по словамъ Жукова „Кривошеинъ, сидя въ тюрьмѣ, помираетъ голодною смертію, то Жуковъ проситъ его, крестьянина, изъ тюрьмы освободить на чистыя поруки“.

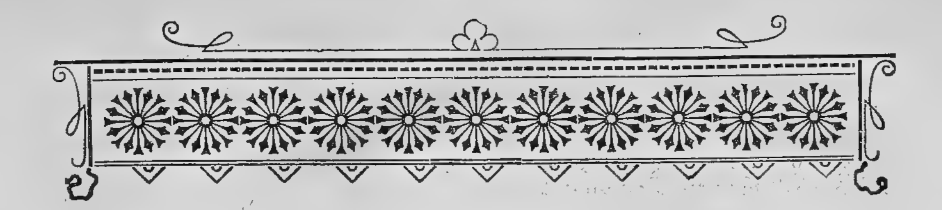
Въ дѣлѣ опредѣленія Государей по челобитной Жукова нѣтъ, но изъ послѣдней склейки столбца видно, что она была уважена, потому что 19 декабря 1688 г. два посадскихъ человѣка г. Кадома и четыре другихъ крестьянина того же Жукова даютъ поручную запись въ томъ, что „Максимка Кривошеинъ изъ тюрьмы въ Кадомѣ свобоженъ на чистыя поруки, чтобы ему впредь не воровать, воровскимъ людямъ понаровки не чинить, воровскія рухляди не принимать и у себя не держать. А буде онъ, Максимка,—говорится въ

записи,—въ такихъ воровскихъ дѣлахъ объявится, и на насъ (поручикахъ) пеня Великихъ государей, что укажутъ".

Этимъ заканчивается одна изъ не рѣдкихъ темныхъ страницъ минувшаго, но пусть не подумаетъ читатель, что только въ нихъ однѣхъ отражается бытъ нашихъ предковъ: безспорно еще болѣе многочисленныя страницы должны намъ передать тѣ свѣтлые итоги, изъ которыхъ сложился крѣпкій устой русской жизни.

И. С. Бѣляевъ.

Императрица Елисавета Алексѣевна, супруга Императора Александра I[1].

Оставшись въ столицѣ, Елисавета Алексѣевна нервно слѣдила за ходомъ войны и когда получилось извѣстіе о пораженіи, нанесенномъ Наполеономъ русскимъ и австрійскимъ войскамъ, Императрица долго не могла успокоиться. Ея письмо къ матери, писанное подъ вліяніемъ этого рокового извѣстія, дышетъ глубокой скорбью и проникнуто вмѣстѣ съ тѣмъ искреннимъ патріотизмомъ.

Извѣстіе о пораженіи подъ Аустерлицомъ было получено въ Петербургѣ въ началѣ декабря; „не имѣвъ довольно долго никакихъ извѣстій объ Императорѣ и объ арміи", писала Елисавета Алексѣевна 11/23 декабря 1805 г., „мы дѣлали все время различныя предположенія, одни болѣе неосновательныя, чѣмъ другія; прошлую среду (7 декабря)—было получено извѣстіе о сраженіи 20 числа, объ его исходѣ и о предстоящемъ возвращеніи Императора и объ опасности, которой онъ подвергался: вы поймете, что и одного изъ этихъ извѣстій было бы, само по себѣ, достаточно, чтобы взволновать насъ, и что всѣ они, вмѣстѣ взятыя, глубоко взволновали меня. Прибавьте къ этому несказанное негодованіе, въ какое повергло меня недостойное поведеніе австрійцевъ, коимъ мы обязаны этимъ пораженіемъ. Не только всякому русскому, но и всякому человѣку съ душою, слово австріецъ должно внушать отвращеніе. Тяжело видѣть, когда частное лицо дѣлаетъ подобныя гнусности, но нѣтъ словъ, чтобы выразить то чувство, которое испытываешь, видя, что цѣлый народъ глупъ, низокъ, способенъ къ измѣнѣ, словомъ, обладаетъ самыми низкими качествами. Не слова, а факты говорятъ лучше всего о томъ, что это за люди: морить съ голода

[1]) См. „Русская Старина" 1910 г. январь.

тѣхъ, кто пришелъ проливать за нихъ кровь, поступать по отношенію ихъ болѣе гнусно, нежели поступаютъ враги, выдать ихъ и, наконецъ, обратить противъ нихъ свое собственное оружіе. Если вы найдете выраженіе, которое могло бы передать чувство, возбуждаемое этими поступками, подскажите его мнѣ, ибо я не нахожу его.

„Таково ихъ поведеніе вообще, а вотъ черта, характеризующая ихъ отношеніе къ Императору лично: по окончаніи битвы, онъ пріѣхалъ, въ три часа ночи, въ небольшое мѣстечко, верхомъ; надобно замѣтить, что онъ не сходилъ съ лошади съ семи часовъ утра. Въ этомъ мѣстечкѣ находился австрійскій дворъ со всѣмъ своимъ багажомъ, кроватями, кухнею, всѣ эти животныя лежали на своихъ пуховикахъ. Императоръ Александръ, слишкомъ возмущенный, чтобы просить у нихъ убѣжища, вошелъ въ какой-то жалкій крестьянскій домикъ, въ сопровожденіи графа Ливена и князя Адама, которые не разставались съ нимъ ни на минуту, и хирурга Виллье. Тутъ, отъ усталости или огорченія, или отъ того, что онъ ничего не ѣлъ цѣлыя сутки, у него сдѣлались въ желудкѣ такія спазмы, что Виллье, по его словамъ, боялся, что онъ не переживетъ ночь. Онъ прикрылъ его соломой и отправился въ главную квартиру императора Франца, гдѣ просилъ нѣкоего Ламберти, лейбъ-медика, дать ему немного краснаго вина, передавъ ему, въ какомъ состояніи находился Императоръ; тотъ отказалъ въ этомъ, сказавъ, что не стоитъ будить людей и т. п.; наконецъ, Виллье сталъ на колѣни передъ этимъ животнымъ, но все было безполезно; только посуливъ денегъ, ему удалось разбудить лакея, который вмѣстѣ съ нимъ розыскалъ полбутылки какого-то плохенькаго краснаго вина! Вотъ какъ обходятся у австрійцевъ съ союзнымъ монархомъ, пожертвовавшимъ своей арміей ради спасенія союзника!

Несмотря на всѣ неудачи и на измѣну, наши превосходныя войска покрыли себя новой славой, даже въ глазахъ своихъ враговъ, и внушили живѣйшій энтузіазмъ своимъ соотечественникамъ. Это ангелы, это мученики, эти солдаты и въ то же время они герои. Они умирали отъ голода; во время похода они падали и умирали на мѣстѣ отъ истощенія и горѣли желаніемъ сражаться, и никто не слыхалъ отъ нихъ ни малѣйшей жалобы, въ то время какъ мимо ѣхали къ непріятелю цѣлые транспорты съ съѣстными припасами и эти жалкія австрійскія войска имѣли все необходимое; за то говорятъ, что гвардейцы не пощадили ни одного человѣка изъ австрійскаго баталіона, обратившаго во время сраженія свое оружіе противъ насъ; я отъ этого въ восторгѣ. Молодцы гвардейцы выказали чудеса храбрости: одинъ Преображенскій полкъ опрокинулъ четыре линіи непріятельскаго войска и сдался только подъ

натискомъ пятой; Семеновскій батальонъ взялъ въ штыки цѣлый эскадронъ французской гвардіи. По отзыву наиболѣе опытныхъ генераловъ, это было одно изъ самыхъ кровопролитныхъ дѣлъ. Сердце обливается кровью, слушая эти подробности; намъ еще не все извѣстно, мы даже не знаемъ, при какихъ обстоятельствахъ погибли тѣ, кого мы знали лично". „Воспоминаніе обо всѣхъ этихъ гнусностяхъ никогда не изгладится изъ моей памяти".

„Такъ какъ поведеніе нашихъ любезныхъ союзниковъ австрійцевъ нечего скрывать, и во Франціи объ этомъ знаютъ пожалуй больше насъ, то я не боюсь писать вамъ обо всемъ по почтѣ: я хотѣла бы даже, чтобы вы разглашали эти подробности, насколько возможно, ибо я предвижу, что эти негодяи найдутъ возможность обвинить насъ въ чемъ-нибудь, и у нихъ могутъ найтись сторонники, которые повѣрятъ имъ".

„...Какъ я благодарна вамъ за помощь, которую вы оказываете нашимъ добрымъ русскимъ. Мнѣ пріятно думать, что они находятъ въ васъ покровительницу, я такъ и думала, что соображенія политики заглушили въ другихъ людяхъ чувство человѣколюбія. Какъ я благодарна жителямъ названныхъ вами городовъ! Я хотѣла бы поблагодарить ихъ за русскихъ, ибо хотя, разумѣется, всякое человѣческое существо внушаетъ мнѣ такое же состраданіе, но русскіе, и по чувству и по разсудку, внушаютъ его въ болѣе сильной степени; мнѣ кажется, что русскій, вдали отъ отечества, чувствуетъ себя на чужбинѣ болѣе чужестранцемъ, нежели всякій иной европеецъ, такъ какъ онъ болѣе отличается отъ нихъ религіей, языкомъ и обычаями. Я говорю только о солдатахъ, такъ какъ высшіе классы всѣхъ странъ имѣютъ болѣе общаго".

Чувство патріотизма, появившееся у Елисаветы Алексѣевны подъ впечатлѣніемъ прискорбныхъ событій военнаго времени, было вполнѣ искреннее и вылилось впослѣдствіи въ болѣе опредѣленную форму, но и въ то время Императрица вполнѣ сознательно скорбѣла вмѣстѣ съ русскимъ народомъ о пораженіи нашей арміи. По многимъ отдѣльнымъ фразамъ ея писемъ и по ихъ общему тону видно, что она уже сроднилась съ Россіей, считала ее своимъ вторымъ отечествомъ и болѣла ея скорбями.

„Одно ваше предсказаніе, которое я помню какъ сейчасъ, писала она матери, между прочимъ, въ настоящее время оправдалось. Незадолго до моего отъѣзда изъ Карлсруэ, когда мы сидѣли однажды съ вами на балконѣ, и я горевала о своей участи, вы сказали мнѣ, стараясь меня утѣшить: „ты такъ молода, что черезъ нѣкоторое время ты станешь считать Россію своей родиной". Въ то время я была въ такомъ отчаяніи, что я считала это невозможнымъ; те-

перь же, когда я провела тутъ дѣйствительно половину жизни (я пріѣхала 13 лѣтъ, а теперь мнѣ 26, и я жила здѣсь болѣе нежели въ Германіи, такъ какъ жить значитъ мыслить и чувствовать, а въ раннемъ дѣтствѣ мы живемъ болѣе животной жизнію), теперь, я сознаюсь, что я совершенно сроднилась съ Россіей, и что какъ бы мнѣ ни было пріятно увидѣть вновь Германію, я была бы въ отчаяніи уѣхать изъ Россіи навсегда и если бы, въ силу какихъ-либо обстоятельствъ, я очутилась въ одиночествѣ, и выборъ мѣста жительства зависѣлъ отъ меня, я поселилась бы въ Россіи, хотя бы мнѣ и пришлось жить совершенно безвѣстно. Это должно вамъ нравиться, дорогая мама, и должно успокоить довольно неосновательныя опасенія, которыя, мнѣ кажется, вы до сихъ поръ питаете. Это не ослѣпленіе, которое мѣшало бы мнѣ видѣть преимущества другихъ странъ передъ Россіей: я чувствую, чего ей не достаетъ, но я вижу также, чѣмъ она можетъ стать въ будущемъ, и каждый шагъ, сдѣланный ею впередъ, радуетъ меня".

Неудивительно, что при подобномъ настроеніи и послѣ тяжкаго пораженія, испытаннаго союзниками подъ Аустерлицомъ, Елисавета Алексѣевна отнеслась крайне несочувственно къ браку своего брата съ близкой родственницей Наполеона, Стефаніей Богарнэ, состоявшемуся 8 апрѣля 1806 года. Она была имъ огорчена, какъ вынужденнымъ сближеніемъ ея Баденской семьи съ императоромъ французовъ, и въ самыхъ рѣшительныхъ выраженіяхъ высказала брату свои чувства и свое отношеніе къ его браку.

„Письмо мое будетъ вѣроятно тщетнымъ,—писала она,—такъ какъ я не думаю, чтобы вы обратили болѣе вниманія на мои слова, нежели на мнѣніе мамаши, къ которой вы относитесь въ высшей степени неуважительно, заключая, несмотря на ея увѣщанія, тотъ недостойный бракъ, къ которому васъ склоняютъ; если вслѣдствіе этой трусливой уступчивости вы заставите ее отдалиться отъ васъ, вы этимъ порвете всѣ узы, которыя связываютъ меня съ вами и съ нашей семьею, и которыя вынуждаютъ меня говорить съ вами съ полной откровенностью. Какое ослѣпленіе мѣшаетъ вамъ видѣть, что вы покрываете позоромъ себя и свою страну въ глазахъ отдаленнѣйшаго потомства? Если бы вы имѣли несчастье преступить долгъ, поддавшись своимъ чувствамъ, я бы пожалѣла васъ, но, по крайней мѣрѣ, вы не заслужили бы того презрѣнія, какого вы заслуживаете, поддаваясь страху, поддаваясь совѣтамъ коварнаго дяди, маркграфа Людовика, который, по отзыву всѣхъ, продался французскому правительству и злоупотребляетъ добротой моего дяди и губитъ столь заслуженно пріобрѣтенную имъ репутацію, составивъ въ теченіе полвѣка счастье своихъ подданныхъ. Развѣ вы не видите, что все это подстроено

вашимъ дядей только для того, чтобы проложить себѣ дорогу къ регентству, и вы имѣете низость идти на безчестіе, тогда какъ вы мужчина, вы совершеннолѣтній, вамъ слѣдуетъ сдѣлать все возможное, чтобы избѣгнуть безчестія; къ тому же вы сильны своимъ правомъ и волей матушки, которая должна быть для васъ священна. Какую пользу принесетъ это вамъ и вашей странѣ? Ваши будущіе подданные будутъ презирать васъ, видя, что съ вами можно обращаться какъ съ дѣвченкой, родные будутъ краснѣть при мысли о родствѣ съ вами; будьте увѣрены, что тотъ, чье расположеніе вы думаете снискать, дѣлая эту низость, также будетъ презирать васъ въ глубинѣ души и всегда будетъ относиться къ вамъ какъ къ орудію своей фантазіи. Если это нравится вамъ, я конечно не могу ничего возразить противъ этого. Вамъ конечно нѣтъ надобности дѣлать тайну изъ этого письма, я даже ничего не имѣю противъ, чтобы вы показали его дѣдушкѣ, если обстоятельства этого потребуютъ: я была бы очень счастлива, если бы онъ принялъ во вниманіе мои чувства, но я на это не разсчитываю. Впрочемъ, можетъ быть уже поздно; если нѣтъ, то прошу васъ именемъ всего, что для васъ свято, прошу васъ во имя чести, не покрывайте себя позоромъ".

„Достаточно прочесть эти строки", говоритъ августѣйшій біографъ Елисаветы Алексѣевны, „чтобы уяснить себѣ взглядъ Елисаветы Алексѣевны на брачныя узы и на политическую подкладку такого компромисса съ совѣстью. Въ дальнѣйшемъ она не измѣняла своихъ убѣжденій, и на ея отношеніяхъ съ новобрачными навсегда остался отпечатокъ этихъ взглядовъ".

„Въ апрѣлѣ 1806 года Государыня почувствовала первые признаки давно желанной беременности. 3 ноября у нея родилась вторая дочь, получившая имя Елисаветы. Императрица порадовала мать лаконической запиской отъ 7 ноября 1806 г., т. е. четыре дня послѣ родовъ: „я чувствую себя хорошо такъ же, какъ и малютка Лиза, которая умоляетъ васъ простить ей, что она не мальчикъ".

1807 годъ прошелъ для Государыни въ заботахъ о ребенкѣ; она нянчилась со своей малюткой цѣлыми днями и сосредоточила на ней все свое вниманіе. Даже болѣзнь ея любимой подруги, княгини Н. Ѳ. Голицыной, сравнительно мало вліяла на радостное настроеніе счастливой матери.

Княгиня Голицына заболѣла, послѣ родовъ, злокачественной чахоткой; врачи отправили больную за границу, гдѣ она и скончалась въ октябрѣ того же года.

Послѣ смерти княгини Елисавета Алексѣевна взяла старшую ея дочь на свое попеченіе, мечтая сдѣлать ее товарищемъ дѣтскихъ

игръ своей Лизиньки. Въ одномъ изъ писемъ къ маркграфинѣ описана первая встрѣча малютокъ:

„Послѣ того какъ мы переѣхали въ Зимній дворецъ, Лизинька познакомилась съ маленькой Лизой Голицыной, но на это понадобилось цѣлыхъ три дня: она не будетъ большой охотницей до новыхъ знакомствъ; тѣмъ лучше! Первая встрѣча привела ее въ самое скверное расположеніе духа. Бѣдная Лиза, которая уже достаточно благовоспитана, была очень ласкова и хотѣла поцѣловать Лизиньку, но у нея очень рѣзкія манеры, и она рѣшительно оттолкнула ее. Если можно судить о ребенкѣ въ этомъ возрастѣ, то она будетъ съ характеромъ: Дай Богъ! При вторичной встрѣчѣ дѣло пошло на ладъ, а при третьей, ей, кажется, уже было пріятно видѣть свою маленькую подругу. Какъ бы я хотѣла видѣть ихъ лѣтъ пяти—шести, когда онѣ будутъ рости вмѣстѣ и любить другъ друга какъ сестры! Увы, я строю планы, а я даже не знаю, оставитъ ли князь Голицынъ у меня свою дочь".

Но этимъ мечтамъ не суждено было сбыться. Въ мартѣ 1808 г. Императрица писала матери:

„Лизинька начала ходить, это великое событіе совершилось вчерашній день. Вчера она сдѣлала впервые шаговъ десять—двѣнадцать: я слѣдила за ней, обмирая отъ страха и не вѣря своимъ глазамъ, а она гордилась тѣмъ, что могла обойтись безъ посторонней помощи".

Ребенокъ былъ крѣпкій и повидимому здоровый, но въ концѣ апрѣля у дѣвочки показались, почти сразу, три зуба, она страшно ослабла, и всѣ старанія врачей спасти ее остались безуспѣшны. 30 апрѣля Лизиньки не стало.

Трудно описать отчаяніе, овладѣвшее несчастной матерью; ея сестра Амалія сообщила маркграфинѣ объ утратѣ внучки, такъ какъ Государыня, предавшись горю, не могла ничѣмъ заниматься первые дни.

„Пишу вамъ еще разъ, чтобы извѣстить васъ о несчастной Лизѣ, писала матери принцесса Амалія 2 мая 1808 г. „Здоровье ея, надѣюсь, не пострадаетъ отъ этого страшнаго удара. Она покоряется судьбѣ и волѣ Божіей, но какъ она страдаетъ!

„Пока бѣдная малютка находится еще въ своей комнатѣ, она почти не отходитъ отъ нея. Она хотѣла просидѣть подлѣ нея послѣднюю ночь: сегодня, въ 7 час. вечера, ее перевезутъ въ Невскую лавру. Мы провели всю ночь у нея въ комнатѣ: по утру она одѣла ее и сама положила въ гробъ. Дорогой ангелочекъ почти не измѣнился, на ея лицѣ еще играетъ слабая улыбка"...

О томъ, какъ велика была для Императрицы эта потеря, какъ

она должна была чувствовать себя одинокой, какую страшную пустоту оставила въ ея жизни смерть малютки, можно судить по тому, какъ страстно она ее любила, какъ много посвящала ей времени.

Графиня Головина, незадолго передъ тѣмъ вернувшаяся изъ-за границы, записала въ своемъ дневникѣ:

„Дочь Императрицы стала предметомъ ея страсти и постоянныхъ ея заботъ.

„Уединенная жизнь стала для нея счастьемъ: какъ только она вставала, она отправлялась къ своему ребенку и не оставляла его почти весь день; если ей приходилось провести вечеръ внѣ дома, она всегда по возвращеніи шла поцѣловать ее. Но это счастье продолжалось только 18 мѣсяцевъ. У маленькой великой княжны очень трудно прорѣзались зубы. Франкъ, врачъ Ея Величества, не съумѣлъ ее лѣчить: ей дали укрѣпляющія средства, которыя увеличили воспаленіе. Въ апрѣлѣ 1808 г. съ великой княжной сдѣлались конвульсіи; всѣ врачи были созваны, но никакое лѣкарство не могло ее спасти. Несчастная мать не отходила отъ постели своего ребенка, дрожа при малѣйшемъ ея движеніи; каждая спокойная минута придавала ей нѣкоторую надежду. Вся Императорская фамилія собралась въ этой комнатѣ. Стоя на колѣняхъ, возлѣ кровати, Императрица, увидѣвши свою дочь болѣе спокойной, взяла ее на руки; глубокое молчаніе царило въ комнатѣ. Императрица приблизила свое лицо къ лицу ребенка и почувствовала холодъ смерти. Она просила Императора оставить ее одну у тѣла ея дочери, и Императоръ, зная ея мужество, не колебался согласиться на желаніе опечаленной матери...

„Утромъ этого печальнаго дня (30 апрѣля) получилось извѣстіе о смерти младшей сестры Императрицы, принцессы Маріи Браунъ-швейгской. Александръ благоразумно рѣшилъ, что слѣдуетъ лучше сейчасъ извѣстить объ этомъ свою супругу, потому что новое несчастіе, какъ бы оно ни было чувствительно, будетъ мало замѣтно для матери, раздираемой печалью.

„Принцесса Амалія разсказывала мнѣ, что въ первую минуту она хотѣла проводить ночи возлѣ императрицы, но, замѣтивъ, что изъ стѣсненія передъ ней ея величество удерживала рыданія, она сочла лучше удалиться; ужасно сдерживать изліяніе печали, когда отчаяніе и ропотъ не сопровождаютъ его. Императрица оставляла при себѣ тѣло своего ребенка въ теченіе четырехъ дней. Затѣмъ оно было перенесено въ Невскую лавру и положено на катафалкъ. По обычаю всѣ получили разрѣшеніе войти въ церковь и поцѣловать ручку маленькой великой княжны...

„Погребальная процессія двигалась мимо моихъ оконъ. Гробикъ везли въ каретѣ, въ которой сидѣла статсъ-дама графиня Литте и оберъ-гофмейстеръ Торсуковъ. Народъ плакалъ и выказывалъ всѣ

знаки горести. Я не могу передать, что происходило со мною, и насколько это несчастье разрывало мнѣ душу...

„Въ день св. Елисаветы, бывшій днемъ именинъ въ одно и то же время Императрицы и ея дочери, которую она только что потеряла, Государыня отправилась, по своему обыкновенію, въ Невскій монастырь. Графиня Толстая хотѣла узнать, какъ она себя чувствуетъ послѣ такой быстрой поѣздки. Она замѣтила, что Императрица ходила медленными шагами въ саду одна, погруженная въ тягостныя размышленія. Проходя передъ одной изъ гробницъ, ея величество замѣтила пучокъ анютиныхъ глазокъ, растущихъ сбоку. Она сорвала его, положила на памятникъ и продолжала молча ходить. Это было выразительнѣе всякихъ словъ“.

Сардинскій посланникъ Жозефъ де-Мэстръ доносилъ своему двору въ маѣ мѣсяцѣ 1808 года:

...„Мы присутствовали 27 апрѣля (9 мая) на молебствіи по случаю взятія Свеаборга и окончательнаго покоренія Финляндіи. Затѣмъ былъ большой парадъ у памятника Петра Великаго; дулъ рѣзкій, холодный вѣтеръ, отъ котораго всѣ очень страдали, въ особенности бѣдныя дамы.

„Бѣдная царствующая Императрица также присутствовала на парадѣ; на нее были обращены всѣ взоры: мнѣ кажется, ее можно было бы освободить отъ этой пытки. Во время этой безконечной церемоніи ея дочь была при смерти; у нея прорѣзывались зубы и тяжелыя страданія сопровождались конвульсіями. Ночь съ 29 на 30 была очень трудная. Въ пять часовъ утра разбудили Императора; въ семь часовъ малютка, которую мать держала на рукахъ, прильнула къ ея плечу и осталась неподвижной. Императрица полагала, что ребенокъ уснулъ; минуту спустя она дотронулась до головы малютки, и почувствовала, что она покрылась холоднымъ потомъ: „Дорогая Лизинька, ты меня покидаешь!“ Ребенка уже не было въ живыхъ. Августѣйшая мать не отходила отъ тѣла до самыхъ похоронъ и провела послѣднюю ночь около дорогихъ для нея останковъ. Въ восемь часовъ утра она стояла на колѣняхъ у кровати. Она знала, что въ этотъ часъ былъ назначенъ выносъ; не дожидаясь предупрежденія, она встала и ушла изъ комнаты, быстро, какъ стрѣла.

„Вы не можете себѣ представить, до чего это злополучное событіе привлекло къ Императрицѣ всѣ сердца. Лейбъ-хирургъ, Вилліе, утѣшая Императора, говорилъ, что онъ и Императрица молоды, что у него могутъ быть еще дѣти. Императоръ отвѣтилъ на это: „нѣтъ, другъ мой, Господь не любитъ моихъ дѣтей“.

Горе, постигшее Императрицу, самымъ тяжелымъ образомъ отра-

зилось на ея здоровьѣ; въ особенности потому, что она переживала его въ полномъ нравственномъ одиночествѣ. Ея отношенія къ новой семьѣ сложились крайне неблагопріятно: Марія Антоновна Нарышкина овладѣла въ то время всецѣло сердцемъ Александра I, который оказывалъ ей всѣ наружные признаки вниманія и привязанности, что въ свою очередь усугубляло тяжелое состояніе духа молодой Императрицы; вдовствующая Государыня не особенно симпатизировала своей невѣсткѣ, часто при своихъ дѣтяхъ критиковала ее; подъ ея вліяніемъ къ Елисаветѣ относилась недружелюбно и ея дочь, любимая сестра Государя великая княгиня Екатерина Павловна, сочетавшаяся въ апрѣлѣ мѣсяцѣ 1809 г. съ принцемъ Георгомъ Ольденбургскимъ.

Елисаветѣ Алексѣевнѣ жилось не весело, и она уединялась, насколько это позволялъ этикетъ, отъ родственниковъ и общества и проводила время, предаваясь печальнымъ воспоминаніямъ; маленькая Лиза Голицына, взятая Императрицей на свое попеченіе, была невольной причиной того, что душевная рана, вызванная потерею любимой дочки, не могла зажить; глядя на нее, Елисавета Алексѣевна еще живѣе чувствовала свою утрату; единственнымъ утѣшеніемъ для нея было общество сестры и переписка съ матерью, ей она изливала свои чувства; но въ письмахъ, относящихся къ этому періоду, она не касается никакихъ вопросовъ кромѣ интимной области личныхъ чувствъ и воспоминаній, и ничѣмъ не высказываетъ своего отношенія къ текущимъ событіямъ внѣшней и внутренней политики, въ которыя она поставила себѣ за правило не вмѣшиваться, замкнувшись исключительно въ сферу своей личной жизни, она молча и безропотно покорилась своей судьбѣ, не дѣлая никакихъ попытокъ отстаивать свое личное счастье; такое пассивное отношеніе къ окружающему не означало, конечно, что Елисавета Алексѣевна не имѣла на событія своего собственнаго, вполнѣ опредѣленнаго взгляда: такъ, между прочимъ, она далеко не сочувствовала сближенію Императора съ Наполеономъ и союзу съ Франціей вообще, но она предпочитала молчать и не осуждать дѣйствій Императора, точно также какъ на почвѣ личныхъ отношеній она, вопреки совѣтамъ матери выказывать наружно порицаніе мужу, какъ бы нарочно старалась не замѣчать невѣрности супруга и ничѣмъ не проявляла неудовольствія или ропота. „Во всѣхъ дѣйствіяхъ Елисаветы Алексѣевны проходитъ эта нота стушеванія: этотъ, такъ какъ сказать, Leitmotiv—не раздражать Александра, дать ему полную свободу во всѣхъ его начинаніяхъ. Елисавета Алексѣевна выдержала его всю жизнь; „возможно, говоритъ ея августѣйшій біографъ, что, видя совсѣмъ обратную тактику

со стороны императрицы-матери, вмѣшивавшейся положительно во всѣ мелочи внѣшней и внутренней политики, она еще усугубила избранную ею методу держаться въ сторонѣ; примѣръ великой княгини Екатерины Павловны, часто старавшейся проявить вліяніе на брата, могъ еще болѣе убѣдить Елисавету въ правильности ея собственныхъ поступковъ".

Но понятно, что наложенный ею на себя обѣтъ сдержанности и молчанія, необходимость постоянно сдерживать выраженіе своихъ чувствъ и не давать имъ исхода должны были самымъ пагубнымъ образомъ повліять на ея здоровье; уже въ исходѣ 1809 г., она жалуется матери на частое недомоганіе, на слабость, шумъ въ ушахъ, и эти болѣзненныя ощущенія стали постоянно усиливаться, такъ что врачи признали необходимымъ приступить къ серьезному лѣченію. „Такъ какъ на заграничную поѣздку встрѣчался въ данное время рядъ препятствій, то остановились на мѣстечкѣ Плёнѣ близъ Ревеля, на балтійскомъ побережьѣ.

8 іюля Государыня выѣхала изъ Петербурга черезъ Ригу. Ее сопровождали только нѣсколько лицъ свиты, а именно: старушка камеръ-фрейлина графиня Анна Степановна Протасова, фрейлина графиня Е. А. Разумовская, гофмейстеръ князь А. М. Голицынъ и докторъ Штофрегенъ".

Но это были люди, къ которымъ она привыкла и съ которыми не стѣснялась.

„Старушку Протасову она давно любила и уважала, князь А. М. Голицынъ былъ свой человѣкъ и напоминалъ Елисаветѣ усопшую подругу княгиню Наталію Ѳедоровну, фрейлина Разумовская въ это время была наиболѣе симпатична Государынѣ, а также и докторъ Штофрегенъ, вѣрный ея врачъ почти съ самаго пріѣзда въ Россію".

Путешествіе совершилось благополучно. „Я пріѣхала сюда (въ Ригу), писала Елисавета Алексѣевна матери, вчера, въ шестомъ часу по полудни. Мнѣ устроили трогательную и блестящую встрѣчу, о которой я не стала бы говорить, если бы я не была увѣрена въ томъ, что всѣ эти почести относятся не ко мнѣ лично, а къ супругѣ монарха, къ которому добрый русскій народъ питаетъ неизмѣнную преданность. Начиная съ послѣдней почтовой станціи, народъ сопровождалъ меня верхами и въ экипажахъ и т. д. У предмѣстья меня ожидала несмѣтная толпа; несмотря на всѣ протесты, народъ выпрягъ моихъ лошадей и потащилъ мою карету на себѣ черезъ весь городъ до замка при несмолкавшихъ крикахъ. Я до смерти боялась, чтобы не случилось какого-нибудь несчастья въ этихъ узкихъ улицахъ, но, благодаря Бога, все обошлось благополучно. Послѣ пред-

ставленій состоялся парадный обѣдъ. Я была до часа ночи на балу въ Дворянскомъ Собраніи и не чувствую ни малѣйшаго утомленія. Завтра по утру я ѣду въ Митаву; гдѣ буду обѣдать, тамъ, какъ говорятъ, также предстоятъ празднества, а послѣзавтра я пріѣду на мѣсто".

Описывая свои впечатлѣнія отъ пребыванія въ Плёнѣ, на берегу моря, и удовольствіе, испытываемое ею отъ купанья, Императрица отмѣчаетъ, что тамъ все до того походило на Германію, что „если бы они не были окружены военными, которые вносятъ во все окружающее русскій духъ", то она не была бы такъ довольна своимъ пребываніемъ въ Плёнѣ и присовокупляетъ: „я не боюсь сказать вамъ, что я только въ Россіи чувствую себя дома у себя, въ своемъ отечествѣ".

Обстановка, среди которой Императрица жила въ Пленѣ, была самая простая: для ея помѣщенія былъ нанятъ простой крестьянскій домикъ.

Здѣсь Елисавета Алексѣевна пробыла не много болѣе мѣсяца; „наслаждаясь безмятежно другимъ образомъ жизни, другой обстановкой, столь различной отъ пребыванія на Каменномъ островѣ или въ Царскомъ Селѣ; подъ вліяніемъ новой обстановки, Елисавета, сама того не замѣчая, совершенно преобразилась и ея письма изъ Плёна носятъ какой-то особый отпечатокъ приволья, довольства и веселости".

25 августа 1810 года Императрица возвратилась на Каменный островъ, но еще долго воспоминаніе объ этомъ мѣсяцѣ, проведенномъ какъ бы на волѣ, сохранилось въ ея памяти. Во всякомъ случаѣ эта поѣздка принесла безусловную пользу ея здоровью, и она вернулась бодрой и въ самомъ прекрасномъ настроеніи духа; это настроеніе держалось довольно долго и по возвращеніи въ Петербургъ, а вскорѣ, подъ вліяніемъ грандіозной борьбы, которую Россіи пришлось вынести съ Наполеономъ, Елисавета Алексѣевна какъ бы совершенно переродилась, перестала замыкаться въ узкую сферу личной жизни и проявила замѣчательный подъемъ духа и высокій патріотизмъ.

Она вполнѣ раздѣляла взглядъ, усвоенный Государемъ съ самаго начала его борьбы съ Наполеономъ, и съ замѣчательною проницательностью вѣрно оцѣнила обстановку, среди которой совершались потрясающія событія 1812 г.

Въ самый день Бородинской битвы она писала своей матери, маркграфинѣ Амаліи:

„Мы готовы на все, дѣйствительно на все, только не на переговоры. Чѣмъ дальше будетъ подвигаться Наполеонъ, тѣмъ менѣе

онъ долженъ разсчитывать на заключеніе мира. Таково единодушное мнѣніе Императора и всего народа, всѣхъ классовъ общества; благодаря Бога, въ этомъ отношеніи существуетъ полнѣйшее согласіе. На это именно Наполеонъ и не разсчитывалъ; онъ ошибся и въ этомъ, какъ и во многомъ другомъ. Каждый его дальнѣйшій шагъ въ этой необъятной Россіи все болѣе и болѣе приближаетъ его къ безднѣ. Увидимъ, какъ онъ перенесетъ въ ней зиму".

28 августа (9-го сентября) Императрица писала:

„Если настоящія обстоятельства и имѣютъ свои тяжелыя стороны вслѣдствіе тѣхъ страданій и личныхъ бѣдствій, которыя вызваны ими, зато въ нихъ есть также много великаго и такого, что лишь изрѣдка встрѣчается во всемірной исторіи, такъ какъ эпохи, подобныя переживаемой нами, къ счастью для человѣчества, не часты. Надо, подобно намъ, видѣть и слышать ежедневно о доказательствахъ патріотизма, самопожертвованія и геройской отваги, проявляемыхъ всѣми лицами военнаго и гражданскаго сословій, чтобы не считать ихъ преувеличенными. О, этотъ доблестный народъ наглядно показываетъ, чѣмъ онъ является въ дѣйствительности, и что онъ именно таковъ, какимъ издавна его считали люди, понимавшіе его, вопреки мнѣнію тѣхъ, которые упорно продолжали считать его народомъ варварскимъ. А между тѣмъ, какъ разъ варвары сѣвера и ханжи юга Европы и причиняютъ болѣе всего хлопотъ націи цивилизованной, по преимуществу, и силы ихъ далеко еще не истощены. Съ той минуты, какъ Наполеонъ въ Россіи, и если бы при ея громадномъ протяженіи было возможно, чтобы это сдѣлалось извѣстнымъ одновременно во всѣхъ концахъ Имперіи, то раздался бы такой грозный крикъ негодованія, который долетѣлъ бы, какъ мнѣ кажется, до края вселенной.

По мѣрѣ того, какъ Наполеонъ будетъ подвигаться впередъ, это чувство будетъ усиливаться болѣе. Старики, потерявшіе все или почти все свое состояніе, говорятъ: „мы найдемъ средства къ жизни, все предпочтительнѣе постыднаго мира". Женщины, у которыхъ всѣ близкіе находятся въ арміи, считаютъ опасности, коимъ тѣ подвергаются, лишь второстепенными и опасаются только мира. Этотъ миръ, который былъ бы смертнымъ приговоромъ Россіи, къ счастью, не можетъ быть заключенъ; Императоръ не допускаетъ и мысли о немъ, а если бы даже онъ и желалъ его, то не могъ бы осуществить своего желанія. Вотъ прекрасная героическая сторона нашего положенія".

„Каждый день приноситъ также свои утѣшенія. Тѣ чувства и мнѣнія, которыя въ теченіе пяти лѣтъ были подавляемы, сдерживаемы и ежеминутно оскорбляемы, теперь съ каждымъ днемъ про-

биваются наружу все сильнѣе. Со всѣхъ сторонъ стекаются люди умные и достойные, которые были вынуждены мелочнымъ деспотизмомъ Наполеона скрываться или покидать континентъ. Словомъ, мы снова живемъ здѣсь въ хорошемъ обществѣ: замѣтно дѣятельное оживленіе въ пользу праваго дѣла, благотворно отражающееся на моей душѣ, столько лѣтъ изнемогавшей среди отравленной атмосферы, которой она была окружена. Англичане, стекающіеся со всѣхъ сторонъ, испанцы и нѣмцы—мученики праваго дѣла, составляютъ какъ бы одну семью; всѣ обнялись бы даже съ турками, если бы послѣдніе проявили подобную ревность ко всеобщему благу".

„...Когда вы получите это письмо, многое, должно быть, измѣнится, такъ какъ мы ожидаемъ ежеминутно вѣсти о первомъ генеральномъ сраженіи съ начала кампаніи; если побѣда окажется на нашей сторонѣ, это будетъ имѣть весьма важныя послѣдствія.

„Здѣсь получено извѣстіе о взятіи въ плѣнъ Іосифа Бонапарта англичанами. Это не трудно было предвидѣть послѣ побѣды, одержанной этой доблестной арміей. Ахъ, если бы Германія могла проснуться! Какъ можетъ она терпѣть, видя, что ея несчастныхъ Landeskinder таскаютъ то въ Испанію, то въ Россію, гдѣ они гибнутъ либо съ оружіемъ въ рукахъ, либо отъ голода и холода, какъ у насъ. Нашъ храбрый графъ Витгенштейнъ выказалъ во время похода чудеса храбрости. Онъ нанесъ огромный ущербъ корпусу Удино, который раненъ, и баварцамъ. Что касается послѣднихъ, то между нами будь сказано, ich gönne es ihnen, такъ какъ они преданы душою и тѣломъ французамъ".

„Приписываю еще нѣсколько словъ, дорогая мама, къ моему письму, которое до сихъ поръ не отправлено,—писала Елисавета Алексѣевна 1 (13) сентября.—Я хочу доставить себѣ удовольствіе сообщить вамъ, что третьяго дня, 30 числа, мы отпраздновали большую побѣду, одержанную въ ста верстахъ отъ Москвы 26 августа (7 сентября). По отзыву всѣхъ очевидцевъ, это былъ настоящій адъ. Уронъ съ обѣихъ сторонъ огромный, въ особенности со стороны непріятеля. Самъ Наполеонъ былъ вынужденъ отступить. Его войска идутъ впередъ только тогда, когда онъ ихъ напоитъ, такъ какъ у нихъ нѣтъ хлѣба. Плѣнные (это подтвердилъ одинъ плѣнный генералъ) говорятъ, что они возмущаются тѣмъ, что ихъ ведутъ въ страну, гдѣ нѣтъ ни пищи, ни жителей, что они не знаютъ, куда ихъ ведетъ Наполеонъ, и т. п. Мы одушевлены самыми радужными надеждами, мы ожидаемъ каждый день извѣстій о новомъ дѣлѣ.

„Невозможно передать все то, что я перечувствовала за послѣдніе два съ половиною мѣсяца и въ самое послѣднее время. Мы

знали два дня, что шло сраженіе; всѣ пріѣзжавшіе съ той стороны говорили, что земля содрогалась верстъ на двадцать въ округѣ. Намъ передавали самые трогательные примѣры геройства, храбрости, самоотверженія, даже со стороны простыхъ крестьянъ; въ настоящую минуту намъ неизвѣстенъ еще исходъ сраженія. Начиная отъ Можайска до Москвы, крестьяне всѣхъ деревень были вооружены, ополченцы стекались со всѣхъ сторонъ, по своему собственному почину, распѣвая пѣсни, счастливые тѣмъ, что они могутъ сразиться съ непріятелемъ. Женщины стояли на колѣняхъ по большимъ дорогамъ и чуть не кидались подъ ноги курьерамъ, чтобы заставить ихъ сообщить имъ о томъ, какъ шло дѣло, а когда имъ говорили, что все идетъ благополучно, онѣ вставали съ колѣнъ и молились".

„Въ Германіи вы, должно быть, плохо знаете о томъ, что дѣлается у насъ; не говоря уже о томъ, какое счастье я испытываю всякій разъ, какъ я могу побесѣдовать съ вами откровенно, я считаю долгомъ изложить вамъ ходъ вещей такъ, какъ онъ есть на самомъ дѣлѣ".

„Я ненавижу ложь, которая лежитъ въ основѣ всѣхъ поступковъ Наполеона,—писала Императрица послѣ занятія Москвы,—и всякій, кому это возможно, долженъ бороться противъ ея всѣми силами. Бородинскую битву изобразили вѣроятно какъ наше пораженіе; между тѣмъ какъ мы ее выиграли до такой степени, что Наполеонъ носился по рядамъ войскъ, какъ сумасшедшій, крича: „французы, мы проиграли сраженіе! Я никогда не проигрывалъ сраженій, допустите ли вы, чтобы это случилось теперь?" и т. д., а на слѣдующій день онъ говорилъ въ дневномъ приказѣ, что французская армія покрыла себя позоромъ.

„Къ сожалѣнію, мы не съумѣли или не могли воспользоваться побѣдой, и въ концѣ концовъ Кутузовъ нашелъ нужнымъ оставить Москву. И вотъ эта орда варваровъ поселилась на развалинахъ этой чудной столицы; они вели себя тутъ такъ же, какъ и вездѣ. Нашъ народъ предпочелъ сжечь все то, что ему было дорого, не желая отдать все это цѣликомъ въ руки непріятеля, и великая нація разоряетъ, грабитъ, „уничтожаетъ все, пока есть еще что грабить".

„Наполеонъ, вступивъ въ Москву, не нашелъ того, на что онъ надѣялся. Онъ разсчитывалъ найти общество: его уже не было, всѣ разъѣхались; онъ разсчитывалъ найти здѣсь средства и почти ничего не нашелъ. Онъ разсчитывалъ на нравственное впечатлѣніе, на унынiе и упадокъ духа, которые онъ возбудилъ въ народѣ, а между тѣмъ онъ возбудилъ лишь озлобленіе и желаніе отомстить; онъ разсчитывалъ, что конечнымъ результатомъ всего этого будетъ миръ:

прилагаю воззваніе, обнародованное Императоромъ, какъ только стало извѣстно о выступленіи нашихъ войскъ изъ Москвы. Я увѣряю, дорогая мама, что вы одобрите ея содержаніе. Оно написано съ полнымъ благородствомъ и достоинствомъ: оно запечатлѣно духомъ народа, къ корому оно обращено. Я ручаюсь, что рѣшеніе, о которомъ говоритъ Императоръ, непоколебимо. Если бы подобная участь угрожала даже Петербургу, то и тогда Императоръ былъ бы также далекъ отъ мысли заключить постыдный миръ. Петербургу еще не грозитъ непосредственной опасности, хотя многіе напуганы и не могутъ успокоиться. Конечно, нельзя ни за что ручаться въ переживаемое нами время и, имѣя дѣло съ такимъ сумасбродомъ, какъ Наполеонъ, для котораго человѣческая жизнь ничто по сравненію съ малѣйшей его фантазіей, нельзя ни за что ручаться. Но онъ находится въ 750 верстахъ отсюда; между Москвою и Петербургомъ стоитъ довольно значительный корпусъ войскъ, и если бы онъ пошелъ этой дорогой, то въ тылу его очутились бы всѣ главныя силы нашей арміи; ему пришлось бы пройти большія болота, которыя можно было сдѣлать непроходимыми, испортивъ дороги. Наконецъ, мало вѣроятія, чтобы онъ отважился на столь рискованное предпріятіе, и я распространяюсь объ этомъ только для того, чтобы разсѣять вашу тревогу на этотъ счетъ. Впрочемъ, каковы бы ни были испытанія, которыя намъ суждено еще перенести, но какъ только Наполеонъ не будетъ въ состояніи разсчитывать на миръ, то, по всеобщему убѣжденію, по мѣрѣ того, какъ онъ станетъ затягивать свое пребываніе въ Россіи, онъ очутится въ крайне затруднительномъ положеніи. Пока Митава и часть Курляндіи снова взяты нашими войсками; французскій и прусскій корпуса, занимавшіе ее, отступили при нашемъ приближеніи. Но докучаю ли я вамъ всѣми этими военными подробностями?... но мнѣ трудно говорить о чемъ-либо иномъ; это единственный предметъ, который всѣхъ насъ занимаетъ, или лучше сказать, насъ занимаютъ послѣдствія, могущія проистечь отъ этой единственной причины“.

Не менѣе характерно и нижеслѣдующее письмо къ маркграфинѣ отъ 15 (27) октября; оно, также какъ предыдущія письма, даетъ вѣрную картину всеобщаго настроенія и личныхъ чувствъ Императрицы:

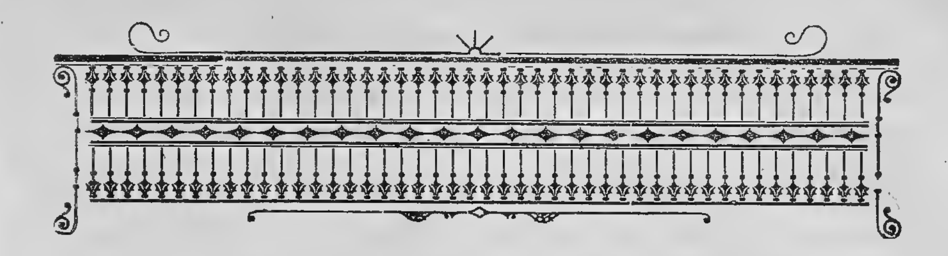
„Мы только-что получили извѣстіе о побѣдѣ, одержанной главными силами арміи, коими командуетъ Кутузовъ. Французской арміей командовалъ Мюратъ. Она потерпѣла рѣшительное пораженіе: мы взяли тридцать восемь орудій и почетное знамя, пожалованное первому Кирасирскому полку, которое находится нынѣ въ кабинетѣ Императора, весь багажъ Мюрата, военную кассу съ четырьмя милліонами, множество плѣнныхъ, число коихъ вѣроятно увеличива-

лось ежедневно, такъ какъ мы преслѣдовали непріятеля. Французы потеряли четырехъ генераловъ; мы потеряли только одного и несравненно меньше солдатъ. Два дня спустя послѣ этого сраженія, происходившаго 6 (18) числа, корпусъ, бывшій у воротъ Москвы со стороны Петербурга, вступилъ въ городъ и овладѣлъ имъ. Эта побѣда стоила намъ храбраго генералъ-адъютанта Винцингероде, который со времени занятія Москвы занималъ дороги въ Москву съ трехъ сторонъ и оказалъ тутъ огромныя услуги. Бѣдный Винцингероде взятъ въ плѣнъ, и я полагаю, что его положеніе будетъ не изъ пріятныхъ, такъ какъ его имя такъ часто упоминалось, что оно всѣмъ извѣстно".

„Вчера отслуженъ молебенъ по случаю взятія Полоцка храбрымъ графомъ Витгенштейномъ. Словомъ, Господь намъ покровительствуетъ и, надѣюсь, будетъ покровительствовать до конца; огромныя жертвы, принесенныя нами, послужили на пользу. Въ то время какъ французская армія занимала Москву, грабила, разоряла, творила такіе ужасы, какіе едва позволяли себѣ варварскіе народы, она потеряла значительное число людей, которые были взяты въ плѣнъ, такъ какъ кавалерія во время фуражировокъ брала всякій день отъ ста до двухсотъ человѣкъ, ибо наши казаки занимали всѣ дороги. Захвачено много французскихъ курьеровъ, ѣхавшихъ въ Парижъ и изъ Парижа. Я видѣла перехваченныя письма, трогательныя и забавныя, съ описаніями всѣхъ бѣдствій и лишеній, какія терпятъ эти несчастныя жертвы злобы одного человѣка, жаждавшаго крови. Недавно Винцингероде перехватилъ курьера, ѣхавшаго въ Парижъ съ собственноручными письмами Наполеона; между ними оказалось письмо къ его супругѣ, которое я имѣла удовольствіе держать въ рукахъ. У этого курьера нашли письма, донесенія и бюллетени, сочиненные для Moniteur'а, которому этотъ разъ не придется имѣть честь познакомить съ ними Европу.

„Огромныя жертвы, принесенныя русскимъ народомъ, его испытанная вѣрность, его храбрость, которую выказываютъ даже крестьяне, сами формирующіе отряды и дѣйствующіе безъ всякаго посторонняго указанія, его ужасныя страданія по справедливости заслужили ему славу избавить человѣческій родъ отъ этого бича. Рѣдкій день у меня не является желаніе умереть, чтобъ не слышать болѣе о всевозможныхъ страданіяхъ, постигшихъ страну, иной разъ я даже боюсь расчувствоваться надъ участью нашихъ враговъ, ибо они вѣдь тоже люди и наши братья; но ими предводительствуетъ извергъ, безъ котораго они были бы добры и не покинули бы своего отечества".

В. Тимощукъ.

Отголоски 14-го декабря въ Московскомъ университетѣ.

I.

Министерство Народн. Просвѣщ.—Правленіе Императорскаго Московскаго Университета. (Мая 18 1826 г.)

Господину Попечителю Московскаго Учебнаго Округа.

Московское Губернское Правленіе въ сообщеніи отъ 12 числа сего мая за № 38345, изъясняетъ, что московскій военный генералъ-губернаторъ при предложеніи отъ 7 сего мая за № 2038, препроводивъ въ оное Правленіе доставленную къ Его Сіятельству копію управляющимъ Министерствомъ Внутреннихъ Дѣлъ съ Высочайшаго рескрипта, воспослѣдовавшаго на имя его 21 минувшаго апрѣля, предложилъ на основаніи содержанія онаго немедленно сдѣлать должное распоряженіе, какъ по столицѣ, такъ равно и по всей Московской губерніи, и истребованныя обязательства доставить къ Его Сіятельству для представленія куда слѣдуетъ; а въ томъ Высочайшемъ рескриптѣ написано такъ: Василій Сергѣевичъ, изъ дѣла Комитета, учрежденнаго для изысканія о злоумышленномъ обществѣ, усматривается между прочимъ, что небольшое число злоумышленниковъ противъ спокойствія подъ разными наименованіями общества старалось привлечь въ оныя людей благомыслящихъ, обольщая ихъ ложными видами—благомѣренности своихъ обществъ, имѣвшихъ будто-бы единственною цѣлью распространеніе просвѣщенія, правилъ нравственности, человѣколюбія и прочее,—дабы впослѣдствіи, уже удостовѣрившись въ образѣ мыслей сихъ новыхъ членовъ, открыть истинное намѣреніе свое тѣмъ изъ нихъ, коихъ злоумышленники сочтутъ способными принять участіе въ пагубномъ ихъ предпріятіи; хотя изысканіе Комитета обнаруживаетъ, что изъ

сихъ завлеченныхъ врагами общаго спокойствія людей многіе при самомъ принятіи ихъ въ общества оставили оныя, а другіе оставались еще членами, не постигая тайныхъ цѣлей обществъ; но когда вслѣдствіе состоявшагося 21 августа 1822 года Высочайшаго рескрипта на имя управляющаго Министерствомъ Внутреннихъ Дѣлъ графа Кочубея, о закрытіи всѣхъ тайныхъ обществъ въ государствѣ, требованы были обязательства отъ воинскихъ и гражданскихъ чиновниковъ, что они ни къ какимъ тайнымъ обществамъ болѣе принадлежать не будутъ, съ изъясненіемъ въ тѣхъ обязательствахъ, къ какой именно Масонской ложѣ или къ какому другому тайному обществу кто изъ нихъ принадлежалъ, тогда ни одинъ изъ членовъ, состоявшихъ прежде въ вышеписанныхъ обществахъ, не объявилъ о томъ въ выданномъ отъ него обязательствѣ, и многіе вѣроятно тогда заключили, что они уже отстали отъ обществъ или принадлежали онымъ безъ особенныхъ клятвъ по одному обѣщанію. Таковое неисполненіе Высочайшей блаженной памяти Государя Императора воли, имѣя видъ умышленнаго сокрытія обществъ, должно бы подвергнуть виновныхъ строгому взысканію, но, желая употреблять мѣры строгости въ самыхъ только необходимыхъ случаяхъ и уменьшить число преступниковъ, сколько священная обязанность попеченія о общемъ благѣ сіе позволяетъ, я повелѣваю вамъ истребовать по всему государству вновь обязательства отъ всѣхъ находящихся въ службѣ и отставныхъ чиновниковъ и не служащихъ дворянъ въ томъ, что они ни къ какимъ тайнымъ обществамъ, подъ какимъ бы они названіемъ ни существовали, впредь принадлежать не будутъ, а если кто прежде къ какому-либо изъ нихъ когда бы то ни было принадлежалъ: то съ подробнымъ объясненіемъ въ обязательствѣ его, подъ какимъ названіемъ оно существовало, какая была цѣль его, и какія мѣры предполагаемо было употреблять для достиженія той цѣли. При требованіи сихъ обязательствъ объявить всѣмъ, что не только члены тайныхъ обществъ, принятые въ оныя въ учрежденныхъ ложахъ, думахъ, управахъ и прочихъ по обязательствамъ чрезъ клятву или честное слово и посѣщавшіе общества или знавшіе объ нихъ, но и всѣ безъ изъятія тѣ, кои содѣлались соучастниками оныхъ тайныхъ обществъ безъ всякихъ формъ, клятвъ и обязательствъ чрезъ разговоры при встрѣчѣ внѣ ложъ, думъ, управъ, или знали о сихъ обществахъ, обязаны объяснить о томъ при дачѣ подписокъ чистосердечно со всею откровенностью, и что сокрытіе того послѣ сего оказаннаго мною снисхожденія подвергнетъ ихъ строжайшему наказанію какъ государственныхъ преступниковъ; почему Московское Губернское Правленіе и сообщило Правленію университета съ тѣмъ, чтобы оное, отъ

всѣхъ подвѣдомственныхъ сему университету чиновниковъ истребовавъ вновь вышесказанныя обязательства, доставило ихъ въ то Правленіе непремѣнно къ 15 числу іюня, при чемъ приложены и формы подпискамъ, вслѣдствіе чего въ Правленіи опредѣлено: о всѣхъ находящихся при университетѣ профессорахъ и прочихъ чиновникахъ до оберъ-офицерскаго званія, составя списокъ, отобрать по оному сходственно доставленнымъ формамъ требуемыя подписки, которыя предложить присутствію для разсмотрѣнія и отсылки къ 15 іюня въ московское Губернское Правленіе вслѣдствіе сообщенія его отъ 12 числа сего мая, а объ отобраніи таковыхъ же подписокъ отъ чиновниковъ университетскаго Благороднаго Пансіона, типографіи, здѣшнихъ учебныхъ заведеній и всего Московскаго округа и о немедленномъ представленіи ихъ въ Правленіе сообщить въ Училищный Комитетъ, въ Правленіе Пансіона, а начальнику типографіи и директору московскихъ училищъ предписать указами съ приложеніемъ формы тѣмъ подпискамъ, что жъ касается до Его Превосходительства г. лейбъ-медика и кавалера Лодера, преподающаго въ университетѣ лекціи анатоміи, то какъ онъ по спискамъ въ числѣ чиновниковъ университета не состоитъ, а по званію своему принадлежитъ къ Высочайшему Двору, то отобраніе отъ него требуемой подписки предоставить Вашему Превосходительству, о чемъ вамъ донести. Ректоръ Прокоповичъ-Антонскій.

Министер. Народ. Просвѣщ. отъ Попечителя Моск. Учеб. Окр.
24 мая 1826 г. № 588.

Правленію Импер. Московскаго Университета.

На рапортъ онаго Правленія отъ 18 мая объ отобраніи отъ преподающаго въ университетѣ анатомію лейбъ-медика Лодера подписки о тайныхъ обществахъ, симъ изъясняю, что подписку сію можетъ предложить г. Лодеру и правленіе университета. Если же онъ откажется на нее отвѣчать, какъ чиновникъ, непринадлежащій къ университету, то объ ономъ извѣстить московское Губернское Правленіе. По собраніи свѣдѣній отъ всѣхъ чиновниковъ по означенному предмету, предлагаю оному Правленію доставить мнѣ копіи съ тѣхъ подписокъ, въ которыхъ объявлена будетъ принадлежность нѣкоторыхъ изъ нихъ къ тайнымъ обществамъ.

Списокъ чиновниковъ, находящихся въ вѣдомствѣ Императорскаго Московскаго Университета, принадлежавшихъ къ масонскимъ ложамъ.

По Университету:

Дѣйствительные Статскіе Совѣтники: Антонъ Антоновичъ Прокоповичъ-Антонскій; Христіанъ Ивановичъ Лодеръ. *Статскіе Совѣтники:* Матвѣй Мудровъ, Ѳедоръ Рейсъ, Матвѣй Гавриловъ; *Коллежскій Совѣтникъ* Иванъ Давыдовъ. *Надворные Совѣтники:* Ѳедоръ Кистеръ, Михаилъ Маловъ. *Адъюнкты:* Иванъ Веселовскій, Александръ Эвеніусъ, Магистръ Онуфрій Петрашкевичъ.

Кандидаты: Осипъ Ежовскій, Викентій Будревичъ.

По Университетской типографіи:

Коллежскій Совѣтникъ Петръ Курбатовъ, *Титулярные Совѣтники:* Матвѣй Садыковъ, Яковъ Венкстернъ, кн. Петръ Шаликовъ, 9-го класса Петръ Красильниковъ, 10-го класса Александръ Курбатовъ, Губернскій Секретарь Николай Лосевъ.

По Университетскому Благородному Пансіону:

Титулярный Совѣтникъ Иванъ Калайдовичъ, состоящій въ 10-мъ классѣ Морисъ Аллартъ, Почетный Смотритель Рузскаго уѣзднаго училища гвардіи подпоручикъ Сергѣй Михалковъ.

Во исполненіе Высочайшаго Его Императорскаго Величества повелѣнія, я нижеподписавшійся Дѣйствительный Статскій Совѣтникъ Антонъ Антоновъ сынъ Прокоповичъ-Антонскій по чистой совѣсти и безъ всякой утайки объявляю, что съ 1783 г. по 1785 г. до запрещенія отъ Правительства принадлежалъ я къ Масонской ложѣ Гермесъ, бывшей тогда въ Москвѣ. Цѣль членовъ оной по моему разумѣнію состояла въ томъ, чтобы совершенствовать себя въ наукахъ и нравственности посредствомъ поученій, читанныхъ въ ложѣ, и взаимнаго наблюденія за поведеніемъ; но съ тысяча семьсотъ восемьдесятъ пятаго года не участвовалъ я ни въ какой ложѣ и ни въ какомъ другомъ тайномъ обществѣ, что видно изъ прежняго показанія, поданнаго мною вслѣдствіе Высочайшаго повелѣнія, въ 1822 году касательно масонскихъ ложъ и тайныхъ обществъ состоявшагося. Нынѣ вновь подтверждаю, что я не принадлежу и принадлежать не буду ни къ какимъ тайнымъ обществамъ, подъ какимъ бы названіемъ они ни существовали, объявляю также, что и со стороны ни отъ кого о тайныхъ обществахъ мнѣ ничего извѣстно не было.

Дѣйствительный Статскій Совѣтникъ Антонъ Антоновъ сынъ Прокоповичъ-Антонскій.

Я нижеподписавшійся Двора Его Императорскаго Величества Лейбъ-Медикъ Дѣйствительный Статскій Совѣтникъ и Кавалеръ Христіанъ Ивановъ сынъ Лодеръ во исполненіе Высочайшаго Его Императорскаго Величества повелѣнія по чистой совѣсти безъ всякой утайки объявляю, что я тому около 40 лѣтъ принятъ и возведенъ былъ въ городѣ Веймарѣ въ ложу Амаліи въ присутствіи великихъ герцоговъ Саксенъ-Веймаръ и Гота. Здѣсь въ Москвѣ я бралъ участіе въ ложѣ Александра Тройственнаго Благословенія, принадлежавшей къ союзу уполномоченной правительствомъ великой ложи Астреи; но съ 1822 года по закрытіи оныхъ къ нимъ не принадлежу и впредь какъ къ онымъ, такъ и ни какимъ другимъ тайнымъ обществамъ, подъ какимъ бы названіемъ ни существовали, принадлежать не буду. Цѣлью сихъ ложъ было исполненіе добродѣтелей христіанства, усовершенствованіе собственное и ближнихъ, повиновеніе начальству и законамъ государственнымъ; вѣрное исполненіе обязанностей, милосердіе къ бѣднымъ и несчастнымъ, попеченіе о воспитаніи сиротъ, и наконецъ любовь братская ко всѣмъ человѣкамъ. Способы къ достиженію сей цѣли были: 1) читаемыя рѣчи въ собраніяхъ какъ обыкновенныхъ и въ заключеніи года, такъ и по торжественнымъ днямъ Августѣйшаго Императорскаго Дома, основанные на нравственности и христіанской вѣрѣ; 2) увѣщаніе тѣхъ изъ сочленовъ, коихъ поведеніе было сомнительно; 3) исключеніе изъ общества тѣхъ, кои упрямымъ образомъ оставались неблагонравными, или учинили какое преступленіе, или оказались виновными противу Правительства, или банкроты и тому подобные; 4) отличіе тѣхъ, кои добродѣтелью и исполненіемъ обязанностей того заслуживали. Москва 5 іюня 1826 года.

Двора Его Императорскаго Величества Лейбъ-Медикъ Дѣйствительный Статскій Совѣтникъ и Кавалеръ Христіанъ Лодеръ.

Я нижеподписавшійся во исполненіе Высочайшаго Его Императорскаго Величества повелѣнія, по чистой совѣсти и безъ всякой утайки объявляю, что я еще во время моей юности въ Россіи получилъ понятіе о символическомъ ученіи Ордена свободныхъ каменщиковъ, чему болѣе тридцати лѣтъ, и во время моего ученія въ чужихъ краяхъ, влекомый исканіемъ таинствъ природы, въ 1802 году принятъ былъ въ великую національную ложу въ Берлинѣ, извѣстную подъ именемъ: Drei Welt Kugel. Сію предпочелъ я ложамъ потому, что оною нѣкогда управлялъ великій мастеръ генералъ-хирургъ Теденъ, по врачебному искусству извѣстный всему ученому свѣту. Братья и члены оной учили христіанской нравственности, благородному поведенію, достоинству человѣческой природы, вѣр-

*

ности, повиновенію и преданности Государю и любви къ отечеству. Не было столовой ложи, въ которой бы не пѣли: Heil dir in hohen Kranz, Herrscher des Vaterlands, Heil, Herrscher, Dir. Сію правильную ложу преимущественно и подобныя ей Берлинскія ложи, Landes Loges и Royal york, посѣщалъ я прилежно къ немалому себя назиданію въ нравственности и къ утвержденію въ ученіи, тѣмъ паче, что въ ложахъ управляли молоткомъ первые ученые люди и присутствовали профессоры медицины, у коихъ я учился, напр. генералъ-хирургъ Мурзинна, Ценкеръ, Клапротъ, который меня и принималъ со всѣми обрядами.

Въ продолженіи ученія моего во Франціи я посѣщалъ также масонскія ложи Парижскаго Востока; въ правильной ложѣ кавалеровъ креста признанъ почетнымъ членомъ оной въ 1805 году, въ день Св. Іоанна Крестителя былъ въ дамской ложѣ (Loge de adoption), коея многочисленнѣе и пышнѣе не видывалъ. Сія послѣдняя представляла предметъ Библейскій, а именно: древо познанія добра и зла и паденіе Евы; ораторы и поэты на востокѣ Франціи вездѣ проповѣдывали добродѣтель, справедливость, вѣрность къ новой тогда Династіи, ужасы безначалія и революціи и умиротвореніе Наполеона.

Въ 1808 году, возвратившись въ Москву, я не только не имѣлъ никакого сношенія съ иностранными ложами, но и съ открывшимися въ Москвѣ не имѣлъ никакой связи до 1820 года; того требовала многотрудная служба моя въ Императорскомъ Московскомъ Университетѣ и должность практическаго врача въ обширной столицѣ. Ибо сіе есть истинное коренное правило истинныхъ свободныхъ каменщиковъ, чтобъ на орденскую работу употреблять время только свободное отъ царской службы. И такъ съ 1820 года, изнуренный трудами, рѣшился я искать иногда отдыха въ ложахъ Московскаго Востока и въ мудрыхъ бесѣдахъ Братьевъ и воистину въ нихъ находилъ оный; по сему посѣщалъ я ложи Благословеннаго Александра, Манны и Нептуна. Во всѣхъ сихъ благочестивыхъ ложахъ преподавали благочестіе дѣятельное и смиренномудріе Христово. Сей есть нашъ Востокъ-Востоковъ. Во всѣхъ ложахъ учили и обязывали служить вѣрою и правдою Государю Императору, молиться за него, повиноваться предержащей власти, и ежели бы кто узналъ что противъ правительства, то обязанъ о томъ доносить оному. Въ столовыхъ ложахъ, составляющихъ утѣшеніе Братьевъ, пушки наши всегда на первомъ залпѣ съ вѣрно подданническою преданностію гремѣли въ честь, славу и здравіе Государя Императора и всего Августѣйшаго Дома Его.

Какъ я въ 1822 году не принадлежалъ ни какой ложѣ, то Братья

каменщики древней системы пожелали открыть ложу подъ названіемъ Гарпократа и подъ моимъ предсѣдательствомъ, избравъ меня мастеромъ стула, просили на то позволенія Его Сіятельства господина министра Внутреннихъ Дѣлъ и приложили къ сему списокъ Братьевъ за моимъ подписаніемъ. Цѣль сея ложи изложена мною въ запискѣ, представленной Его Сіятельству, и была слѣдующая: утвержденіе себя и другихъ въ познаніи Бога, природы и самихъ себя. Въ семъ трояком свѣтѣ заключаются всѣ науки: 1-е познаніе великаго строителя вселенныя, Словомъ небеса утвердившаго и всю силу ихъ; 2-е познаніе Естественной Исторіи и высшей физики и химіи; 3-е познаніе самого себя по тремъ принципіямъ тѣла, души и духа. A coelo descendit Γνῶθι σεαυτόν. Всѣ сіи познанія основываются на краеугольномъ камени Іисусѣ Христѣ и почерпаются изъ откровеннаго Слова Божія, проистекшаго отъ того же духовнаго камени. Камень же бѣ Христосъ. Руководство же или мѣры къ достиженію сей цѣли потребныя суть: чтеніе Священнаго Писанія и святыхъ отцовъ, Өомы Кемпійскаго и пастырскаго посланія.

Но между тѣмъ какъ мы ожидали и уже надѣялись получить позволеніе работать въ новой ложѣ на Московскомъ Востокѣ по старымъ актамъ, объявлено было правительствомъ Высочайшее въ Бозѣ почившаго Государя Императора повелѣніе закрыть всѣ ложи. И все умолкло.

Съ тѣхъ поръ я не имѣлъ никакого сношенія съ Масонскими ложами и ни къ какой ложѣ теперь не принадлежу и впредь принадлежать не буду. А къ другимъ Тайнымъ Обществамъ, подъ какимъ бы онѣ названіемъ ни существовали, никогда не принадлежалъ и даже понятія объ нихъ не имѣлъ и впредь принадлежать не буду, и болѣе ничего не знаю. 1826 іюня 6 дня.

Медицины докторъ и Профессоръ Статскій Совѣтникъ и кавалеръ Матѳій Мудровъ.

Я нижеподписавшійся Статскій Совѣтникъ и кавалеръ, Императорскаго Московскаго Университета Ординарный Профессоръ Өедоръ Өедоровъ сынъ Рейсъ, въ исполненіе Высочайшаго Его Императорскаго Величества повелѣнія, по чистой совѣсти безъ всякой утайки объявляю, что я прежде сего принадлежалъ Масонской ложѣ, прозывающейся Александромъ Тройственнаго Благословенія (Alexander zum dreifachen Segen) въ Москвѣ, но со дня объявленія Высочайшаго Рескрипта 21 дня августа 1822 года къ оной не принадлежу и впредь какъ къ оной, такъ ни къ какимъ другимъ тайнымъ обществамъ, подъ какимъ бы они названіемъ ни

существовали, принадлежать не буду. А цѣль сей ложи, правительству извѣстной, была распространеніе христіанскихъ истинъ и добродѣтелей; средства же для достиженія сей цѣли были примѣръ и наученіе главныхъ членовъ; а болѣе сего ничего не знаю. Москва 1826 года Маія 31 дня.

Өедоръ Рейсъ.

Я нижеподписавшійся Статскій Совѣтникъ и Кавалеръ Императорскаго Московскаго Университета Ординарный Профессоръ Матвей Гавриловичъ сынъ Гавриловъ во исполненіе Высочайшаго Его Императорскаго Величества повелѣнія по чистой совѣсти безъ всякой утайки объявляю, что я прежде сего, сколько припомнить могу, въ 1780 году, принятъ былъ въ Масонскую Ложу покойнаго князя Николая Никитича Трубецкого, называвшуюся Озирисъ; потомъ принадлежалъ къ Ложѣ Сфинскъ покойнаго профессора Московскаго Университета Харитона Александровича Чеботарева, сколько за отдаленностію времени припомнить могу, по 1786 годъ. Цѣль оныхъ Ложъ, по крайнему разумѣнію моему, состояла въ усовершенствованіи нравственности, посредствомъ поученій и рѣчей произносимыхъ, также взаимнаго наблюденія за поведеніемъ и поступками. Съ упомянутаго же времени ни къ какой Ложѣ не принадлежу и впредь ни къ какимъ другимъ Тайнымъ Обществамъ, подъ какимъ бы онѣ названіемъ ни существовали, принадлежать не буду и болѣе сего ничего не знаю.

Статскій Совѣтникъ и кавалеръ, Императорскаго Московскаго Университета Ординарный Профессоръ Матвей Гавриловъ сынъ Гавриловъ.

Я нижеподписавшійся Ординарный Профессоръ, Коллежскій Совѣтникъ и кавалеръ, Иванъ Ивановъ сынъ Давыдовъ во исполненіе Высочайшаго Его Императорскаго Величества повелѣнія по чистой совѣсти безъ всякой утайки объявляю: что я прежде сего съ 1820 г. по 1822 годъ, то есть до закрытія всѣхъ тайныхъ обществъ въ Государствѣ, принадлежалъ къ Масонской Ложѣ избраннаго Михаила, въ С.-Петербургѣ существовавшей, которая, по моему разумѣнію, имѣла цѣлію нравственное совершенствованіе въ исполненіи обязанностей къ Богу, Государю и всѣмъ ближнимъ посредствомъ единодушнаго къ сему содѣйствія поученіями и взаимнымъ одного за другимъ наблюденіемъ. Во время принадлежности моей къ сей ложѣ посѣщалъ я также бывшія въ Москвѣ Масонскія Ложи: Александра Тройственнаго Благословенія и ищущихъ Манны, съ тою же цѣлію и съ тѣми же самыми средствами собиравшіяся. Но нынѣ

послѣ даннаго мною въ 1822 году обязательства ни къ упомянутой Ложѣ, ни къ другой какой-либо не принадлежу и впредь какъ оной, такъ и никакимъ другимъ тайнымъ Обществамъ, подъ какимъ бы онѣ названіемъ ни существовали, принадлежать не буду и болѣе ничего не знаю. Москва, 1826 года мая 31.

Ординарный Профессоръ Коллежскій Совѣтникъ и Кавалеръ Иванъ Ивановъ сынъ Давыдовъ.

Я нижеподписавшійся Надворный Совѣтникъ Докторъ и Лекторъ Ѳедоръ Ивановъ сынъ Кистеръ въ исполненіе Высочайшаго Его Императорскаго Величества повелѣнія по чистой совѣсти безъ всякой утайки объявляю, что я прежде сего принадлежалъ къ Ложѣ, находящейся въ домѣ Ланга, что на Солянкѣ, подъ названіемъ Alexander zum dreifachen Segen. Цѣль означенной Ложи состояла въ усовершенствованіи самихъ себя, въ облегченіи участи бѣдныхъ, въ воспитаніи безпомощныхъ сиротъ, но вслѣдствіе Высочайшаго рескрипта отъ 21 августа 1822 г. по закрытіи оной,—удалился отъ оной ложи и нынѣ къ оной не принадлежу и впредь какъ къ оной, такъ и ни къ какимъ другимъ тайнымъ Обществамъ, подъ какимъ бы онѣ названіемъ ни существовали, принадлежать не буду и болѣе сего ничего не знаю.

Ѳедоръ Кистеръ.

Я нижеподписавшійся Императорскаго Московскаго Университета Адъюнктъ-Профессоръ Надворный Совѣтникъ и Кавалеръ Михаилъ Яковлевъ Маловъ въ исполненіе Высочайшаго Его Императорскаго Величества повелѣнія по чистой совѣсти безъ всякой лжи и утайки объявляю, что въ 1819 году вступилъ я въ ложу свободныхъ каменщиковъ, существовавшую въ Москвѣ подъ названіемъ Александра Тройственнаго Благословенія, въ которой далъ клятву быть вѣрнымъ ей тогда только, когда узналъ, во-первыхъ, что она съ дозволенія Правительства и съ вѣдома Государя Императора; во-вторыхъ, что въ оной Ложѣ не заключается ничего противнаго ни Богу, ни господствующей въ Россіи Христіанской религіи, ни постановленіямъ, къ которымъ привыкъ и священнымъ долгомъ чту повиноваться; проходя степени ученика, товарища и мастера, занималъ и должности, Обществомъ на меня возлагаемыя. Закрылъ же вышеуказанную ложу тотчасъ вслѣдствіе Высочайшей воли, послѣдовавшей въ 1822 году, при чемъ въ отреченіи моемъ отъ ордена вольныхъ каменщиковъ и далъ подписку. Во время принадлежности моей къ ложѣ Александра Тройственнаго Благословенія

посѣщалъ я также очень рѣдко бывшую тогда въ Москвѣ Масонскую ложу ищущихъ Манны. Цѣль какъ ложи, къ коей принадлежалъ я, такъ и той, которую изрѣдка посѣщалъ, была, по моему разумѣнію, нравственное совершенствованіе въ исполненіи обязанностей къ Богу, Христіанской религіи, Государю и всѣмъ ближнимъ, посредствомъ единодушнаго къ сему содѣйствія поученіями и взаимнаго одного за другимъ наблюденія относительно своихъ погрѣшностей. Цѣль моего пребыванія въ ложѣ—исправить самого себя и утвердиться въ нравственныхъ качествахъ, дабы чрезъ то содѣлаться достойнымъ званія гражданина и рода службы, мною избраннаго. Мѣры къ достиженію сей цѣли, сверхъ показанныхъ мною, предполагаемы были въ истинномъ уразумѣніи Св. Евангелія, въ здравомъ разсудкѣ и не развращенномъ сердцѣ, которыя мѣры ни въ какомъ случаѣ и ни подъ какимъ видомъ не отклоняли бы меня отъ власти закона и непоколебимой вѣрности и преданности къ Особѣ Его Императорскаго Величества. Но нынѣ, послѣ данной мною въ 1822 году обязанности, ни къ упомянутой ложѣ, ни къ другимъ какимъ-либо не принадлежу и впредь какъ къ оной, такъ и ни къ какимъ другимъ тайнымъ Обществамъ, подъ какими бы онѣ названіемъ ни существовали, принадлежать не буду и болѣе сего по истинѣ ничего не знаю. Москва 1826 года іюня 2 дня.

Адъюнктъ-Профессоръ Надворный Совѣтникъ и Кавалеръ Михаилъ Яковлевъ Маловъ.

Я нижеподписавшійся докторъ Медицины и Адъюнктъ Иванъ Семеновъ сынъ Веселовскій, въ исполненіе Высочайшаго Его Императорскаго Величества повелѣнія по чистой совѣсти безъ всякой утайки объявляю, что я принадлежалъ къ Масонской ложѣ, имѣвшей съ дозволенія правительства существованіе свое въ Москвѣ, подъ названіемъ Ложа ищущихъ Манны, но съ 1822 года я къ оной ложѣ не принадлежу и впредь, какъ къ оной, такъ и ни къ какимъ другимъ Тайнымъ Обществамъ, подъ какимъ бы они названіемъ ни существовали, принадлежать не буду. Цѣль, къ которой члены вышеименованной ложи обязывались стремиться, состояла въ совершенствованіи себя самихъ; средства же, для сего предположенныя, состояли въ познаніи и исправленіи собственныхъ страстей и предубѣжденій, въ усердномъ исполненіи обязанностей вѣрнаго подданнаго, добраго гражданина и честнаго человѣка, въ пріобрѣтеніи полезныхъ знаній чрезъ размышленіе о человѣкѣ и предметахъ, его окружающихъ. Что же касается до злонамѣренныхъ обществъ, то я

къ нимъ никогда не принадлежалъ и объ нихъ свѣдѣнія не имѣлъ. Докторъ медицины и адъюнктъ Иванъ Веселовскій.

Я нижеподписавшійся Императорскаго Московскаго Университета адъюнктъ, докторъ медицины Александръ Егоровъ сынъ Евеніусъ въ исполненіе Высочайшаго Его Императорскаго Величества повелѣнія по чистой совѣсти безъ всякой утайки объявляю, что я прежде сего, т. е. съ 1819 года, принадлежалъ къ Масонской Ложѣ, подъ названіемъ Петра къ истинѣ, въ С.-Петербургѣ, коей цѣль была нравственная и благотворительная, а мѣры къ достиженію сей цѣли состояли въ поучительныхъ наставленіяхъ; но со времени закрытія Масонскихъ ложъ, т. е. съ 1822 г. къ оной не принадлежу и впредь, какъ къ оной, такъ и ни къ какимъ другимъ Тайнымъ Обществамъ, подъ какимъ они названіемъ ни существовали, принадлежать не буду и болѣе сего ничего не знаю.

Докторъ медицины и адъюнктъ Александръ Егоровъ сынъ Евеніусъ руку приложилъ.

Я нижеподписавшійся магистръ философіи Онуфрій Феліціановичъ Петрашкевичъ во исполненіе Высочайшаго Его Императорскаго Величества повелѣнія по чистой совѣсти и безъ всякой утайки объявляю, что я прежде сего принадлежалъ къ Обществу Филоматовъ въ Вильнѣ, котораго цѣль была литературная, а съ 1820 года къ оному не принадлежу и впредь, какъ къ оному, такъ и ни къ какимъ другимъ тайнымъ обществамъ, подъ какимъ бы они названіемъ ни существовали, принадлежать не буду и болѣе сего ничего не знаю.

Магистръ философіи Онуфрій Феліціановичъ Петрашкевичъ.

Я нижеподписавшійся кандидатъ философіи Осипъ Павловъ, сынъ Ежовскій во исполненіе Высочайшаго Его Императорскаго Величества повелѣнія по чистой совѣсти безъ всякой утайки объявляю, что я прежде сего во время моего пребыванія въ Виленскомъ университетѣ студентомъ съ 1816 до 1820 года принадлежалъ къ Обществу Филоматовъ, или любителей наукъ, составленному изъ моихъ соучениковъ, коего цѣлію было взаимнымъ пособіемъ и общими въ наукахъ упражненіями содѣйствовать къ лучшему себя образованію, какъ сіе узнано по слѣдствію, произведенному Высочайше учрежденною въ 1823 году коммиссіею для изслѣдованія тайныхъ обществъ въ Вильнѣ, но какъ Общество Филоматовъ уничтожилось въ 1820 году, то и я къ оному пересталъ принадлежать и впредь

ни къ какимъ другимъ тайнымъ обществамъ, подъ какимъ бы они названіемъ ни существовали, принадлежать не буду и болѣе сего ничего не знаю.

Кандидатъ Осипъ Ежовскій.

Я нижеподписавшійся кандидатъ Викентій Антоновъ сынъ Будревичъ, во исполненіе Высочайшаго Его Императорскаго Величества повелѣнія по чистой совѣсти безъ всякой утайки объявляю, что я прежде сего принадлежалъ Обществамъ Филоматовъ и Филаретовъ, состоявшимъ между учениками Виленскаго университета съ 1818 по 1822 годъ, имѣвшимъ цѣлію литературными упражненіями и оказываніемъ взаимныхъ пособій содѣйствовать къ лучшему себя образованію, какъ сіе подробно открыто по слѣдствію, произведенному съ Высочайшаго повелѣнія сенаторомъ Новосильцевымъ, но съ закрытія общества въ 1822 году, я ни къ какому не принадлежу и впредь ни къ какимъ другимъ тайнымъ обществамъ, подъ какимъ бы они названіемъ ни существовали, не буду, а болѣе сего ничего не знаю.

Кандидатъ философіи Викентій Будревичъ.

Исполняя волю Его Императорскаго Величества Всемилостивѣйшаго Государя, объявленную мнѣ Г. Костромскимъ гражданскимъ губернаторомъ въ копіи съ предписанія къ нему отъ г. управляющаго министерствомъ Внутреннихъ Дѣлъ по предмету тайныхъ обществъ, я за священнѣйшую и непремѣнную считаю для себя обязанность чистосердечно со всею откровенностію засвидѣтельствовать слѣдующее: 1, въ маѣ 1816 года дѣйствительно я вступилъ въ общество, существовавшее подъ названіемъ *умирающаго Сфинкса*, въ С.-Петербургѣ на Васильевскомъ островѣ. Общество сіе хотя имѣло ритуалъ Масонскій, но было единственно *Духовное*: я посѣщалъ оное въ продолженіи 1816 года, мѣсяца три въ 1817 г., въ остальное же время сего года былъ боленъ и находился въ домовомъ отпускѣ; въ 1818 г. рѣдко, по причинѣ болѣзни и жительства моего на мызѣ, первые полтора мѣсяца 1819 г., а съ того времени, т. е. 1819 года, оставивъ Петербургъ по опредѣленіи моемъ къ настоящей должности, я уже болѣе не имѣлъ ни личнаго, ни письменнаго сношенія съ обществомъ. При вступленіи въ общество предоставлено мнѣ было полное право, что если бы я замѣтилъ что-нибудь противное принятой системѣ правительства, кольми паче, что-нибудь противъ священной особы Государя Императора, не только тотъ же разъ оставить общество, но и налагалась священнѣйшая обязанность тогда же извѣстить о семъ правительство. Мнѣ

было открыто, что общество сіе было свѣдомо правительству, даже самому блаженной памяти Государю Императору. Собранія происходили въ ономъ во время дня. 2, цѣль его. Занимая въ обществѣ 4-ю Шотландскую степень, я могъ съ нѣкоторою достовѣрностью прозрѣвать и въ цѣль онаго, а посему, какъ христіанинъ и какъ вѣрноподданный Его Императорскаго Величества по самой совѣсти и долгу присяги увѣряю, что единственная цѣль общества была раскрытіе въ себѣ высшихъ *духовныхъ* силъ человѣка, прозрѣніе въ натуру и усовершенствованіе самого себя. Политика никогда не входила въ составъ общества.

3, Средства для достиженія цѣли были: 1, практическое христіанство, 2, бдѣніе надъ помыслами и смысленная молитва, 3, безкорыстное служеніе Государю и Отечеству безъ всякихъ видовъ собственности.

4, Общія замѣчанія. Общество состояло изъ весьма малыхъ членовъ и ни малѣйшаго не имѣло сношенія съ прочими Масонскими ложами или другими какими-нибудь тайными обществами; членамъ общества даже поставлено было въ правило всемѣрно удаляться не только какихъ-нибудь другихъ тайныхъ обществъ, если бъ таковыя были, но и самыхъ Масонскихъ ложъ. Сіе только зналъ я и знаю о томъ обществѣ, которое съ 1819 года вовсе оставилъ и впредь къ оному никогда уже принадлежать не буду. Верховное правительство безъ сомнѣнія имѣетъ всѣ средства удостовѣриться, что сіе мое показаніе сдѣлано чистосердечно и со всею откровенностію, которая происходитъ изъ полной увѣренности всегдашняго моего чувствованія видѣть въ священной особѣ моего Монарха второе на землѣ Провидѣніе.

Что же касается до меня самого и частныхъ моихъ отношеній, то по долгу присяги чистосердечно объявляю, что я ни къ какимъ другимъ тайнымъ обществамъ никогда не принадлежалъ и впредь принадлежать не буду, и соучастникомъ въ оныхъ, какъ по обязательствамъ чрезъ клятву и честное слово, равно и безъ всякихъ формъ, клятвъ и обязательствъ, или черезъ разговоры при встрѣчѣ внѣ ложъ, думъ и управъ, никогда не былъ и не буду и о существованіи таковыхъ обществъ гдѣ-либо свѣдѣнія не имѣлъ и не имѣю. Подписалъ директоръ училищъ, Костромской губерніи, коллежскій секретарь Юрій Бартеневъ.

Я нижеподписавшійся директоръ училищъ, Тульской губерніи коллежскій секретарь Евграфъ Николаевъ, сынъ Воронцовъ-Вельяминовъ, во исполненіе Высочайшаго Его Императорскаго Величества повелѣнія по чистой совѣсти, безъ всякой утайки объявляю, что я

прежде сего принадлежалъ къ находившейся въ С.-Петербургѣ Масонской ложѣ подъ названіемъ Умирающій Сфинксъ и въ Москвѣ посѣщалъ Масонскую ложу-Нептунъ; но съ того времени, какъ Масонскія ложи закрыты и дана мною подписка въ непринадлежности къ Масонскимъ тайнымъ обществамъ, я къ упомянутымъ ложамъ не принадлежу, и впредь къ онымъ, такъ и ни къ какимъ тайнымъ обществамъ, подъ какимъ бы они названіемъ ни существовали, принадлежать не буду, и болѣе ничего не знаю, какъ только то, что существованіе ложъ умирающаго Сфинкса и Нептуна имѣло цѣлью своего ученія познаніе самого себя, натуры и Бога, средствомъ же къ достиженію таковой цѣли дѣятельное исполненіе всѣхъ христіанскихъ добродѣтелей. 1826 года іюля 10 дня. Подписалъ: директоръ училищъ Тульской губерніи, Евграфъ Николаевъ сынъ Воронцовъ-Вельяминовъ.

Я нижеподписавшійся коллежскій ассесоръ Дмитрій Игнатьевъ сынъ Альбицкій, въ исполненіе Высочайшаго Его Императорскаго Величества повелѣнія, по чистой совѣсти, безъ всякой утайки симъ объявляю о кратковременной прикосновенности моей къ Союзу Благоденствія, въ который вступилъ членомъ въ началѣ 1819 года по предложенію бывшаго тогда директоромъ тульскихъ училищъ титулярнаго совѣтника Степана Дмитріева сына Нечаева и по увѣренію, что въ семъ обществѣ нѣтъ ничего противнаго религіи, правительству и добрымъ нравамъ.

Послѣ однократнаго прочтенія устава означеннаго Союза, сколько могу теперь припомнить, почти черезъ восемь лѣтъ не приводя того на мысль, я замѣтилъ въ ономъ одну главную благовидную цѣль: направленіе къ добру путями человѣколюбія, правосудія, образованія и общественнаго хозяйства, которое и оправдало данное увѣреніе; въ дальнѣйшія же предначертанія никакъ невозможно было проникнуть. Средства къ достиженію сей цѣли изложены слѣдующія: примѣръ, слово и письмо. На каковой конецъ, въ особенности согласно сей послѣдней мѣрѣ, мы хотѣли переводить и издавать полезныя книги; на вскорѣ послѣ показаннаго времени, за выбытіемъ сего Нечаева изъ Союза Благоденствія по невѣдомымъ причинамъ, возбудившимъ во мнѣ невыгодныя заключенія, не желая оставаться въ сообществѣ съ людьми мнѣ неизвѣстными, я тотчасъ просилъ объ исключеніи меня изъ онаго Союза (и исключенъ). Ложи не посѣщалъ, вліянія никакого не имѣлъ и ни въ какихъ сношеніяхъ съ членами не былъ. Съ самаго начала вступленія къ Союзу не принадлежу и впредь какъ къ нему, такъ и ни къ какимъ другимъ тайнымъ обществамъ, подъ какимъ бы они названіемъ ни существовали,

принадлежать не буду, и болѣе сего ничего и никого не знаю. Подписалъ тульской гимназіи старшій учитель коллежскій ассесоръ и кавалеръ Дмитрій Игнатьевъ сынъ Альбицкій, 1826 г. іюня 16 дня.

II.

Министерство Народ. Просвѣщ.—Департаментъ.

(22 мая 1826 г.).

Господину Попечителю Московскаго Учебнаго Округа.

Государь Императоръ изволилъ замѣтить, что въ газетахъ, въ Россіи издаваемыхъ, помѣщаются статьи о политическихъ видахъ правительства нашего, столь же мало заслуживающія вѣроятія, сколь неосновательны слухи, изъ коихъ они почерпаются.

Его Величество, находя таковыя статьи въ газетахъ нашихъ неприличными, г. управляющему Министерствомъ Внутреннихъ Дѣлъ Высочайше повелѣть соизволилъ чрезъ г. начальника главнаго штаба своего, о приказаніи Цензурѣ принять за правило и строго наблюдать, дабы ни въ одной изъ газетъ, въ Россіи издаваемыхъ, отнюдь не были помѣщаемы статьи, содержащія въ себѣ сужденія о политическихъ видахъ Его Величества, допуская только тѣ сего рода, кои заимствуются изъ С.-Петербургскихъ Академическихъ газетъ или изъ Journal de St. Petersbourg, издаваемаго при Министерствѣ Иностранныхъ Дѣлъ.

О таковомъ Высочайшемъ Его Императорскаго Величества повелѣніи г. управляющій Министерствомъ Внутреннихъ Дѣлъ объявивъ для надлежащаго исполненія господамъ начальникамъ губерній Остзейскихъ и Литовскихъ и новороссійскому генералъ губернатору, также сообщилъ оное и мнѣ, съ тѣмъ чтобы я предписалъ о наблюденіи онаго цензурнымъ комитетамъ, состоящимъ въ вѣдомствѣ ввѣреннаго мнѣ Министерства.

О таковой Высочайшей волѣ честь имѣя сообщить Вашему Превосходительству, предоставляю Вамъ сдѣлать зависящее отъ Васъ распоряженіе о наблюденіи оной по ввѣренному Вамъ московскому цензурному комитету.

Министръ Народнаго Пресвѣщенія Александръ Шишковъ.

Директоръ Языковъ.

От Попечителя Московскаго Учебнаго Округа.

4 іюня 1826 г.

Совѣту Императорскаго Московскаго Университета.

Прилагая у сего копію съ циркулярнаго отношенія ко мнѣ Его Высокопревосходительства г. Министра Народнаго Просвѣщенія, съ изъясненіемъ Высочайшаго Государя Императора соизволенія, дабы ни въ одной изъ газетъ, въ Россіи издаваемыхъ, отнюдь не были помѣщаемы статьи, содержащія въ себѣ сужденія о политическихъ видахъ, столь же мало заслуживающихъ вѣроятія, сколь неосновательны слухи, изъ коихъ они почерпаются, почему и допускать только тѣ извлеченія по сему предмету, кои заимствованы изъ С.-Петербургскихъ Академическихъ газетъ или изъ Journal de St. Petersbourg, издаваемаго при Министерствѣ Иностранныхъ Дѣлъ, предлагаю оному совѣту сдѣлать точное по сему распоряженіе свое: 1) чтобы помѣщеніе въ Московскихъ Вѣдомостяхъ и журналахъ политическихъ статей согласовалось съ означеннымъ Высочайшимъ Государя Императора соизволеніемъ; 2) чтобы въ Московскихъ Вѣдомостяхъ и журналахъ обозначалось, откуда каждая изъ таковыхъ статей заимствована; 3) чтобы не перепечатывали слово въ слово статьи изъ прочихъ газетъ и журналовъ, издаваемыхъ на русскомъ языкѣ частными людьми, какъ-то: Сѣверной Пчелы и проч., предоставивъ издателямъ самимъ переводить, а не перепечатывать статьи, не относящіяся до политики, какъ-то ученыя извѣстія, анекдоты и проч. для помѣщенія ихъ въ вѣдомостяхъ и журналахъ, издаваемыхъ въ Московскомъ Округѣ, и наконецъ 4) печатать въ Московскихъ Вѣдомостяхъ тѣ только статьи, которыя прочтены будутъ г. начальникомъ типографіи и одобрены г. ректоромъ университета на вышеизъясненномъ основаніи.

№ 1591.
31 декабря 1826 г.

Милостивый Государь, Иванъ Алексѣевичъ!

Въ особомъ объявленіи къ № 102 Московскихъ Вѣдомостей объ оптическомъ путешествіи по комнатамъ напечатано, что г. Леско будетъ показывать внутренность церкви во имя Рождества Христа Спасителя, сооруженной въ Виѳлеемѣ Императоромъ Константиномъ Великимъ на самомъ томъ мѣстѣ, гдѣ Христосъ Спаситель родился въ ясляхъ, и сдѣлана сходственно *комическому* описанію графа Форбеня, а слѣдовало бы вмѣсто комическому *классическому* опи-

санію графа Форбеня. Таковая ошибка по важности предмета непростительна. Я васъ покорнѣйше прошу сдѣлать за сіе кому слѣдуетъ строжайшій выговоръ, а впредь наблюдать, чтобы таковыхъ ошибокъ не было.

Сверхъ сего въ 96 № Московскихъ Вѣдомостей напечатано: „Полковникъ Станчинъ обѣщаетъ намъ, что всѣ націи въ свѣтѣ скоро будутъ конституціонными республиками" и хотя сіи строки взяты изъ 93 № С.-Петербургскихъ Академическихъ вѣдомостей, но при всемъ томъ не слѣдовало бы повторять сего въ нашихъ вѣдомостяхъ. Посему покорнѣйше прошу ваше высокородіе распорядиться, чтобы редакторъ Московскихъ Вѣдомостей не печаталъ ни одной статьи въ сихъ Вѣдомостяхъ безъ вашего предварительнаго разсмотрѣнія и одобренія.

P. S. Покорнѣйше прошу Васъ, милостивый Государь, Иванъ Алексѣевичъ, распорядиться на счетъ газетъ такимъ образомъ, чтобы за нихъ не одинъ наборщикъ да корректоръ отвѣчали, но и самъ издатель съ помощникомъ, и потому имъ прочитывать и пересматривать не однѣ политическія статьи, но и вообще все, что печатается въ газетахъ,—не исключая никакого даже объявленія. Впрочемъ, во всемъ строго поступать по утвержденнымъ правиламъ для производства дѣлъ типографіи, особенно по вышеописанному предмету § § 10 и 19.

Подписалъ А. Писаревъ.

Сообщилъ М. Гершензонъ.

Совѣтъ Генералъ-аудитору быть осторожнѣе.
(1800 г.).

Письмо графа Х. А. Ливена
князю Салагову.

Государь Императоръ, по выслушаніи выписки изъ дѣла по доносу Егерскаго Ведемеера полка подполковника Курта и маіора Филькевича, указать соизволилъ: . . . 3) показанное въ 6-мъ пунктѣ доноса подполковника Курта слово о полковой сборной замѣтить Вашему Сіятельству, что таковыхъ сборныхъ вовсе не бываетъ, а Его Императорское Величество полагать изволитъ, что то долженъ быть ордонансъ-гаузъ и для того въ подобныхъ случаяхъ вамъ надобно быть осторожнѣе.

№ 1879.
16 іюля 1800 г.

Эпизодъ изъ исторіи Московскаго генеральнаго госпиталя.

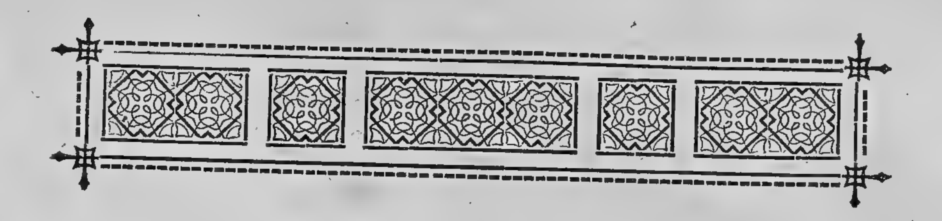
Отношеніе графа Х. А. Ливенъ
въ Генералъ-Аудиторіатъ.

Государь Императоръ, по выслушаніи выписки изъ дѣла, производившагося въ Генералъ-Аудиторіатѣ о упущеніи Московскаго Генеральнаго Гошпиталя изъ больничной арестантской палаты разныхъ полковъ офицерами арестантовъ, указать соизволилъ: штата помянутаго гошпиталя 8-ой арестантской палаты лѣкаря, оставившаго здоровыхъ арестантовъ подъ видомъ больныхъ, какъ бы давая поводъ къ избѣжанію заслуживаемаго ими наказанія побѣгами, выключить изъ службы и, буде онъ иностранецъ, то выслать за границу; содержащихся же по сему дѣлу подъ арестомъ офицеровъ отъ онаго освободить.

№ 1857.
14 іюня 1800 г.

Сообщилъ Мих. Соколовскій.

Что видѣлъ, слышалъ, кого зналъ.

Казиміръ Васильевичъ Левицкій [1]).

VI.

Суровая обстановка юности выработала изъ Левицкаго, какъ я говорилъ, эгоиста. Та же обстановка, вмѣстѣ съ бѣготней по лекціямъ, не дала ему возможности узнавать людей, понимать ихъ, не выработала такта въ обращеніи съ ними, и это было причиною, что товарищи и вообще знакомые его недолюбливали, а подчиненные—ненавидѣли.

Помню, когда мы съ нимъ были уже „на ты" и онъ, назначенный начальникомъ штаба гвардейской дивизіи, пользовался прекрасной казенной квартирой въ казармахъ мѣстныхъ войскъ, сидимъ мы въ его кабинетѣ безъ сюртуковъ и распиваемъ чай.

Докладываютъ о приходѣ старшаго адъютанта, генеральнаго штаба капитана Шеншина.

Мы тотчасъ же надѣли сюртуки, и Левицкій приказалъ просить.

Вошелъ Шеншинъ. Левицкій подалъ ему руку, такъ же какъ и я, и взявъ бумаги, расположился у письменнаго стола, а я сѣлъ поодаль на диванѣ съ газетой.

Начался докладъ.

Съ первой же бумаги, Левицкій рѣзко говоритъ: „это не такъ" и отбрасываетъ бумагу въ сторону. Слѣдующая бумага, и опять: „это не то, совсѣмъ не то".

Докладъ продолжался полчаса, и я былъ пораженъ рѣзкимъ тономъ, крайне непріятнымъ, почти обиднымъ, какимъ Казиміръ, отбрасывая бумаги, дѣлалъ Шеншину свои замѣчанія, замѣчанія офицеру генеральнаго штаба, своему, такъ сказать, коллегѣ и, при томъ, человѣку несомнѣнно способному и очень самолюбивому.

---

[1]) См. „Русская Старина" ноябрь и декабрь 1909 г.

По окончаніи доклада Казиміръ, какъ ни въ чемъ не бывало, приглашаетъ Шеншина выпить стаканъ чаю, но тотъ, весь накрахмаленный, сухо благодаритъ и уходитъ.

Шеншинъ, какъ упомянуто, былъ человѣкъ очень способный, старинной дворянской семьи, прекрасно воспитанный, хорошо знавшій три европейскіе языка и при этомъ крайне самолюбивый. Мнѣ стало яснымъ, отчего подчиненные ненавидѣли Казиміра.

— Ты всегда такъ принимаешь доклады?—спросилъ я.

— А что?—былъ наивный отвѣтъ.

— Я знаю, что тебя офицерство ругаетъ, но нахожу, что оно не право: ругаетъ мало, ты заслуживаешь гораздо большаго.

— Что жъ, по-твоему я не имѣю права дѣлать замѣчаній на неправильно написанную бумагу? Что же такъ ее и оставлять по-твоему?

— Совсѣмъ нѣтъ, но ты, именно, долженъ дѣлать *замѣчанія*, или, безъ всякихъ замѣчаній, просто, спокойнымъ тономъ, щадя самолюбіе, объяснить неправильность написаннаго и сказать—какія нужно сдѣлать исправленія.

— Да я такъ и дѣлалъ.

— Да нѣтъ же, нѣтъ. Ты все время говорилъ какимъ-то раздраженнымъ, обиднымъ тономъ и бросалъ бумаги, вмѣсто того, чтобы спокойно передавать ихъ. Вообще раздражительность въ отношеніи къ подчиненному, да еще къ своему коллегѣ—такому же офицеру генеральнаго штаба, какъ и ты, да еще въ отношеніи человѣка самолюбиваго—кромѣ вреда, ничего принести не можетъ; деликатность же замѣчаній побудитъ человѣка работать съ интересомъ къ дѣлу, съ желаніемъ сдѣлать хорошо. А ты вѣдь дѣлаешь работу подчиненнаго противною ему, и на доклады тебѣ онъ, конечно, смотритъ какъ на Божеское наказаніе.—Нѣтъ, Казиміръ, такъ нельзя обращаться съ людьми.

— Что жъ ты хочешь, чтобы я популярничалъ?

— Опять таки, нѣтъ, но я хочу, чтобы ты не дерзилъ безъ надобности своимъ подчиненнымъ, чтобы дѣлалъ работу для нихъ пріятною, чтобы заинтересовывалъ ихъ работою, отъ чего дѣло можетъ только выиграть.

Долго мы говорили по этому поводу. Казиміръ сдалъ и обѣщалъ слѣдить за собою, а я не разъ его спрашивалъ потомъ—какъ онъ принимаетъ доклады и какъ обращается съ подчиненными? Онъ увѣрялъ, что измѣнился, и кажется, это была правда; по крайней мѣрѣ молодежь мнѣ не разъ говорила, что Казиміръ сдѣлался несомнѣнно пріятнѣе, и такъ было до самой войны, когда онъ отъ суеты и нежданно упавшаго на его голову величія, какъ говорили, совсѣмъ закусилъ удила и успѣлъ заслужить чуть не всеобщую ненависть.

Та же суровая обстановка жизни выработала изъ Левицкаго—что грѣха таить—человѣка крайне угодливаго передъ начальствомъ,—слишкомъ дорожившаго своимъ положеніемъ, полнаго страха потерять его и, ужь конечно, не способнаго сказать въ критическую минуту: „если не такъ, то я удалюсь“.

Мало того, незнаніе людей и помыслы только о себѣ сдѣлали изъ него начальника, не заботившагося о своихъ подчиненныхъ, не думавшаго о томъ, чтобы они были вознаграждены за свои труды, а это, вмѣстѣ съ непріятнымъ характеромъ служебныхъ отношеній, было новымъ поводомъ къ тому, что Левицкаго на войнѣ почти всѣ ненавидѣли, хотя всѣ высказывали это только за глаза.

VII.

Я говорилъ, что учительство, заставляя играть роль какого-то оракула передъ ребятами, вырабатываетъ въ человѣкѣ большую самоувѣренность; но самоувѣренный, самонадѣянный педантъ, при первомъ же столкновеніи съ жизнью, видитъ, что самоувѣренность его покоится на крайне шаткомъ основаніи, что жизнь разбиваетъ то, что казалось ему непогрѣшимымъ, что простой практикъ, иногда безграмотный, разрѣшаетъ вопросы жизни болѣе толково, чѣмъ онъ. Отсюда, въ серьезныхъ случаяхъ, крайняя самоувѣренность замѣняется нерѣшительностью, неспособностью твердо остановиться на избранномъ рѣшеніи, смѣняется вѣчными колебаніями то въ ту, то въ другую сторону.

Благопріобрѣлъ ли Левицкій эти свойства благодаря учительству, или они лежали въ самой натурѣ этого человѣка—опредѣлить не берусь; но когда онъ вступилъ въ жизнь и при томъ въ такое ея проявленіе, какъ война, гдѣ рѣшительность характера требуется болѣе чѣмъ гдѣ-нибудь,—онъ, естественно, оказался несостоятельнымъ и непригоднымъ для той крупной роли, какую пришлось ему играть при рѣшительномъ главнокомандующемъ и совершенно инертномъ его начальникѣ штаба—Непокойчицкомъ.

Нельзя сказать, чтобы Левицкій не понималъ своихъ недостатковъ въ этомъ отношеніи. По крайней мѣрѣ, когда, въ 1872 году, онъ въ первый разъ былъ назначенъ начальникомъ штаба отряда на большихъ Красносельскихъ маневрахъ, Казиміръ пріѣхалъ ко мнѣ и сталъ усиленно просить, чтобы я присутствовалъ на нихъ.

— Дамъ тебѣ лошадь, какую хочешь, говорилъ онъ, предоставлю

тебѣ вѣстового, будешь пользоваться всѣми удобствами, только пріѣзжай, пожалуйста, и поѣзди со мною.

„Да зачѣмъ я поѣду, не люблю я маневровъ вообще".

— Нѣтъ, пожалуйста. Видишь ли, я люблю, когда ты меня ругаешь. Ты какъ-то умѣешь это дѣлать такъ, что я не обижаюсь, потому что чувствую, что ты желаешь мнѣ добра. Видишь ли: я сознаю недостаточную рѣшительность своего характера; я всегда колеблюсь, принимаю то одно, то другое рѣшеніе, а въ тебѣ я никогда этого не замѣчалъ. Ты всегда, все готовъ поставить на карту. (А характера въ молодости я былъ дѣйствительно рѣшительнаго). Вотъ я и хочу, чтобы ты поѣздилъ со мною и поругалъ меня, если замѣтишь какую-нибудь нерѣшительность, или суетливость, да и вообще, что бы былъ моимъ цензоромъ, критикомъ моихъ распоряженій: вѣдь мнѣ придется дѣйствовать совершенно самостоятельно, потому что начальникъ мой, свѣтлѣйшій князь Голицынъ, будетъ держаться въ сторонѣ, и мнѣ придется все дѣлать за свой страхъ, все брать на свою отвѣтственность.

Нечего дѣлать, пришлось согласиться.

Я жилъ тогда въ Павловскѣ. Въ назначенный часъ сѣлъ на перекладную и пріѣхалъ прямо на поле маневровъ къ заранѣе условленному мѣсту, гдѣ ждалъ меня ординарецъ съ верховымъ конемъ.

Отыскать начальника отряда и его начальника штаба было не легко. Какую часть войскъ ни спросишь,—никто не можетъ указать—гдѣ они.

Разыскалъ, наконецъ. Представился князю, пожалъ руку Левицкому, котораго нашелъ въ очень возбужденномъ состояніи. Онъ кипѣлъ и волновался. Ни одного изъ адъютантовъ при немъ уже не было. Улучивъ минуту, я спросилъ:

„Гдѣ же твои офицеры генеральнаго штаба и ординарцы?"

— Да вотъ, разослалъ всѣхъ съ приказаніями.

„Какъ же такъ, ни одного себѣ не оставилъ, ну, а если теперь надо послать съ приказаніями, съ кѣмъ пошлешь?"

— Да, конечно, отвѣчалъ онъ суетливо, но я думалъ, что возвратятся. Вотъ, Скобелева, какъ давно послалъ, жду его каждую минуту, а все нѣтъ.

Маневры продолжались. Я поѣхалъ по войскамъ, чтобы поближе прослѣдить ихъ дѣйствія. Возвратился потомъ къ Левицкому и уже нашелъ при немъ двухъ подоспѣвшихъ ординарцевъ.

— А Скобелева все нѣтъ, говорилъ онъ съ безпокойствомъ и съ раздраженіемъ.

Вскорѣ послѣдовалъ отбой, и мы поѣхали въ Таицы, гдѣ назна-

ченъ былъ ночлегъ главной квартиры отряда. Нижній этажъ небольшого дворца оказался отведеннымъ для князя Голицына. На верху, въ мезонинѣ, помѣстились мы съ Левицкимъ.

Пообѣдали.

— А Скобелева все нѣтъ,—не разъ повторялъ Левицкій.

Признаться, началъ безпокоиться и я.

„Пожалуй, сумасшедшій человѣкъ неудачно взялъ какое-нибудь препятствіе и лежитъ гдѣ-нибудь въ канавѣ. Впрочемъ привели бы лошадь. Да и вообще вѣдь кругомъ люди—дали бы знать“.

— Полно, Казиміръ, успокаивалъ я. „Pas de nouvelles—bonne nouvelle“ [1]).

Послѣ обѣда мы обсудили положеніе обѣихъ сторонъ, Казиміръ самъ сѣлъ писалъ диспозицію, и, написавъ, далъ ее мнѣ на просмотръ.

— Видишь ли,—говорилъ онъ,—я хочу обойти непріятельскій лѣвый флангъ и поручаю это Гурко. Онъ молодецъ. Дадимъ ему его конно-гренадерскій полкъ и часть пѣхоты съ артиллеріею“ (какую часть, разумѣется, не помню).

„Ну, что жъ, по условіямъ мѣстности—это резонно. Вѣроятно непріятель не ожидаетъ обхода и вынужденъ будетъ отступить. А вотъ офицеровъ ты преслѣдуешь за каждый пропущенный пунктикъ, а за твою диспозицію я тоже тебѣ удовлетворительнаго балла не поставилъ бы“.

— Отчего? Вѣдь самъ же ты сказалъ, что я распорядился резонно.

„Распорядился-то резонно, а пропустилъ, во-первыхъ, гдѣ будетъ находиться начальникъ отряда и, во-вторыхъ, ничего не сказалъ про обозы, а то и другое пункты въ высокой степени важные. Надѣюсь, отрицать этого не будешь“.

— Правда, правда,—вотъ проклятая разсѣянность, немедленно согласился Казиміръ и, исправивъ, передалъ диспозицію старшему адъютанту, капитану Ставровскому (нынѣ членъ Военнаго Совѣта).

— А Скобелевъ пріѣхалъ?—не преминулъ Казиміръ спросить послѣдняго и, получивъ отрицательный отвѣтъ, распорядился, чтобы немедленно по пріѣздѣ Скобелева, послали его къ нему.

Не прошло и полчаса, какъ Казиміръ заволновался.

— Нѣтъ, такъ нельзя, говорилъ онъ. Обходомъ лѣваго фланга непріятеля мы подвергаемъ опасности свой лѣвый флангъ. А если насъ обойдутъ съ лѣваго фланга? Нѣтъ,—обходъ необходимо отмѣнить. Вѣстовой, позови мнѣ капитана Ставровскаго. Скажи, чтобы принесъ съ собою диспозицію.

---

[1]) Нѣтъ вѣстей—хорошія вѣсти.

„Полно, Казиміръ, вѣдь мы же обсудили съ тобою дѣло резонно. Вѣдь нельзя же предвидѣть всевозможные случаи. Вѣдь ты же знаешь средство парировать случайности. Это—резервъ. Резервъ у насъ достаточный. Обойдутъ насъ слѣва, мы выдвинемъ резервъ, а рѣшительный ударъ все-таки нанесемъ слабому лѣвому флангу непріятеля. Полно, брось ты думать о диспозиціи. Вѣдь мы писали ее не съ бухъ-барахъ, обсудили какъ слѣдуетъ; написалъ и брось думать о ней".

Онъ согласился, но не прошло и 20 минутъ, какъ опять запѣлъ ту же пѣсню.

Я опять не допустилъ перемѣны диспозиціи, но онъ еще два раза дѣлалъ попытки отмѣнить данное приказаніе.

„Полно, Казиміръ, усовѣщевалъ я его. Полно, вѣдь ты же самъ говоришь на лекціяхъ, что нѣтъ ничего вреднѣе на войнѣ, какъ колебанія и отмѣна разъ данныхъ приказаній. Если бы перемѣнилась обстановка—дѣло другое, тогда, конечно, и распоряженія должны измѣниться. Но вѣдь обстановка у насъ осталась та же. Средство противъ неожиданности у насъ есть—резервъ. Брось ты думать о диспозиціи".

Въ это время доложили о пріѣздѣ Скобелева. Мы надѣли сюртуки, и Левицкій приказалъ позвать его къ себѣ.

Былъ уже часъ одиннадцатый.

Вошелъ Скобелевъ, очень красный, съ глазами „небеснаго цвѣта", или по-просту осоловѣлыми; но владѣлъ онъ собою вполнѣ и совершенно корректно заявилъ, что имѣетъ честь явиться.

— Скажите, гдѣ вы пропадали?—встрѣтилъ его стоя Левицкій. Я остался сидѣть въ сторонѣ.

— Я приношу вамъ мои извиненія, господинъ полковникъ, за свой поздній пріѣздъ,—отвѣчалъ Скобелевъ.

— Помилуйте,—съ раздраженіемъ продолжалъ Левицкій.—Я послалъ васъ рано утромъ; офицеровъ генеральнаго штаба у меня мало, вы мнѣ были необходимы, и вдругъ вы возвращаетесь въ одиннадцатомъ часу вечера. Я хочу знать—какая тому причина? Гдѣ вы пропадали?

„Полковникъ, я еще разъ приношу вамъ мои извиненія и не могу представить никакого оправданія своего проступка. Я виноватъ и сознаюсь въ моей винѣ".

— Какъ!—еще больше раздражался Левицкій.—Я хочу знать, гдѣ вы были и что съ вами произошло?

„Еще разъ повторяю, полковникъ, что я сознаю свою вину и не могу привести ничего въ оправданіе".

Но Левицкій не отставалъ и настойчиво требовалъ, чтобы Скобелевъ объяснилъ причину своего столь поздняго возвращенія.

Тогда Скобелевъ, послѣ упорнаго нежеланія объяснить причину, сказалъ, наконецъ, что, проѣзжая мимо уланскаго полка, онъ былъ приглашенъ Великимъ Княземъ Юріемъ Максимиліановичемъ (или Евгеніемъ, не помню) выпить стаканъ вина, послѣ чего его просто арестовали, взяли у него лошадь, и онъ пробылъ въ полку до сего времени.

— Какъ?—уже закричалъ вскипѣвшій Левицкій.—Отъ васъ ждутъ исполненія вашихъ служебныхъ обязанностей. На васъ разсчитываютъ, а вы бражничаете съ уланами. И это офицеръ генеральнаго штаба, на котораго всякій начальникъ имѣетъ право разсчитывать, какъ на лицо, серьезно относящееся къ дѣлу! И вы, офицеръ генеральнаго штаба, приводите такія оттоворки! Онъ, изволите видѣть, бражничалъ и поэтому считаетъ себя въ правѣ не исполнять служебныхъ обязанностей. И это офицеръ генеральнаго штаба"!.

„Никакихъ я вамъ отговорокъ не приводилъ", уже грубо возразилъ Скобелевъ. „Вы сами приставали ко мнѣ, чтобы я объяснилъ, гдѣ провелъ цѣлый день. Я, напротивъ, началъ съ того, что призналъ свою вину и принесъ мои извиненія".

Но Левицкій продолжалъ свои упреки и „распеканія".

Мнѣ крайне непріятно было слушать эти распеканія; я хорошо понималъ неумѣстность ихъ, особенно въ виду очевиднаго „возбужденнаго" состоянія молодого офицера; но и вмѣшиваться въ отношенія начальника къ подчиненному было неумѣстно: приходилось ограничиться ролью сторонняго наблюдателя.

Распеканія не прекращались.

Скобелевъ хмурился, но молчалъ; молчалъ и хмурился. Подъ конецъ, однако, не выдержалъ и, выведенный изъ терпѣнія, возразилъ:

„Когда дѣло дѣйствительно было серьезное, въ средней Азіи, я и служилъ серьезно, себя не жалѣя, а вѣдь это что жъ,—маневры.

Замѣчаніе это окончательно вывело изъ себя Левицкаго.

— Какъ? Вы, офицеръ генеральнаго штаба, дѣлите ваши обязанности на серьезныя и не серьезныя. Маневры для васъ вещь не серьезная. И это офицеръ генеральнаго штаба!

И пошелъ, и пошелъ.

Скобелевъ долго слушалъ молча, хотя краснѣлъ все болѣе и болѣе и, наконецъ, шагнувъ впередъ, закричалъ во всю мощь своего голоса:

„Да что же вы это изъ меня жилы тянете! Никакихъ отговорокъ я вамъ не приводилъ. Я вѣдь началъ съ того, что призналъ свою виновность и принесъ вамъ мои извиненія".

Но Левицкій, повидимому, не понялъ опасности и продолжалъ кричать.

И вдругъ я вижу, что Скобелевъ, совсѣмъ побагровѣвшій, со словами: „да что же это“, сжавъ кулаки, дѣлаетъ еще два шага впередъ.

„Теперь, или никогда“, мелькнуло у меня въ головѣ.

Я быстро вскочилъ. Пользуясь своей, былой, хорошей физической силой, схватилъ его сзади за обѣ руки выше локтя и, стоя бокомъ съ его лѣвой стороны, сказалъ твердымъ, рѣшительнымъ тономъ: „Капитанъ, вамъ дѣлаетъ вашъ начальникъ штаба замѣчанія по службѣ, и вы должны выслушивать ихъ, какъ замѣчанія по службѣ.

— Да нѣтъ же,—почти кричалъ онъ. Вѣдь я же принесъ *„ему“* извиненія, чего же *„ему“* еще надо? Что *„онъ“* жилы изъ меня тянетъ?

„Еще разъ повторяю, капитанъ, что вашъ начальникъ штаба дѣлаетъ вамъ замѣчанія по службѣ, которыя вы и должны принимать, какъ служебныя замѣчанія. Вы ихъ выслушали и пойдемте спать“, объявилъ я, взявъ его подъ руку и стараясь вывести изъ комнаты.

Скобелевъ, хотя и сопротивлялся, но довольно слабо и далъ мнѣ увести себя, повторяя, что онъ приносилъ *„ему“* свои извиненія, и что *„онъ“* изъ него „жилы тянетъ“.

Когда я вывелъ его изъ комнаты и старался успокоить, посылая ложиться спать, онъ объявилъ, что ушелъ только благодаря мнѣ, помня неизмѣнную мою деликатность и доброжелательность къ академическому офицерству, и что если бы не я—Левицкій получилъ бы должное.

„Ну, и прекрасно сдѣлали, что ушли; помните, что вашъ прямой начальникъ дѣлалъ вамъ замѣчанія по службѣ“.

Я возвратился къ Левицкому.

— Это, чортъ знаетъ, что такое! кипѣлъ онъ. И это офицеръ генеральнаго штаба!

— Послушай, Казиміръ, ты совсѣмъ помѣшался. Ты видишь, что человѣкъ выпившій, и выпившій сильно, и ты пристаешь къ нему, да еще въ такой рѣзкой и грубой формѣ.

— Выпившій!—Откуда ты взялъ?

„Какъ откуда? Да неужели же ты не видѣлъ его лица? И какъ ты думаешь, что же онъ дѣлалъ съ уланами? Евангеліе, что ли, читалъ съ ними? Вѣдь не схвати я его, онъ бы тебя ударилъ“.

— Ну, вотъ, какъ бы онъ смѣлъ,—отвѣчалъ Казиміръ уже растерянно.

„Да такъ же, какъ смѣютъ люди дѣлать недопустимыя вещи, находясь въ ненормальномъ состояніи“.

— Это, чортъ знаетъ что,—еще болѣе взволновался Казиміръ. И это офицеръ генеральнаго штаба, въ сотый разъ повторялъ онъ. Завтра же напишу письмо Гершельману [1]) и отрекомендую ему этого господина. Завтра же напишу, или лучше напишу сейчасъ.

„Знаешь что, Казиміръ, возразилъ я уже совершенно успокоенный. Если бы ты, сдѣлавъ справедливое и спокойное замѣчаніе Скобелеву, о неприличности его поступка и о томъ, какъ мало этотъ поступокъ отвѣчаетъ понятію о служебномъ долгѣ, которымъ должны отличаться офицеры генеральнаго штаба, я бы не имѣлъ ничего противъ того, чтобы ты сообщилъ о Скобелевѣ Гершельману. Но теперь у васъ вышло столкновеніе уже не служебное и при томъ, извини, по твоей винѣ, потому что ты горячился и приставалъ къ нему съ упреками. Послѣ этого столкновенія, послѣ того, что произошло между вами, ты не имѣешь уже права доносить о немъ начальству. Ты ему наговорилъ и такъ массу непріятностей. Съ одного козла двухъ шкуръ не дерутъ“.

Но онъ продолжалъ настаивать на письмѣ по начальству.

„Послушай, Казиміръ, наконецъ сказалъ я. Повторяю тебѣ,—послѣ того, что случилось, доносить начальству ты не имѣешь права; это будетъ уже сведеніемъ личныхъ счетовъ и, если это сдѣлаешь—я перестану уважать тебя“.

Доводъ оказался достаточнымъ. Онъ уступилъ и, поволновавшись еще немного, легъ спать, какъ и я.

На слѣдующій день, при самомъ выѣздѣ на маневры, Скобелевъ, спокойный и сдержанный, подъѣхалъ ко мнѣ и благодарилъ въ самыхъ задушевныхъ выраженіяхъ за то, что я увелъ его отъ Левицкаго. Я отвѣчалъ ему, что, конечно, онъ, Скобелевъ, былъ не правъ, но что онъ можетъ быть спокоенъ: дѣло это не получитъ для него никакого непріятнаго направленія. Выразилъ подъ конецъ надежду, что къ обязанностямъ своимъ впредь онъ будетъ относиться серьезнѣе.

Тѣмъ дѣло и кончилось; но у меня осталось твердое убѣжденіе, что, не схвати я Скобелева за руки въ рѣшительную минуту, онъ былъ бы солдатомъ, а карьера Левицкаго также не пошла бы далѣе.

VIII.

Дѣло окончилось благополучно, но зубъ противъ Скобелева въ Левицкомъ остался, судя, по крайней мѣрѣ, по слѣдующему:

---

[1]) Генералъ Константинъ Ивановичъ Гершельманъ состоялъ тогда во главѣ Петербургскаго генеральнаго штаба.

Надо отдать полную справедливость Казиміру, что Гурко обязанъ былъ быстротою своего повышенія ему. Онъ былъ просто влюбленъ въ Гурко, не могъ имъ нахвалиться и свое расположеніе передалъ, конечно, Николаю Николаевичу.

Благодаря Левицкому, Гурко получилъ начальство надъ нашимъ рейдомъ за Балканы, а вскорѣ и надъ гвардейскимъ корпусомъ и кончилъ кампанію какъ командующій арміей. Въ этомъ—большая заслуга Казиміра.

Вообще (считаю нужнымъ повторить то, что говорилъ въ очеркѣ о Скобелевѣ) современныя войны стоютъ такъ дорого, что ихъ нельзя вести ни тридцать, ни семь лѣтъ, ни даже три года подрядъ, и ведутся онѣ съ большими промежутками, поэтому полковой командиръ, оказавшійся даровитымъ, долженъ быть немедленно выдвинутъ и получить дивизію; окончить же кампанію—въ должности, по меньшей мѣрѣ, корпуснаго командира, такъ какъ война даетъ этому полную возможность, обнаруживая бездарности и людей неспособныхъ, которыхъ, естественно, несравненно больше, чѣмъ даровитыхъ. И неспособность, безъ малѣйшаго колебанія и замедленія, должна быть удаляема и замѣщаема даровитостью, при чемъ молодость ни въ какомъ случаѣ препятствіемъ служить не должна. Этого не могъ, или не хотѣлъ понять Куропаткинъ, и это должно быть зачтено ему въ большую вину, такъ же какъ Левицкому въ заслугу—быстрое повышеніе Гурко.

Но, выдвигая Гурко, Левицкій совсѣмъ оставлялъ въ тѣни Скобелева. По крайней мѣрѣ, онъ, возвратившись изъ Ферганы генераломъ свиты Государя, съ двумя Георгіями, прибывъ въ армію, не могъ получить никакого назначенія. Императоръ Александръ II, правда, принялъ его, по возвращеніи изъ Азіи, крайне неблагосклонно, но, тѣмъ не менѣе, молодой генералъ, окончившій академію и заявившій себя недюжинной храбростью и исключительной предпріимчивостью, конечно, долженъ былъ быть въ арміи желаннымъ гостемъ; Скобелевъ же едва могъ получить болѣе чѣмъ скромное назначеніе начальника штаба казачьей дивизіи своего отца—назначеніе, приличное для молодого полковника, а въ военное время даже подполковника, но никакъ не для образованнаго, молодого генерала, блестящей храбростью исключительно себя зарекомендовавшаго.

Поэтому первые шаги Скобелева, въ турецкую войну, были очень не легки, и только благодаря его исключительной энергіи и способности заставить говорить о себѣ, Скобелеву удалось достигнуть выдающагося положенія въ арміи. Быть можетъ, даже нерасположеніемъ Левицкаго должна быть объяснена недостаточность силъ, врученныхъ Скобелеву для атаки на ключъ позиціи Османа-Паши подъ Плевной 30 августа.

Скобелевъ, однако, какъ человѣкъ очень умный и ловкій, успѣлъ завоевать и Казиміра: когда Государь пожаловалъ Левицкому, послѣ сдачи Плевны, Георгіевскій крестъ, Скобелевъ снялъ свой, обмѣнялся крестами съ недавнимъ врагомъ, и вскорѣ они перешли на „ты" [1]).

Много было говорено о роли Левицкаго на войнѣ, о томъ, какъ онъ вредно вліялъ на ея ходъ, какъ ошалѣвалъ, суетился, суетилъ другихъ.

И все это, конечно, была правда, но были за нимъ и заслуги, и заслуги очень крупныя: во-первыхъ,—быстрое повышеніе Гурко; во-вторыхъ,—блокада Плевны послѣ 30 августа.

Послѣ войны, разспрашивая Левицкаго, я задалъ ему какъ-то вопросъ—случалось ли ему, и какъ часто бывать въ огнѣ? Левицкій былъ очень правдивъ, и это было одно изъ качествъ, подкупавшихъ меня въ его пользу. Такъ и тутъ,—на вопросъ мой, онъ совершенно откровенно отвѣтилъ, что подъ ружейнымъ огнемъ онъ не былъ ни разу. Что же касается огня артиллерійскаго, то разъ ему пришлось ѣхать съ конвоемъ и перерѣзать балку, подверженную выстрѣламъ непріятельскихъ орудій.

„Я остановился въ нерѣшительности, говорилъ онъ. Не объѣхать ли балку повыше, для чего приходилось сдѣлать около версты крюку? Колебался я, однако, не долго. Совѣстно стало передъ конвоемъ и, давъ шпоры, я поѣхалъ впередъ".

М. А. Газенкампфъ въ дневникѣ своемъ говоритъ о поѣздкѣ, предпринятой 29 августа Великимъ Княземъ, въ свитѣ котораго былъ и Левицкій, и о томъ, что во время этой экскурсіи, вся свита находилась подъ огнемъ артиллеріи (стр. 105). Но, или огонь этотъ былъ совершенно незначителенъ, или Левицкаго не было въ свитѣ, только разсказъ его, съ совершенной ясностью, врѣзался въ моей памяти, врѣзался именно потому, что мысленно я осудилъ Казиміра за то, что онъ пренебрегъ такимъ дѣйствительнымъ средствомъ, какъ презрѣніе къ опасности—пріобрѣсти себѣ уваженіе и довѣріе войскъ.

Такимъ образомъ жизнь свою опасности Казиміръ почти не подвергалъ и, тѣмъ не менѣе, Георгіевскій крестъ данъ былъ ему вполнѣ по заслугамъ.

Дѣло въ томъ, что послѣ штурма 30 августа, задуманнаго съ дѣтскимъ легкомысліемъ и самоувѣренностью, не обращая вниманія ни на азбучныя указанія военнаго искусства, ни на неблагопріятныя условія для штурма, начиная съ дождливой погоды, распустившей почву—самоувѣренность, какъ это всегда бываетъ послѣ заслуженнаго урока, уступила мѣсто угнетенному состоянію духа.

---

[1]) Такъ разсказывалъ мнѣ самъ Левицкій.

Начальникъ артиллеріи, князь Масальскій, указывалъ на недостатокъ орудійныхъ зарядовъ, и Великій Князь настаивалъ на необходимости отступить, снять осаду Плевны.

Того же мнѣнія былъ, конечно, и Непокойчицкій.

Собранъ былъ военный совѣтъ въ присутствіи Государя. На этомъ совѣтѣ, какъ говоритъ М. А. Газенкампфъ, „одинъ Левицкій горячо доказывалъ, что не слѣдуетъ отступать ни на шагъ, ибо всякое попятное движеніе только подчеркнетъ и преувеличитъ значеніе неудачи третьяго штурма. Турки наступать не будутъ, а удовольствуются удачнымъ отраженіемъ нашихъ атакъ: они сами, безъ сомнѣнія, понесли значительныя потери, нуждаются въ отдыхѣ и, можетъ быть, даже въ боевыхъ припасахъ: не даромъ же они сегодня молчатъ,—очевидно, берегутъ заряды и патроны. Противъ нашей кавалеріи, стоящей на ихъ пути сообщенія съ Софіей, тоже ничего не предпринимаютъ... Очевидно, что ихъ положеніе тоже незавидное, и намъ отступать—нѣтъ никакихъ причинъ. Воздержаться отъ всякихъ рѣшительныхъ дѣйствій до прибытія гвардіи—вполнѣ отъ насъ зависитъ. Лучше же выжидать, стоя на занятыхъ мѣстахъ, чѣмъ отходить съ тѣмъ, чтобы впослѣдствіи брать эти же мѣста съ бою".

Добавлю къ этому, на основаніи разсказа Левицкаго, что когда князь Масальскій заявилъ о недостаткѣ орудійныхъ зарядовъ и даже ружейныхъ патроновъ, то Казиміръ возразилъ: если у насъ мало патроновъ и зарядовъ для штурма и вообще для дѣйствій наступательныхъ, то ихъ совершенно достаточно для того, чтобы отразить турокъ, если бы они вздумали перейти въ наступленіе.

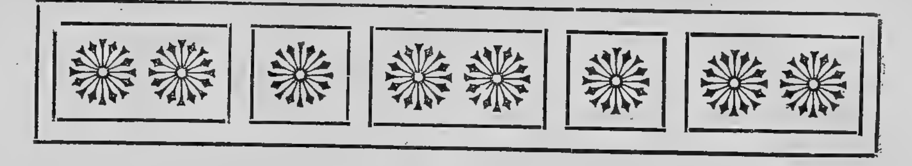
Левицкаго очень твердо, со свойственною ему обстоятельностью изложенія, поддержалъ Дмитрій Алексѣевичъ Милютинъ, и Государь согласился съ ними.

Эпизодъ этотъ мнѣ подробно передавалъ Левицкій и говорилъ, что Великій Князь былъ такъ недоволенъ, что послѣ Совѣта рѣзко выговаривалъ ему и даже сказалъ: „этого я никогда не забуду и тебѣ не прощу".

Но Государь, когда армія Османа положила оружіе, вспомнилъ поведеніе Левицкаго на Совѣтѣ и немедленно пожаловалъ ему Георгіевскій крестъ. И награда эта была наградой вполнѣ заслуженной.

А. Витмеръ.

Ц. А. Кюи.

(Къ 50-лѣтію музыкальной дѣятельности).

---

14 декабря 1859 г. въ симфоническомъ собраніи Русскаго Музык. Общества подъ управленіемъ А. Г. Рубинштейна было исполнено первое оркестровое произведеніе (скерцо F-dur) молодого автора. Авторомъ былъ Ц. А. Кюи, и день этотъ принято считать началомъ выдающейся дѣятельности его, какъ композитора.

Цезарь Антоновичъ Кюи родился въ Вильнѣ 6 января 1835 г., сынъ француза, бывшаго офицера Наполеоновской арміи, оставшагося въ Россіи, его мать была литовскаго рода; учился онъ въ мѣстной гимназіи, гдѣ отецъ былъ преподавателемъ французскаго языка, въ 1850 г. поступилъ въ Главное Инженерное Училище въ СПБ. (нынѣ Николаевская Инженерная Академія и Училище). По окончаніи курса оставленъ былъ при училищѣ репетиторомъ, затѣмъ преподавателемъ и профессоромъ фортификаціи. Преподавалъ эту науку въ инженерномъ, артиллерійскомъ и кавалерійскомъ училищахъ, а потомъ въ трехъ военныхъ академіяхъ. Въ числѣ его учениковъ находятся девять Великихъ Князей, въ томъ числѣ нынѣ царствующій Государь Императоръ, М. Д. Скобелевъ и множество офицеровъ всѣхъ родовъ оружія. К. написалъ рядъ учебниковъ и книгъ по военной спеціальности и является здѣсь однимъ изъ наиболѣе извѣстныхъ авторитетовъ; въ настоящее время инженеръ-генералъ, заслуженный профессоръ и членъ конференціи. Музыкѣ Ц. А. К. учился еще гимназистомъ и обязанъ главнымъ образомъ самому себѣ, такъ какъ единственнымъ учителемъ теоріи былъ у него на короткое время (около полугода) С. Монюшко. Дальнѣйшее музыкальное развитіе прошло подъ вліяніемъ знакомства съ Даргомыжскимъ и постояннаго

общенія съ кружкомъ Балакирева. Значеніе этого кружка достаточно выяснено; кромѣ Балакирева, Кюи и Мусоргскаго въ него очень скоро вошли Бородинъ, Римскій-Корсаковъ и нѣкоторыя другія лица. Вмѣстѣ они изучали партитуры великихъ произведеній, расширяли свой музыкальный кругозоръ; ихъ художественные идеалы складывались преимущественно подъ вліяніемъ произведеній Глинки и Даргомыжскаго (періода „Каменнаго Гостя"), Шумана, Берліоза и Листа. Защитниками въ печати воззрѣній этой группы музыкальной молодежи были Кюи и В. В. Стасовъ. Въ 1858 г. К. женился на пѣвицѣ М. Р. Бамбергъ, на имя которой и на собственное (В. А. В. Е. G. С. С.) написано то самое скерцо, о которомъ говорилось выше, его первое исполненное публично произведеніе. Въ послѣдующей жизни композитора уже нельзя указать лицъ, которыя такъ или иначе воздѣйствовали бы на его техническое образованіе. Его дѣятельность была одновременно и его школой. Списокъ произведеній Ц. А. Кюи весьма значителенъ. Имъ написано болѣе 75 опусовъ, помимо оперъ, при чемъ преобладаютъ произведенія вокальныя (романсы, хоры). Его 11 оперъ ставились на сценѣ въ слѣдующемъ порядкѣ: „Вильямъ Ратклиффъ"(Спб. 1869 г.), „Анджело" (Спб. 1876 г.), „Сынъ Мандарина" (Спб. 1878 г.), „Кавказскій плѣнникъ" (Спб. 1883 г., дополненный и передѣланный, I и III дѣйствія были написаны еще въ 1857—58 г.г.), „Le Flibustier" (Парижъ 1894 г.), „Сарацинъ" (Спб. 1899 г.), „Пиръ во время чумы" (Москва 1900 г.), „Mamzelle Fifi" (Москва 1903 г.), „Маттео Фальконе" (Москва 1907 г.), „Снѣжный богатырь" (Спб. 1907 г.) и „Капитанская дочка", совсѣмъ недавно оконченная и нигдѣ еще не ставившаяся. Въ 1872 г. былъ написанъ К. одинъ актъ оперы-балета „Млады" (не напечатанъ и не ставился)—совмѣстнаго произведенія членовъ балакиревскаго кружка. Кюи написалъ около 300 романсовъ, множество фортепіанныхъ пьесъ; изъ нихъ особенно обращаетъ на себя вниманіе ор. 64, появившійся не очень давно (1905 г.)—25 прелюдій, затѣмъ около 40 хоровъ à capella, 4 сюиты для оркестра, 2 скерцо, тарантеллу, 2 струнныхъ квартета, весьма большое количество пьесъ для скрипки и проч. Въ послѣдніе годы К. усиленно пополняетъ отдѣлъ дѣтской музыкальной литературы и въ своемъ „Снѣжномъ богатырѣ" даетъ типъ такъ называемой школьной оперы. Критическая дѣятельность Ц. А. Кюи началась съ 1864 г. За это время имъ написано около 750 статей и замѣтокъ, помѣщавшихся во многихъ русскихъ и иностранныхъ журналахъ („Спб. Вѣд.", подъ прославившимся псевдонимомъ ***, „Новое Время", „Сѣвер. Вѣстн.", „Голосъ", „Искусство", „Недѣля" и „Книжки Недѣли" „Муз. Обозр.", „Гражданинъ", „Артистъ", „Новостп", „Муз. Труж".

и др., „Revue et Gazette Musicale de Paris“, „Le Monde Artiste“, „L'Art Musical“, „Le Menestrel“, „L'Indepedance Belge“, „Guide Musicale“ и „L'Art“). Отдѣльными брошюрами изданы статьи: „La musique en Russie“, „Кольцо Нибелунговъ“ Вагнера, „Исторія фортепіанной литературы“ курсъ А. Рубинштейна и „Русскій романсъ“. Съ 1896 г. по 1904 г. Ц. А. предсѣдательствовалъ въ дирекціи Спб. Отдѣленія И. Р. М. О.

6 января текущаго года композитору исполнилось 75 лѣтъ со дня рожденія.

Дарованіе К. не только количественно, но и качествено расцвѣтаетъ въ вокальной музыкѣ. Несмотря на принадлежность къ „новой русской школѣ“, К. избѣгаетъ въ своихъ операхъ русскихъ сюжетовъ (какъ исключеніе послѣдняя — „Капитанская дочка“) и его музыка лишена опредѣленныхъ національныхъ чертъ, у него характерно влеченіе къ сюжетамъ трагическимъ, но, какъ ни странно ему болѣе удаются не драматическіе моменты, а лирическіе, они красочны и выразительны; бытовыя черты не свойственны таланту К. Его крупныя достоинства заключаются въ мелодической декламаціи тщательно и изящно сдѣланной гармоніи. „Ратклиффъ вызвалъ въ 60-хъ годахъ большіе споры свободой своего стиля. Музыка К. сверхъ того граціозна, нѣжна; миніатюра—это та область, гдѣ композиторъ наиболѣе совершененъ, слѣдуя образцамъ, созданнымъ Шопеномъ и Шуманомъ. Въ романсахъ К. если не придаетъ большого значенія выразительности отдѣльныхъ фразъ (къ чему вслѣдъ за Мусоргскимъ стремятся новѣйшіе русскіе композиторы), то общій характеръ каждаго изъ нихъ соотвѣтствуетъ содержанію текста, почти всегда поэтичнаго. Тяготѣя, повидимому, по своимъ литературнымъ вкусамъ къ сверхъ-романтичному, Кюи по духу своей музыки ближе однако къ „пѣснямъ мирнымъ фригійскихъ пастуховъ“.

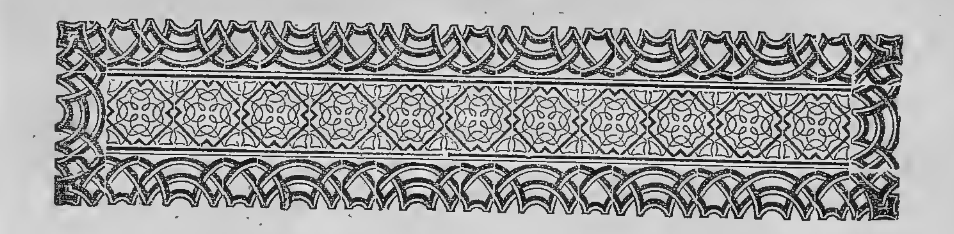
Въ критической дѣятельности самымъ крупнымъ фактомъ была его полемика съ консерваторскимъ направленіемъ, а слѣдовательно съ А. Г. Рубинштейномъ и Г. А. Ларошемъ въ тѣ годы, когда консерваторіи начинали свою жизнь. Борясь вообще за освобожденіе отъ какой бы то ни было рутины, Кюи направлялъ стрѣлы своего остроумія на представителей консерваторскаго образованія, ошибочно видя въ нихъ только поборниковъ этой ненавистной ему рутины. Время разсудило враговъ, и правда оказалась не на его сторонѣ. Но Кюи оказалъ большую услугу тѣмъ, что талантливостью своихъ статей привлекалъ вниманіе общества къ жизни музыкальныхъ круговъ и къ блестящимъ дарованіямъ своихъ соратниковъ—Балакирева, Мусоргскаго, Бородина и Корсакова. Необходимо отмѣ-

тить, что Кюи всю жизнь враждебно относился къ творчеству Вагнера (еще на дняхъ повторилъ свою извѣстную фразу о „геніальной скукѣ“ его музыки) и не слишкомъ мягко къ Чайковскому. Причина этого, вѣроятно, лежитъ въ его композиторской индивидуальности, т. к. извѣстно, что легче среднему критику оцѣнить разнородныхъ авторовъ, чѣмъ хорошему композитору своего товарища по искусству; здѣсь на лицо тѣ же неуловимыя черты авторской психологіи, которыя приводили напр. Чайковскаго къ отрицанію Мусоргскаго. Въ послѣдніе годы взгляды Кюи стали мягче, но выступать критикомъ онъ сталъ рѣже.

Нельзя достаточно надивиться той свѣжей, не ослабѣвшей энергіей, которая отличала почтеннаго композитора, профессора военной науки и критика на его жизненномъ пути. Эта дѣятельность да послужитъ молодымъ силамъ ободряющимъ примѣромъ.

Привѣтствуемъ Ц. А. Кюи по случаю столь рѣдкаго для русскаго композитора юбилея.

Ѳ. М. Достоевскій по воспоминаніямъ ссыльнаго поляка.

I.

Четырехлѣтнее пребываніе на каторгѣ — этотъ тягостнѣйшій эпизодъ не только въ личной жизни писателя, но и въ исторіи русской литературы — и въ томъ, и въ другомъ отношеніи оставило по себѣ глубокій, неизгладимый слѣдъ. Съ одной стороны, оно было ближайшимъ поводомъ къ тому, что русская литература обогатилась такимъ единственнымъ, ни съ чѣмъ несравнимымъ, неподражаемымъ твореніемъ, какъ „Записки изъ Мертваго дома"; съ другой стороны, каторга была для Достоевскаго вторымъ крещеніемъ и возродила его къ новой жизни; она была тѣмъ спасительнымъ горниломъ, въ которомъ писатель закалилъ и очистилъ свой мятущійся духъ. О необычайномъ значеніи каторги для развитія таланта Достоевскаго онъ самъ говоритъ такъ: „Помню, что во все это время, несмотря на сотни товарищей, я былъ въ страшномъ уединеніи, и я полюбилъ, наконецъ, это уединеніе. Одинокій душевно, я пересматривалъ всю прошлую жизнь мою, перебиралъ все до послѣднихъ мелочей, вдумывался въ мое прошедшее, судилъ себя одинъ неумолимо и строго, и даже въ иной часъ *благословлялъ* судьбу за то, что она послала мнѣ это уединеніе, безъ котораго не состоялись бы ни этотъ судъ надъ собой, ни этотъ строгій пересмотръ прежней жизни. И какими надеждами забилось тогда мое сердце! Я думалъ, я рѣшилъ, я клялся себѣ, что уже не будетъ въ моей будущей жизни ни тѣхъ ошибокъ, ни тѣхъ паденій, которыя были прежде. Я начерталъ себѣ программу всего будущаго и положилъ твердо слѣдовать ей. Во мнѣ возродилась слѣпая вѣра,

что я все это исполню и могу исполнить... Я ждалъ, я звалъ поскорѣе свободу; я хотѣлъ испробовать себя вновь, на новой борьбѣ. Порой захватывало меня судорожное нетерпѣніе...“ Когда затѣмъ Достоевскій описываетъ счастливую минуту выхода изъ каторги, то въ заключеніе восклицаетъ: „Свобода, новая жизнь, воскресеніе изъ мертвыхъ... Экая славная минута!“ Изъ „Преступленія и Наказанія“ далѣе мы знаемъ, какое магическое дѣйствіе произвела каторга на Раскольникова. Огромная сила этой великой искупительной жертвы такова, что она повлекла за собою „постепенное обновленіе человѣка, постепенное перерожденіе его, постепенный переходъ изъ одного міра въ другой, знакомство съ новою, доселѣ совершенно невѣдомою дѣйствительностью“. Нѣтъ сомнѣнія, что въ этихъ восторженныхъ словахъ Достоевскаго слышатся автобіографическія его черты.

Если самъ Достоевскій придавалъ такое великое значеніе своему пребыванію на каторгѣ, то мы тѣмъ болѣе не можемъ оставаться равнодушными къ тому, что говорятъ о немъ и объ этомъ періодѣ его жизни живые свидѣтели тѣхъ дней,—тѣ, которые жили съ нимъ въ одной казармѣ, вмѣстѣ работали, ѣли за общимъ столомъ,—тѣ, о которыхъ онъ самъ неоднократно упоминаетъ въ своихъ „Запискахъ изъ Мертваго дома“. Пусть поверхностно и легкомысленно, пусть враждебно говорятъ они о нашемъ великомъ писателѣ; пусть даже слова ихъ будутъ непріятны для насъ, потому что не понять имъ „нашей славы“, но мы не можемъ обойти ихъ молчаніемъ. Къ числу такихъ лицъ относится Симонъ Токаржевскій, скрытый въ „Запискахъ“ Достоевскаго подъ буквами Т—скій, отрывки изъ воспоминаній котораго были напечатаны въ №№ 2—19 „Польской газеты“ за 1907 годъ и затѣмъ изданы отдѣльной книжкой подъ заглавіемъ „Семь лѣтъ каторги“ [1]). Но прежде чѣмъ приступить къ изложенію разсказа Токаржевскаго о Достоевскомъ, необходимо сказать нѣсколько словъ объ авторѣ воспоминаній.

II.

Повѣствованіе о жизни Токаржевскаго „Польская газета“ начинаетъ изображеніемъ слѣдующей печально-торжественной картины.

Лѣтъ шестнадцать тому назадъ умеръ въ Варшавѣ сапожный мастеръ Симонъ Токаржевскій. Похороны мало извѣстнаго тогдашнему поколѣнію человѣка по-своему почтила полиція: на углахъ

[1]) Извлеченія изъ этой книги помѣщены въ Историческомъ Вѣстникѣ въ апрѣлѣ 1908 г. въ статьѣ Г. Брайловскаго „Достоевскій въ Омской каторгѣ и поляки“. *Ред.*

улицъ, по которымъ проходило погребальное шествіе, стояли конные жандармы, а за гробомъ, рядомъ съ женой умершаго, шли участковый приставъ и околодочные. Кто же былъ этотъ человѣкъ, смерть котораго такъ обезпокоила варшавскую полицію?

Симонъ Токаржевскій не былъ простымъ сапожникомъ; онъ происходилъ изъ дворянъ Люблинской губ., сапожную же профессію избралъ, руководствуясь тѣмъ убѣжденіемъ, что тогда ему легче будетъ распространять среди варшавскихъ ремесленниковъ идеи національнаго возрожденія и самоопредѣленія. Онъ былъ, по словамъ „Польской газеты", однимъ изъ тѣхъ бойцовъ на службѣ Отчизнѣ [1]), однимъ изъ тѣхъ энтузіастовъ, которые отдаютъ ей всю душу, вся жизнь которыхъ сплошное мученичество.

Въ молодости Токаржевскій встрѣтился съ ксендзомъ Петромъ Сцегеннымъ, сдѣлался убѣжденнымъ сторонникомъ его патріотическихъ и демократическихъ идей, а затѣмъ, бросивъ отчій домъ, сталъ въ ряды заговорщиковъ.

Кс. П. Сцегенный, начальникъ несостоявшагося крестьянскаго возстанія 1844 года, былъ сынъ крестьянина изъ краковскаго воеводства (нынѣшней Кѣлецкой губ.). Состоя впослѣдствіи на приходѣ въ Люблинской губ., онъ рѣшилъ бороться за независимость Польши, добыть ее путемъ народнаго возстанія, внушая массамъ убѣжденіе, что единственно только въ независимой Отчизнѣ можно достигнуть благосостоянія, свободы и счастья. При этомъ кс. Сцегенный выработалъ своеобразную политическую теорію, основанную впрочемъ не столько на выводахъ науки и на данныхъ опыта, сколько вытекавшую изъ порывовъ его горячаго сердца и простой, наивной души. Такъ, онъ мечталъ о будущемъ устройствѣ Польши на началахъ общинности, при чемъ главную роль предназначалъ приходскимъ настоятелямъ, какъ выборнымъ начальникамъ общины.

Пропаганда кс. Сцегеннаго привлекла къ нему много сторонниковъ изъ среды крестьянъ, а затѣмъ его „крестьянскій заговоръ" быстро слился съ „союзомъ молодежи" и охватилъ области Люблинскую, Сандомірскую и Краковскую. Возстаніе должно было вспыхнуть въ 1844 году въ Кѣлецкой губ., колыбели рода Сцегенныхъ. Однако самъ глава заговора не обладалъ необходимыми качествами вождя народнаго возстанія. Онъ не позаботился даже о заготовленіи оружія для будущихъ повстанцевъ; онъ наивно полагалъ, что когда толпа народа двинется, то „страшно сильныя" мужицкія руки съумѣютъ косами, люшнями и вилами разбить русскія регулярныя войска.

---

[1]) Поляки такъ обожаютъ свою родину, съ такимъ благоговѣйнымъ почтеніемъ относятся къ ней, что слово „Отчизна" пишутъ съ большой буквы. Мы здѣсь удерживаемъ это написаніе.

По доносу кс. Сцегенный былъ арестованъ въ д. Бильчѣ Кѣлецкой губ. и привезенъ въ Кѣльцы. Губернаторъ Бѣлоскурскій сердечно его привѣтствовалъ и принялъ очень любезно. Простодушный ксендзъ, очарованный пріемомъ и ничего не подозрѣвавшій, открылъ всѣ свои самыя завѣтныя мысли. Результатомъ этихъ откровеній была отправка духовнаго заговорщика въ варшавскую цитадель, гдѣ онъ былъ приговоренъ къ смертной казни чрезъ повѣшеніе. Въ день казни онъ былъ помилованъ и отправленъ въ пожизненную каторгу. Интересно, что въ Сибири, въ Александровскѣ, онъ устроилъ, согласно своимъ теоріямъ, вмѣстѣ съ товарищами по изгнанію коммуну, участники которой дѣлились поровну плодами своихъ трудовъ. Освобожденный впослѣдствіи по манифесту отъ наказанія, кс. Сцегенный возвратился на родину, гдѣ недавно умеръ въ г. Люблинѣ.

Дѣло кс. Сцегеннаго было первымъ этапомъ въ полной треволненій жизни Токаржевскаго. Правда, ему тогда удалось убѣжать въ Галицію, но австрійскія власти арестовали его и, выдержавъ два года въ тюрьмѣ въ Львовѣ, выдали русскому правительству. Далѣе слѣдуютъ: варшавская цитадель, Новогеоргіевскъ, Устькаменногорскъ и каторга въ Омскѣ—вотъ главные моменты изъ этой эпохи жизни Токаржевскаго. Въ 1857 году, по вступленіи на престолъ Александра II, онъ возвращается на родину и, сойдясь въ Варшавѣ съ группой ремесленниковъ, въ средѣ которыхъ онъ встрѣтилъ горячихъ и сердечныхъ людей, рѣшилъ сблизиться съ ними. Традиціи Килинскаго оказали въ этомъ случаѣ рѣшающее вліяніе, и Токаржевскій вступилъ въ цехъ сапожниковъ. Вскорѣ скромный его домикъ на углу Бѣлянской и Тломацкой улицъ дѣлается средоточіемъ какъ для молодежи изъ среды ремесленниковъ во главѣ съ Станиславомъ Гишпанскимъ, такъ и для молодежи, учившейся въ школѣ изящныхъ искусствъ и въ медицинской академіи; здѣсь же собирались извѣстные литераторы и дѣятели того времени: Краевскіе, Эренбергъ, Халубинскій, Іезіоранскій, Траугутъ, Точинскій. Но вотъ вспыхнуло возстаніе, въ которомъ Токаржевскій принялъ дѣятельное участіе. Высланный въ 1863 г. въ Рязань, онъ по истеченіи четырехъ мѣсяцевъ вернулся назадъ, но вскорѣ опять былъ посаженъ въ цитадель. Въ 1864 году послѣдовала вторичная ссылка его въ Сибирь, изъ которой онъ вернулся на родину въ 1883 году, умеръ онъ въ Варшавѣ 3 іюля н. с. 1890 года.

Такова не сложная жизнь этого горячаго польскаго патріота, который лучшую половину ея провелъ въ изгнаніи на чужбинѣ, вдали отъ своей родины, вдали отъ этой безумно имъ любимой

Отчизны. Эту-то горькую жизнь, эти страданія за Отчизну онъ и описалъ въ своихъ воспоминаніяхъ.

III.

Что касается описанія тюремъ, каторги, жизни арестантовъ, выдающихся въ ней событій, неожиданныхъ происшествій, то въ этомъ отношеніи воспоминанія Токаржевскаго представляютъ не много интереса, въ особенности послѣ того, что далъ намъ Достоевскій въ своихъ „Запискахъ изъ Мертваго дома". Если взять во вниманіе широту и глубину картины, изображенной Достоевскимъ во всѣхъ мельчайшихъ своихъ подробностяхъ, если взглянуть на безконечное разнообразіе типовъ, живыми стоящихъ передъ глазами, если вслушаться въ эту своеобразную музыку арестантскихъ рѣчей, если однимъ словомъ представить себѣ на одинъ мигъ всю эту калейдоскопическую панораму, магической рукой творца-художника развернутую передъ нами, и сравнить ее съ той блѣдной хартіей, какую слабой кистью начерталъ польскій изгнанникъ, то послѣдняя покажется намъ не болѣе, какъ дѣтскимъ лепетомъ по сравненію съ первой. Причина этого, не говоря уже о различіи въ природныхъ дарованіяхъ и талантахъ, очень простая.

„Мертвый домъ!" говорилъ я, пишетъ Достоевскій, „самъ себѣ, присматриваясь иногда въ сумерки, съ крылечка нашей казармы, къ арестантамъ, уже собравшимся съ работы и лѣниво слонявшимся по площадкѣ острожнаго двора, изъ казармъ въ кухни и обратно. Присматривался къ нимъ, и по лицамъ и движеніямъ ихъ старался узнать, что они за люди и какіе у нихъ характеры?.. Все это моя среда, мой теперешній міръ,—думалъ я,—съ которымъ, хочу не хочу, а долженъ жить"... Достоевскій страстно, мучительно желалъ проникнуть въ этотъ, до сихъ поръ совершенно чуждый для него, новый міръ и чрезвычайно терзался, что онъ сразу не могъ разгадать его. Годъ прошелъ, прежде чѣмъ онъ освоился съ нимъ. „Я не могъ, говоритъ онъ, и даже не умѣлъ проникнуть во внутреннюю глубину этой жизни въ началѣ моего острога, а потому всѣ внѣшнія проявленія ея мучили меня тогда невыразимой тоской. Я иногда просто начиналъ ненавидѣть этихъ такихъ же страдальцевъ, какъ я. Я даже завидовалъ имъ въ томъ, что они все-таки между своими, въ товариществѣ, понимаютъ другъ друга, хотя въ сущности имъ всѣмъ, какъ и мнѣ, надоѣло и омерзѣло это товарищество изъ-подъ плети и палки, эта насильная артель, и всякій про себя смотрѣлъ отъ всѣхъ куда-нибудь въ сторону". При всемъ

томъ однако Достоевскій считалъ этотъ міръ своимъ. „Я чувствовалъ и понималъ, говоритъ онъ, что вся эта среда для меня совершенно новая, что я въ совершенныхъ потемкахъ, а что въ потемкахъ нельзя прожить столько лѣтъ. Слѣдовало приготовиться. Разумѣется, я рѣшилъ, что прежде всего надо поступать прямо, какъ внутреннее чувство и совѣсть велятъ". Въ другомъ мѣстѣ онъ такъ говоритъ объ этомъ: „Вообще это было время моего перваго столкновенія съ народомъ. Я самъ вдругъ сдѣлался такимъ же простонародьемъ, такимъ же каторжнымъ, какъ и они. Ихъ привычки, понятія, мнѣнія, обыкновенія,—стали какъ будто тоже моими, по крайней мѣрѣ, по формѣ, по закону, хотя я и не раздѣлялъ ихъ въ сущности".

Совсѣмъ иначе смотрѣли на этотъ „мой міръ, мою среду" Достоевскаго поляки, въ томъ числѣ Токаржевскій. Послѣдній иначе не называетъ своихъ товарищей-каторжниковъ, какъ „бригандами". Припомните вкладываемое Достоевскимъ въ уста одного поляка выраженіе: „Je hais ces brigands", которое онъ по многу разъ и часто повторялъ. Объ отношеніяхъ поляковъ къ каторжникамъ Токаржевскій въ отрывкахъ, напечатанныхъ въ № 8 „Польск. газ.", говоритъ такъ: „Отношенія наши съ „бригандами", сначала враждебныя, а въ особенности со мной, складывались постепенно. Мы держали ихъ отъ себя, какъ сами говаривали, на „благородной дистанціи". Какъ драгоцѣнно это признаніе! Значитъ, Достоевскій вѣрно подмѣтилъ и схватилъ эту черту, когда писалъ: „Каторжные страшно не любили поляковъ, даже больше, чѣмъ ссыльныхъ изъ русскихъ дворянъ. Поляки (я говорю объ однихъ политическихъ преступникахъ) были съ ними какъ-то утонченно, обидно вѣжливы, крайне несообщительны и никакъ не могли скрыть передъ арестантами своего къ нимъ отвращенія, а тѣ понимали это очень хорошо и платили тою же монетою". Въ другомъ мѣстѣ Достоевскій еще разъ повторяетъ это въ такихъ выраженіяхъ: „Кромѣ черкесовъ, въ казармахъ нашихъ была еще цѣлая кучка поляковъ, составлявшая совершенно отдѣльную семью, почти не сообщавшуюся съ прочими арестантами. Я сказалъ уже, что за свою исключительность, за свою ненависть къ каторжнымъ русскимъ, они были въ свою очередь всѣми ненавидимы. Это были натуры измученныя, больныя; ихъ было человѣкъ шесть. Нѣкоторые изъ нихъ были люди образованные; о нихъ я буду говорить особо и подробно впослѣдствіи. Отъ нихъ же я иногда, въ послѣдніе годы моей жизни въ острогѣ, доставалъ кой-какія книги".

Есть въ воспоминаніяхъ Токаржевскаго и нѣкоторые факты, изъ которыхъ ярче всего вырисовываются отношенія поляковъ къ ка-

торжникамъ. Разсказывая о пыткѣ, какую причиняло еженедѣльное бритье половины головы и сбриваніе одного уса, о чемъ, между прочимъ, упоминается и у Достоевскаго, Токаржевскій говоритъ: „Бриганды" роптали на эту поистинѣ возмутительную операцію и не разъ начинали ссору съ цирульникомъ, доходившую до страшныхъ проклятій. Мы же, поляки, переносили и эту муку, не скажу, чтобы терпѣливо, но съ тѣмъ постояннымъ гордымъ упорствомъ, съ какимъ мы привыкли всегда вести себя на каторгѣ, въ особенности въ отношеніи „бригандовъ". Достоевскій нашелъ иной выходъ изъ этого положенія: по указанію Акима Акимыча, онъ пользовался услугами „одного арестанта военнаго разряда, который за копѣйку брилъ собственной бритвой кого угодно и тѣмъ промышлялъ".

Много страницъ у Достоевскаго посвящено описанію арестантскаго кутежа, роли цѣловальниковъ, способовъ добыванія водки; страницы эти написаны картинно, живо, съ увлеченіемъ, и читаются съ неослабѣвающимъ интересомъ. Посмотримъ теперь, какъ отнесся къ этой сторонѣ арестантскаго быта Токаржевскій, который вскользь касается и этого вопроса. „Лишь только, пишетъ онъ, съ наступленіемъ сумерекъ, казармы запирались на ключъ, въ нихъ начиналось господство распущенности и свободы.—Гуляй, душа!—вотъ былъ лозунгъ „бригандовъ". Какъ только умолкалъ звукъ шаговъ запиравшаго казармы офицера, тотчасъ начиналась самая несдержанная гульба и пьянство, потому что арестанты нашли возможность доставать себѣ водку изъ города. Какимъ образомъ? Одинъ арестантъ, въ доказательство своего расположенія, хотѣлъ однажды подробно мнѣ разсказать, съ какими чрезвычайными опасностями сопряжена была подобная контрабанда, какія хитрыя предосторожности требовались, чтобы обмануть караульнаго солдата. Подобный контрабандистъ, проносившій водку изъ кабака въ крѣпость, по понятіямъ каторги, былъ истинный „герой". Но такъ какъ мы водки никогда не пили, а наши понятія о героизмѣ были совсѣмъ другія, то я, отговорившись неимѣніемъ времени, очень поблагодарилъ его за желаніе посвятить меня въ подробности этого дѣла и потому ничего не умѣю сказать о доставкѣ водки изъ города въ тюрьму". Такимъ образомъ Токаржевскій не соблаговолилъ даже выслушать благорасположеннаго къ нему арестанта,—столько презрѣнія, столько нравственной брезгливости онъ чувствовалъ къ этимъ подонкамъ и отбросамъ человѣческаго рода, въ которыхъ Достоевскій такъ упорно и настойчиво искалъ проблесковъ души и порывовъ сердца. Ну, не правъ ли былъ тысячу разъ тотъ же Достоевскій, когда говорилъ о своихъ каторжныхъ полякахъ, что они отгородились отъ всѣхъ, замкнулись въ свою скорлупу и

дарили всѣхъ презрѣніемъ. Они не хотѣли даже пойти посмотрѣть на представленіе, устроенное каторжниками въ рождественскіе праздники, о которомъ съ такимъ восторгомъ разсказываетъ Достоевскій и которое внесло столько живой, неподдѣльной радости въ мрачную жизнь арестантовъ. Они почтили это представленіе своимъ присутствіемъ только тогда, когда оно давалось въ послѣдній разъ. Они рѣшились на этотъ невѣроятный шагъ послѣ многихъ, какъ говоритъ Достоевскій, „увѣреній, что тамъ и хорошо, и весело, и безопасно".

IV.

Что же давало силу полякамъ такъ поставить себя въ отношеніи арестантовъ и затѣмъ столько лѣтъ съ такимъ поразительнымъ упрямствомъ выдерживать этотъ тонъ, ни въ чемъ никому не дѣлая ни малѣйшей уступки, не идя ни на какой компромиссъ, не измѣняя ни на іоту своему разъ принятому отношенію ко всему окружающему? Они были горды своей безумной любовью къ родинѣ, къ Отчизнѣ, они были счастливы тѣмъ, что страдаютъ за нее. Въ ней они черпали мужество съ брезгливымъ презрѣніемъ смотрѣть на окружающій ихъ непривѣтливый міръ арестантовъ. О силѣ этой любви можно отчасти судить по разсказу Токаржевскаго о томъ, какъ онъ перенесъ экзекуцію „палокъ". Это было еще до отправки въ Сибирь въ кр. Новогеоргіевскѣ. Первоначально онъ былъ приговоренъ къ 2.000 палокъ, но потомъ это количество было уменьшено до 500. „Я прижалъ къ груди, разсказываетъ онъ, иконку Ченстоховской Божіей Матери... Я желалъ молиться, но ни одного слова молитвы не могъ припомнить, лишь за каждымъ ударомъ попеременно говорилъ: „это во славу Твою, Королева Короны Польской; это за искупленіе Твое, дорогая Отчизна". Больно ли мнѣ было во время битья? Нѣтъ. Видѣлъ ли я своихъ мучителей? Нѣтъ. Все окружающее исчезло у меня изъ глазъ; я видѣлъ передъ собою только какіе-то свѣтлые круги. Можетъ быть, въ эту кровавую минуту душа моя разлучилась съ тѣломъ и пребывала въ какихъ-нибудь надмірныхъ пространствахъ? Но развѣ это возможно?.. Пусть на этотъ вопросъ отвѣтятъ врачи и психологи. Я же со всею смѣлостью могу утверждать и доказывать лишь то, что въ моменты религіознаго и патріотическаго экстаза человѣкъ не чувствуетъ физической боли".

Достоевскій въ своихъ „Запискахъ" говоритъ, что на счетъ боли при наказаніи палками онъ много разспрашивалъ. „Мнѣ хотѣлось, пишетъ онъ, опредѣлительно узнать, какъ велика эта боль; съ чѣмъ

ее, наконецъ, можно сравнить? Право, не знаю, для чего я добивался этого. Одно только помню, что не изъ празднаго любопытства. Но у кого я ни спрашивалъ, я никакъ не могъ добиться удовлетворительнаго для меня отвѣта. Жжетъ, какъ огнемъ палитъ,—вотъ все, что я могъ узнать, и это былъ единственный у всѣхъ отвѣтъ. „Больно очень, говорилъ Достоевскому одинъ интеллигентный арестантъ, а ощущеніе — жжетъ, какъ огнемъ; какъ будто жарится спина на самомъ сильномъ огнѣ". „Однимъ словомъ, говоритъ нашъ писатель, всѣ показывали въ одно слово". Теперь, послѣ разсказа Токаржевскаго оказывается, что на интересовавшій нашего писателя вопросъ можетъ быть еще одинъ, совершенно непредвидѣнный отвѣтъ. Оказывается, что бываютъ такія необычайныя психическія состоянія, когда никакой физической боли при 500 ударахъ палокъ вовсе не ощущается, по крайней мѣрѣ не чувствуется.

Благоговѣйная привязанность поляковъ къ родинѣ не только давала имъ силу свысока третировать своихъ товарищей по каторгѣ, но въ то же время была источникомъ особенной гордости, побуждавшей ихъ кстати и некстати афишировать, что они политическіе преступники. Въ этомъ отношеніи нельзя не вспомнить трогательнаго разсказа Достоевскаго, повторяемаго также у Токаржевскаго, о старикѣ Ж—комъ (по воспоминаніямъ Токаржевскаго, это былъ Жоховскій; разница въ разсказѣ та, что у Токаржевскаго Жоховскій былъ наказанъ 300 ударами палокъ, а у Достоевскаго плацъ-маіоръ приказалъ дать 100 розогъ). Это не заслуженное наказаніе постигло набожнаго старика по слѣдующему поводу: поляки были переведены въ Омскъ изъ У—горска (по Токаржевскому—изъ Устькаменногорска). Въ дорогѣ они обросли бородами и когда явились въ такомъ видѣ къ плацъ-маіору, тотъ пришелъ въ бѣшеное негодованіе и заревѣлъ:—въ какомъ они видѣ! это бродяги, разбойники!

Жоховскій, не понявъ хорошо вопроса, отвѣтилъ:

— Мы не бродяги, а политическіе преступники.

— Ка-а-акъ! Ты грубить? Грубить! заревѣлъ маіоръ. Въ кордегардію! Сто розогъ, сей же часъ, сію же минуту!

Старикъ молча перенесъ наказаніе и, войдя въ казарму съ блѣднымъ лицомъ и съ дрожавшими блѣдными губами, прошелъ къ своему мѣсту, не говоря никому ни слова, сталъ на колѣни и началъ молиться Богу. Однимъ словомъ, добавляетъ Токаржевскій, онъ велъ себя такъ, какъ „подобаетъ истинному мученику". За это арестанты прозвали его святымъ.

Жалостливое отношеніе простыхъ русскихъ людей къ каторжни-

камъ и вообще къ приговореннымъ преступникамъ не могло не обратить на себя вниманія поляковъ. „Въ глубокой Россіи и въ Сибири, пишетъ Токаржевскій, народъ относится къ каторжникамъ съ большимъ состраданіемъ и подаетъ имъ милостыню, которая принимается очень охотно. „Несчастный“ — вотъ имя, которымъ русскій народъ называетъ каторжника, и давая ему въ руку пшеничную булку, либо копѣйку, приговариваетъ:

— Прими мой даръ и пусть Христосъ спасетъ тебя, несчастный!

Эти слова казались мнѣ полными христіанской любви. Можетъ быть, это былъ бы самый лучшій общественный строй, если бы установился такой взглядъ на преступниковъ, что они люди, постигнутые несчастьемъ.

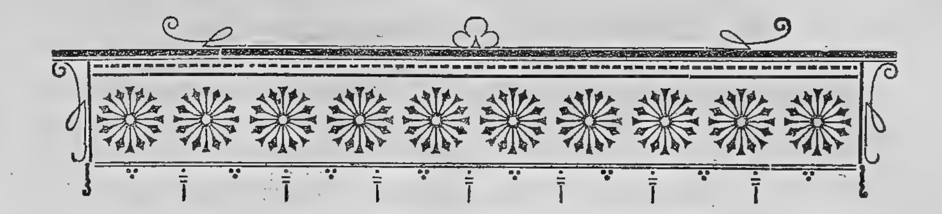
Но сколько бы разъ ко мнѣ ни приближался кто-либо съ милостыней, я издалека кричалъ:—благодарю... я вовсе не несчастный, а политическій преступникъ.

Многократно повторялъ я это въ теченіе семи лѣтъ и думаю, что въ концѣ концовъ жители Омска научились отличать разбойниковъ отъ государственныхъ преступниковъ“.

Нужно ли прибавлять что-либо къ этому разсказу? Остается развѣ для контраста вспомнить, какъ принялъ поданную милостыню Достоевскій, какое величіе духа, какую изумительную покорность судьбѣ проявилъ онъ при этомъ. Помню, разсказываетъ онъ, какъ я, въ первый разъ, получилъ денежное подаяніе. Это было скоро по прибытіи моемъ въ острогъ. Я возвращался съ утренней работы одинъ, съ конвойнымъ. Навстрѣчу мнѣ прошли мать и дочь, дѣвочка лѣтъ десяти, хорошенькая, какъ ангельчикъ. Мать была солдатка, вдова. Увидя меня, дѣвочка закраснѣлась, пошептала что-то матери; та тотчасъ же остановилась, отыскала въ узелкѣ четверть копѣйки и дала ее дѣвочкѣ. Та бросилась бѣжать за мной... — На, „несчастный“, возьми Христа ради, копѣечку! кричала она, забѣгая впередъ меня и суя мнѣ въ руку монетку. Я взялъ ея копѣечку, и дѣвочка возвратилась къ матери совершенно довольная. Эту копѣечку я долго берегъ у себя“.

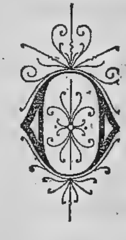
Такъ Достоевскій принялъ четверть копѣечки въ первый разъ. Значитъ, впослѣдствіи онъ принималъ милостыню не одинъ разъ. При этомъ онъ не кричалъ издалека, что онъ не „несчастный“, а политическій преступникъ.

В. Храневичъ.

Изъ дневника русской въ Турціи передъ войной 1877—1878 г.г.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Турціи существуетъ громадная литература, изъ которой всякій можетъ почерпнуть нужныя ему свѣдѣнія. Но какъ бы ни обширенъ былъ матеріалъ для изслѣдованій, всегда найдется кое-что и новое написать или добавить, что еще неизвѣстно или просто ускользнуло отъ вниманія бытописателя.

Мнѣ выпала удивительная доля прожить нѣсколько лѣтъ среди турецкаго народа, дышать съ нимъ однимъ воздухомъ и подъ однимъ небомъ, дѣлить его радости и горе и, наконецъ, полюбить турка и быть въ свою очередь страстно имъ любимой, а потому надѣюсь, всякій пойметъ, что я имѣла возможность заглянуть къ нему въ душу и понять его, быть можетъ, глубже, чѣмъ многіе, уже прославленные о немъ писатели.

Во всѣ годы моего пребыванія на турецкомъ востокѣ я имѣла похвальную привычку вести изо дня въ день подробный дневникъ происшествій, личныхъ впечатлѣній, а также записывать въ него слово въ слово разговоры и бесѣды съ нѣкоторыми замѣчательными личностями, имена которыхъ уже стали достояніемъ исторіи.

Хотя мои мемуары касаются больше бытовой стороны края, а главнымъ образомъ моихъ собственныхъ приключеній; но все-таки они не лишены связи съ тогдашнимъ политическимъ положеніемъ въ Оттоманской Имперіи.

Этимъ запискамъ не суждено было видѣть свѣта раньше моей

смерти по нѣкоторымъ соображеніямъ, въ чемъ могу отчасти сознаться читателю.

Дѣло въ томъ, что нѣкоторыя изъ дѣйствующихъ здѣсь лицъ и по сіе время, слава Богу, здравствуютъ, а имена ихъ извѣстны широкой публикѣ.

Теперь же по настоянію родныхъ и знакомыхъ я рѣшилась издать мои воспоминанія въ виду того интереса, который проявляетъ наше общество къ Турціи въ данный моментъ.

Но чтобы не нарушать извѣстнаго правила литературной этики, по которому не принято называть полностью фамиліи тѣхъ, отъ кого не имѣется на это выраженнаго желанія или согласія, то о таковыхъ будетъ здѣсь упомянуто подъ иниціалами или сокращеніями.

Зато беру на себя смѣлость называть безъ всякихъ измѣненій имена тѣхъ, которые, какъ мнѣ уже извѣстно, ровно ничего не имѣютъ противъ того, а также лицъ уже умершихъ.

Подъ первыми я разумѣю, въ числѣ многихъ, семью Кіамиль-паши, бывшаго великаго визиря, о которомъ недавно такъ много шумѣла печать во время извѣстнаго переворота.

Подъ вторыми—прежде всего Мидхатъ-пашу, иниціатора и творца первой турецкой конституціи. Этотъ знаменитый дѣятель былъ моимъ задушевнымъ другомъ и, по собственному его признанію, любилъ меня, какъ дочь.

Тогда звѣзда его только-что начинала разгораться на горизонтѣ всемірной славы, и я видѣла ее въ зенитѣ, а потомъ и закатъ ея.

У меня и по сіе время сохраняется переписка съ нимъ изъ далекаго изгнанія, куда онъ отправленъ былъ за нѣсколько дней до открытія созданнаго имъ же парламента по англійской программѣ.

Письма эти современемъ будутъ переданы историку, если понадобится, для нѣкотораго освѣщенія этой личности.

Я не обѣщаю читателю строгой послѣдовательности въ изложеніи историческаго хода событій, которыхъ я была живой свидѣтельницей, такъ какъ все записывалось частью по слухамъ тамъ, на мѣстѣ, по разговорамъ и словамъ самихъ же дѣйствующихъ лицъ, а больше по личнымъ наблюденіямъ, основаннымъ на моихъ же личныхъ впечатлѣніяхъ.

Считаю не лишнимъ предупредить, что нѣкоторые эпизоды, какъ-то: разговоръ съ дочерью Кіамиль-паши о затменіи луны и вращеніи земли вокругъ своей оси, исповѣдь у греческаго митрополита, бесѣды мои съ затворницами гаремовъ и многіе другіе могутъ быть сочтены за анекдоты; но все это истинная правда до

мельчайшихъ подробностей, что могли бы подтвердить очень многіе еще живые свидѣтели.

Какъ могла я попасть въ такую замкнутую отъ европейца среду, прожить тамъ долго, да еще при необыкновенно исключительныхъ обстоятельствахъ, которыя давали мнѣ доступъ даже въ гаремы, такъ ревниво оберегаемые турками отъ постороннихъ наблюденій, объ этомъ узнаетъ читатель изъ слѣдующихъ главъ.

Глава I.

Родной братъ моей матери Д. А. Дариво въ продолженіе болѣе 20 лѣтъ занималъ должность русскаго вице-консула въ Турецкой Имперіи, а вмѣстѣ съ тѣмъ и агента Русскаго Общества Пароходства и Торговли—оба рода занятій, часто совмѣстимыя на Востокѣ.

Тамъ онъ женился на француженкѣ изъ рода знаменитой фамиліи маркизовъ d'Antin-d'Ars.

Одинъ изъ обѣднѣвшихъ потомковъ этой знаменитой семьи, недовольный Наполеономъ I, эмигрировалъ въ Турцію, поселился навсегда въ Смирнѣ и, забывъ свой славный гербъ, занялся разными коммерческими предпріятіями, благодаря которымъ очень разбогатѣлъ. На внучкѣ его Marie и былъ женатъ мой дядя.

Въ тѣ далекія времена Турція была обѣтованной землей для каждаго, желающаго набить свой карманъ. Да это было вовсе и не трудно: лѣнивый, непредпріимчивый и къ тому же очень покладистый турокъ, какимъ онъ былъ и есть, даже не замѣчалъ, мечтая о раѣ Магомета, какъ совершалось мирное завоеваніе его страны пришлымъ элементомъ.

А пришлецы со всѣхъ концовъ земного шара, широкимъ потокомъ, разливаясь по берегамъ классическихъ морей, захватывали въ свои цѣпкія руки промышленность, торговлю, естественныя богатства страны, плодились, множились и вскорѣ стали фактическими хозяевами Оттоманскаго государства.

Такимъ-то образомъ и создалась изъ помѣси всевозможныхъ національностей оригинальная народность подъ названіемъ „франки“ или „левантинцы“. Къ тому времени, какъ я только что окончила курсъ въ С.-Петербургскомъ П—скомъ институтѣ и поселилась въ нашемъ имѣніи Орловской губер., дядя мой былъ переведенъ вице-консуломъ изъ Сиріи на островъ Хіосъ. Послѣдній составляетъ часть турецкаго архипелага и находится въ 5 морскихъ миляхъ отъ Малой Азіи напротивъ исторической Чесмы.

Монотонная деревенская жизнь и жажда новыхъ впечатлѣній натолкнули меня на мысль упросить моихъ хіосскихъ родныхъ позволить мнѣ пріѣхать къ нимъ, чтобы взглянуть на невѣдомый край.

Сперва дядя отвѣтилъ отказомъ, мотивируя его страхомъ завезти молодую дѣвушку въ такую даль и глушь, гдѣ, какъ писалъ онъ, кромѣ невѣжественныхъ плантаторовъ грековъ „въ пантофляхъ на босую ногу", а также полудикихъ турокъ „другого общества въ Хіосѣ не имѣлось".

Впослѣдствіи оказалось, на мое счастье, что онъ изъ предосторожности сгустилъ нѣсколько краски. Но такая перспектива не устрашила меня: я усилила мольбу и добилась своего.

Неожиданно мнѣ помогла сама Marie. Эта замѣчательная по своей ангельской добротѣ женщина пожалѣла мою молодость и настояла на согласіи мужа — взять меня къ нимъ навсегда въ качествѣ дочери за неимѣніемъ собственныхъ дѣтей.

Сообщая объ этомъ, дядя прислалъ вмѣстѣ съ симъ и рекомендательное письмо, которое я должна была вручить лично по пріѣздѣ въ Одессу директору Рус. Общ. Пароходства и Торговли адмиралу Чихачеву. Въ этомъ письмѣ заключалась покорнѣйшая просьба разрѣшить мнѣ нѣсколько удешевленный проѣздъ, принявъ во вниманіе дороговизну билета до Хіоса. Пріѣхавъ въ Одессу, я отправилась въ контору Общества, гдѣ была принята самимъ директоромъ.

И вотъ, по прошествіи столькихъ лѣтъ, я всегда съ чувствомъ глубокаго умиленія вспоминаю этого замѣчательнаго дѣятеля и рѣдкаго иниціатора въ дѣлѣ развитія торговыхъ сношеній Россіи съ восточными портами.

Такое сужденіе о немъ я часто слышала въ Турціи отъ коммерсантовъ и отправителей, которые восхищались введенными имъ порядками.

Ближайшимъ результатомъ такого мнѣнія иностранцевъ объ адмиралѣ Чихачевѣ было то, что всѣ отправители предпочитали грузить свои товары на наши пароходы, вслѣдствіе чего компаніи другихъ государствъ не выдерживали конкурренціи съ нашимъ обществомъ.

Итакъ, директоръ, выслушавъ меня, не только приказалъ выдать мнѣ безплатный билетъ; но узнавъ, что я ѣду одна до Константинополя, выразилъ желаніе устроить поудобнѣй мое путешествіе.

Пригласивъ сюда же въ кабинетъ инспектора общества контръ-адмирала П. А. Зеленаго, онъ поручилъ меня его любезному вни-

манію. Послѣдній не отказалъ въ своемъ содѣйствіи, такъ что когда я взошла на палубу „Владиміра“, то капитанъ его уже получилъ изъ конторы предложеніе позаботиться обо мнѣ.

Во вторникъ 20 мая—я покинула берегъ родины, отправляясь въ загадочную даль.

Глава II.

Въ четвергъ рано утромъ меня разбудили, и я вышла на палубу: мы вошли въ Босфоръ. Мечта сбылась: я взглянула, и сердце дрогнуло отъ восторга. Передо мной раскинулась картина, которая превзошла всѣ мои ожиданія. Уже поднявшееся на горизонтѣ солнце, обливая розоватымъ свѣтомъ грандіозный амфитеатръ по берегамъ двухъ материковъ, играло золотыми бликами на полумѣсяцахъ безчисленныхъ минаретовъ, искрилось по свинцовымъ куполамъ мечетей и отражалось на стѣнахъ мраморныхъ дворцовъ и кіосокъ—впечатлѣніе было прямо ошеломляющее! И чѣмъ дальше углублялись мы въ бирюзовыя воды Босфора, тѣмъ панорама становилась великолѣпнѣе. Я съ трудомъ разбиралась въ массѣ впечатлѣній, и мнѣ казалось, что это сонъ на яву и что нашъ пароходъ попалъ въ иной міръ, гдѣ все такъ необыкновенно прекрасно.

Кто не читалъ сотни разъ описаній Константинополя и не стремился къ его берегамъ, одинъ видъ которыхъ переноситъ воображеніе въ область фантазій и грезъ. Однимъ словомъ, это мечта поэта, волшебная сказка востока и, взглянувъ на него, можно забыть всѣ житейскія невзгоды и горечь жизни.

Такимъ именно казался онъ мнѣ, когда я любовалась имъ издали и горѣла нетерпѣніемъ поскорѣе заглянуть, что скрывали за собой прелестныя декораціи, на которыя никогда не наглядишься.

Наконецъ „Владиміръ“ сталъ на якорь, окруженный массой баржъ и лодокъ. Одна изъ нихъ привлекла особенное мое вниманіе: въ ней сидѣли мужчина и дама, внимательно всматриваясь въ стоящую на палубѣ публику. Навожу бинокль и узнаю моихъ родныхъ. Послѣ обмѣна родственныхъ объятій и поцѣлуевъ спускаемся по трапу въ быстрокрылый каикъ—нѣсколько взмаховъ весла, и мы у пристани.

Идемъ, по узкимъ, кривымъ, грязнымъ переулкамъ, по которымъ снуетъ пестрая толпа пѣшеходовъ.

Здѣсь впервые встрѣчаю я турецкаго солдата въ фескѣ, сѣдобородаго муллу въ огромной чалмѣ и съ жаднымъ любопытствомъ разсматриваю ихъ.

Вотъ идетъ турчанка, прикрытая ясмакомъ и закутанная въ широкое верхнее платье, которое, точно мѣшокъ, виситъ на ней. Я останавливаюсь, смотрю ей вслѣдъ; походка ея напоминаетъ утку, и мнѣ смѣшно. Вдругъ рѣзкій, дикій крикъ раздается у самаго моего уха. Въ испугѣ бросаюсь въ сторону и натыкаюсь на цѣлый караванъ перегруженныхъ осликовъ, которые не пропускаютъ насъ впередъ.

Наконецъ родные отыскиваютъ меня въ густой толпѣ и ведутъ дальше. Отъ нихъ узнаю я, что „Владиміръ" будетъ грузиться въ гавани трое сутокъ, и мнѣ, такимъ образомъ, предстояла возможность осмотрѣть достопримѣчательности столицы Турціи и сдѣлать нѣсколько визитовъ нашимъ дипломатическимъ чиновникамъ.

По проволочной желѣзной дорогѣ мы поднимаемся въ самую благоустроенную часть Константинополя, европейскую Пера.

Здѣсь движеніе нарядной публики, множество шикарныхъ магазиновъ съ большими зеркальными стеклами, кареты, фаэтоны, паланкины, всадники, всадницы на великолѣпныхъ арабскихъ коняхъ, и картины пестраго калейдоскопа одна за другой развертываются передъ вами.

Но мостовая почти такая же скверная, какъ и въ Галата, вслѣдствіе чего экипажи и пѣшеходы сбиваются въ однѣ безпорядочныя кучи.

— Однако, какъ долго тянутся переулки, когда же мы выйдемъ на улицу—такъ больно ногамъ отъ остраго булыжника,—жалуюсь я.

— Да мы все время идемъ по самымъ лучшимъ улицамъ Пера, —смѣется Марie.

— Какъ, эти узенькіе корридоры безъ тротуаровъ?

— А тамъ, гдѣ ты будешь жить, они еще уже,—объясняетъ дядя, и я начинаю чувствовать легкое разочарованіе и вспоминаю мой экстазъ передъ видомъ Константинополя съ палубы парохода.

Мы заходимъ въ великолѣпный англійскій магазинъ „дамскихъ модъ", чтобы пополнить кое-что въ моемъ туалетѣ.

Здѣсь, какъ мнѣ объяснили, одѣвались дамы самаго высшаго свѣта; но главнымъ образомъ исполнялись заказы для гаремовъ султана Абдулъ-Азиса и его наслѣдника, впослѣдствіи Мурада V.

И дѣйствительно: на манекенахъ висѣло нѣсколько платьевъ съ роскошными отдѣлками, а главная продавщица любезно объяснила мнѣ, для какой именно жены падишаха приготовленъ тотъ или другой костюмъ.

Къ удивленію моему узнаю впервые, что турчанки не только одѣваются такъ же, какъ и мы, но еще съ большимъ увлеченіемъ

слѣдятъ за модами и только, выходя на улицу, прикрываютъ, согласно закону, европейскій нарядъ широкимъ фередже—родъ бурнуса съ прорѣзанными отверстіями для рукъ, а лицо бѣлой кисеей—ясмакомъ.

Всѣ же эти шальвары, расшитыя куртки и пр., въ которыхъ рисуютъ или описываютъ ихъ въ романахъ, давно отошли въ область преданій, и только придворныя танцовщицы, баядерки, одѣваются такъ.

Этотъ самый магазинъ сыгралъ какую-то загадочную роль въ дѣлѣ сверженія съ престола Абдулъ-Азиса. Случилось такъ. Не задолго до переворота, къ хозяйкѣ сказаннаго моднаго заведенія пріѣхала на жительство изъ Лондона племянница ея, красивая, бѣлокурая миссъ. Однажды тетушка поручила ей отнести въ Чираганскій гаремъ заказанные наряды. Порученіе она исполнила, но сама уже не вернулась оттуда, а черезъ нѣсколько дней весь Константинополь узналъ, что эта англичанка сдѣлалась одной изъ главныхъ женъ наслѣдника престола. Несомнѣнно, что мнимая племянница была креатурой британской политики, и черезъ нее велись переговоры съ Мурадомъ.

Отсюда не далеко до квартиры перваго драгомана нашего посольства, г. Макѣева, задушевнаго пріятеля моего дяди, съ которымъ онъ служилъ прежде нѣсколько лѣтъ въ Салоникахъ. Туда мы отправляемся пѣшкомъ.

Самого Макѣева не застаемъ дома, и насъ принимаетъ жена его, мѣстная уроженка изъ французскихъ левантинокъ, ни слова не понимавшая по-русски, несмотря на 15 лѣтнее супружество съ нашимъ чиновникомъ.

Примѣромъ тому, какъ неудобно не знать обычаевъ чужого народа или даже правилъ общежитія и приличій, принятыхъ у мѣстныхъ жителей, можетъ послужить досадный инцидентъ со мной во время сказаннаго визита. А случилось вотъ что. По звонку хозяйки нарядая горничная внесла большой подносъ и направилась прямо ко мнѣ, несмотря на то, что изъ присутствующихъ я была моложе всѣхъ. Немного сконфуженная такой честью, показываю глазами прислугѣ, что надо нести все это дальше. Но камеристка не тронулась съ мѣста и прошептала: „de la confiture, mademoiselle“.

Замѣтивъ недоразумѣніе, дядя поспѣшно объясняетъ мнѣ по-русски, что здѣсь, на востокѣ, такъ ужъ принято: кто первый разъ въ домѣ, тому отдаютъ особенное предпочтеніе и угощаютъ прежде другихъ, не взирая ни на возрастъ, ни на общественное положеніе гостя.

Мнѣ снова предлагаютъ угощеніе. На подносѣ я увидѣла нѣсколько широкихъ бокаловъ съ водой, груду чайныхъ ложечекъ, большую хрустальную тарелку, наполненную до краевъ вареньемъ, и въ центрѣ огромный стаканъ изъ краснаго стекла, но совершенно пустой.

Посмотрѣвъ съ удивленіемъ на невиданную сервировку, я было взяла ложечку и поискала глазами блюдечко; но такового не оказалось. Тогда дѣлаю глотокъ воды и ставлю обратно бокалъ на мѣсто, но горничная не уходитъ, а хозяйка съ другого конца комнаты упрашиваетъ меня полакомиться.

— Вѣроятно такъ полагается, соображаю я:—отсутствіе блюдечекъ означаетъ, что все варенье предназначено мнѣ одной, и я обязана съѣсть его. Пораженная объемомъ столь щедрой порціи и сильно смущенная такой привилегіей восточнаго гостепріимства, я беру всю тарелку къ себѣ на колѣни и принимаюсь черезъ силу глотать душистую массу изъ розовыхъ лепестковъ.

Уже я собралась проводить въ ротъ 4-ую или 5-ую ложку, проклиная въ душѣ нелѣпый обычай кормить гостей такъ рано сладкимъ,—было всего 11 ч. утра,—какъ вдругъ услышала торопливый, испуганный шопотъ Marie: „поставь тарелку на мѣсто, что ты дѣлаешь?". кипятилась она вся красная отъ волненія.

Растерянная, готовая заплакать, смотрю и ничего не понимаю: г-жа Макѣева закрываетъ платкомъ ротъ, задыхаясь отъ сдавленнаго хохота, а камеристка дѣлаетъ неимовѣрныя усилія, чтобы не уронить подноса. Съ глазами полными слезъ и дрожью въ голосѣ обращаюсь къ роднымъ за разъясненіемъ причины переполоха, вызваннаго мною.

Дядя извиняется и винитъ себя за то, что не догадался раньше ознакомить меня съ церемоніей угощенія визитеровъ.

Но я, однако, еще не объяснила, въ чемъ состояла моя ошибка, такъ насмѣшившая хозяйку дома.

Надо было сдѣлать такъ: взять немного варенья, положить въ ротъ и запить его глоткомъ воды, а ложечку немедленно опустить въ большой стаканъ, который для этого подается.

Послѣ этого несутъ дальше, и всѣ поочереди продѣлываютъ то же самое. Такимъ образомъ по мѣстному этикету каждому изъ присутствующихъ полагается съѣсть всего-то одну маленькую ложку варенья, а не всю тарелку, какъ я вообразила.

Этотъ странный для насъ обычай угощать съ утра водой съ чѣмъ-нибудь сладкимъ имѣетъ на востокѣ свое разумное основаніе: днемъ всегда очень жарко, а потому прежде всего предлагаютъ гостю утолить жажду.

Конечно г-жа Макѣева въ правѣ была смѣяться, такъ какъ дѣйствительно я была комична. Но мнѣ, несмотря на все смущеніе, страннымъ показалось, что жена русскаго не знала о нашихъ порядкахъ гостепріимства.

Много пишется и говорится справедливаго о томъ, что русскіе отличаются отъ всѣхъ другихъ народностей отсутствіемъ національнаго самолюбія и старательно проявляютъ это „похвальное" качество за границей. Но я хочу сказать еще нѣсколько словъ о тѣхъ нашихъ соотечественникахъ, которые живутъ долго на чужбинѣ и обзавелись тамъ семьей. Съ такими мнѣ приходилось часто сталкиваться.

Эти господа, вмѣсто того, чтобы познакомить женъ своихъ съ роднымъ языкомъ или хотя бы съ нѣкоторыми нашими обычаями, сами первые въ угоду имъ, принимаютъ чужеземный обликъ и упорно избѣгаютъ всего, что напоминаетъ русскій складъ жизни. А какъ зло тѣ же иностранцы смѣются надъ такой несимпатичной чертой.

Чтобы закончить главу, разскажу еще одинъ инцидентъ со мной въ доказательство вышеупомянутаго. Отъ Макѣевыхъ мы отправились на званый вечеръ къ барону Ш..., тоже одному изъ нашихъ представителей по дипломатическому корпусу. Самъ баронъ родился и выросъ въ Россіи; но женился въ Константинополѣ на левантинкѣ и, конечно, послѣдняя не понимала ни одного слова по-русски, хотя въ то же время оба сына ея воспитывались въ Московскомъ кадетскомъ корпусѣ. Послѣ ужина, за которымъ присутствовало нѣсколько французскихъ attachés, подхожу къ баронессѣ и благодарю.

— Mademoiselle désire quelque chose? — предупредительно спрашиваетъ она меня.

Теряюсь отъ неожиданности; но выручаетъ баронъ: смѣясь, онъ объясняетъ женѣ, что у насъ въ Россіи принято благодарить хозяевъ за „хлѣбъ-соль". Послѣднее вызываетъ смѣхъ и каламбуры: „только за хлѣбъ и соль, а за жаркое и пирожное?" острить молодежь.

Оказалось, что за границей въ высшемъ обществѣ даже не имѣютъ понятія о нашемъ исконномъ обычаѣ.

Но въ заключеніе еще одинъ курьезъ въ томъ же родѣ.

На этомъ вечерѣ меня познакомили съ русской дамой, проѣздомъ въ Египетъ заѣхавшей погостить въ Константинополѣ.

Дама эта, какъ объяснили мнѣ, была фанатичной патріоткой и очень любила при встрѣчахъ съ соотечественниками бесѣдовать съ ними на родномъ языкѣ.

*

Она оказалась женой одного изъ нашихъ извѣстныхъ аристократовъ г. П—ова.

Произношеніе у нея было совершенно правильное и вѣрный акцентъ; но за долголѣтнее пребываніе за границей она привыкла думать и размышлять только по-французски, а вслѣдствіе этого невольно усвоила манеру переводить дословно всѣ оригинальныя особенности этого языка со всѣми его мудреными галлицизмами на русскую рѣчь, облекая свои мысли въ такую смѣшную форму, что со стороны казалось, будто она говоритъ ужаснѣйшій вздоръ.

Г-жа П—ова стремительно завладѣла мной, и мы принялись бесѣдовать къ ея полнѣйшему удовольствію по-русски.

„Я сейчасъ была вся изъ себя [1])—такъ начала она, наклоняясь къ моему уху и оглядываясь по сторонамъ, чтобы не быть услышанной,—и горчица полѣзла мнѣ въ носъ [2]), когда вы благодарили за хлѣбъ съ солью, а эти джентльмены столько много смѣялись про нашу бѣдную патрію. У меня сердце всегда на губахъ [3]), какъ говоритъ наша русская поговорка, и я люблю быть безъ фасона съ моими компатріотами; приходите завтра ко мнѣ въ отель, мы положимъ себя на кушетку и будемъ разговаривать объ нашихъ національныхъ афферахъ [4]). Вы сейчасъ на курантахъ [5]) всѣхъ нувеллій про нашу милую Россію, которую я сохраняю всегда на фонѣ моего сердца [6]).

Я поблагодарила; но постаралась уклониться отъ приглашенія, объяснивъ ей, что завтра пятница, и мнѣ хотѣлось бы посмотрѣть на выѣздъ султана въ мечеть.

— Ну, и прекрасно,—подтвердила она,—днемъ я буду гулять себя въ Бѣлградскомъ паркѣ, а когда солнце ляжетъ, ѣду къ себѣ, беру мою ванну, кладу себя на диванъ и жду васъ къ себѣ на чашку чая между собакой и волкомъ? [7])—согласны?

— Хорошо, нерѣшительно отвѣтила я,—если позволятъ родные, то съ удовольствіемъ.

— О, конечно! Сейчасъ буду просить ихъ сдѣлать мнѣ эту большую грацію: я такъ давно живу здѣсь безъ фамиліи [8]) и очень ску-

---

[1]) être hors de soi—выйти изъ себя.
[2]) la montarde monte au nez de quel qu' un—сердиться.
[3]) avoir le coeur sur les lèvres—быть чистосердечнымъ.
[4]) les affaires—дѣла.
[5]) être au courant—быть освѣдомленнымъ.
[6]) au fond du coeur—въ глубинѣ сердца.
[7]) Entre chien et loup—сумерки.
[8]) La famille—семья.

чаю. Имѣйте же обязательство не забывать того, что обѣщали— au revoir!

Глава III.

На другой день мы собрались полюбоваться церемоніей проѣзда султана на Селямликъ. По пути стояли шпалерами турецкія войска, за линіей которыхъ толпился народъ. Вдругъ раздалось на караулъ и ружья звякнули. Полиція вѣжливо попросила дамъ закрыть зонтики. Я стояла въ первомъ ряду съ посольскими чиновниками на площадкѣ мечети, и мнѣ прекрасно все было видно.

Показался на бѣломъ, какъ снѣгъ, арабскомъ конѣ, покрытомъ золотымъ чепракомъ, самъ повелитель правовѣрныхъ, калифъ Ислама, тѣнь Аллаха на землѣ, султанъ Абдулъ-Азисъ.

„Падишахымъ чохъ яша!“ понеслось къ нему навстрѣчу протяжнымъ гуломъ, и ослѣпительно сверкнули штыки.

Не отдавая чести даже войскамъ, онъ подвигался тихимъ шагомъ, окруженный пышной свитой, къ мечети „Султана Махмуда“, гдѣ похоронена была его любимая жена, и гдѣ ему самому, годъ спустя, суждено было успокоиться на вѣки.

Султанъ грузно слѣзъ съ лошади и задумчиво окинулъ взглядомъ толпу. Среди блеска мундировъ, окружающихъ его, Абдулъ-Азисъ выдѣлялся простотой своего вида: въ черномъ суконномъ стамбулинѣ, съ единственной звѣздой Меджидіе на груди, въ красномъ тарбушѣ съ черною кистью, онъ производилъ впечатлѣніе уже одряхлѣвшаго и сильно помятаго жизнью старца.

Когда окончилось моленіе, падишахъ вышелъ изъ мечети, пересѣлъ въ карету и уѣхалъ другой дорогой къ себѣ въ Дольма-Бахче.

Забили въ барабаны, и полки приготовились къ церемоніальному маршу.

Послышались, къ моему удивленію, звуки мотивовъ изъ оперетки „Мадамъ Анго“, и стройные ряды рослыхъ солдатъ въ красныхъ фескахъ и синихъ зуавкахъ широкимъ вольнымъ шагомъ двинулись мимо насъ. За ними шла гвардія султана въ голубыхъ курткахъ, расшитыхъ золотомъ съ большими откидными рукавами и въ страусовыхъ перьяхъ на тарбушахъ. Албанцы въ бѣлыхъ накрахмаленныхъ фустанеллахъ и арнауты въ живописныхъ костюмахъ замыкали шествіе.

На площадку вышла свита, и начался разъѣздъ.

Третій день моего пребыванія въ древней Византіи былъ посвященъ обозрѣнію самой интересной его части—Стамбула, гдѣ со-

средоточены главнѣйшіе памятники, какъ христіанскаго, такъ и мусульманскаго міра: Ая-Софія, Сераль, фонтанъ Ахмеда и др.; но такъ какъ все это давно описано болѣе искуснымъ перомъ, чѣмъ мое, то, чтобы не повторяться, перехожу на личныя приключенія.

А для того, чтобы покончить въ этой главѣ съ Константинополемъ, въ который мнѣ не разъ придется возвращаться и говорить о немъ, я попробую въ нѣсколькихъ словахъ резюмировать то ошеломляющее впечатлѣніе, которое онъ произвелъ на меня въ первые дни знакомства съ нимъ.

Очаровательный до ослѣпленія и великолѣпный какъ феерія— вотъ какимъ кажется онъ издали. Но какъ только вы ступили на берегъ и заглянули за стѣны его дворцовъ, то волшебная прелесть панорамы тотчасъ же исчезаетъ, и васъ окружаетъ будничная обстановка грязныхъ кривыхъ закоулковъ.

Зато зрѣлище толпы Константинополя чрезвычайно оригинально и, кажется, нѣтъ въ мірѣ націи, которая не представлена была бы на улицахъ его.

Когда мы переходили мостъ Золотаго Рога, этого русла живой рѣки, катящей день и ночь по немъ свои бурныя волны, я невольно и кстати вспомнила стихъ Пушкина:

„Какая смѣсь одеждъ и лицъ,
Племенъ, нарѣчій и т. д.“.

Но я не пожалѣла, что великій поэтъ не видѣлъ красу Востока, иначе мы, русскіе, не имѣли бы его дивнаго описанія нашей первопрестольной, которая показалась бы ему голой пустыней при сравненіи со здѣшнимъ движеніемъ и пестротой красокъ.

Глава IV.

Въ 5 часовъ дня мы возвращаемся на палубу „Владиміра“ и собираемся въ дальнѣйшій путь.

Раздался протяжный гулкій свистокъ, подняли якоря, застучалъ винтъ, и пароходъ, тяжело пыхтя, тихо и плавно тронулся по теченію къ Золотому Рогу. Все задвигалось и заходило вокругъ: волшебная панорама грандіознаго амфитеатра стала постепенно уплывать и уходить за холмы свои. Еще нѣсколько поворотовъ и роскошное видѣніе тонетъ въ голубой дали. Только башни стараго Сераля и громада Ая-Софіи—долго еще смотрятъ намъ вслѣдъ.

„Владиміръ“ прибавляетъ ходу, и мы уже у Принцевыхъ острововъ. Море съ легкимъ шепотомъ ласкаетъ борта парохода; души-

стый вѣтерокъ, покинувъ долины розъ Санъ-Стефано, шалитъ и рѣзвится по верхамъ мачтъ, а реи и снасти весело вторятъ ему.

На фонѣ небосклона европейской стороны сквозь голубой паръ испареній видны мягкія очертанія горъ, по склонамъ которыхъ, утопая въ зелени, ютятся селенія и городки.

Азіатскій берегъ болѣе суровой наружности: то уходитъ съ горизонта, то вновь появляется изъ - за черты его. Но вотъ и сумракъ ночи быстро спускается на сонное море, а небо раскинулось синимъ шатромъ, украшеннымъ узорами яркихъ звѣздъ и увѣнчаннымъ острымъ серпомъ мѣсяца—пора отдохнуть, и всѣ расходятся по каютамъ.

Къ 6 часамъ утра мы въ Дарданеллахъ. Я выхожу на палубу и съ любопытствомъ смотрю на грозныя укрѣпленія. Картина внушительная. Обставленные высокими горами, оба берега пролива превращены въ земляные и каменные форты, и даже невооруженному глазу отчетливо видны ряды пушекъ на вершинахъ валовъ.

Три года спустя я плыла обратно по этому пути въ Россію за нѣсколько дней до оффиціальнаго объявленія войны, когда проливъ былъ уже минированъ торпедами, и турецкіе лоцмана осторожно вели нашъ пароходъ „Александръ II“ по узкому фарватеру, а мы, пассажиры, съ замираніемъ сердца слѣдили за лодкой впереди насъ—представьте же себѣ наше не совсѣмъ увѣренное состоянія духа. Но объ этомъ въ концѣ книги, когда будетъ описаніе возвращенія моего на родину.

Получивъ въ Дарданеллахъ пропускъ, „Владиміръ“ сталъ углубляться въ предѣлы Эгейскаго моря. Но оно встрѣтило насъ очень непривѣтливо. Волны съ глухимъ, протяжнымъ ревомъ подняли наше судно на бѣлые гребни свои и принялись съ ожесточеніемъ раскачивать его изъ стороны въ сторону. Вѣтру, какъ видно, наскучило гулять въ облакахъ, онъ сорвался съ высоты и завылъ надъ голубымъ пространствомъ. Корма высоко взлетаетъ на воздухъ и кажется, что вотъ-вотъ полетитъ въ бездну. Вокругъ все дребезжитъ, грохочетъ и двигается: лампы раскачиваются, переборки трещатъ, багажъ срывается съ полокъ и гуляетъ по каютѣ. Я лежу въ койкѣ и изо всѣхъ силъ стараюсь удержаться въ ней, и мнѣ ужь не до того, что мы плывемъ мимо древней Трои, гдѣ палъ благородный Гекторъ, сраженный быстроногимъ Ахилломъ.

А вотъ изъ-за кряжа горъ выглянула бѣлоснѣжная вершина Олимпа, резиденція Зевса — держателя громовъ. Но мысли мои заняты его сердитымъ братомъ, Посейдономъ-Колебателемъ морей, который такъ безцеремонно обращается съ нами.

Наконецъ шквалъ сталъ ослабѣвать, „Владиміръ" пошелъ болѣе ровнымъ ходомъ, и я уснула.

Глава V.

Меня позвали на палубу, чтобы полюбоваться панорамой Смирны. Въ глубинѣ залива, окруженнаго высокими горами, покрытыми богатѣйшей растительностью кедровыхъ лѣсовъ, раскинулась „Красавица Смирна", какъ ее здѣсь называютъ. На рейдѣ стояло нѣсколько военныхъ кораблей подъ разными флагами, а также масса коммерческихъ судовъ всѣхъ странъ, и мы подходили тихо и осторожно въ толчеѣ лодокъ и каиковъ.

Ступивъ на берегъ, т. е. на прекрасную, широкую набережную, облицованную гранитомъ, мы тотчасъ же были окружены большой компаніей дамъ и молодыхъ людей, друзей моихъ родныхъ, вышедшихъ встрѣтить насъ.

Всѣ съ жаднымъ любопытствомъ устремили взоры на „настоящую подлинную русскую",—зрѣлище очень рѣдкое въ Смирнѣ.

— Куда же мы идемъ?—спросила я дядю по-русски, видя, что мы удаляемся по направленію къ городу.

— Намъ придется ждать здѣсь ночного парохода,—у нашихъ знакомыхъ и между прочимъ сдѣлать визитъ консулу, отвѣтилъ онъ.

Съ набережной мы свернули въ какую-то дотого узенькую уличку, что встрѣтивъ погонщика съ осликомъ, навьюченнаго мѣшками, вся наша компанія должна была прижаться къ стѣнѣ, чтобы пропустить его.

— А вотъ и кавалькада хозяекъ съ базара везетъ дневную провизію, посмотри,—сказала мнѣ Marie,—это очень оригинально—ничего подобнаго не увидишь въ Европѣ. Дадимъ проѣхать имъ.

Сказанныя слова звучали странно для моего уха. — Значитъ, здѣсь ѣздятъ въ амазонкахъ на базаръ?—воскликнула я и раскрыла ротъ отъ изумленія: кавалькада уже дефилировала мимо насъ. Вмѣсто ожидаемыхъ изящныхъ шлейфовъ, цилиндровъ, хлыстиковъ я увидѣла презабавное зрѣлище. Дамы, по большей части пожилыя, въ обыкновенныхъ платьяхъ, модныхъ шляпахъ съ цвѣтами и перьями, неуклюже свѣсивъ обѣ ноги въ одну сторону и обнимая корзины, съ унылымъ, усталымъ видомъ разъѣзжались по своимъ квартирамъ.

Углубляясь дальше, я убѣдилась, что улицы Константинополя могутъ казаться широкими по сравненію съ таковыми въ Смирнѣ. Большая часть изъ нихъ прохладны и сыры; во многихъ мѣстахъ нависшіе съ обѣихъ сторонъ верхніе этажи строеній

сходятся вмѣстѣ и улица обращается въ крытую галлерею. Мнѣ объяснили, что во всемъ городѣ не имѣлось ни одного экипажа— его замѣняли верховыя лошади и ослы.

Итакъ мы вошли всей компаніей въ домъ друзей моихъ родныхъ, „настоящихъ англичанъ", какъ думала я. Встрѣтили насъ типичныя чада Альбіона, костлявые, зубатые, рыжіе лэди и джентельмены. Послѣдніе чрезвычайно любезно поздравили меня съ пріѣздомъ на прекрасномъ французскомъ языкѣ.

Когда усѣлись за столъ, то всѣ оживленно заговорили между собой. Но къ удивленію своему, вмѣсто языка Диккенса и Теккерея я слышала въ продолженіе всего обѣда какой-то странный говоръ, изъ котораго трудно было уловить хоть одно знакомое слово.

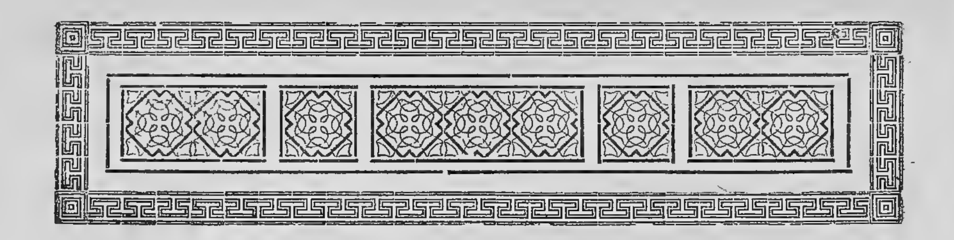
Оказалось, что иностранцы, живущіе въ Турціи, не исключая и британскихъ подданныхъ, предпочитаютъ пользоваться мѣстнымъ жаргономъ, называемымъ здѣсь „галика". Послѣдній не что иное, какъ новогреческій языкъ, обильно уснащенный словами всевозможныхъ нарѣчій.

Характерно, что настоящіе греки, уроженцы Эллады, плохо понимаютъ эту своеобразную помѣсь.

Галика окончательно завладѣлъ Турецкимъ Востокомъ: даже турки, въ сношеніяхъ съ жителями, не требуютъ отъ нихъ знанія государственнаго языка и сами охотно прибѣгаютъ къ излюбленному жаргону, на которомъ говоритъ безъ исключенія все разнокалиберное населеніе Оттоманской Имперіи и ея архипелаговъ.

Е. А. Рагозина.

На службѣ при Великомъ Князѣ Николаѣ Николаевичѣ.

(Окончаніе).

Глава VIII.

Осмотръ города. — Музей. — Дрезденская галлерея. — Фрауенкирхе.— Брюльская терраса.—Поѣздка за городъ.—Мыза Бертельсдорфъ.—Его Высочество поправился.—Владиміръ 4-й степ.—5-й Западно-Прусскій Кирасирскій полкъ. — Генералъ - лейтенантъ Раухъ. — Обѣдъ у Кирасиръ.—Берлинъ.— Императоръ.—Маневръ 3-го корпуса.—Лоенгринъ.—Національный Музей.— Тиргартенъ.—Зоологическій садъ.—Маневры.—Гвардіи и 3 корпусъ.—Обѣдъ у Императора.—Государственные конные заводы въ Градицѣ и Герлицѣ.— Въ Берлинѣ.—Поручикъ Массовъ.—Театръ.—Фатиница.—Отъѣздъ.

а слѣдующій день встали рано, чтобы осмотрѣть городъ. Начали съ дворца, полюбовались колоссальною фрескою „Шествіе Саксонскихъ Королей", зашли въ католическій соборъ—внутри пять главныхъ алтарей подъ нефомъ и въ четырехъ углахъ. Живописи мало, но которая есть— та хороша.

Напившись чаю, осмотрѣли „Грюнесъ-Гевелбе" съ его сокровищами, собранными Августомъ II.

Наконецъ Господь привелъ увидѣть Дрезденскую галлерею, съ дѣтства мнѣ знакомую по богатому собранію гравюръ, хранившихся въ библіотекѣ Главнаго Штаба и затѣмъ переданныхъ въ Императорскій Эрмитажъ. Я восхищался Мадонною Гольбейна и былъ сверхъ ожиданія пораженъ Мадонною Рафаэля.

Будучи съ ней знакомъ по гравюрамъ и фотографіямъ, я не ожидалъ, что она могла бы произвести на меня такое сильное впечатлѣніе.

Меня убѣдило, что всѣ ея воспроизведенія никуда не годятся и только способствуютъ ложному представленію о ней. Въ дѣйствительности Мадонна сверхъ-идеальное существо.

Глядя на нее—самъ воспламеняешься Божественною искрою этого произведенія, почти неземного совершенства.

По душѣ пришлась мнѣ Мадонна Корреджіо: сколько мягкости и нѣжности въ его кисти, затѣмъ я восторгался Св. Циципіею Рафаэля, голландцами и Поль Веронезомъ.

Изъ новѣйшей нѣмецкой школы, кромѣ Рихтера, Гофмана и Ахенбаха—никого не замѣтилъ; назову только одно произведеніе родившагося въ Ригѣ художника, имя котораго забылъ—это „Іоаннъ Грозный слушаетъ предсказаніе финскихъ волшебниковъ"—фигура и лицо хороши, и вся обстановка вѣрна.

Собственно говоря, за недостаткомъ времени, мы въ подробности не осматривали Дрезденской галлереи, и я только выискивалъ знакомыя мнѣ картины, чтобы увидѣть излюбленные подлинники.

Изъ церквей осмотрѣли фрауенкирхе—весьма оригинальную по своей архитектурѣ, въ видѣ цирка со множествомъ разнообразныхъ галлерей и органомъ надъ алтаремъ.

Возвращаясь къ завтраку, полюбовались видомъ съ знаменитой Брюльской террасы, затѣмъ поѣхали по окрестностямъ города, которыя живописны, но скучны, слишкомъ много песку, сосенъ и каменныхъ заборовъ.

Сначала мы поѣхали влѣво отъ моста, мимо вновь строющихся казармъ и громаднаго интендантскаго склада съ бойницами въ стѣнахъ; переѣхали черезъ оврагъ и вдоль выстроенной другой громадной казармы, по сыпучему песку, подъѣхали къ знаменитой пивоварнѣ Вальдшлесхенъ.

Казармы намъ приглядѣлись, и мы обрадовались, когда дорога стала пролегать мимо роскошныхъ, загородныхъ дачъ.

Мы остановились на время у маленькаго домика, въ которомъ жилъ и писалъ „Донъ Карлоса" Шиллеръ.

Эльбу мы переѣхали на паромѣ у Блазовица, проѣхали мимо дачъ, расположенныхъ по песчанымъ холмамъ въ сосновомъ лѣсу у Груна, свернули въ паркъ и остановились въ старомъ павильонѣ Августа II, въ которомъ помѣщается музей, составленный изъ работъ скульптора Рейхлина.

Очень хороши статуи Лютера и его сподвижниковъ.

Къ обѣду мы вернулись въ городъ, за table d' hôte сидѣло большинство англичанъ. Послѣ обѣда мы пошли въ театръ слушать „Цампу".

Великолѣпное зданіе новаго театра, отдѣланное снаружи, достраивалось внутри. Оперы давались въ временномъ деревянномъ театрѣ.

Благодушно настроенные, мы остались очень довольны исполненіемъ, кромѣ того оркестръ, хоры и теноръ были очень хороши.

Напившись чаю, мы сѣли въ поѣздъ и черезъ Гарницъ, Кольфуртъ—поѣхали въ Лаубахъ, куда прибыли въ 5 ч. утра, безъ багажа.

Его Высочество пріѣхалъ съ вечера и остановился въ имѣніи молодого красиваго поручика лейбъ драгунскаго полка гр. Страхвица, на его мызѣ Бертельсдорфъ.

До $7^1/_2$ мы успѣли слегка заснуть, потомъ явились къ Его Высочеству, а вслѣдъ за симъ и багажъ нашъ подоспѣлъ.

Великій князь, благодаря Бога, поправился, хотя былъ блѣденъ.

Его Высочество лично передалъ мнѣ крестъ Св. Владиміра 4-й степени, которымъ я былъ награжденъ на 30 августа.

Отецъ мой, будучи штабсъ-капитаномъ генеральнаго штаба, первою наградой получилъ прямо крестъ Св. Владиміра 4-й степени помимо всѣхъ очередныхъ наградъ.

Онъ разсказывалъ мнѣ, что, получивъ такую выдающуюся награду, по тому времени въ особенности, въ тотъ же день вечеромъ, сидя за столомъ, батюшка нарисовалъ Владимірскій крестъ, а матушка подошла и написала вокругъ креста: „о честолюбіе, оставь меня въ покоѣ“.

Великій князь пріѣхалъ въ Лаубахъ, чтобы посѣтить 5-й западно-Прусскій Кирасирскій его имени полкъ, по случаю исполнившагося 25 -ти лѣтія шефства.

Отъ Прусскаго двора былъ назначенъ состоять при Великомъ Князѣ генералъ-лейтенантъ Раухъ—инспекторъ ремонтовъ, давно извѣстный Его Высочеству, нѣсколько разъ побывавшій у насъ въ Россіи и всегда назначавшійся къ Великому Князю при его посѣщеніяхъ Берлина; маіоръ G. и поручикъ Массовъ, какъ ординарецъ отъ шефскаго полка.

Полкъ стоялъ развернутымъ фронтомъ въ открытомъ полѣ, недалеко отъ нашей квартиры и представился во всѣхъ отношеніяхъ отлично.

Великій Князь объѣхалъ фронтъ съ обѣихъ сторонъ; затѣмъ полкъ прошелъ передъ Его Высочествомъ церемоніальнымъ маршемъ повзводно.

Командиръ полка произвелъ весьма подвижное уставное ученіе, затѣмъ полку было произведено небольшое ученіе съ тактическою цѣлью, которое было заключено дебушированіемъ изъ дефиле двумя эшелонами, построеніемъ фронта уступами и атакою.

Послѣ церемоніальнаго марша перемѣнными аллюрами Великій Князь объѣхалъ полковую колонну, благодарилъ всѣхъ, разспрашивалъ о службѣ офицеровъ и нижнихъ чиновъ. Среди послѣднихъ, въ числѣ вахмистровъ и унтеръ-офицеровъ были участники знаменитой атаки подъ Тобичау, гдѣ полкъ взялъ 16 орудій,—и также участники Франко-Прусской войны.

Командиръ полка просилъ Его Высочество принять полковую хлѣбъ-соль въ вблизъ лежащемъ помѣщичьемъ домѣ.

При въѣздѣ Великій Князь былъ встрѣченъ семействомъ помѣщика, при чемъ старшая дочь хозяина привѣтствовала Его Высочество букетомъ цвѣтовъ.

Когда собрались офицеры, Его Высочество попросилъ представить ихъ ему поименно, разговаривалъ съ каждымъ, разспрашивалъ о службѣ, о семейномъ положеніи.

Большинство офицеровъ были сыновья окрестныхъ помѣщиковъ.

За завтракомъ командиръ полка, въ отлично сказанной рѣчи, выразилъ благодарность отъ лица всего полка за честь и радость, которую Его Высочество доставилъ своему шефскому полку посѣщеніемъ, а также благодарность за тѣ милости, которыми Великій Князь обласкалъ ѣздившую къ нему депутацію.

Его Высочество благодарилъ и сказалъ:—„Я, какъ кавалеристъ, въ душѣ любящій свое оружіе, горжусь быть шефомъ славнаго кирасирскаго полка, который въ мое шефство, въ 1866 году покрылъ себя неувядаемой славой образцовыми и побѣдоносными дѣйствіями подъ Тобичау“.

Великій Князь говорилъ по-нѣмецки.

— „Я радъ, продолжалъ Его Высочество, что Господь привелъ меня въ нашу славную полковую семью, и я лично могу выразить мою любовь, гордость и уваженіе. Пью за здоровье моего славнаго полка!“

Въ отвѣтъ раздалось восторженное „hoch“ кирасиръ своему шефу.

Я сидѣлъ между старыми пріятелями: ротмистромъ Либерманомъ и Франкенбергомъ, которые пріѣзжали въ числѣ депутаціи въ Петербургъ поздравить Его Высочество съ юбилеемъ.

Какъ полагается, выпили, простились съ хозяевами и возвратились на мызу въ Бертельсдорфъ, чтобы, переодѣвшись, поѣхать на вокзалъ.

Великій Князь простился на вокзалѣ съ офицерами своего полка, вручая каждому подписанную фотографію.

Мы отъѣхали при дружныхъ крикахъ: „ура“!

Въ Берлинъ пріѣхали въ 10 час. вечера.

На вокзалѣ насъ встрѣтилъ наслѣдный принцъ, всегда сердечно расположенный и дружившій съ Великимъ Княземъ.

У посольскаго дома, гдѣ Его Высочество остановился, былъ выстроенъ почетный караулъ. Принявъ его, Великій Князь едва успѣлъ войти въ гостиную, какъ пріѣхалъ Самъ Императоръ.

Произошла сердечная встрѣча и взаимное представленіе свиты.

Нашъ человѣкъ оставилъ чемоданы въ Лаубахѣ, и мы получили наши вещи только въ 4 часа на слѣдующій день.

4-го сентября, въ 8 ч. утра насъ повезли на корпусный маневръ 3-го корпуса.

Великій Князь все время держался съ кавалеріею. Грунтъ полей дотого рыхлый, старательно воздѣланный, что мы ѣхали, какъ по глубокому снѣгу.

Односторонній маневръ окончился церемоніальнымъ маршемъ.

Возвратясь, Великій Князь поѣхалъ дѣлать визитъ Императору въ Его дворецъ съ традиціоннымъ окномъ на „унтеръ денъ Линденъ". Дворецъ имѣетъ характеръ частнаго дома.

За обѣдомъ я сидѣлъ между графомъ Леендорфомъ и генераломъ Танненбергомъ—начальникомъ 2-ой гвардейской дивизіи.

Вечеромъ были въ оперѣ, давали „Лоенгрина". Великому Князю очень понравилась Эльза: по голосу, игрѣ и мимикѣ.

На слѣдующій день мы были свободны отъ службы, а потому вмѣстѣ съ Левицкимъ осматривали Берлинъ.

Утромъ исходили ближайшія улицы, чтобы въ общихъ чертахъ познакомиться съ городомъ.

Въ то время Берлинъ еще сохранялъ свой казарменный видъ, не отличаясь ни оригинальностью, ни изяществомъ архитектуры домовъ и казенныхъ зданій, только памятники: Фридриху II Великому, Фридриху-Вильгельму III, Національный музей и Тиргартенъ—нарушали единообразіе и доставляли удовольствіе глазу.

Въ Національномъ музеѣ знаменитыя фрески Каульбаха превзошли мои ожиданія.

Я сомнѣвался въ красотѣ ихъ колорита и былъ удивленъ въ противномъ.

Изъ старыхъ мастеровъ замѣчателенъ: „Монахъ", Мурильо, съ дѣтьми и со Спасителемъ на рукахъ.

За то собраніе картинъ новѣйшихъ художниковъ обладаетъ нѣсколькими сокровищами живописи, какъ: „Дѣтская школа" Кнауса; „Смерть Гусса"; „Тайная вечеря"; „Лютеръ"—занятый переводомъ библіи; „Проповѣдь Гусситовъ" и прочее.

Мы осмотрѣли Зоологическій садъ, которымъ берлинцы справедливо гордятся, затѣмъ обѣдали съ состоящими при насъ офицерами у Петермана.

Вечеромъ были у Кроля; намъ понравилось освѣщеніе сада, а все остальное такъ же скучно, какъ и у насъ въ загородныхъ садахъ.

6-го сентября мы поѣхали по желѣзной дорогѣ на маневръ въ Гросберенъ.

Великій Князь съ кронъ-принцемъ поѣхали слѣдить за дѣйствіями кавалеріи; у Рульсхафа произошло столкновеніе кавалеріи между гвардейскою и дивизіею 3-го корпуса. Замѣчательно, что столкновеніе

это было случайное, развѣдки никакой; хотя начальникъ 3-й дивизіи построилъ боевой порядокъ, но боевыя линіи неимовѣрно растянулись въ глубину, и онъ потерялъ возможность управлять ими, когда кавалерія гвардейскаго корпуса тоже неожиданно для себя появилась у его праваго фланга, на высотѣ 2-ой линіи.

Гвардейская дивизія стала строиться въ боевой порядокъ, а 3-я дивизія—исполнять перемѣну фронта направо, но такъ разорвалась, что на одну изъ ея батарей неожиданно бросился 1-ый эскадронъ гвардейскаго драгунскаго полка и взялъ ее безъ выстрѣла.

Наслѣдный принцъ былъ внѣ себя и, не стѣсняясь, разносилъ обоихъ начальниковъ дивизіи; тѣмъ временемъ гвардейская пѣхота вышла и отбросила лѣвый флангъ 3-го корпуса.

Императоръ подалъ сигналъ отбоя и кончилъ маневръ.

На слѣдующій день мы поѣхали на продолженіе маневра въ Гросберенъ. Сначала Его Высочество слѣдилъ за наступленіемъ гвардейской пѣхоты и атакою Гросберена, а мы шли за линіею цѣпи стрѣлковъ и видѣли, какъ офицеры и унтеръ-офицеры угощали подзатыльниками и нашлепками прикладомъ своихъ людей, не стѣсняясь даже близостью Великаго Князя.

На вопросъ Его Высочества — состоявшій при немъ генералъ-адъютантъ Раухъ отвѣтилъ:

„У насъ трудно это вывести, Ваше Высочество, потому что въ составѣ нашихъ людей много фабричныхъ и городскихъ жителей, съ которыми возможно справляться только желѣзною дисциплиною, и потому мы смотримъ на это сквозь пальцы. Въ Россіи вы можете не допускать рукоприкладства, потому что у васъ главный контингентъ—сельское населеніе“.

Великій Князь пропустилъ мимо себя 1-ый гвардейскій полкъ съ отличнѣйшимъ составомъ людей. Мы присутствовали при атакѣ желѣзнодорожной станціи, при отступленіи 3-го корпуса и атакѣ гвардейскихъ кирасиръ.

Когда всѣ части сошлись, Императоръ подалъ отбой, и мы семь верстъ ѣхали рысью къ желѣзнодорожной станціи и только что поспѣли передъ пріѣздомъ Императора.

Возвратясь въ Берлинъ, обѣдали у Императора. Послѣ обѣда Императоръ подходилъ къ намъ и съ своею обычной любезностью говорилъ о маневрѣ.

8-го сентября былъ послѣдній день маневра, который сразу начался боемъ и продолжался на нѣсколькихъ позиціяхъ до 12 часовъ.

Послѣ отбоя и критики—Императоръ подъѣхалъ и простился съ нами, за нимъ—наслѣдный принцъ.

Возвратясь въ Берлинъ, мы отправились еще разъ смотрѣть

выставку, обѣдали съ нашими офицерами, вечеромъ были въ театрѣ, отъ души хохотали надъ нѣмецкою поссе, потомъ ужинали.

Забылъ сказать, что въ этотъ день я получилъ орденъ Краснаго Орла на шею 2 класса.

На слѣдующій день Его Высочество поѣхалъ съ нами осматривать Государственный конный заводъ въ Градицѣ, куда мы прибыли черезъ $2^1/_2$ часа по ж. д.

Заводъ старинной постройки въ видѣ квадрата, составленнаго изъ трехъ-этажнаго, съ высокою черепичною крышею, дома по фасаду и конюшнями по фасамъ. Въ конюшняхъ—денники и большіе манежи, устланные соломой, въ которыхъ стоятъ годовички и двухлѣтки.

Въ случномъ манежѣ во всю стѣну сдѣлана надпись: „Blut ist der Saft der Wunder Schaft“. — „Кровь есть сокъ, творящій чудеса“. Замѣчателенъ статьями — жеребецъ Форвердсъ 4-хъ лѣтъ, взявшій нѣсколько призовъ и еще ни разу не побѣжденный.

Въ первый годъ жеребятъ кормятъ досыта овсомъ и гонятъ въ ростъ. За выводного изъ Англіи жеребца заплачено 5.000 фунтовъ стерлинговъ=50.000 рублей. Матки отличаются замѣчательно широкимъ складомъ.

Осмотрѣвъ заводъ, мы пошли завтракать къ управляющему—знаменитому спортсмену Леендорфъ.

Онъ скакалъ уже 110 разъ.

Великій Князь былъ встрѣченъ его супругою и двумя очень хорошенькими дочерьми.

Мы завтракали съ ними въ громадномъ залѣ съ топившимся каминомъ.

Завтракъ былъ превосходно приготовленъ, въ особенности жареныя въ сметанѣ куропатки.

Простившись и поблагодаривъ любезныхъ хозяевъ, Его Высочество поѣхалъ въ Герлицъ черезъ старинную крѣпость Торгау.

Въ крѣпости сохранился замокъ, построенный въ 1534 г. и обращенный въ казармы.

Теперь въ Торгау стоятъ саперы и учатся на старыхъ гласисахъ и валахъ.

Въ Герлицѣ полукровный заводъ.

За недостаткомъ времени мы успѣли его осмотрѣть только на-лету.

Заводскія постройки относятся къ 1686 г.; назначеніе его—производство шорныхъ лошадей.

Стало смеркаться, а потому, налюбовавшись широкими утробистыми матками, мы должны были прекратить осмотръ и вернулись въ Берлинъ.

Его Высочество остался въ Берлинѣ, чтобы погостить у своего двоюроднаго брата фельдмаршала Фридриха-Карла, брата принцессы Анны Карловны.

Будучи совершенно свободны, мы посвятили день дальнѣйшему знакомству съ Берлиномъ. Заходили въ магазины, прицѣнялись, купили кое-что для подарковъ. Магазины мнѣ понравились больше, чѣмъ въ Вѣнѣ, какъ выборомъ, такъ и разнообразіемъ товаровъ; цѣны близки къ Петербургскимъ, въ особенности на французскія произведенія.

Завтракали въ старинномъ ресторанѣ Хабеля на Унтеръ денъ Линденъ, существующемъ болѣе столѣтія и сохранившемъ свое первоначальное устройство въ подвальномъ помѣщеніи съ прежнею обстановкою и столами. Мы потребовали устрицъ, сыру, хлѣба, масла и шампанскаго.

Все было отличнаго качества, но сервировано безъ скатертей, на подносахъ, безъ блюдъ, а на самыхъ простыхъ тарелкахъ съ ножами и вилками въ деревянной оправѣ. По стѣнамъ висѣли картины юмористическаго содержанія изъ прошлаго столѣтія.

Въ послѣдующіе мои пріѣзды въ Берлинъ я не нашелъ этого остатка старины.

Обѣдали въ какомъ-то первоклассномъ ресторанѣ со своими офицерами, изъ нихъ поручикъ Массовъ былъ типичный прусскій юнкеръ и очень насъ забавлялъ своею безцеремонностью съ статскими.

Если кто-либо входилъ въ занимаемую нами комнату и желалъ садиться, то онъ громко выражалъ запрещеніе, и къ удивленію всѣ тотчасъ же удалялись. Мы останавливали его: — „Массовъ, что вы дѣлаете? Не все ли равно, кто займетъ свободный столъ!“

— „Нѣтъ, извините, я не могу допустить, чтобы около такихъ дорогихъ гостей, какъ свита нашего излюбленнаго шефа, осмѣлились садиться всякіе проходимцы“.

— „Какіе же это проходимцы“, замѣтилъ Левицкій.

— „Это статскіе и потому недостойны чести сидѣть при васъ“.

Само собою разумѣется, онъ школьничалъ, но тѣмъ не менѣе, пока мы обѣдали, сосѣдній столъ оставался незанятымъ. Вечеромъ мы пошли въ театръ, слушали оперетку „Фатиница“, смѣялись надъ карикатурнымъ изображеніемъ русскаго генерала съ традиціонной нагайкой.

Должно быть память къ этой панацеѣ крѣпко засѣла у нѣмцевъ со времени семилѣтней войны.

На слѣдующій день 11 сентября послѣ завтрака Его Высочество поѣхалъ кататься со мной въ Тиргартенъ, заѣхали въ Скетингъ-рингъ, гдѣ катаются на конькахъ съ колесиками, осмотрѣли музей и выставку картинъ; обѣдали въ посольствѣ.

Въ $10^3/_4$, простившись съ нашими вожаками, уѣхали въ Ловичъ на большой кавалерійскій маневръ, унося съ собой интересныя воспоминанія о радушномъ пріемѣ при нѣмецкихъ дворахъ и ближайшемъ ознакомленіи съ побѣдоносными германскими войсками, когда лица, оружіе и традиціи Франко-Германской войны еще жили въ ихъ рядахъ.

Глава IX.

Торнъ. Ловичъ.—Ярмарка. Лошади продаваемыя за границу.—Соборъ Св. Духа.—Большой кавалерійскій маневръ.—Охота въ Скерневицахъ.—Въ гостяхъ у фельдмаршала князя Барятинскаго.—Столовая. Кабинетъ. Библіотека.—Княгиня.—Симфонія къ Новому Завѣту.—Паркъ.—Маневръ 23-го сентября.—Возвращеніе въ Петербургъ.

Ночь въ вагонѣ я провелъ, умостившись на креслѣ, чемоданѣ и подушкѣ; проснулся въ Торунѣ, пили чай въ Александровѣ и въ 12 ч. были въ Ловичѣ.

Нечего сказать—дыра жидовская, въ особенности рѣзокъ переходъ отъ Лейпцига, Дрездена, Берлина; даже Мерзебургъ казался благоустроеннымъ мѣстопребываніемъ. Въ городѣ обширная площадь и несоразмѣрный съ остальными жалкими постройками—соборъ. На площади большое оживленіе—ярмарка.

Народъ въ бѣлыхъ и синихъ длиннополыхъ кафтанахъ, красныхъ шароварахъ въ сапоги и высокой съ широкими полями, неуклюжей шляпѣ. Всѣ бриты и носятъ длинные волосы по плечамъ.

Женщины въ шпенсерѣ, со шнуровкой впереди, въ красной съ синими полосками юбкѣ, съ передникомъ; на головѣ—платокъ въ видѣ тюрбана съ падающими по плечамъ волосами. На плечахъ пелеринка похожая на накинутый передникъ; на ногахъ—черныя ботинки. Среди народа половина евреевъ.

Потолкавшись на ярмаркѣ, мы пошли смотрѣть лошадей, которыхъ пригоняютъ изъ Россіи евреи-барышники и продаютъ преимущественно за границей.

Лошади эти стояли въ нарочно построенныхъ конюшняхъ и подъ навѣсами. Было около 400 головъ, въ большинствѣ упряжнаго сорта рысистыхъ полукровокъ, а также часть донскихъ степняковъ 4-хъ-лѣтокъ.

Лошади выдержаны и отлично содержаны. Затѣмъ мы поѣхали верхомъ осматривать окрестности.

Я наблюдалъ въ себѣ странное чувство: мы находились въ Польшѣ, по всему наружному, какъ бы чужая сторона, а казалось, будто находишься дома. И поля знакомы, и деревья не строятся въ ряды, и земля и все, что на ней, дорога—все казалось чѣмъ-то своимъ.

На слѣдующій день я всталъ рано и пошелъ бродить по городу и ярмаркѣ. Раньше всего направился въ соборъ Св. Духа, онъ очень старъ и въ свое время, должно быть, былъ изъ значительнѣйшихъ церквей старой Польши, потому что Ловичъ принадлежалъ примасамъ королевства гнѣздненскимъ архіепископамъ и служитъ ихъ усыпальницею.

Соборъ наполненъ мавзолеями, расположенными вдоль стѣнъ. У большинства портреты въ каменныхъ рамахъ, среди которыхъ замѣчательно изображеніе одного изъ архіепископовъ—онъ нарисованъ двулицымъ съ тремя глазами, подъ одной шапочкой и, говорятъ, въ дѣйствительности былъ таковымъ.

Живопись въ соборѣ не отличается художественными достоинствами, хотя написана въ стилѣ „Возрожденія".

Затѣмъ зашли также въ церковь недавно упраздненнаго монастыря, въ которой находится большой образъ Богоматери съ Младенцемъ Іисусомъ, византійскаго письма.

Обойдя небольшой городъ съ грязными улицами и вонючими домами,—я занялся картами маневра и обозначилъ на нихъ положеніе всѣхъ частей на 15-е число, передъ началомъ дѣйствій.

Великій Князь съ ранняго утра поѣхалъ на охоту и возвратился только къ обѣду, сдѣлавъ всего одинъ выстрѣлъ. Охота была очень неудачна, звѣрей не видѣли. 14-е сентября, еще одинъ незанятый день. Воздвиженіе Креста. У меня на селѣ праздникъ.

Утромъ имѣлъ докладъ у Его Высочества по дѣламъ инспекціи кавалеріи, затѣмъ Великій Князь поѣхалъ въ гости къ фельдмаршалу князю Александру Ивановичу Барятинскому, а я занялся письмами къ Ѳ. С. Джунковскому и затѣмъ пошелъ въ церковь.

Въ три часа обѣдали, гуляли по ярмаркѣ, катались верхомъ, пили чай и старались сократить безконечный день.

15-го сентября, хотя и началось движеніе маневрирующихъ сторонъ, но слишкомъ далеко, чтобы мы могли принять участіе въ походномъ движеніи какой-либо колонны.

Его Высочество поѣхалъ верхомъ, чтобы выбрать мѣсто для общаго маневра, вернулись и опять не знали, что дѣлать отъ скуки. Мы слишкомъ привыкли къ дѣятельности на ученьяхъ, смотрахъ, маневрахъ, парадахъ, спектакляхъ, пріемахъ, чтобы не испытывать странное чувство быть незанятыми.

Первые два дня маневра Великій Князь ѣздилъ въ разныя колонны, слѣдилъ за развѣдывательною службою, осматривалъ бивуаки, провѣрялъ по ночамъ сторожевую службу, такъ что наше колесо опять завертѣлось.

На третій день маневровъ, 18 сентября, мы переѣхали по желѣз-

ной дорогѣ въ Скерневицы, тотчасъ же сѣли верхомъ и отправились въ Дембова-Гура.

Было свѣжо, иногда моросило, когда разъяснилось,—грѣло солнышко.

Мы остановились въ кустахъ можжевельника, слѣзли съ лошадей, съѣли по двѣ сосиски и переѣхали на возвышенную часть передъ деревнею Рженяками.

Впереди насъ полукругомъ пролегала долина небольшой рѣки, противоположный склонъ которой полого спускался. Въ трехъ мѣстахъ виднѣлись деревни среди зелени садовъ съ выдающимися, какъ колокольни, высокими тополями.

Кое-гдѣ сквозили бѣлыя стѣны избъ, мельницъ и сараевъ.

Съ нашей стороны по гребню долины тянулись сосновые лѣса и перелѣски. Когда мы подъѣхали, произошла стычка между сотнею казаковъ и двумя эскадронами драгунъ.

Казаки стали отступать, тѣмъ временемъ подошла 14-я кавалерійская дивизія и, перестроившись въ боевой порядокъ, стала наступать двумя колоннами. Съ горы это движеніе было очень живописно.

Мы переѣхали черезъ рѣку Стержибону, гдѣ застали бой между двумя бригадами, чѣмъ и кончился маневръ.

Сегодня, 19 сентября, Великій Князь поѣхалъ на охоту въ Скерневицы къ фельдмаршалу въ Ловичскій дворецъ, предоставленный Его Величествомъ фельдмаршалу. Дворецъ имѣетъ видъ роскошной усадьбы.

Нѣкоторыя комнаты были вновь отдѣланы по указанію фельдмаршала. Мнѣ очень понравилась оригинальная столовая; противъ входныхъ дверей всю стѣну занимаетъ дубовый шкафъ-буфетъ съ серебряными узорчатыми рѣшетками. На другихъ стѣнахъ—гобелены и висячіе поставцы съ богатою посудой и серебромъ.

Съ правой стороны, подъ венеціанскимъ окномъ—эстрада; въ углу каминъ; вдоль противоположной стѣны—столики и шкафы съ серебромъ; коверъ и дубовая рѣзная мебель, обитая сѣрой матеріей съ матовымъ рисункомъ.

Передъ тѣмъ, чтобы сѣсть за столъ, фельдмаршалъ представилъ насъ княгинѣ и дамамъ.

Столъ и сервировка замѣчательно изящны, фельдмаршалъ необыкновенно радушный хозяинъ.

Въ числѣ блюдъ Его Высочеству очень понравился хлодникъ по-польски.

Вина превосходныя изъ собственнаго погреба.

Послѣ завтрака фельдмаршалъ повелъ показывать Великому Князю винный погребъ и кухню, помѣщающіеся въ другомъ домѣ,

соединенномъ со дворцомъ галлереею, по которой бѣгають по рельсамъ вагонетки съ блюдами и требуемымъ виномъ и передаются въ столовую по подъемной машинѣ въ большой стѣнной шкафъ-буфетъ.

Послѣ кофе мы перешли въ библіотеку. Я послѣдовалъ за барышнями въ гостиную и сталъ играть на фортепіано.

Въ 9 часовъ мы были уже въ Ловичѣ, а въ 7½ утра пріѣхали снова въ Скерневицы; сѣли верхомъ и направились въ деревню Паменты, гдѣ застали бой между 14-ю и 13-ю дивизіями въ присутствіи фельдмаршала.

13-я дивизія, наступавшая безъ глазъ, совершенно также, какъ 3-я и гвардейская прусская дивизія, была атакована 14-ю и опрокинута съ фронта и съ тыла. Очередь быть недовольнымъ была за Великимъ Княземъ, но было смягчающее обстоятельство, то, что 14-я дивизія ловко воспользовалась оплошностью противника.

Его Высочество подалъ отбой. Я отправился въ Ловичъ за вещами и послѣ обѣда къ восьми часамъ былъ уже въ Скерневицахъ.

Переодѣвшись, я пошелъ къ фельдмаршалу.

Семья его состоитъ изъ жены; адъютантовъ: полковника Кузнецова и князя Шервашидзе съ женой и сестрой Бабо Шервашидзе.

Живетъ князь съ полнымъ комфортомъ, онъ весьма хлѣбосольный и тонкій гастрономъ, говоритъ немного въ носъ, какъ въ старину сановники; большею частью по-русски и иногда—по-французски.

Княгиня говорила мнѣ, что князь любитъ сидѣть въ комнатахъ, уставленныхъ шкафами съ книгами и дѣйствительно, какъ кабинетъ, такъ и библіотека его украшены прекрасными книгами въ шкафахъ, все въ образцовомъ порядкѣ.

Въ кабинетѣ, по словамъ князя, показывавшаго Его Высочеству и намъ свою библіотеку, помѣщаются только справочныя книги по всѣмъ отраслямъ знанія.

Библіотека въ гостиной снабжена цвѣтнымъ каталогомъ.

— „Этотъ каталогъ, замѣтилъ князь, очень удобенъ, я за любой книгой посылаю своихъ безграмотныхъ казаковъ, и они моментально мнѣ ее приносятъ. „Вотъ",—продолжалъ, показывая фельдмаршалъ,—„у меня большая рѣдкость" (при этомъ онъ вынулъ изъ стола большую книгу въ роскошномъ переплетѣ)—„это псалмы Давида на малабарскомъ языкѣ, экземпляръ единственный, украденный изъ Ватиканской библіотеки".

Повидимому, князь не только-что библіофилъ, но и библіоманъ.

Княгиня чрезвычайно симпатичная женщина; въ ея темныхъ, съ глубокимъ мягкимъ взглядомъ глазахъ проглядываетъ доброта, а голосъ и улыбка обнаруживаютъ женственность и прямоту.

Она занимается составленіемъ симфоній къ Новому и Ветхому

завѣту. Симфонія къ Новому завѣту уже напечатана съ разрѣшеніемъ Св. Синода, но съ большими затрудненіями и всего въ 25-ти экземплярахъ. Княгиня подарила мнѣ одинъ изъ нихъ. Работа чрезвычайно копотливая. По печатной англійской симфоніи княгиня вырѣзала русскій текстъ и нашпиливала его въ алфавитномъ порядкѣ.

Утромъ 22-го Великій Князь поѣхалъ съ фельдмаршаломъ на охоту.

Мы съ Ростовцовымъ и дамами гуляли по парку, ловили рыбу, читали газеты и незамѣтно провели время до обѣда.

Къ пяти часамъ охотники вернулись.

За обѣдомъ князь разсказывалъ эпизоды изъ своей службы въ Кирасирскомъ Его Величества полку, вспоминалъ товарищей; онъ былъ хорошій разсказчикъ; между прочимъ, князь разсказалъ, какъ Императоръ Павелъ произвелъ въ генералъ-адъютанты епископа, портретъ котораго хранится въ Академіи Наукъ. Портретъ съ аксельбантомъ есть, но это должно быть легенда, потому что составитель историческаго очерка Имп. Гл. Кв.—Квадри оффиціальнаго подтвержденія не нашелъ.

Его Высочество былъ чрезвычайно веселъ, смѣялся, шутилъ съ дамами и игралъ съ княжной въ воланъ.

Меня заставили играть на фортепіано.

Фельдмаршалъ отличалъ меня своимъ большимъ вниманіемъ. Ему очень понравилось мое печатавшееся въ то время въ „Русскомъ Вѣстникѣ“ „Путешествіе по Востоку и Святой Землѣ въ свитѣ Его Высочества“.—„Очень поэтично“,—замѣтилъ мнѣ фельдмаршалъ,—ваше описаніе Константинополя, и мнѣ чрезвычайно нравится,—когда, зачерпнувъ рукою бирюзовую воду Босфора, вы ищете въ ней отраженіе крови и ужасовъ, которые совершались въ Византіи и гаремахъ Стамбула“.

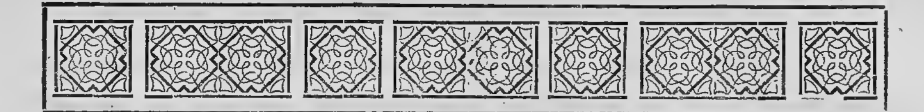
Къ 23-му сосредоточилась вся участвовавшая въ маневрѣ кавалерія.

Великій Князь произвелъ этой громадной массѣ, построенной въ одну линію полковыхъ резервныхъ колоннъ, нѣсколько движеній впередъ и назадъ и перестроеній, а затѣмъ—маневръ на двѣ стороны съ наступленіемъ и атакою спѣшенными драгунами Скерневицъ.

Въ заключеніе Его Высочество сдѣлалъ церемоніальный маршъ и пропустилъ полки передъ фельдмаршаломъ.

Послѣ благодарности и замѣчаній всѣ старшіе начальники были приглашены къ обѣду у фельдмаршала, а вечеромъ, простившись и поблагодаривъ за радушный пріемъ, мы уѣхали въ Петербургъ, унося самыя пріятныя воспоминанія объ этихъ дняхъ, проведенныхъ у фельдмаршала.

Д. А. Скалонъ.

Депутатъ отъ Россіи.

(Воспоминанія и переписка Ольги Алексѣевны Новиковой).

Часть 2-я.

1876.

ГЛАВА I.

Николай Кирѣевъ.

Чтобы сдѣлать эти письма и воспоминанія болѣе понятными читателю, необходимо указать наивозможно кратко на ходъ событій, приведшихъ къ возбужденію Восточнаго вопроса. Парижскій трактатъ, по окончаніи Крымской войны въ 1856 г., на 20 лѣтъ усыпилъ этотъ вопросъ. По этому трактату шесть великихъ европейскихъ державъ заключили торжественный договоръ между собой и съ султаномъ, что онѣ будутъ воздерживаться отъ единоличнаго вмѣшательства въ дѣла Оттоманской имперіи, и что всѣ, могущія возникнуть, дѣла будутъ обсуждаться коллективно, такъ называемымъ, Европейскимъ концертомъ. Принципъ коллективныхъ дѣйствій былъ порядочно стѣснителенъ, но былъ успѣшно примѣненъ при безпорядкахъ въ Ливанѣ въ 1860 г. и во избѣжаніе войны съ Сербіей въ 1867 г. Послѣ Крымской войны султанъ имѣлъ успѣхъ на европейскихъ биржахъ и воспользовался этимъ случаемъ, чтобъ совершить громадный національный долгъ. Западная Европа, занятая рядомъ войнъ—Франціи съ Австріей 1859 г., Германіи съ Даніей 1864 г., Пруссіи съ Австріей въ 1866 г. и Франко-Прусской въ 1870—71 гг., не имѣла желанія будить спящую сторожевую собаку, конура которой возвышалась надъ Босфоромъ. Россія была поглощена внутренними реформами и развитіемъ Средней Азіи. Но въ 1875 г. въ Европѣ насталъ миръ. Султанъ доходилъ до крайняго истощенія своихъ финансовъ. Безденежье въ Стамбулѣ означаетъ двѣ вещи: увели-

ченную строгость въ сборѣ податей и уменьшенную возможность платы войскамъ. Когда вспыхнувшее недовольство растетъ, и сдерживающая военная сила слабѣетъ, мятежъ неминуемъ. Честь поднять знамя мятежа противъ Оттоманской тиранніи принадлежитъ славянамъ-герцоговинцамъ. Началось это, какъ всегда бываетъ, случайно. За дурнымъ урожаемъ 1874 г. послѣдовало безпощадное требованіе повинностей. Голодающіе крестьяне сопротивлялись сборщикамъ. Сборщики обратились къ властямъ за военной силой, послѣ чего крестьяне бѣжали въ горы, гдѣ съ тайной поддержкой своихъ собратьевъ-черногорцевъ съ успѣхомъ отражали усилія турокъ привести ихъ въ повиновеніе. Казалось бы, что это ничтожный случай. Оспариваемая сумма была пустая, мѣстность была отдаленная и гористая. Но отъ малой искры можетъ возникнуть большой пожаръ.

Какъ только стало ясно, что турки не въ состояніи потушить возстаніе въ Герцоговинѣ, пронеслась вѣсть по всѣмъ славянскимъ народностямъ Балканскаго полуострова, что часъ избавленія ихъ отъ турецкаго ига насталъ. Въ Босніи появились банды инсургентовъ. Болѣе пылкіе умы въ Болгаріи стали мечтать о возстаніи. Сербія и Черногорія, двѣ самоуправляемыя славянскія страны на Балканахъ, вздрогнули отъ возбужденія, возникшаго отъ сочувствія и поддержаннаго честолюбіемъ. Серьезнѣе этихъ броженій на Балканахъ было пробужденіе національнаго и религіознаго энтузіазма въ русскомъ народѣ, который выразился тѣмъ, что составились панъ-славянскіе комитеты, главная квартира которыхъ была въ Москвѣ.

Къ этимъ признакамъ отнеслись съ большой тревогой всѣ заинтересованныя правительства. Въ концѣ 1875 г. нота Андраши, одобренная княземъ Бисмаркомъ и княземъ Горчаковымъ, была представлена другимъ державамъ. Эта нота требовала свободу вѣроисповѣданій, реформы въ налогахъ и управленіи, которыя должны вестись подъ надзоромъ турецко-христіанской комиссіи. Она содержала исключительно добрый совѣтъ, безъ намека на принудительныя мѣры. Нота была принята другими державами. Лордъ Дерби, министръ иностранныхъ дѣлъ при правительствѣ Дизраели, оказалъ ей поддержку. Согласно коллективному авторитету Европы она была представлена 31-го января, а 13-го февраля султанъ подписалъ согласіе на четыре изъ пяти пунктовъ ноты. Англичане, вниманіе которыхъ было занято пріобрѣтеніемъ паевъ Суезскаго канала и предложеніемъ дать королевѣ титулъ императрицы Индіи, мало обращали вниманія на то, что дѣлалось въ Константинополѣ, пока они не были грубо пробуждены изъ своего равнодушія 3-го

апрѣля объявленіемъ, что апрѣльскій купонъ Восточнаго займа не можетъ быть оплаченъ. Владѣтели обязательствъ неистовствовали. Грозныя тучи сильнѣе, чѣмъ когда-либо, нависли надъ Турецкой Имперіей. Реформы, обѣщанныя въ отвѣтъ на ноту, не были исполнены. 6-го мая французскіе и нѣмецкіе консулы были убиты въ Салоникской мечети; еще серьезнѣе было возстаніе противъ турокъ въ Болгарскихъ селеніяхъ. Началось оно 1-го мая, а 28-го мая оно было оффиціально заявлено окончательно усмиреннымъ. Пока еще не было извѣстно качество этого усмиренія, Императоръ Александръ II и кн. Горчаковъ прибыли въ Берлинъ для совѣщанія съ императоромъ Вильгельмомъ, кн. Бисмаркомъ и Андраши, что слѣдуетъ предпринять для Восточнаго вопроса. Такъ какъ принятіе на бумагѣ ноты Андраши привело только къ распространенію возстанія до Болгаріи, три Восточныя имперіи рѣшили, что слѣдуетъ сдѣлать что-нибудь къ предотвращенію общаго пожара. Результатомъ ихъ обсужденій былъ Берлинскій меморандумъ, которымъ послѣ опредѣленія минимума нужныхъ реформъ для умиротворенія Балканъ, ясно подразумѣвались дальнѣйшія мѣры, которыя нужно будетъ принять, если Порта не успѣетъ привести свои дѣла въ порядокъ. Общественное мнѣніе въ Англіи отнеслось нѣсколько подозрительно къ союзу трехъ императоровъ въ Рейхштатѣ, они обязались дѣйствовать совмѣстно въ Восточномъ вопросѣ. Лордъ Дерби пришелъ въ ужасъ при намекѣ на возможное вмѣшательство на востокѣ. Дизраели былъ въ восторгѣ изобразить друга Турціи, вслѣдствіе чего 22-го мая его правительство объявило, что оно не можетъ оказать содѣйствія въ Берлинскомъ меморандумѣ. Черезъ два дня англійскій флотъ былъ отправленъ въ Бискайскую бухту. Британское правительство не только нарушило европейскій концертъ, единственное средство, которымъ могъ быть рѣшенъ турецкій вопросъ безъ войны, но придалъ знаменательное значеніе своему поступку, приказавъ Средиземному флоту стать вблизи Константинополя. Черезъ два дня послѣ того, какъ приказъ этотъ былъ данъ адмиралу, командующему броненосцами, Абдулъ-Азисъ былъ низложенъ (30-го мая) своими министрами за отказъ содѣйствовать собственными средствами казнѣ, опустошенной расходами на военныя операціи на Балканахъ. Мурадъ 5-й былъ провозглашенъ его замѣстителемъ.

4-го іюня нашли низложеннаго монарха мертвымъ въ его темницѣ-дворцѣ. Горло у него было перерѣзано ножницами, но кѣмъ, неизвѣстно, по оффиціальнымъ свѣдѣніямъ это было самоубійство.

Первыя извѣстія о мѣрахъ, употребляемыхъ турками для усмиренія Болгаріи, достигли Англіи въ депешѣ Эдвина Перзъ (M-e Edwin

Pears) изъ Константинополя, напечатанной въ Daily News. Съ этого времени и до сентября, когда оффиціальный рапортъ г-на Беринга подтвердилъ худшіе разсказы о дикости и поголовной рѣзнѣ, извѣстія продолжали приходить, тревожа вниманіе и смущая совѣсть запада. Г-нъ Дизраели пренебрегъ всѣмъ, смѣялся надъ газетными извѣстіями и шутилъ надъ жестокостями, которымъ суждено было парализовать его политику и расчленить Оттоманскую Имперію.

Черезъ день послѣ того, какъ Дизраели выкинулъ веселую шутку о „самомъ быстромъ способѣ" рѣзни, примѣняемомъ турками, нѣкто Іосифъ Чемберленъ (Joseph Chamberlain), прежде извѣстный подъ именемъ республиканскаго мэра изъ Бирмингама, возвратился въ нижнюю палату, какъ депутатъ столицы Midland, событіе не безъ вліянія на будущую судьбу Дизраели и его турецкую политику. Еще черезъ день, іюня 29-го, князь Миланъ Сербскій и князь Черногорскій объявили войну Турціи.

Въ сербскомъ указѣ говорилось: съ возникновенія мятежа въ Босніи и Герцоговинѣ, положеніе Сербіи стало невыносимымъ. Не обращая вниманія на наше положеніе, Порта продолжала посылать войска, которыми окружили нашу страну, какъ желѣзнымъ кольцомъ. Она присылала дикія шайки баши-бузуковъ, черкесовъ, арнаутовъ и курдовъ, чтобъ разорить нашу землю. Оставаться далѣе въ бездѣйствіи было бы слабостью".

Общественное мнѣніе на западѣ Европы было, что Сербія и Черногорія были выставлены русскимъ правительствомъ, какъ маріонетки, что, какъ полагали, было внушено графомъ Игнатьевымъ, тогдашнимъ посломъ въ Константинополѣ. Въ дѣйствительности же русское правительство не желало войны и не готовилось къ ней, а генералъ Игнатьевъ былъ далекъ отъ побужденій къ войнѣ; онъ сильно возставалъ противъ поднятія Восточнаго вопроса, говоря, что это будетъ на пользу Германіи и во вредъ Россіи [1]).

---

[1]) Когда я былъ въ Петербургѣ въ 1888 г., генералъ Игнатьевъ сказалъ мнѣ, что онъ былъ противъ Восточной войны. Война, какъ онъ говорилъ покойному Императору, это народное бѣдствіе, приносящее каждому вредъ, и, по его мнѣнію, главная задача дипломатіи не допускать, чтобы международные вопросы достигали такой запутанности, которая требуетъ меча для ея разрѣшенія. Онъ, въ особенности, былъ противъ наступавшей войны между Россіей и Турціей. При первой вспышкѣ возстанія въ Герцоговинѣ, онъ писалъ князю Горчакову, что она ему, кажется, началомъ игры кн. Горчакова на Балканскомъ полуостровѣ. Главная цѣль этой игры была отбросить Австрію на востокъ съ тѣмъ, чтобы сдѣлать невозможнымъ установленіе modus vivendi между Петербургомъ и Вѣной, что допустило бы

Великіе результаты мира и войны рѣдко рѣшаются телеграммами канцелярій. Но князь Бисмаркъ былъ тонкій астрологъ, и то, что онъ предвкушалъ, сбылось именно такъ, какъ онъ предвидѣлъ.

Первое столкновеніе между сербскими и турецкими войсками произошло при Сіеницѣ близъ Ново-Базара, гдѣ сербы были побѣждены съ потерею полуторы тысячи солдатъ, 6-го іюля. 18-го того же мѣсяца турки снова одержали побѣду, при которой сербы потеряли 2.000 человѣкъ. Но одинъ изъ павшихъ въ этотъ день въ сраженіи при Зайчарѣ произвелъ своею смертью на ходъ исторіи Восточной Европы болѣе вліянія, чѣмъ вся политика канцлеровъ, депеши дипломатовъ или рѣчи государственныхъ людей. Въ этотъ день братъ Ольги Алексѣевны, Николай Кирѣевъ, первый изъ русскихъ волонтеровъ былъ убитъ во главѣ своей сербско-болгарской бригады. Повѣствованіе хода событій въ Европѣ приводитъ насъ къ исторіи этого важнаго эпизода въ Балканской драмѣ.

Когда Николай Кирѣевъ рѣшился ѣхать въ Сербію, едва-ли онъ отдавалъ себѣ отчетъ въ томъ, что пускается на отчаянное дѣло. Онъ посланъ былъ въ Бѣлградъ русско-славянскимъ комитетомъ съ походнымъ госпиталемъ и медикаментами. Если у него было намѣреніе принять участіе въ войнѣ, онъ объ этомъ не говорилъ. Вѣроятно, онъ не предполагалъ сражаться, но, прибывъ на мѣсто, онъ увидѣлъ, что возставшіе гораздо болѣе нуждаются въ хорошихъ офицерахъ, которые могли бы ими руководить, нежели въ докторахъ и лѣкарствахъ.

Николай Алексѣевичъ Кирѣевъ покинулъ гвардію въ концѣ 1875 года. Въ Бѣлградѣ онъ былъ свободный человѣкъ. Турецкія войска производили опустошенія въ сербскихъ селеніяхъ. Безъ офицеровъ сербы были овцы, шедшія на бойню. Кирѣевъ не долго ко-

---

дружелюбное разрѣшеніе Восточнаго вопроса, если бы „больной человѣкъ“ умеръ. Ему казалось, что князь Бисмаркъ разсчитывалъ на то, что какъ только прольется христіанская кровь на Востокѣ, всѣ добрые люди, другими словами, всѣ ярые православные русскіе будутъ настаивать на томъ, чтобъ выручать своихъ единовѣрцевъ, не принимая во вниманіе ни русскихъ финансовъ, ни состязанія русской арміи, ни трудности интернаціональнаго положенія. Однимъ словомъ, кровопролитіе дастъ волю одной изъ неукротимыхъ силъ Европы и броситъ ее противъ турокъ такимъ способомъ, чтобъ ослабить Россію и дать случай Австріи для захвата территоріи, которая въ дѣйствительности преградитъ путь ко всякому сближенію между Англіей и Россіей. Это выгодно для Германіи, но не выгодно для Россіи.

Стедъ.

(Правда о Россіи, стр. 281).

лебался. Не сообщивъ ни слова семьѣ, онъ сталъ волонтеромъ сербской арміи. Подъ именемъ Хаджи Гирей онъ сразу получилъ командованіе бригадой, съ которой двинулся впередъ.

Нѣсколько дней появлялись въ телеграммахъ европейскихъ газетъ сообщенія съ театра войны о таинственномъ неизвѣстномъ офицерѣ, который подъ именемъ Хаджи Гирея дѣлалъ чудеса, внушая воинственный духъ войскамъ подъ его командой. Ольга Алексѣевна, бывшая въ то время въ Маріенбадѣ, была очарована извѣстіями о дѣйствіяхъ этого романическаго таинственнаго иностранца, идущаго всегда впереди, и какъ Скобелевъ, всегда одѣтаго въ бѣломъ. Первымъ дѣломъ ея по утру было чтеніе извѣстій изъ Балканъ. Однажды въ іюнѣ она была поражена, какъ громомъ, увидавъ во всѣхъ газетахъ лаконическую, но ужасную телеграмму. „Хаджи Гирей убитъ. Это Николай Кирѣевъ“.

Она не вѣрила своимъ глазамъ. Надѣялась, что газеты часто получаютъ и передаютъ невѣрныя извѣстія, но въ теченіе того же дня телеграмма ея брата Александра подтверждала горестный фактъ, о которомъ онъ узналъ лично отъ Государя.

Потомъ была получена депеша отъ князя Милана съ оффиціальнымъ сообщеніемъ о смерти Николая Кирѣева.

„Я считаю своей священной обязанностью выразить Вамъ мое глубокое сочувствіе при извѣстіи о смерти Вашего доблестнаго и рыцарскаго брата Николая Алексѣевича, павшаго на полѣ сраженія за вѣру и правду. Я горько оплакиваю эту потерю въ единодушіи съ его семьей и друзьями. Недавно познакомившись съ нимъ, я имѣлъ сильное къ нему расположеніе. Да пошлетъ ему Всевышній вѣчный покой. Мы всѣ молимся о душѣ храбраго русскаго воина, отдавшаго свою жизнь сербамъ. Эта смерть будетъ вѣчнымъ звеномъ съ нашими сѣверными братьями. Князь Сербіи“.

Генералъ Кирѣевъ немедленно прибылъ въ Маріенбадъ, и братъ съ сестрой отправились прямо къ матери, которая жила въ маленькомъ итальянскомъ мѣстечкѣ возлѣ Лукки и ничего не знала о страшной потерѣ.

Въ слѣдующемъ письмѣ отъ 9-го августа 1876 г. изъ Villa Galducci, Lucca, Александръ Алексѣевичъ Кирѣевъ сообщилъ извѣстіе о смерти своего брата священнику, отцу Ф. Мейрикъ.

„Вы, можетъ быть, знаете изъ газетъ, что я лишился брата моего Николая, павшаго въ сраженіи при Зайчарѣ. Онъ палъ, какъ христіанинъ, какъ дворянинъ, защищающій свою вѣру и своихъ братьевъ. Какъ видите, мы, русскіе отсталые люди, и даже въ это эгоистическое время, мы сочувствуемъ Годфриду Бульонскому и королю Англіи Львиное Сердце; но я знаю, что Вамъ понятны вы-

сокія чувства, заставляющія человѣка оставить все—семью, домъ—дѣла и броситься въ мрачный водоворотъ съ тѣмъ, чтобъ служить идеѣ, вѣрованью. Мнѣ жаль тѣхъ, кто не въ состояніи этого сдѣлать".

Слѣдующія подробности о смерти Николая Кирѣева взяты изъ книги капитана Сользберри. „Два мѣсяца съ Черняевымъ", одного изъ немногихъ англичанъ, сражавшихся въ то время за свободу. Капитанъ Сользберри говоритъ:

„На разстояніи семидесяти или болѣе миль къ сѣверо-востоку отъ Делиграда, на рѣкѣ Тимокъ находится городъ Зайчаръ. На этомъ мѣстѣ, во время сербской атаки 18-го іюля, храбрый Николай Кирѣевъ встрѣтилъ славную смерть. Николай Кирѣевъ былъ благороднаго происхожденія и былъ въ юности камеръ-пажемъ Ея Величества русской Императрицы. Когда возникла сербская война, онъ былъ назначенъ однимъ изъ славянскихъ комитетовъ начальникомъ санитарнаго отряда, но душа его жаждала болѣе дѣятельной службы, чѣмъ дѣло съ докторами, и онъ принялъ командованіе бригадой, состоящей изъ пяти баталіоновъ пѣхоты и небольшого числа кавалеріи и артиллеріи. Эту бригаду онъ повелъ противъ турокъ въ тотъ день, который оказался роковымъ для него и неудачнымъ для сербовъ. Едва бригада прошла небольшое пространство, какъ Кирѣевъ былъ слегка раненъ пулей въ лѣвую руку. Онъ не обратилъ на это вниманія, но сейчасъ вторая пуля попала ему въ шею, на нее онъ тоже не обратилъ вниманія и продолжалъ идти впередъ, ободряя солдатъ слѣдовать за нимъ, когда третья пуля пробила правую его руку, что заставило его выронить саблю, но голосъ его „впередъ" все звучалъ, пока четвертая пуля не попала въ легкія, и онъ упалъ съ сѣдла. Съ огромнымъ усиліемъ задыхающимся голосомъ онъ еще вскрикнулъ: en avant, en avant! Два солдата понесли его, по его желанію впереди колонны. Но дикая погоня за его жизнью продолжалась, пятая пуля пробила на вылетъ грудь славнаго героя, перестало биться благороднѣйшее сердце. Смерть вождя привела въ безнадежное смятеніе солдатъ: они остановились на минуту, повернулись и бѣжали, но къ чести двухъ милиціонеровъ, несшихъ тѣло своего командира, они не оставили своей ноши, но пытались ее унести. Турки рѣшили этого не допустить, они осыпали градомъ пуль двухъ несчастныхъ людей, такъ храбро старавшихся исполнить дѣло милосердія. Оба пали мертвыми, и я очень жалѣю, что не знаю именъ этихъ храбрыхъ сербовъ. Они достойны стать въ ряды такихъ героевъ безсмертной славы, какъ Нельсонъ, который умеръ за Англію, за домашній очагъ и за долгъ. Турки захватили тѣло Кирѣева и послали его

въ Виддинъ, гдѣ его изувѣчили и выставили на показъ, а на просьбу друзей павшаго героя о разрѣшеніи перевезти его останки въ Россію, Османъ-паша, къ вѣчному своему позору, наотрѣзъ отказалъ".

Когда извѣстіе о геройской смерти Кирѣева распространилось по Россіи, произошло сильное возбужденіе. Къ чести офицеровъ и простыхъ людей, многіе примкнули къ знамени Черняева.

Фрудъ въ своемъ предисловіи къ Russia and England говоритъ: „тѣми, кто въ состояніи оцѣнить благородные и великодушные порывы, Кирѣевы будутъ признаны принадлежащими къ особой расѣ смертныхъ, которая составляетъ покидающую надежду человѣчества, которая быть можетъ нѣсколько страдаетъ Донъ-Кихотствомъ, но которой исторія воздастъ должное, увѣковѣчивъ память о нихъ. Исторію Николая Кирѣева, похожую на легенду о какомъ-нибудь мистическомъ римскомъ патріотѣ, или о средневѣковомъ крестоносцѣ, читатель найдетъ въ изложеніи Кинглека".

Вотъ повѣствованіе Кинглека, появившееся въ предисловіи къ шестому изданію его исторіи Крымской войны.

„Есть много сходства между исторіей 1853 г. и тѣмъ, что мы видимъ теперь. Одной изъ главныхъ причинъ, содѣйствующихъ этому повторенію, нужно считать рыцарскій духъ сѣверныхъ жителей. Русскіе—сердечный, восторженный народъ, съ нѣкоторой долей поэзіи, происходящей можетъ быть изъ воспоминаній о рабствѣ стараго времени—татарскаго ига. Schelley говоритъ:

Самые несчастные люди
Дѣлаются поэтами отъ неправды,
Они учатся у горя тому, что передаютъ въ пѣснѣ.

Имѣя въ своемъ быту мало, чему могли бы позавидовать другіе, русскіе крестьяне любятъ думать, что есть люди, гораздо болѣе обиженные судьбой, чѣмъ они, которыхъ они должны жалѣть, и которымъ нужно помогать. Любятъ думать, что рекрутъ, оторванный отъ своей семьи, идетъ освобождать своихъ собратьевъ по православію отъ магометанскихъ тирановъ и, замѣчательно склонные къ чувству братолюбія, они могутъ быть честно, безъ мѣры, пылки въ пользу идеала, требующаго ихъ сочувствія. Такой искренній взрывъ ведущаго къ ссорѣ и войнѣ между державами часто не желателенъ въ предѣлахъ правительственныхъ учрежденій, но онъ даетъ новую силу, которой политика можетъ впослѣдствіи руководить и употребить на пользу. Книга Кинглека доказываетъ, какъ въ наши торговыя времена возникла война изъ-за благороднаго, поэтическаго побужденія. Когда Сербія напала на владѣнія своего сюзерена, это такъ дѣйствовало на общественное мнѣніе Россіи, что Государь былъ тронутъ и разрѣшилъ

нѣкоторымъ своимъ подданнымъ принять участіе въ мятежѣ противъ правительства страны, съ которой онъ имѣлъ добрыя отношенія. Эта вооруженная эмиграція была вначалѣ не многочисленна, и дѣло сербовъ было въ опасности быть вскорѣ проиграннымъ, когда случай сталъ проявлять свою странную силу надъ теченіемъ обстоятельствъ.

Николай Кирѣевъ былъ дворянинъ и по природѣ энтузіастъ, привыкшій къ мысли о самопожертвованіи. При возникновеніи возмущенія кн. Милана, онъ отправился въ Сербію съ цѣлью завѣдыванія Краснымъ Крестомъ и уже началъ свою человѣколюбивую дѣятельность, какъ вдругъ онъ былъ приглашенъ генераломъ Черняевымъ принять команду надъ тѣмъ, что мы бы могли назвать бригадой около 5.000 пѣхоты, состоящей изъ волонтеровъ и милиціи, съ 5-ю пушками. Вскорѣ ему не только пришлось вести свою бригаду въ дѣйствіе, но даже предпринять съ нею атаку близъ Раковицы. Кирѣевъ прекрасно понималъ, что иррегулярное войско, ввѣренное его начальству, было далеко не того свойства, чтобы имъ командовать во время битвы, лишь глядя на поле сраженія въ подзорную трубу, и давая распоряженія адъютанту. Онъ рѣшился вести своихъ людей простымъ и первобытнымъ способомъ, самъ идя впереди ихъ. Онъ былъ высокаго роста, необыкновенно красивъ и благодаря или жарѣ или отчаянной смѣлости, онъ былъ всегда въ бѣломъ. Приближаясь съ своимъ войскомъ къ турецкимъ батареямъ, онъ былъ раненъ въ лѣвую руку, потомъ въ шею, еще выстрѣлъ, и правая его рука выронила саблю; несмотря на всѣ эти раны, онъ продолжалъ съ рѣшимостью идти впередъ, когда четвертая пуля попала въ легкія, и онъ упалъ, это не помѣшало ему съ величайшимъ усиліемъ крикнуть „впередъ", „впередъ". Пятый выстрѣлъ проникъ въ сердце героя и погасилъ его доблестный духъ. Его бригада отступила, а тѣло его, напрасно испрашиваемое г. Черняевымъ, осталось въ рукахъ турокъ.

Это голые факты, на которыхъ вскорѣ создались громадныя версіи. Быть можетъ, великолѣпный ростъ и фигура молодого офицера, видъ крови, ярко замѣтный на его бѣломъ мундирѣ, придали что-то внѣшнее, чарующее чувству тѣхъ, кто былъ свидѣтелемъ его личной храбрости. Но что бы то ни было, результатъ былъ таковъ, что разсказы о немъ, разсказы, дѣлающіеся изо дня въ день болѣе чудесными, быстро перелетали изъ города въ городъ, изъ деревни въ деревню, и менѣе чѣмъ черезъ недѣлю тлѣющій огонь русскаго пыла обратился въ опасное пламя. Въ безчисленныхъ русскихъ храмахъ, маленькихъ и большихъ, священники служили панихиды по душѣ молодого героя, выставляя на видъ славу уме-

реть за единовѣрныхъ братьевъ, и получали воинственный отвѣтъ тамъ же, въ соборѣ, или церкви, что они тоже пойдутъ туда, гдѣ былъ Кирѣевъ. Многіе изъ нихъ такъ поспѣшили привести въ дѣйствіе свои слова, что волна волонтеровъ изъ разныхъ мѣстъ Россіи наводнила Бѣлградъ. Чтобъ поддержать разгорѣвшійся энтузіазмъ, принимались соотвѣтствующія мѣры. Простыя фотографіи молодого Кирѣева скоро превратились въ большіе портреты, и сказочное переплеталось съ правдой, создалась въ скоромъ времени одна изъ тѣхъ трогательныхъ легендъ полувоинственная, полусуевѣрная, которая возвеличила своего героя въ гиганта, изображая его валящимъ гекатомбы убитыхъ турокъ [1]).

Кинглекъ".

Мина энтузіазма, на которую упала эта искра, была во многихъ отношеніяхъ та же, которую мы видѣли зажигающую воинственный духъ 1853 г., но къ энтузіазму церкви по поводу ея православныхъ братьевъ, къ жаждѣ побѣдъ сѣверной страны въ солнечныхъ странахъ, къ религіозному пылу, который не терялъ изъ виду обѣдни въ св. Софіи, быть можетъ, виднѣлись драгоцѣнные ключи къ проливамъ, прибавлялся гнѣвъ, при мысли о Болгаріи, гнѣвъ о турецкихъ звѣрствахъ, который Россія раздѣляла съ англійскимъ народомъ.

Сдѣлавъ попытку укротить увлеченіе своего народа тѣмъ, чтобы дать отпускъ желающимъ ѣхать въ Сербію волонтерами, Государь вскорѣ узналъ, что люди, которыхъ онъ допустилъ вмѣшаться въ возстаніе противъ султана, пользовались такимъ сочувствіемъ своихъ соотечественниковъ, что онъ не только не могъ отказаться отъ нихъ, но былъ поставленъ въ странное положеніе охранять ихъ, какъ собственную армію.

Я старался ясно показать, что порывъ, возбужденный въ русскомъ народѣ, былъ большею частью искренній и честный, но мы уже знаемъ, что это стремленіе, хотя выраженное вначалѣ личными добровольными подвигами, какъ только получило пораженіе, радо было обратиться за помощью къ правительству въ Петербургѣ.

Въ отвѣтъ на это воззваніе, густыя полчища собираются на границѣ турецкихъ владѣній. Въ настоящее время было бы опромет-

---

[1]) Даровитые корреспонденты нашихъ англійскихъ газетъ, находившіеся въ Сербіи, позаботились описать подвигъ и смерть Кирѣева болѣе или менѣе подробно, и ихъ свѣдѣнія совпадаютъ съ хорошо провѣренными отчетами, на которыхъ я основываю вышеприведенный разсказъ, но только изъ глубины Россіи можно было узнать о впечатлѣніи, произведенномъ тамъ. Кинглекъ.

чиво увѣрять, что каково бы ни было вначалѣ ея безкорыстіе, страна, дѣлающая такія большія напряженіи силъ, не можетъ остаться до конца безкорыстной. Молодой Кирѣевъ могъ умереть за воображаемую, едва оформленную идею, но въ лагерѣ изъ 200.000 человѣкъ и въ Кабинетѣ, собравшемъ его, были конечно болѣе реальныя цѣли".

Дань, которую Кинглекъ воздалъ въ своей книгѣ памяти молодого Кирѣева, была омрачена антирусскими чувствами.

Вотъ что пишетъ объ этомъ г-жа Новикова въ своихъ Souvenirs.

Однажды Кинглекъ навѣстилъ меня очень рано, около 10 час. утра, и сказалъ мнѣ, что онъ думалъ о моемъ братѣ и, если я согласна, былъ бы радъ упомянуть о немъ въ предисловіи къ его популярному изданію Крымской войны. Я поблагодарила его и дала ему всѣ англійскія, американскія и французскія статьи, а также оффиціальныя телеграммы, касающіяся нашего семейнаго несчастія, какія у меня были.

Дни, недѣли, мѣсяцы прошли. Приближалось время моего отъѣзда изъ Англіи, и я думала, что Кинглекъ отказался отъ мысли написать обѣщанное предисловіе. Такъ какъ онъ описывалъ войну, принадлежащую къ другой эпохѣ, я понимала, что трудно упоминать о событіяхъ, случившихся двадцать лѣтъ спустя. Я никогда не касалась этого предмета. Наканунѣ моего выѣзда въ Россію, Кинглекъ пріѣхалъ и сказалъ: я очень долго писалъ это, но Вы знаете, какой я медленный. Вотъ, однако, рукопись, и я ее долженъ сейчасъ отослать, такъ какъ издатель горько жалуется на мою неаккуратность въ обѣщанной работѣ. Я схватила предисловіе и прочла его. Все, что касалось моего брата, было исполнено доброты, воспроизведены были всѣ подробности, описанныя корреспондентами; нѣкоторые изъ нихъ слышали тутъ же о его смерти. Но то, что онъ говорилъ о Россіи, о нашей церкви, о нашемъ императорѣ, показалось мнѣ такъ несправедливо, такъ неосновательно и оскорбительно, что я была внѣ себя отъ негодованія.

„Я сидѣла у камина, Кинглекъ смотрѣлъ на свою рукопись. Я встала.—Что Вы сдѣлали, воскликнула я, можете ли Вы на минуту предположить, что я позволю, чтобъ имя моего брата появилось въ пасквилѣ на Россію? Это не что иное, какъ пасквиль, пасквиль повторяю я, и какое бы ни было послѣдствіе моего поступка, если половина этого ужаснаго предисловія не будетъ вычеркнута немедленно, я бросаю Вашу рукопись въ огонь; какъ могли Вы написать такую вещь? какъ могли Вы отвергнуть мою дружбу на всегда такимъ поступкомъ?—Милый, добрый Кинглекъ слушалъ, ни слова не

сказалъ, но подалъ мнѣ красный карандашъ.—Не сердитесь, Вы можетъ быть правы.—Я вычеркнула почти три четверти его предисловія. Такъ искалѣченное мною, оно красуется теперь въ популярномъ изданіи Крымской войны".

Однако и послѣ краснаго карандаша Ольги Алексѣевны, Лекки, прочитавъ предисловіе, замѣчаетъ: „Не думаю, чтобъ Кинглекъ питалъ къ Россіи чувства восторга".

Предисловіе заключало тѣмъ не менѣе значительное повѣствованіе о войнѣ, имѣвшее немало вліянія на умы въ то время, когда мнѣнія были измѣнчивы. Кинглекъ его написалъ, но внушала его Ольга Алексѣевна.

Самъ Кинглекъ пишетъ 31 января 1877 г. въ Петербургъ:

„Я еще не получилъ копіи моего второго тома, но посылаю Вамъ оттискъ продолженія предисловія, изъ котораго Вы увидите, что часть, приведшая Васъ въ ужасъ, уничтожена, и что въ этомъ предисловіи нѣтъ ничего, что могло бы не понравиться русскимъ; я, по крайней мѣрѣ, такъ надѣюсь. Я особенно желалъ, чтобъ въ эту минуту, когда можно надѣяться, что волненія успокаиваются, одно отеческое чувство исходило бы изъ моего скромнаго пера".

Получивъ копію предисловія, г. Лекки пишетъ 4-го января 1877 г.:

„Благодарю Васъ за предисловіе, оно ясно доказываетъ, что Кинглекъ не утратилъ своего прежняго умѣнья. Искренно Васъ поздравляю, такъ какъ это сдѣлаетъ имя Вашего брата общеизвѣстнымъ въ каждой англійской хижинѣ, и на долго будетъ жива память о немъ".

Гейвордтъ писалъ: Дань Вашему брату вполнѣ заслужена и весьма изящно воздана.

Кинглекъ писалъ отъ полноты сердца. Въ письмѣ къ Ольгѣ Алексѣевнѣ, онъ говоритъ:

24 іюля 1876 г.

„Я только-что получилъ Вашу записку, дорогой мой другъ, и хотя я вполнѣ сознаю, какъ тщетны должны быть слова при Вашемъ горѣ, я чувствую, что молчаніе даже хуже соболѣзнованія. Поэтому я не могу не пожелать, мой дорогой другъ, чтобъ по пріѣздѣ Вашемъ въ Миланъ, среди Вашей печали, Вы нашли бы эти бѣдныя безплодныя слова сочувствія отъ того, къ кому Вы были такъ добры, отъ того, кто такъ искренно Васъ цѣнитъ.

„Какая тяжелая обязанность легла на Васъ и на Вашего брата сообщить Вашей матери жестокую вѣсть. Что бы ни случилось, вѣрьте, мой дорогой другъ, въ сердечное сочувствіе.

Вашего К."

Въ августѣ онъ пишетъ опять:

„Сію минуту получилъ Ваше второе письмо, мой дорогой другъ, а отвѣтъ мой на первое Вы, вѣроятно, получите единовременно съ этимъ. Изъ перваго Вашего письма я заключаю, что едва-ли могла быть какая-нибудь надежда. Предположивъ неизбѣжность этого удара для Васъ, не лучше ли, чтобъ онъ умеръ, совершая великій подвигъ, чѣмъ отъ болѣзни? Въ самомъ дѣлѣ, получивъ Ваше первое письмо, я жаждалъ, ради Васъ, услышать, что онъ умеръ на полѣ битвы. Подумайте, подумайте, при всей Вашей горести, какъ искренно многіе изъ насъ могутъ позавидовать его судьбѣ. Я даже смѣю надѣяться, что Ваша мать, какъ бы ни была она поражена страшной вѣстью, минутами будетъ чувствовать гордость при мысли, что смерть ея возлюбленнаго сына не была вульгарной смертью на одрѣ болѣзни, какая ждетъ большинство насъ.

„Надѣюсь, что Вы получите желаемую Вами статью. Какъ я сочувствую Вамъ, обреченной сообщить Вашей матери объ этой тяжелой утратѣ. Если послѣ этого Вамъ будетъ не слишкомъ тяжело брать въ руки перо, напишите мнѣ, пожалуйста, изъ Милана и вѣрьте, дорогой, дорогой мой другъ, моей преданности.

Кинглекъ".

24 августа 1876 г.

„Случилось такъ, мой дорогой другъ, что въ то время, какъ я писалъ это письмо и уже написалъ три страницы, мнѣ принесли Ваше отъ 23-го.

„Ясно, что поведеніе и поступки Вашего дорогого брата должны были быть благородны, возвышены и самопожертвованы, и Вы имѣете полное право имъ гордиться. Объяснить, почему Вашъ братъ избралъ себѣ мѣсто впереди войска, слѣдуетъ тѣмъ, что иррегулярное войско необходимо было вести, а не только командовать имъ. Вашъ братъ поэтому сталъ храбро впереди солдатъ, чтобъ заставить ихъ слѣдовать за нимъ.

„Прилагаю письмо, опубликованное лордомъ Руссель на имя лорда Гранвиль. Какъ Вы знаете, возрастъ лорда Русселя слишкомъ преклоненъ, чтобъ допустить, что онъ имѣетъ вѣсъ, но онъ всегда обладалъ способностью возбуждать народное чувство, и Вы не можете сказать, чтобъ его программа лишена была широты и смѣлости.

Вѣрьте моей преданности

Кинглекъ".

*

Не менѣе сочувствія высказалъ сэръ Дональдъ Макензи Уалласъ, въ то время занятый провѣркой оттисковъ своей книги о Россіи, въ предисловіи къ которой онъ признаетъ: „Мою благодарность г-жѣ Новиковой, рожденной Кирѣевой, за ея помощь въ моихъ усиліяхъ достигнуть лучшихъ, живыхъ источниковъ освѣдомленности“.

Онъ писалъ: „Зная любовь Вашу къ Вашимъ братьямъ, я не могу не сочувствовать глубоко только-что понесенной Вами невозвратимой утратѣ. Я слышалъ уже печальную вѣсть прежде, чѣмъ получить сегодня утромъ Ваше письмо. Въ субботнихъ газетахъ появилась слѣдующая замѣтка, между телеграммами:

„Русскій, Николай Кирѣевъ убитъ въ сраженіи. Этотъ офицеръ, имѣвшій нѣкоторое сходство съ В. К. Владиміромъ Александровичемъ, былъ причиною слуха, что русскій Великій Князь въ Сербіи.

„Я не сомнѣвался въ томъ, что замѣтка относилась къ Николаю, но такъ какъ я не зналъ, что онъ въ Сербіи, я надѣялся на могущую произойти ошибку. Въ субботу вечеромъ первыя мои опасенія оправдались. Я поѣхалъ въ Кнебвортъ (Knebworth) провести съ Грантъ-Деффъ (Grand-Duff) дня два и встрѣтилъ тамъ Клячко, автора „Les deux chancelliers“. Онъ подтвердилъ мнѣ, что это фактъ несомнѣнный.

„Въ такихъ потеряхъ время одно можетъ исцѣлить рану; мнѣ, все же, кажется, что Васъ должна бы нѣсколько утѣшить мысль о томъ, какой благородный великодушный порывъ побудилъ его пожертвовать своею жизнью, умереть за высокую идею. Излишне говорить, какъ глубоко я сочувствую Вамъ, но слова, въ особенности писанныя, плохіе утѣшители.

„Такъ какъ Вы переносили съ геройствомъ другія несчастья, я не сомнѣваюсь въ томъ, что и это большое горе Вы перенесете съ твердостью и покорностью.

„Мнѣ многое нужно сказать Вамъ о себѣ, но не буду безпокоить Васъ своими дѣлами въ настоящее время. Могу теперь Вамъ выразить мое глубокое сочувствіе Вашей потерѣ и остаться всегда Вашъ

Д. М. Уалласъ“.

Капитанъ Сользберри писалъ Ольгѣ Алексѣевнѣ:

„Никогда человѣкъ храбрѣе Вашего брата не владѣлъ саблей.

„Д-ръ Овербекъ, знавшій Николая Алексѣевича въ Петербургѣ, писалъ о немъ въ Orthodox Catholic Review, какъ о блестящемъ образцѣ христіанскаго воина. Его геройская смерть была законный вѣнецъ геройской жизни, жизни самопожертвованія за страждущихъ.

братьевъ. Николай Кирѣевъ былъ прямодушный, ревностный православный, онъ не только вѣровалъ, но и дѣйствовалъ сообразно или соотвѣтственно. Если когда-нибудь христіанство было примѣняемо въ жизни человѣка, мы этотъ примѣръ видимъ на немъ. Никогда бѣднякъ не обращался къ нему тщетно. Послѣдніе свои рубли онъ дѣлилъ съ двумя болгарами". Въ письмѣ къ Ольгѣ Алексѣевнѣ д-ръ Овербекъ говоритъ:

„Дорогой мой другъ. Такъ какъ я не читаю англійскихъ газетъ, я совершенно случайно услышалъ о Вашей горестной потерѣ. Сердце у меня сжалось, когда я узналъ о ней и въ памяти моей предсталъ его здоровый, мужественный образъ и добрый характеръ, какимъ я его видѣлъ въ Петербургѣ. Онъ умеръ достославно, нѣтъ сомнѣнія, но къ чему всѣ утѣшенія метафизики, когда суровая дѣйствительность вѣчной разлуки Вамъ ежеминутно напоминаетъ о невозвратимой потери. Если Іисусъ плакалъ надъ другомъ своимъ Лазаремъ, то Вы имѣете полное основаніе оплакивать Вашего дорогого брата, и слезы будутъ Вамъ сладкимъ утѣшеніемъ. Примите же отъ всѣхъ насъ самыя искреннія, самыя сердечныя соболѣзнованія.

„Одобрили бы Вы, если бы я перевелъ разсказъ о Вашемъ братѣ изъ „Русскаго Міра"? Какой поразительный героизмъ. Съ искреннимъ нашимъ общимъ чувствомъ любви и сочувствія Вашъ всегда

Овербекъ".

Отецъ Мейрикъ въ письмѣ къ Ольгѣ Алексѣевнѣ о ея братѣ выразилъ общія чувства духовенства Англиканской церкви (High Church) къ восточной войнѣ.

2-е сентября 1878 г.

„Дорогая M-me Novikoff. Очень благодарю Васъ за сообщеніе о Вашемъ братѣ; оно глубоко, необыкновенно интересно. Я чувствую, какъ будто я тоже потерялъ брата, брата по вѣрѣ я дѣйствительно въ немъ лишился. Мнѣ кажется, что война христіанъ противъ турокъ самая благородная, для которой только можетъ человѣкъ поднять оружіе, и онъ умеръ благородно. Онъ видѣлъ слезы угнетенныхъ и некому было ихъ утѣшить, власть была на сторонѣ притѣснителей, и некому было ихъ защитить. Онъ сталъ ихъ защитникомъ и своею смертью онъ далъ имъ, быть можетъ, больше, чѣмъ могъ сдѣлать жизнью. Я высоко чту этихъ храбрыхъ, великодушныхъ русскихъ волонтеровъ, которые толпой отправились въ Сербію, и стыдился бы называться англичаниномъ, если бы не зналъ, какой горячій духъ негодованія пробудился въ нихъ. Никакія ненавистныя дипломатическія традиціи не въ состояніи его поту-

шить. Немногое, что я могъ сдѣлать, чтобъ возбудить этотъ духъ (о которомъ Вы спрашиваете), состоитъ въ слѣдующемъ: я написалъ, кажется, первое антитурецкое письмо въ Guardian, предлагая учредить союзъ христіанской защиты, и послалъ прошеніе въ соборъ Convocation, которое вызвало выраженіе сочувствія. Я послалъ все это Вашему брату въ Петербургъ. Прилагаю также позднѣйшее письмо въ Guardian. Завтра у меня сборъ пожертвованій въ моей церкви въ пользу нашихъ христіанскихъ братьевъ, страдающихъ въ Болгаріи и въ Сербіи, и мы созываемъ народный митингъ въ Норричѣ. Какъ увидите изъ прилагаемой записки, я написалъ также въ одну изъ ежедневныхъ газетъ. Пламенно хочется все сдѣлать, чтобъ открыть глаза честнымъ и добросердечнымъ англичанамъ, и этого мы достигнемъ. Я Вамъ говорю это только потому, что Вы спрашиваете. Это ничто въ сравненіи съ тѣмъ, что дѣлаютъ русскіе. Прося Васъ передать мое глубокое уваженіе Вашему брату

Вашъ искренно

Мейрикъ".

Большимъ утѣшеніемъ для Ольги Алексѣевны было продолжать дѣло брата, служить его идеаламъ. Но она также одержала побѣду въ другомъ вопросѣ, въ борьбѣ съ самой твердыней Британскаго джингоизма. Ей доставляло нѣкоторое удовлетвореніе такимъ путемъ мстить за смерть, причиненную ими. Это была сильная месть.

1-го ноября 1880 г. воздвигнутъ былъ памятникъ, высокій, бѣлый каменный крестъ на мѣстѣ, гдѣ палъ Николай Кирѣевъ. Онъ находится на разстояніи около 25 миль отъ турецкихъ траншей. Въ маѣ 1883 г. генералъ Кирѣевъ, въ сопровожденіи митрополита Анисима и корреспондента „Руси" Аксакова, совершилъ паломничество къ мѣсту, гдѣ погибъ его братъ. Александръ Алексѣевичъ Кирѣевъ собственноручно помогалъ копать ту могилу, въ которой предполагаемые собранные на полѣ сраженія останки его брата и его товарищей должны были покоиться. Мѣсто это противъ Троицкаго монастыря, находящагося въ пяти верстахъ отъ поля битвы при Раковицѣ. Надъ могилой, на стѣнѣ церковной паперти, высоко, помѣщенъ былъ портретъ покойнаго, въ золотой рамѣ съ надписью, сдѣланной его братомъ: Николай Кирѣевъ.

Когда русскіе посѣтители собрались покинуть монастырь, ихъ попросили присутствовать при другой церемоніи. Корреспондентъ „Руси" такъ это описываетъ:

„Генерала Кирѣева просилъ видѣть митрополитъ Анѳимъ и обратился къ нему со слѣдующими словами. Прошу Васъ немного подождать, я хочу Вамъ сказать что-то. Невдалекѣ отъ Раковицкаго

монастыря, въ пяти верстахъ разстоянія и вблизи проѣзжей дороги есть село, оно новое, такъ какъ заселилось недавно, — оно еще не имѣетъ названія, поселяне просили меня посѣтить ихъ село и окрестить его именемъ покойнаго Кирѣева. Сдѣлаемъ маленькій крюкъ, чтобъ исполнить ихъ просьбу, это немного отниметъ времени, и жители будутъ очень благодарны.

„Безыменная деревня расположена подъ самой горой Ершка-Шука, на южной ея сторонѣ Пайтшаръ, пунктъ, изъ котораго въ 1876 г. Тилюкская армія двинулась въ дѣло и откуда Николай Кирѣевъ съ своимъ отрядомъ вступилъ на турецкую землю. Съ ея вершины ясно виднѣется поле Раковицы и обнесенное оградой мѣсто, можно разсмотрѣть невооруженнымъ глазомъ то мѣсто, гдѣ палъ Кирѣевъ.

„Мысль назвать село Кирѣево не была новой.

„Мы вышли изъ экипажа и подошли къ столу, поставленному на центральной улицѣ села.

„Митрополитъ служилъ молебенъ, кропилъ всѣхъ святой водой и провозгласилъ многая лѣта селу, которое съ нынѣшняго дня назовется Кирѣево.

„По окончаніи молебна Его Преосвященство обратился съ рѣчью къ поселянамъ.

„Я радъ за Васъ, дѣти мои, такъ какъ Вы теперь свободны. Гдѣ черкесы, гдѣ турки, отъ которыхъ Вы терпѣли такое насиліе и обиду? Митрополитъ обвелъ глазами широкое пространство передъ нимъ, которое въ прежнее время бывало наполнено черкесскими грабителями. Отъ черкесскихъ и татарскихъ поселковъ нѣтъ и слѣда. Турки, паши и софты Васъ больше не будутъ тревожить... Я радуюсь за Васъ. Но не забывайте, кому Вы обязаны этой свободой. Россія Вамъ дала свободу. (Тутъ поселяне воскликнули: да здравствуетъ Россія, да здравствуетъ нашъ избавитель). А какія жертвы принесла Россія, чтобъ Васъ освободить? Вашъ долгъ передъ Россіей такъ великъ, что Болгарія не въ силахъ заплатить одной тысячной доли его за свободу, которой Вы пользуетесь. Опять восклицанія толпы: да здравствуетъ Россія. Я не о деньгахъ говорю. Подумайте, какъ много матерей и отцовъ этой великой страны оплакиваютъ потерю сыновей своихъ, подумайте о вдовахъ, лишившихся мужей, о бездомныхъ сиротахъ, оплакивающихъ своихъ отцовъ, о сестрахъ, потерявшихъ братьевъ. И здѣсь, сегодня, среди насъ, есть одинъ (здѣсь преосвященный Аноимъ обратился въ сторону генерала Кирѣева), оплакивающій брата своего, который палъ на полѣ битвы въ Вашей странѣ, за освобожденіе ея народа. Какъ

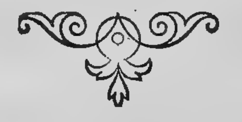
мы можемъ утѣшить неутѣшныхъ, потерявшихъ своихъ близкихъ, дорогихъ, чтобъ дать намъ свободу".

„Тѣмъ, что Вы назвали Ваше село именемъ павшаго героя Кирѣева, Вы дали доказательство его роднымъ, что мы не забываемъ, что мы не можемъ забыть тѣхъ, кто проливалъ кровь свою за наше освобожденіе. Никогда не забывайте Россію. Митрополитъ поднялъ руку, чтобы придать болѣе энтузіазма этимъ словамъ, помните Россію, которой Вы обязаны своимъ избавленіемъ, безъ Россіи мы были, какъ рыба безъ воды. Да здравствуетъ славная Россія, наша освободительница, отвѣчала толпа.

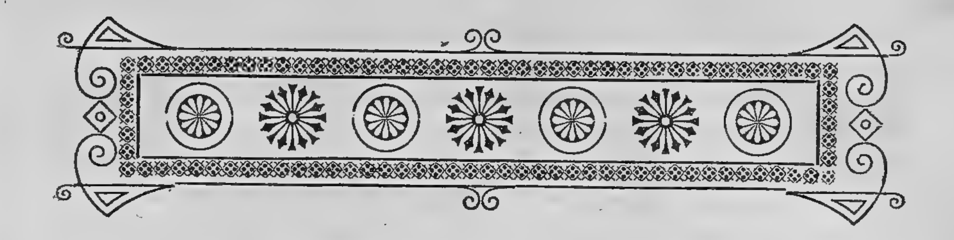
„Нѣтъ словъ, чтобы выразить впечатлѣніе, произведенное этой рѣчью на толпу. Я не стану описывать наивныя оваціи крестьянъ своему гостю, генералу Кирѣеву.

„Въ краткой исторіи села, названнаго Кирѣево, день этотъ составитъ эпоху. Изъ рода въ родъ, вѣроятно, будутъ передаваться разсказы о немъ, пока существовать будетъ село Кирѣево" [1]).

Сообщено Е. С. М.

[1]) Сербы тоже хранятъ благодарную память о Николаѣ Алексѣевичѣ Кирѣевѣ. Когда Ольга Алексѣевна съ г-мъ Міатовичемъ, бывшимъ сербскимъ министромъ, посѣтила Балканскую выставку въ Earl's Court въ 1906 г., экспонентамъ сказано было, что она сестра Кирѣева. Они осыпали ее изъявленіями благодарности.

Генералъ Моро на службѣ въ русскихъ войскахъ.

(Изъ бумагъ Ал. Н. Попова).

II[1]).

Директорія, отозвавъ Пишегрю отъ начальства надъ рейнскою арміею, подозрѣвала его; но, не имѣя достаточныхъ доказательствъ, чтобы явно обличить его въ преступныхъ дѣйствіяхъ, должна была скрывать свои подозрѣнія. Конечно, Пишегрю еще болѣе сблизился съ недовольными республиканскимъ правленіемъ и, несмотря на то, что лишился такого могущественнаго орудія для дѣйствія, какъ преданная ему армія, не оставилъ своихъ замысловъ. Онъ вышелъ въ отставку изъ военной службы, оставилъ Парижъ подъ тѣмъ предлогомъ, что ему нужно продать свое военное имущество, и отправился на свою родину въ Юру. Оттуда онъ продолжалъ тайныя сношенія, черезъ Страсбургъ, какъ съ принцемъ Конде, такъ и съ Виккамомъ, великобританскимъ посланникомъ въ Швейцаріи. Хотя его отставка и заподозрила его въ глазахъ Бурбоновъ и англійскаго министерства, однако они продолжали съ нимъ сношенія, разсчитывая на то, что онъ подготовитъ общественное мнѣніе въ пользу реставраціи прежней монархіи внутри Франціи, вмѣстѣ съ другими ихъ агентами даже въ средѣ самихъ правительственныхъ лицъ. Поводомъ къ тому, кромѣ увѣреній самого Пишегрю, послужило и то обстоятельство, что онъ былъ избранъ представителемъ отъ Юры и вошелъ въ совѣтъ *пятисотъ*.

Въ такомъ положеніи онъ, конечно, имѣлъ болѣе возможности подготовить задуманный имъ переворотъ. Что же касается до войскъ,

---

[1]) См. „Русскую Старину“ январь 1910 г.

то онъ увѣрялъ Бурбоновъ, что стоитъ только рейнской арміи потерпѣть нѣсколько неудачъ, чтобы она возмутилась противъ своего главнокомандующаго и потребовала возвращенія прежняго. Съ этою цѣлію онъ даже помогалъ врагамъ Франціи, осаждавшимъ Кель (1796 г.), доставляя имъ различныя свѣдѣнія о рейнской арміи и военныхъ соображеніяхъ ея главнокомандующаго. Но самъ онъ едва-ли полагался на этотъ разсчетъ. Онъ близко зналъ Моро и не надѣялся на его сочувствіе своимъ замысламъ и даже предостерегалъ Бурбоновъ и англичанъ отъ всякихъ сношеній съ нимъ. Не менѣе ему были извѣстны и военныя качества Моро, котораго трудно было поставить въ такое положеніе, чтобы противники могли нанесть ему значительное пораженіе, и которому вполнѣ была предана армія. Онъ разсчитывалъ создать новую военную силу въ лицѣ національной гвардіи, которую думалъ подчинить себѣ и увлечь въ свои виды. Недовольныхъ современнымъ правительствомъ Франціи было очень много, и потому исполненіе подобнаго замысла могло представляться вѣроятнымъ. Но эта вѣроятность и должна была возбудить все вниманіе Директоріи, и такъ уже подозрительно слѣдившей за дѣйствіями Пишегрю, въ то время, когда Людовикъ XVIII собственноручными письмами ввѣрилъ ему „во всей полнотѣ свою власть и свои права и вѣрилъ, что ему предоставлена честь возстановить монархію во Франціи“ [1]).

Два новыя обстоятельства не только усилили подозрѣнья Директоріи, но окончательно убѣдили ее въ замыслахъ Пишегрю.

Корпусъ принца Конде стоялъ на Рейнѣ и дѣйствовалъ заодно съ австрійцами противъ Франціи; Людовикъ XVIII странствовалъ по Европѣ, перемѣняя мѣстопребываніе, смотря по обстоятельствамъ политическимъ; герцогъ д'Артуа былъ въ Англіи, которая снабжала деньгами роялистовъ. Многочисленные эмигранты наполнили всѣ европейскіе дворы и стремились къ возстановленію монархіи; ихъ агенты были разсѣяны по всей Франціи и приготовляли общественное мнѣніе. Республиканское правительство, конечно, смотрѣло на ихъ дѣйствія, какъ на козни и заговоры противъ существовавшаго порядка, а на нихъ—какъ на государственныхъ преступниковъ. Въ началѣ 1797 года былъ открытъ такой заговоръ въ Парижѣ; виновные присуждены къ наказанію, исключая одного, который выдалъ своихъ и сообщилъ Директоріи всѣ извѣстныя ему свѣдѣнія о дѣйствіяхъ роялистовъ. Онъ говорилъ, между прочимъ, что они

---

[1]) Письма Людовика XVIII къ Пишегрю отъ 24 мая и 9 іюня н. ст. 1796 г. Alphonse de Beauchamp, vie de Moreau, Paris 1814, стр. 242—244.

распространяли свои дѣйствія на одну изъ армій республики, но не зналъ о сношеніяхъ Пишегрю. Хотя онъ не называлъ его по имени, но, конечно, это показаніе усилило въ отношеніи къ нему подозрѣнія Директоріи, подкрѣпляемыя его дѣйствіями въ обществѣ и въ совѣтѣ 500, гдѣ онъ проводилъ проектъ устройства національной гвардіи.

Нѣсколько мѣсяцевъ спустя, къ этому обстоятельству присоединилось и другое. Во время хищническаго набѣга на Венецію, положившаго конецъ существованію этой старой республики, Бонапарту попался въ плѣнъ одинъ агентъ роялистовъ, въ бумагахъ котораго была найдена весьма важная по содержанію записка. Въ ней заключался подробный разсказъ о разговорѣ этого агента (comte d'Entraignes) съ гр. Мангальяромъ, который велъ первые переговоры съ Пишегрю по порученію принца Конде. Этой записки, которую Бонапартъ поспѣшилъ доставить Директоріи, было совершенно достаточно для того, чтобы убѣдить послѣднюю въ преступныхъ дѣяніяхъ Пишегрю, но она не могла служить юридическимъ доказательствомъ къ его обвиненію законнымъ порядкомъ. Директорія не могла предать его суду въ виду той силы, съ которою дѣйствовали противъ нея оппозиціонные представители, настаивая особенно на утвержденіи закона о національной гвардіи, проводимаго усиліями Пишегрю. Судъ могъ оправдать его и тѣмъ придать еще бо́льшее значеніе его вліянію на другихъ. Поэтому Директорія рѣшилась произвести государственный переворотъ 4-го сентября 1797 года (18 fructidor an 7). Значительное число представителей было схвачено вооруженною силою, и на другой же день Пишегрю съ нѣсколькими другими былъ сосланъ въ Гвіану.

Между тѣмъ военныя дѣйствія на Рейнѣ продолжались. Изнуренная труднымъ отступленіемъ, армія Моро не могла защитить неустроенныхъ окончательно укрѣпленій Келя и мостового укрѣпленія при Гуннигѣ. Ему удалось однако же спасти часть оружія и, отразивъ нападенія сильнѣйшаго въ сравненіи съ нимъ непріятеля, переправить войска за Рейнъ. Устроивъ свою главную квартиру въ Страсбургѣ, Моро сосредоточилъ все вниманіе на приведеніи въ порядокъ и переустройствѣ рейнской арміи; но Директорія не могла оказать ему достаточнаго пособія, потому что финансы республики находились въ постоянномъ разстройствѣ. Въ этомъ отношеніи арміи рейнская и Самбры и Мёзы были поставлены въ болѣе затруднительное положеніе въ сравненіи съ италіанской. Благодаря огромнымъ контрибуціямъ и безпощадному грабежу, допущенному Бонапартомъ, который не только высказывалъ, какъ правило, что война сама должна себя содержать, но заготовлялъ деньги и для будущихъ предпріятій, зная, что правительство не въ состояніи его снаб-

дить ими,—его войска не только ни въ чемъ не нуждались, но жили роскошно, и слухъ о ихъ благоденствіи волновалъ и другія арміи. Когда Журданъ занялъ Франкфуртъ-на Майнѣ, обложилъ его незначительною контрибуціей и строго запретилъ грабежъ, войска волновались, указывали на италіанскую армію и завидовали ея положенію. Положеніе рейнской арміи было еще хуже. По ходу военныхъ дѣлъ, Моро ни съ кого не могъ взять контрибуціи, а грабежа онъ также не допускалъ.

Преодолѣвая всѣми способами недостатокъ въ содержаніи войскъ, онъ не только не имѣлъ возможности вполнѣ пополнить потерю въ людяхъ, но безпрекословно согласился удѣлить отъ своихъ войскъ 30-тысячный корпусъ, предназначенный, по соображеніямъ Директоріи о военныхъ дѣйствіяхъ, на будущій годъ для усиленія италіанской арміи. Моро не завидовалъ успѣхамъ Бонапарта и охотно имъ содѣйствовалъ для общихъ видовъ республики. Онъ служилъ имъ; но не думалъ захватить ихъ исключительно въ свои руки, руководить судьбами Франціи и съ этой цѣлью поставить себя въ такое положеніе, чтобы сдѣлаться единственнымъ человѣкомъ, который могъ бы вывести ее изъ затруднительнаго положенія, въ которомъ находилась она, угрожаемая постоянно внутренними и внѣшними врагами. Въ дѣла внутренней политики онъ совершенно не вмѣшивался и даже болѣе нежели не вмѣшивался, какъ покажутъ дальнѣйшія событія, между тѣмъ какъ Бонапартъ постоянно совѣтовалъ Директоріи громовымъ ударомъ поразить своихъ противниковъ—и особенно роялистовъ, обѣщалъ ей даже доставить денегъ для этой цѣли и прислалъ для исполненія государственнаго переворота одного изъ своихъ боевыхъ сотрудниковъ, генерала Ожеро, указывая на котораго, одинъ изъ вліятельныхъ членовъ Директоріи, Карно, говорилъ: „какой нахальный разбойникъ“. Италіанская армія, гордившаяся своимъ вождемъ и преданная ему изъ корыстныхъ видовъ, раздѣляла его политическія сочувствіе и ненависть. „Настроеніе рейнской арміи было совершенно иное“, говоритъ знаменитый біографъ Наполеона, „болѣе спокойное, хотя въ ней находилось нѣсколько офицеровъ, помѣщенныхъ генераломъ Пишегрю; вообще въ войскахъ господствовало республиканское направленіе, но не возбужденное, и она менѣе опьянялась успѣхами, нежели италіанская, и была спокойна, дисциплинирована и — бѣдна. Вообще направленіе арміи устанавливается по образцу главнокомандующаго. Направленіе рейнской арміи составилось по образцу Моро“ [1]). Онъ былъ искренно преданъ свободнымъ началамъ и какъ не сочувствовалъ тиранніи въ

---

[1]) Thiers, „Histoire de la revolution“, т. VIII стр. 10 изд. 1865 г.

бѣлыхъ перчаткахъ старой монархіи, такъ ненавидѣлъ руку, запятнанную кровью многочисленныхъ жертвъ правителей Франціи первыхъ лѣтъ республики. Едва-ли даже онъ считалъ возможными свободныя начала исключительно при республиканскомъ устройствѣ и потому не могъ ненавидѣть даже роялистовъ.

По соображеніямъ Директоріи, всѣ три арміи, Самбры и Мёзы, рейнская и италіанская должны были дѣйствовать въ одно время и своими успѣхами облегчать взаимныя дѣйствія. Но Бонапартъ, обладая всѣми средствами, могъ, когда хотѣлъ, начать военныя дѣйствія. Генералъ Гошъ (Hoche) могъ снабдить себя также нѣкоторыми средствами изъ Голландіи и областей между Мёзою и Рейномъ, которыя почитались завоеванными; но Моро былъ лишенъ почти всякихъ средствъ. Бонапартъ съ февраля мѣсяца дѣйствовалъ въ Италіи, и къ тому времени, какъ Моро могъ открыть кампанію, онъ угрожалъ уже столицѣ Австрійской монархіи. Едва Моро совершилъ блестящую переправу черезъ Рейнъ въ виду многочисленнаго непріятеля и одержалъ нѣсколько побѣдъ, какъ получилъ извѣстіе о перемиріи и предварительныхъ условіяхъ мира, заключеннаго Бонапартомъ съ имперіею въ Леобенѣ. Эта кратковременная кампанія, начатая съ такимъ успѣхомъ, имѣла большое вліяніе на судьбу Моро.

Во время одного изъ сраженій его войска захватили обозъ и бумаги генерала Клингена, черезъ котораго Пишегрю велъ сношенія съ принцемъ Конде, роялистами и англійскими агентами. Эта переписка была открыта въ бумагахъ и доставлена Моро. Она явно обличала прежняго главнокомандующаго рейнскою арміею и совершенно устраняла отъ всякихъ подозрѣній самого Моро, хотя и бывшаго въ дружескихъ отношеніяхъ съ Пишегрю. Писемъ было до 200 и большею частію писанныхъ шифромъ. Потребовалось много времени, чтобы открыть ключъ къ этому шифру и прочесть письма. Моро извѣстилъ о своемъ открытіи члена Директоріи Бартелеми; но пока разбирали письма, въ войскахъ успѣли уже распространиться слухи о ихъ содержаніи, часто преувеличенные и невѣрные. Бартелеми былъ одною изъ жертвъ переворота 4-го сентября (18 fructidor an VII), и потому письмо къ нему представлено было чинамъ Директоріи, по распоряженію которыхъ былъ совершенъ государственный переворотъ. Они немедленно вызвали Моро въ Парижъ и сообщили ему постановленіе Директоріи объ этомъ переворотѣ. Собираясь оставить армію, онъ обнародовалъ воззваніе къ ней:

„Я только-что получилъ объявленіе Директоріи отъ 4 сент., изъ котораго явно, что Пишегрю оказался недостойнымъ того довѣрія, которымъ онъ такъ долго пользовался въ глазахъ республики и арміи, писалъ онъ въ этомъ воззваніи. Мнѣ извѣстно также, что

многіе военные, зная заслуги, оказанныя отечеству генераломъ Пишегрю, сомнѣваются въ его виновности. Я считаю долгомъ объявить всю правду моимъ товарищамъ по оружію и согражданамъ. Болѣе нежели вѣрно, что Пишегрю измѣнилъ Франціи.

„Я извѣстилъ одного изъ членовъ Директоріи, что мнѣ досталась въ руки переписка съ Конде и другими агентами претендента, послѣ которой нельзя уже сомнѣваться въ этой измѣнѣ. Директорія вызываетъ меня въ Парижъ, вѣроятно, чтобы получить болѣе подробныя свѣдѣнія объ этой перепискѣ. Солдаты! будьте спокойны и не заботьтесь о внутреннихъ происшествіяхъ и будьте увѣрены, что, поражая роялистовъ, правительство охраняетъ республиканское устройство, которое вы клялись поддерживать“. Посылая это объявленіе, Моро въ то же время писалъ членамъ Директоріи, что „дѣйствительно трудно было повѣрить, чтобы человѣкъ, оказавшій такія важныя услуги странѣ, измѣнилъ ей и рѣшился безъ всякой для себя выгоды на такой безчестный поступокъ. Меня считали другомъ Пишегрю; но я давно потерялъ къ нему уваженіе. Вы увидите, что болѣе всѣхъ меня онъ ставилъ въ тяжелое положеніе: всѣ предположенія были разсчитаны на пораженіе арміи, которой я предводительствовалъ. Ея храбрость спасла республику“. Узнавъ изъ письма Моро къ Бартелеми о перепискѣ Пишегрю съ роялистами, которая такъ давно уже находилась въ его рукахъ, Директорія естественно должна была заподозрить его самого, но, познакомившись съ содержаніемъ переписки, конечно, убѣдилась, что Моро не принималъ участія въ замыслахъ Пишегрю, и что заговорщики его опасались и тщательно скрывали отъ него свои дѣйствія. Оставалось однако же одно обстоятельство сомнительнымъ и неяснымъ для нея: почему Моро такъ долго скрывалъ эту переписку, не извѣщая о ней Директорію? Если обширная переписка, составленная большею частію изъ шифрованныхъ писемъ, требовала много времени, чтобы окончательно разобрать ее, то во всякомъ случаѣ, лишь только былъ найденъ ключъ и обличалось участіе Пишегрю, почему же Моро своевременно не извѣстилъ объ этомъ Директорію и почему впослѣдствіи написалъ къ одному только изъ директоровъ, и при томъ къ Бартелеми, который самъ палъ жертвой государственнаго переворота, какъ лицо подозрительное. При томъ первое письмо Моро къ Бартелеми помѣчено 3 сентября, т. е. написано лишь наканунѣ государственнаго переворота, который приготовлялся давно. Неужели дѣйствія партій въ Парижѣ, борьба на жизнь и смерть въ средѣ самихъ правительственныхъ учрежденій, усиленныя заботы Пишегрю какъ можно скорѣе провести законъ о національной гвардіи, оставались тайной для генерала, находив-

шагося въ Страсбургѣ? Во второмъ письмѣ къ Бартелеми Моро писалъ: „Я рѣшился было вовсе не оглашать этой переписки, потому что заключеніе мира казалось вѣроятнымъ и, слѣдовательно, не предстояло никакой опасности для республики, тѣмъ болѣе, что она обличала бы немногихъ, такъ какъ никто не названъ по имени. Но, видя во главѣ партій, которыя въ настоящее время причиняютъ такъ много зла отечеству, занимающимъ важное мѣсто и пользующимся довѣріемъ человѣка, который, какъ видно изъ этой переписки, долженъ былъ играть важную роль при вызовѣ претендента на престолъ, я счелъ долгомъ извѣстить васъ, чтобы онъ не обманулъ васъ своимъ мнимымъ республиканскимъ образомъ мыслей и чтобы вы могли предотвратить дѣйствія, послѣдствіемъ которыхъ была бы междоусобная война. Признаюсь, мнѣ было весьма тяжело сообщать о такой измѣнѣ, тѣмъ болѣе, что тотъ, о комъ я писалъ вамъ, былъ моимъ другомъ и, конечно, остался бы имъ, если бы я не распозналъ его. Я говорю о народномъ представителѣ Пишегрю. Онъ былъ достаточно благоразуменъ, чтобы ничего не писать собственноручно, но словесно сообщалъ свои предположенія тѣмъ лицамъ, которыя вели переписку". Эти строки не оставляютъ никакого сомнѣнія въ томъ, что Моро зналъ о борьбѣ партій и болѣе всѣхъ могъ понимать, обладая такой важной перепиской, къ чему клонилась вся дѣятельность Пишегрю. Директорія, постоянно стремившаяся дѣйствовать путемъ закона, а не насилія, не безъ колебаній рѣшилась произвести государственный переворотъ. Во-время доставленныя ей свѣдѣнія объ этой перепискѣ, можетъ быть, дали бы ей возможность предотвратить грозившую ей опасность, не прибѣгая къ насильственнымъ мѣрамъ?

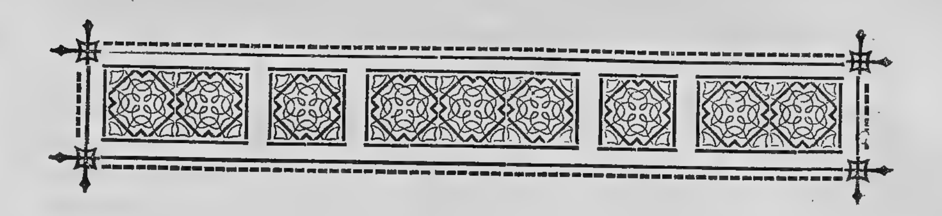
Образъ дѣйствій Моро въ этомъ случаѣ не могъ не возбуждать недоразумѣній и сомнѣній. Современники, смотря по различію партій, къ которымъ они принадлежали, смотрѣли на него различно; но одинаково его порицали. Роялисты, предполагая съ его стороны сочувствіе къ возстановленію монархіи, обвиняли его за доносъ на своего боевого товарища и бывшаго начальника и даже за участіе въ подлогѣ. Они предполагали, что всѣ разсказы объ этой перепискѣ, будто бы никогда не существовавшей, придуманы только для того, чтобы оправдать въ общественномъ мнѣніи государственный переворотъ, произведенный тріумвирами, т. е. тремя только членами Директоріи. Республиканцы упрекали въ недостаткѣ ревности къ поддержанію созданныхъ революціей учрежденій и провозглашаемыхъ свободныхъ началъ. Директорія уволила его отъ званія главнокомандующаго, хотя и не подозрѣвала ни въ участіи, ни въ сочувствіи замысламъ роялистовъ. Потомки, принимая въ соображе-

ніе всю послѣдующую его дѣятельность, съ большимъ безпристрастіемъ объясняютъ странный его образъ дѣйствій въ этомъ случаѣ особенностью его личныхъ свойствъ. Моро вовсе не сочувствовалъ реставраціи старой монархіи въ прежнемъ ея видѣ, какъ желали Бурбоны и роялисты. Но такой монархіи не сочувствовалъ даже и Пишегрю, потому что въ сношеніяхъ съ принцемъ Конде требовалъ нѣкоторыхъ уступокъ свободнымъ началамъ, провозглашеннымъ революціею. Моро искренно сочувствовалъ этимъ началамъ и примирился съ современнымъ правленіемъ Франціи, не прибѣгавшимъ уже къ жестокимъ и кровавымъ мѣрамъ, чтобы поддерживать свое существованіе. Но онъ былъ исключительно главнокомандующій, военный человѣкъ, и въ этомъ качествѣ честно и добросовѣстно служившій отечеству. Онъ вовсе не былъ государственнымъ человѣкомъ и не питалъ никакого сочувствія къ политической дѣятельности, какъ бы высоко сила обстоятельствъ ни могла поставить его на этомъ поприщѣ. Поэтому въ первое время Моро не понялъ всей политической важности находившейся въ его рукахъ переписки и даже не хотѣлъ придавать ей гласности. Она относилась къ прошедшему времени, къ предпріятію неудавшемуся, и зачинщикъ дѣла, удаленный отъ начальства надъ войсками, казался ему уже не опаснымъ. При такомъ взглядѣ, первое соображеніе, которое ему приходило на умъ, состояло въ томъ, что онъ долженъ сдѣлаться доносчикомъ на человѣка, оказавшаго значительныя услуги отечеству, бывшаго его начальника и друга. Конечно, такое соображеніе ужасало безукоризненно честнаго человѣка, какимъ былъ Моро. Впослѣдствіи борьба партій въ правительствѣ, дѣйствія Пишегрю въ качествѣ народнаго представителя въ совѣтѣ 500, очевидно, не отказавшагося отъ своихъ замысловъ, вынудили его сообщить Бартелеми свѣдѣнія изъ этой переписки [1]) и предупредить правительство о немъ. Но въ его душѣ долгъ гражданина долго боролся съ долгомъ честнаго человѣка; онъ искренно писалъ Бартелеми, что ему дорого стоило рѣшиться на то, чтобы сдѣлать доносъ правительству на Пишегрю. Поэтому онъ обратился не прямо къ Директоріи, но къ нему, говоря, что только „высокое довѣріе къ его любви къ отечеству и его благоразумію (Sagesse), вынудило его принять такое рѣшеніе". Поэтому онъ медлилъ,—и эта медленность была причиной того, что его извѣщеніе совпало случайно съ государственнымъ переворотомъ; это же случайное совпаденіе въ свой чередъ заподозрило его въ глазахъ всѣхъ.

(Продолженіе слѣдуетъ). Ал. Поповъ.

---

[1]) Всѣ эти письма напечатаны у Вошана, стр. 264—271.

Темное царство.

(Черты изъ жизни Московскаго Китая-города XVII вѣка).

VI [1]).

Объѣзжіе и обыватели.

Опиравшіеся на вооруженную свиту и уполномоченные „чернымъ и всякимъ обычнымъ людемъ чинить наказанье—бить батоги (для большей острастки „передъ вороты“ ихъ домовъ) и отсылать“ не на большое время въ тюрьму“ объѣзжіе головы встрѣчали „большое непослушаніе“ со всѣхъ сторонъ. Люди „большихъ чиновъ“, бояре, окольничіе, думные и ближніе люди, какъ это видно изъ примѣровъ Заборовскаго и Плещеева, свысока смотрѣли на малочиновныхъ объѣзжихъ головъ и считали необязательнымъ для себя ихъ слушаться. Иной вдругъ вздумаетъ самовольно въ жаркій день „для своей скорби мыльню прокинуть щепами“, или пошлетъ, бывало, объѣзжій голова подьячаго на „большіе“ дворы „для повѣстки Великаго Государя указу на съѣзжій дворъ слушать“, является „стряпчихъ (т. е. приказчиковъ) малое число“, да и тѣ, выслушавъ указъ, „у большихъ дворовъ карауловъ не ставятъ, а сказываютъ, что караулы у нихъ на дворѣхъ у воротъ“, т. е. караулятъ свои дворы, не наблюдая за безопасностью на улицѣ. Имъ подражали стольники и дворяне „мало не всѣ“ [2]). Кромѣ этихъ ослушниковъ, было не мало людей, которые имѣли

[1]) См. „Русская Старина“ декабрь 1909 г.

[2]) Въ 1641 году выведенное изъ терпѣнія правительство предполагало ввести пеню для ослушниковъ отъ одного рубля до 10 алтынъ для „большихъ чиновъ“, при чемъ было рѣшено брать „съ бояръ и съ окольничихъ и съ думныхъ діаковъ побольши для того, что они у того дѣла сами сидятъ и на то дѣло наряжаютъ и велятъ такъ дѣлать, а сами того не чинятъ и дѣлать не хотятъ“. (Пр. 195,563—564).

право не слушаться объѣзжихъ на основаніи закона. Люди, такъ или иначе прикосновенные ко Двору, находили возможнымъ исходатайствовать указъ о томъ, чтобы объѣзжіе головы ихъ „огневою выемкою и сторожею не вѣдали". Такія необходимыя для Двора богомольнаго царя Алексѣя Михайловича лица, какъ знаменитый „изуграфъ" (живописецъ) Симонъ Ушаковъ и его товарищи, получали эту привилегію на томъ основаніи, что имъ отъ объѣзжихъ „чинятся убытки большіе и Государевымъ иконописнымъ дѣламъ помѣшка"; на подобномъ же основаніи освобождался отъ караульной повинности „Государевъ нарѣчнаго пѣнія мастеръ", который „бывалъ у Государева дѣла въ Набережныхъ хоромѣхъ безпеременно и училъ его, Государевыхъ, пѣвчихъ дьяковъ".

За ними просили о той же льготѣ закройщики Царицыной Мастерской Палаты, ссылаясь на то, что „работаютъ они Великой Государынѣ, Царицѣ и Великой Княгинѣ Натальѣ Кирилловнѣ въ Мастерской Палатѣ безпрестанно, а они люди одинакіе, прежъ сего карауловъ за ту ихъ безпрестанную работу съ нихъ не спрашивали". Въ привилегированномъ положеніи оказывались и сѣнные истопники и сторожа и безконечный рядъ Сытнаго, Кормового и Хлѣбеннаго Дворцовъ сторожей, поваровъ, хлѣбниковъ и всѣхъ дворовыхъ людей „мелкихъ чиновъ" на томъ основаніи, что одни изъ нихъ „жили у Государева дѣла въ Верху безпрестанно", а другіе „бывали за Великимъ Государемъ въ походѣхъ безпрестанно" или „на Дворцахъ дневали и ночевали".

Объѣзжимъ головамъ было запрещено ѣздить и въ Садовничьи слободы [1]) и печатать у садовниковъ „избъ и анбаровъ, гдѣ у нихъ были Государевы всякія овощи", потому что „Государевыхъ раннихъ овощей и годовыхъ запасовъ всякія сѣмена ростятъ они въ теплыхъ избахъ, а, какъ поспѣютъ огурцы, и они тѣ огурцы на Государевъ обиходъ солятъ и строятъ въ теплыхъ избахъ до осени". Даже дворцовые плотники, жившіе между Москвой-рѣкой и Арбатомъ, ссылались на то, что они „у государевыхъ плотничныхъ дѣлъ на Москвѣ и по городомъ и по селамъ живутъ безпрестанно, а дѣти ихъ побраны къ рѣзному дѣлу въ ученики, а иные въ плотники", и добились того, что разрядному объѣзжему было запрещено въ Плотницкую слободу въѣзжать, а ихъ было велѣно вѣдать объѣзжему изъ приказа Большого Дворца [2]).

---

[1]) Садовники жили „порознь за Москвою-рѣкою въ Яндовѣ по берегу и за Берсеневою рѣшеткою по берегу жъ въ Государевѣ Набережномъ саду и противъ Климента Папы Римскаго и Царицына лугу и на Воронцовскомъ полѣ и за Никитскими вороты" (Пр. 195, 771).

[2]) Пр. 375, 143; пр. 1841, 1; пр. 195, 185, 563, 771; пр. 677, 26, 176, 243, 374.

Кромѣ того разрѣшалось топить избы и горны всякимъ Московскимъ ремесленнымъ людямъ, лишь бы они имѣли спѣшные заказы для Дворца: гончарамъ—„потому, что они Государевы черепичныя и иныя всякія дѣла и образцы (изразцы) дѣлаютъ“ [1], котельникамъ—„для дворцовыхъ котельныхъ и Государевыхъ судовыхъ мѣдныхъ дѣлъ“, сусальщикамъ, работавшимъ при поновленіи стѣнописи въ Успенскомъ соборѣ,—„чтобы затѣмъ соборному дѣлу—стѣнному письму порухи и мѣшкоты не было“. Печатнаго дѣла наборщики и всякихъ чиновъ мастеровые люди Печатнаго и Денежнаго Дворовъ освобождались отъ караульной службы „для ихъ безпрестанныя работы, скудости и одиначества“, одинъ толмачъ Посольскаго приказа „для приказного недосугу и одиначества“ другой „покамѣста съ Дону къ Москвѣ пріѣдетъ“.

Во всѣхъ почти этихъ случаяхъ поводомъ къ изъятію того или другого лица изъ вѣдомства объѣзжаго головы былъ Государевъ дворцовый интересъ; даже бани оставались открытыми не съ гигіеническими цѣлями, а, „чтобы Государевымъ оброчнымъ деньгамъ недобору не было“.

Въ нѣкоторыхъ случаяхъ какъ бы для успокоенія совѣсти подчеркивалось, что та или другая привилегированная слобода „стала къ полю“, „стала за городомъ на просторѣ“, и приказывалось „накрѣпко“, чтобы у освобожденныхъ отъ объѣзжихъ головъ слобожанъ „отъ огня и всякаго воровства было береженье“.

Стрѣльцы, жившіе въ многочисленныхъ слободахъ, были вѣдомы въ Стрѣлецкомъ приказѣ „во всякихъ дѣлѣхъ опричь разбою и татьбы съ поличнымъ“, и объѣзжимъ головамъ не велѣно было „въ стрѣлецкія слободы въѣзжать“. Въ 1651 году кн. Настасъ Македонскій вздумалъ наказывать стрѣльцовъ, и самъ подвергся наказанію за это. „Князь Настасъ, было ему объявлено отъ имени Царя, Государь Царь и Великій Князь Алексѣй Михайловичъ Всея Русіи велѣлъ тебѣ сказать: стрѣльцы Московскіе и всѣхъ городовъ по Государеву указу вѣдомы въ Стрѣлецкомъ приказѣ у боярина у Ильи Даниловича Милославскаго, и ты самодуромъ стрѣльцовъ Московскихъ ималъ къ себѣ на съѣзжій дворъ.... и билъ батоги и тѣмъ ты боярина Илью Даниловича обезчестилъ, и Государь указалъ тебя за безчестье боярина Ильи Даниловича посадить въ тюрьму на одинъ день“.

Особенно много крови портили у объѣзжихъ головъ иноземцы,

[1]) То гончары клали печи въ хоромахъ царицы, то дѣлали черепицу для придворнаго Знаменскаго монастыря или для церкви Мученика Никиты (за Яузой), которому царицы молились о своихъ больныхъ дѣтяхъ.

*

жившіе въ Москвѣ и въ силу своей экстерриторіальности не обращавшіе вниманія ни на противопожарныя, ни на какія другія полицейскія правила.

Въ маѣ 1665 года объѣзжій голова Китая-города кн. Ѳ. Македонскій подалъ въ Разрядъ докладное письмо, гласившее слѣдующее:

„На Посольскомъ дворѣ поставлено много иноземцевъ, и поварни топятъ и огни кладутъ безпрестанно, топятъ безъ людей, а напередъ сего та поварня при нѣмецкихъ послѣхъ загоралась трожды, и кровля сломана, а искры отъ огня бѣгутъ вверхъ; а для береженья на Иверскомъ подворьѣ на колокольцѣ поставленъ стрѣлецъ... и стрѣлецъ, видя у нихъ дымъ въ поварнѣ безпрестанно, на съѣзжемъ дворѣ сказываетъ, и онъ, князь Ѳеодоръ, на Посольскій дворъ ѣздитъ и рѣшеточныхъ приказчиковъ посылаетъ, чтобъ огни заливать... и они не слушаютъ и огней заливать не даютъ, а люди ихъ въ хоромѣхъ и въ конюшняхъ табакъ пьютъ думной, съ огнемъ ходятъ въ вечерахъ, а сѣна у нихъ навезено много". Это повело только къ посылкѣ изъ Разряда памяти [1]) въ Посольскій приказъ о прекращеніи безпорядковъ на Посольскомъ дворѣ.

Въ маѣ 1673 года Разрядъ опять заслушалъ докладное письмо, въ которомъ Китайскій объѣзжій голова докладывалъ, что „на Никольскомъ крестцѣ подлѣ двора Грузинскаго царевича Николая Давыдовича стоятъ греки на дворѣ, огонь кладутъ и ѣсть варятъ въ день и въ вечеру поздно и табакъ пьютъ, да на томъ же дворѣ стоятъ сѣна въ стогахъ, а дворъ тѣсный, да у церкви Іоанна Богослова въ розныхъ дворѣхъ живутъ Грузинскаго царевича люди и хоромъ у себя печатать не дали и табакъ пьютъ, а въ Ипатской улицѣ въ хоромѣхъ печи были запечатаны, и они, отпечатавъ, хоромы топятъ". Греки въ свою очередь жаловались на то, что объѣзжіе у нихъ „ворота выломали и ихъ, грековъ, били и безчестили и челядниковъ ихъ били и головы испроломали, да взяли на съѣзжій дворъ товарыща ихъ и на съѣзжемъ дворѣ держали за карауломъ". Результатомъ этихъ взаимныхъ обвиненій былъ указъ, дозволявшій объѣзжимъ „къ нимъ, гречаномъ, для всякихъ дѣлъ приходить съ вѣдома Посольскаго приказа" [2]).

Многочисленное духовенство, котораго дворы на каждомъ шагу встрѣчались между дворами мірянъ, не было подчинено объѣзжимъ головамъ. Первоначально объѣзжимъ запрещалось вѣдать не только „священническій чинъ", т. е. поповъ и дьяконовъ, но и „причет-

---

[1]) Отношенія.

[2]) Пр. 195, 186, 210—220; пр. 2513, 46; пр. 677, 356, 376—405; пр. 275, 35; пр. 413, 184.

никовъ церковныхъ"; ихъ, равно какъ и патріаршихъ домовыхъ людей, вѣдали особые объѣзжіе, назначавшіеся съ Патріаршаго Двора. Эта черезполосица до крайности мѣшала поддерживать порядокъ и безопасность, и въ 1671 году было указано объѣзжимъ „вѣдать церковныхъ причетниковъ и монастырскія подворья и иныхъ чиновъ людей, которые живутъ на церковныхъ земляхъ, опричь однихъ поповъ и дьяконовъ".

Послѣ неоднократныхъ колебаній то въ сторону усиленія власти объѣзжихъ головъ, то въ сторону увеличенія независимости отъ нихъ духовенства въ послѣдній годъ XVII вѣка дѣйствовало правило: „со священнаго чину... и со всякихъ церковныхъ причетниковъ на караулы съ ихъ дворовъ, на которыхъ они живутъ своими хоромами, не спрашивать для того, что они бываютъ у церквей непрестанно въ службахъ, а спрашивать караулы съ ихъ жильцовъ, „разверстывая сколько человѣкъ у кого на дворѣ живетъ". Льготы разнымъ лицамъ и особенно многочисленному духовенству имѣли самыя вредныя послѣдствія. Объѣзжіе головы жаловались, что духовныя лица „избы топятъ не въ указные дни и часы и съ огнемъ сидятъ поздно и для карауловъ людей не даютъ, и отъ того ихъ огурства чинится всякое дурно, и, на то смотря, всякихъ чиновъ люди сторожей давать не хотятъ". У монаховъ, напримѣръ, Знаменскаго монастыря (на Варваркѣ) въ 1665 году „поварни топились безпрестанно, квасы варили и хлѣбы пекли про себя, да въ тѣхъ же поварняхъ наемщики квасы варили и калачи пекли на продажу безпрестанно день и ночь, а на тѣхъ поварняхъ трубы были низки и кровли деревянныя ветхи. Духовенство, не пуская объѣзжихъ на свои дворы, не давало имъ „печатать печей въ хоромѣхъ" и у своихъ жильцовъ, подчиненныхъ объѣзжимъ головамъ. Въ Пѣвческой улицѣ [1]) и у Спаса Смоленскаго въ 1693 году „верховые и соборные протопопы и попы и дьяконы и пѣвчіе дьяки и у нихъ жители" подьячихъ и стрѣльцовъ „бранили и безчестили и на дворны огня заливать не пустили" и даже „били ихъ дубьемъ".

Патріаршіе же объѣзжіе „того надъ ними не смотрѣли и въ томъ имъ помогали и норовили для своихъ корыстей", а иногда даже снимали печати, наложенныя разрядными объѣзжими въ хоромахъ жильцовъ на дворахъ духовныхъ лицъ.

Въ случаяхъ нарушенія духовенствомъ противопожарныхъ и дру-

---

[1]) Пѣвчая улица за Богоявленскимъ монастыремъ у церкви Космы и Даміана въ Панѣхъ или въ Пѣвчей. Пѣвчіе жили и на Патріаршемъ осадномъ дворѣ въ Зарядьѣ.

гихъ правилъ Разряду оставалось только „послать память въ Патріаршъ приказъ“ и ждать, что „указъ учинятъ въ томъ приказѣ“. За „поноровку“ патріаршимъ объѣзжимъ предстояло „быть въ торговой казни безо всякаго милосердія и пощады и въ ссылкѣ въ Сибирскіе въ дальніе города на вѣчное житье съ женами и съ дѣтьми“; но въ случаѣ незаконнаго распечатанія патріаршихъ объѣзжихъ печей, предписывалось объѣзжему „за его озорничество учинить указъ въ Патріаршемъ приказѣ, чего доведется“, и конечно, указъ обыкновенно былъ растворенъ милосердіемъ владыки, не любившаго выдавать внѣшнимъ своихъ.

Вообще всѣ отъ объѣзжихъ головъ „отымалися розными приказы, кто въ которомъ вѣдомъ, я де тамъ вѣдомъ, а Разряду де донасъ дѣла нѣтъ“ [1]).

Наказы внушали объѣзжимъ головамъ самую строгую справедливость, предписывали имъ „лишнихъ и затѣйныхъ никакихъ словъ на приводныхъ людей (т. е. обвиняемыхъ) не затѣвать и не прибавливать и на выемкѣ и на дорогѣ приводнымъ людемъ бою и грабежу никакого не учинить“, запрещали „клепать напрасно или кому въ чемъ поноровить или кому учинить какую посяжку“.

Все это внушалось подъ угрозой, что виновные будутъ „въ опалѣ и жестокомъ наказаньѣ, и помѣстья и вотчины ихъ будутъ отписаны на Государя и розданы въ раздачу безповоротно“. Но сами объѣзжіе головы и ихъ помощники смотрѣли на свои должности, какъ на кормленіе, какъ на награду за службу и на способъ поправить свои разстроенныя дѣла. Служилые люди просились въ объѣзды „за службишку“, подьячіе „за приказную работишку“ и особенно за „работишку у безкорыстныхъ дѣлъ“. Формуляры нѣкоторыхъ объѣзжихъ не внушаютъ особаго довѣрія къ нимъ.

„Разоренъ я, бѣдный, писалъ въ своей челобитной бывшій въ 1674 году въ Китайскомъ объѣздѣ дьякъ Симонъ Калининъ, десять лѣтъ животъ свой мучилъ въ Астарахини, два годы у дѣла, а восемь лѣтъ во многомъ разореніи, да на Москвѣ семой годъ не у дѣла, помираю съ голоду и отъ пожару и отъ разбойниковъ, да отъ гостя Василья Шорина въ конецъ погибъ, не токмо помѣстья или вотчинки и пустого ни единыя чети нѣтъ, и дворишка своего не имѣю, считаюсь по чужимъ дворамъ, а нынѣ на мнѣ править безчестья, а мнѣ не токмо что кому напрасно платить, пить, ѣсть нечего“.

Нѣкоторые объѣзжіе и не скрывали своихъ вожделѣній. Такъ,

---

[1]) Полн. Собр. Зак. №№ 407, 599, 600, 603; М. 765, ст. 3, 1—21; пр. 413 184; пр. 677, 173, 366; пр. 1534, 130; пр. 195, 564.

подьячій Дунаевъ билъ челомъ о томъ, чтобы „ему, бѣдному, покормиться съ объѣзжимъ головой въ Дмитровской сотнѣ [1])“, но его написали въ объѣздъ отъ Всѣсвятскихъ воротъ по Смоленскую улицу [2]) „не противъ его челобитья“; „будучи въ моемъ объѣздѣ, жаловался Дунаевъ, оскудалъ и одолжалъ, пить, ѣсть нечего, помираю голодной смертью“; Дунаевъ въ отвѣтъ на просьбу его „изъ того объѣзду перемѣнить“ былъ отставленъ, но „за пьянство“, что то же не рекомендуетъ съ хорошей стороны личный составъ Московскихъ объѣздовъ. Объѣзжіе головы и подьячіе на съѣзжемъ дворѣ не получали особаго жалованья за труды: первые служили изъ своихъ помѣстныхъ и денежныхъ окладовъ; послѣдніе получали ежегодно „въ приказъ“, т. е. въ единовременное пособіе, старые по два, молодые по полтора рубля изъ суммъ съѣзжаго двора. Съ рядовъ оффиціально брали на съѣзжій дворъ только „сукна“ на судейскій столъ, „желѣза и чепи“ для колодниковъ. Но, если объѣзжіе вообще были не прочь „покормиться“ на счетъ обывателей, то тѣмъ труднѣе было преуспѣвать въ добродѣтели нестяжанія объѣзжимъ Китая-города, у которыхъ подъ руками былъ такой источникъ благъ земныхъ, какъ торговые ряды [3]).

При сыскѣ про взяточничество объѣзжаго головы Гр. Суворова только въ Масляномъ и Селедномъ и въ Сырейномъ рядахъ торговые люди показали, что они „объѣзжему никакихъ гостинцовъ не нашивали“, большинство же рядовичей признались, что „ходили къ объѣзжему съ почестью противъ прежнихъ объѣзжихъ“. Получивъ „почесть“, объѣзжіе дѣлали льготы заплатившимъ рядовичамъ, „не ставили ихъ на караулы“; точно также дававшіе взятки „пирожники и калачники избы по вся дни топили, а объѣзжіе видѣли и имъ ничего не говорили“. Торговые люди давали и деньгами и „къ воскреснымъ днямъ, также и къ праздникамъ всякого съѣстного и питейнаго“ носили; въ Верхнемъ Москательномъ ряду Суворовъ получилъ 3 руб. съ 60 лавокъ, въ Луковомъ 2 рубля съ 38 лавокъ, а въ Луковомъ ряду кромѣ денегъ и съѣстного Суворовъ не побрезговалъ взять и „луку на 10 алтынъ“. Объѣзжіе брали не только съ торговцевъ, но и съ рядскихъ сторожей; у послѣднихъ они взятки „вымучивали“, „били ихъ смертнымъ боемъ“, „разложа на землю, били батожьемъ“.

Объѣзжіе брали со сторожей всѣмъ; съ одного сторожа Суворовъ

---

[1]) У Тверскихъ воротъ.

[2]) Отъ Большаго Каменнаго моста (Всѣсвятскаго) до Арбата, т. е. въ предѣлахъ нынѣшней Пречистенской части.

[3]) Б. 1300, 423; пр. 1400, 113; пр. 677, 174, 177; пр. 2513, 108; пр. 1655, 122; пр. 1710, 10.

„вымучилъ“ кромѣ денегъ „пряникъ цѣною въ 5 алтынъ да 30 яблокъ“, съ другого „скляницу четвертную ренскаго, да бѣлую рыбицу, да леща по цѣнѣ въ 30 алтынъ“, съ третьяго „рыбы свѣжей на 10 алтынъ, мяса на гривну“. Если Суворовъ былъ любителемъ рыбы, то бывшій въ объѣздѣ дьякъ Симонъ Калининъ предпочиталъ плоды и овощи: наказавъ „нещадно“ батогами одного сторожа Завязочнаго ряда, онъ приказалъ ему принести къ себѣ „дыню и огурцовъ“. „А прежъ сего, жаловались Царю торговые люди, по твоему, Великаго Государя, указу, какъ были въ рядѣхъ объѣзжіе головы и дьяки, и съ тѣхъ рядовъ съ сторожей ничего не имывали и за то ихъ, сторожей, не бивали“; они просили „указъ учинить, чтобъ отъ такого насилья въ рядѣхъ безъ сторожей не быть“ [1]).

Объѣзжіе, во все вмѣшивавшіеся и всѣхъ стѣснявшіе по закону и не по закону, были очень непопулярны среди обывателей. У москвичей были постоянныя столкновенія съ объѣзчиками, какъ высшихъ, такъ и низшихъ чиновъ. Въ маѣ 1693 года дьякъ Игнатій Лукинъ, бывшій въ объѣздѣ, переписывалъ дворы въ Китаѣ-городѣ; все шло хорошо, и обыватели исполняли всѣ требованія дьяка „безъ всякаго прекословія“, пока не пріѣхалъ „невѣдомо для чего и по чьему приказу“ разрядный подьячій Иванъ Бубновъ съ человѣкомъ своимъ.

„И учали они, писалъ въ своей не совсѣмъ толковой челобитной дьякъ Лукинъ, на дворѣхъ всякіе смуты и крики и бой чинить и, учиня священному чину безчестья и при народѣ ругательный бой и всполохъ, въ церковные колоколы бой, и я его отъ такого озорничества унималъ, и онъ, Иванъ, послѣ того наглаго воровскаго озорничества меня всячески безчестилъ и поносилъ и, прочь отъ меня не отъѣзжая, нападывалъ всячески“. Особенно сильно доставалось низшему персоналу съѣзжаго двора. Когда стрѣльцы были посланы на Пафнутьевское подворье [2]) за монастырскимъ стряпчимъ Ѳедотомъ Аѳанасьевымъ, онъ „тѣмъ стрѣльцомъ учинился не послушенъ и ихъ, стрѣльцовъ, перебилъ и собаками травилъ и за ними гонялся съ ножемъ“, и „озорничество“ Аѳанасьева не было выдумано стрѣльцами, такъ какъ осмотръ показалъ, что у одного изъ нихъ „у правой ноги ниже лодыжки собака укусила до руды“. Въ Оконичномъ ряду, куда стрѣльцы однажды были посланы за двумя торговыми людьми, торговые люди „учинились

---

[1]) М. 1000, ст. 2, 2—35, пр. 2513, 11—17, 108—123.

[2]) Въ Юшковомъ переулкѣ подлѣ церкви Николы Красный Звонъ (между церковью и Ильинкой).

сильны... стрѣльцовъ били кулаками и свинцовой гирею въ бокъ ударили, и одинъ человѣкъ стрѣльца ножемъ похвалялся рѣзать". Когда же въ 1695 году попробовали арестовать нѣсколькихъ солдатъ Преображенскаго полка, эти послѣдніе чуть не разнесли весь съѣзжій дворъ, „служивыхъ людей у съѣзжаго двора били и на съѣзжемъ дворѣ служивыхъ людей бивъ, кричали и назывались потѣшными и на съѣзжемъ дворѣ всѣхъ перебили". Въ борьбѣ съ объѣзжими женщины не отставали отъ мужчинъ: Таганской слободы тяглеца вдова Анна Васильева пришла къ своей лавкѣ въ Сѣменномъ ряду и стала говорить десятскому: „для чего у моихъ вотчинъ чанъ съ водою ставите"; когда же десятскій сказалъ ей: „мнѣ данъ указъ Великихъ Государей со съѣзжаго двора", купчиха съ чисто таганскимъ самодурствомъ „чанъ съ водою вылила" и на съѣзжемъ дворѣ „въ томъ не запиралася"; Зачатіевскій же попъ Яковъ въ 1675 году и самый такой чанъ „хмѣльнымъ обычаемъ" разсѣкъ.

Иногда дѣло доходило до суда объѣзжихъ съ обывателями въ Разрядѣ. Эти дѣла, при значительной доли ябеды съ той и другой стороны, достаточно характеризуютъ отношенія, установившіяся между объѣзжими и обывателями. Въ одинъ майскій день 1674 года объѣзжій голова кн. Ѳ. Ю. Борятинскій, осматривая ряды, замѣтилъ, что въ Крупяномъ ряду на одной лавкѣ вмѣсто кади и мѣрника стоитъ только „полкадушки, а шайки и помела нѣтъ". Около лавки стоялъ Конюшенной слободы тяглецъ Климъ Купреяновъ, бывшій подъ хмелькомъ; на вопросъ объѣзжаго о владѣльцѣ лавки, Купреяновъ, не долго думая, сказалъ, что лавка его.

Кн. Борятинскій немедленно велѣлъ его „разболочь и бить батоги" тутъ же у лавки. Купреяновъ при этомъ велъ себя вызывающе, смѣялся и кричалъ объѣзжему „добро, князь Ѳедоръ, бьешь напрасно, на тебя Государю бить челомъ"; кромѣ того изъ „подписи" на лавкѣ кн. Борятинскій усмотрѣлъ, что лавка не Купреянова, а Максима Юрьева.

Объѣзжій велѣлъ взять Купреянова на съѣзжій дворъ „за ослушанье и за пьянство и за крикъ" и за то, что „противъ Великаго Государя указу смѣялся". По словамъ Купреянова, кн. Борятинскій на съѣзжемъ дворѣ „билъ его батоги двожды и, бивъ, держалъ скована на чепи въ конюшнѣ двои сутки и припускать къ нему съ хлѣбомъ и ни съ чѣмъ не велѣлъ".

Купреяновъ утверждалъ, что онъ назвалъ лавку свою, ибо Юрьевъ „ему свой, а лавку приказалъ ему продавать", и что кн. Борятинскій его „изувѣчилъ по недружбѣ" за доводъ (изобличеніе) въ грабежѣ на людей брата объѣзжаго головы—кн. Якова Борятинскато. Неизвѣстно,

сколько тутъ было правды, но во всякомъ случаѣ по осмотру оказалось, что Купреяновъ былъ „битъ батоги больно гораздо, и спина вся синя и забагровѣла“. Кн. Борятинскій, чтобы выйти изъ непріятнаго положенія, поспѣшилъ прикинуться, что онъ самъ требуетъ „оборони“.

„И то его знатно воровство, писалъ онъ въ своей челобитной, что называлъ чужую лавку своею, хотя меня, холопа твоего, искусить и тебѣ, Великому Государю, напрасно огласить“. „Укажи, Государь, продолжалъ жаловаться кн. Борятинскій, учинить оборонь въ моемъ безчестьѣ и въ его лукавствѣ, чтобъ инымъ неповадно было чужія лавки своими называть и меня, холопа твоего, безчестить и искушать и тебѣ, Великому Государю, напрасно бить челомъ для огласки. И у многихъ лавочныхъ людей у брата моего и у сродниковъ и у друзей моихъ есть съ ними недружба, и мнѣ, холопу твоему, и наказанья виннымъ чинить невозможно, потому что станутъ бить челомъ тебѣ, Великому Государю, что чиню наказанье, мстя недружбы брата своего и сродниковъ и друзей своихъ, и во всемъ они твоему Государеву дѣлу будутъ непослушны, смотря на него, Клима“. Неизвѣстно, чѣмъ кончилось это дѣло, но въ подобномъ же случаѣ дьякъ Симонъ Калининъ, который безъ вѣдома объѣзжаго головы „билъ нещадно“ сторожа Ульяна Андреева, по боярскому приговору былъ посланъ въ тюрьму „до Государева указу“, и на немъ велѣно было Андрееву „доправить безчестье и увѣчье по Уложенью“.

Если „меньшіе“ люди не всегда давались въ обиду объѣзжимъ, то еще хлопотливѣе было для нихъ тягаться съ людьми „большихъ“ чиновъ. 1 августа 1674 года объѣзжій сбивалъ на съѣзжій дворъ торговыхъ людей Нижняго Соляного ряда для выбора десятскихъ. Изъ „лучшихъ“ людей подьячему Меркулову и стрѣльцамъ удалось захватить одного Ивана Артемьева Симановскаго, котораго они торжественно повели по Варваркѣ на съѣзжій дворъ; но у Ростовскаго подворья (на углу Рыбнаго переулка) имъ встрѣтился отецъ Ивана Артемій Симановскій. Старикъ Симановскій былъ человѣкъ гостиной сотни, т. е. принадлежалъ къ высшему разряду Московскаго купечества; онъ не торговалъ уже лѣтъ съ 20 и, по его выраженію, „былъ всегда у Государева дѣла въ розныхъ приказѣхъ безпрестанно и со 179 году сидѣлъ въ приказѣ Большого Приходу у денежнаго сбору головишкою“. Артемій Симановскій какъ разъ въ это время шелъ изъ приказа Большого Прихода „отъ денежнаго пріему и роздачи пятой и десятой деньги“, весь проникнутый сознаніемъ важности возложенныхъ на него „дѣлъ великихъ Государевыхъ“. Увидавъ, что сына стрѣльцы ведутъ съ безчестьемъ

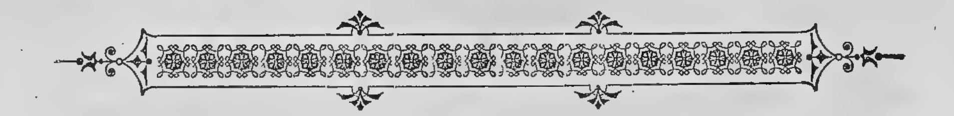
на съѣзжій дворъ, по весьма правдоподобнымъ показаніямъ свидѣтелей, первостатейный купецъ вышелъ изъ себя, „бранилъ подьячаго матерны", кричалъ „не дорогой человѣкъ и тотъ, кто тебя посылаетъ" и, „выхвативъ у стрѣльца палку, подьячаго билъ и по улицѣ за нимъ гонялся съ палкою". На эту сцену наѣхалъ самъ объѣзжій голова, тотъ же кн. Борятинскій, по расходившійся Титъ Титычъ безчестилъ его, крича: „за ними есть дѣла Великаго Государя большія, а тебѣ мы, князь, достались не во вся (не въ полную власть), стерегъ бы ты своего двора, насъ тебѣ имать тяжело, станутъ дѣла великія Государевы". Кн. Борятинскій и подьячій били челомъ на Симановскаго, но Симановскій не сдавался и 4 августа билъ челомъ на подьячаго въ томъ, что онъ его „оболгалъ", прося при этомъ розыскать „всѣмъ Солянымъ, Большимъ и Нижнимъ рядомъ"; 13 августа Симановскій снова билъ челомъ на Меркулова въ томъ, что подьячій въ свидѣтели противъ него „накупилъ двухъ ямщиковъ", и просилъ розыскивать не „тѣми стрѣльцами и накупными ямщиками, малыми людьми, а многими рядами, которые по Варварской улицѣ". Дѣло тянулось цѣлый мѣсяцъ, и Симановскому съ помощью свидѣтелей, также, можетъ быть, „накупныхъ" или враждебныхъ объѣзжему, удалось доказать, что онъ объѣзжихъ „не бранивалъ, не безчещивалъ и не бивалъ".

Въ іюлѣ 1654 года объѣзжему князю Ѳедору Макидонскому угрожалъ общій заговоръ жителей Китая-города. Нѣкто Андрей Сонинъ, служившій въ Земскомъ приказѣ, прямо сказалъ кн. Макидонскому: „дай срокъ, я то сдѣлаю, велю посадскимъ и торговымъ людямъ на тебя бить челомъ Государя, а они меня послушаютъ, будешь ты у насъ битъ кнутомъ". До кн. Макидонскаго дошли слухи, что такой указъ уже въ Земскомъ приказѣ, и онъ билъ челомъ объ отставкѣ, что бы ему, „будучи у Государева дѣла, отъ ихъ составного, ложного, затѣйнаго челобитья напрасно въ конецъ не погибнуть и напрасно опозорену не быть" [1]).

Сообщ. В. Шереметевскій.

[1]) Пр. 1709, 335; пр. 1512, 16; пр. 1061, 216; пр. 1568, 17; пр. 674, 196; пр. 2513, 1—10, 108—123, 71—89; пр. 204, 32. Ут. О. Ист. Др. Рос., 1897 г., III, 4—5.

Недолго сбить съ толку.

(Изъ воспоминаній архіерея).

Въ концѣ 1893 года въ Курскѣ къ епископу Іустину явился одинъ изъ соборныхъ псаломщиковъ съ просьбой перевести его въ Одессу, куда Владыко былъ тогда назначенъ архіепископомъ. —Больно я къ Вашему Высокопреосвященству привыкъ, сказалъ онъ.

— Что тебѣ за охота, Пафнутій, ты здѣсь устроился домкомъ, и тебѣ и семьѣ хорошо; отъ добра добра не ищутъ; служи да живи; переѣздъ вѣдь можетъ разорить тебя... А что привыкъ, такъ привыкнешь и къ новому епископу—преосвящ. Ювеналію.

— И—и, ваше в—во, домикъ-то нашъ въ спорѣ съ братьями да съ зятьями; а въ Одессѣ проживаютъ мои родные—люди съ большими достатками; я человѣкъ хворый, тамъ опять же климатъ...

— Вотъ это другое дѣло; ну, если твердо рѣшилъ, такъ собирайся въ путь, недѣли черезъ двѣ-три, съ Божіимъ благословеніемъ, тронемся.

Лучшаго человѣка и подобрать нельзя было бы. Человѣкъ онъ простой, хорошій, разсудительный, пригодится и теперь въ сборахъ, и въ пути, и тамъ на новомъ мѣстѣ; какъ бы то ни было, человѣкъ свой, надежный—думалъ и не разъ тогда высказывалъ преосв. Іустинъ.

Черезъ нѣсколько дней соборный ключарь обратился къ Владыкѣ съ ходатайствомъ о возведеніи псаломщика во діакона.

— Человѣкъ онъ достойный, во діакона намѣченъ, отвѣтилъ преосв. Іустинъ; но куда же торопиться, тамъ и будетъ возведенъ, когда заслужитъ.

— Очень ужъ онъ проситъ; псаломщику, говоритъ, ничего на переѣздъ не полагается, а дьякону тамъ на мѣстѣ должны будутъ выдать кое-какія деньжонки въ видѣ подъемныхъ; хватитъ хоть, на мелочи

обзаведенія; къ тому же и передъ людьми лучше, прямо пріѣхать туда діакономъ,—„уваженья больше и помычки меньше“...

— Не слѣдовало бы, возразилъ Владыко, потакать тому, кто самъ за себя проситъ, самъ себѣ оцѣнку даетъ; ну, да Господь съ нимъ, человѣкъ-то онъ до сихъ поръ былъ вполнѣ безупречный, такъ и быть...

Дня за три до отъѣзда, Владыко при литургіи совершилъ возведеніе Пафнутія во діакона.

Мирно шли приготовленія и сборы въ дорогу.

Въ день же отъѣзда, прибывъ заблаговременно на вокзалъ, Владыко шутливо разсказалъ нѣкоторымъ изъ лицъ, пріѣхавшихъ проводить его: „вотъ ужъ во-истину сказать, вѣкъ живи—вѣкъ учись“; часа три тому назадъ я послалъ за Пафнутіемъ;—возьми-ка, отецъ діаконъ, къ себѣ мои письменныя дѣла; путь длинный, въ дорогѣ кое-что присланное изъ Одессы подашь, можно будетъ заняться разрѣшеніемъ; туда пріѣхать надо съ готовымъ; я ужъ все подложилъ по порядку...

— Да, вѣдь я, ваше выс—во, не ѣду,—вдругъ произнесъ нововозведенный.

— Какъ не ѣдешь?

— Такъ точно, я остаюсь и ключарю заявленіе подалъ.

— Что ты говоришь?

— А вотъ то и говорю—не поѣду, потому это одно разоренье.

— Что же ты раньше думалъ?

— Думалъ, да раздумалъ...

Несвойственная скромному Пафнутію, дошедшая до наглости, развязность отвѣтовъ заставила меня отослать его, прекративъ съ нимъ разговоръ; я послалъ за ключаремъ.

— Что это значитъ?

— Не могу знать, я и самъ „диву дался“; слышалъ, что собрались они вчера братіей въ компаніи „чайку“ на прощанье попить, одинъ, другой поддразнилъ, а онъ молчалъ, молчалъ да какъ развернется: за дурака вы меня что-ли принимаете? я и самъ знаю, что дѣлаю, ѣхать я и не собирался и не поѣду, вотъ и все тутъ.—Товарищи сами перепугались, стали было урезонивать, а онъ съ той минуты заладилъ свое,—не поѣду да не поѣду.—Пришелъ ко мнѣ, я его уговаривалъ, просилъ; нѣтъ, все свое; ужъ и не знаю, правду ли онъ говоритъ, что раньше такъ приготовился сдѣлать или надоумили его насмѣшки братіи... Сдается мнѣ, нашелся такой негодяй, что надумалъ изъ озорства замутить и сбилъ...

— Напрасно уговаривали, отецъ ключарь, сообщили бы просто мнѣ и дѣлу конецъ.

— Какъ же теперь съ нимъ быть?

— Какъ быть? никакъ: переведенъ онъ въ Одессу; перевести назадъ въ Курскъ я уже теперь не въ правѣ, т. к. дѣла курскія окончилъ;

коли во-время не явится въ Одессу на службу,—будетъ тамъ, по прошествіи узаконеннаго срока, исключенъ изъ списковъ. А-можетъ быть преосв. Ювеналій захочетъ его теперь же взять обратно—я препятствовать не стану. Пафнутію же скажите: хорошо сдѣлалъ, что обозначился теперь, а не послѣ въ Одессѣ. Что я дѣлалъ бы, если бы успѣлъ такому человѣку тамъ довѣрить какія-либо дѣла; шутка ли.

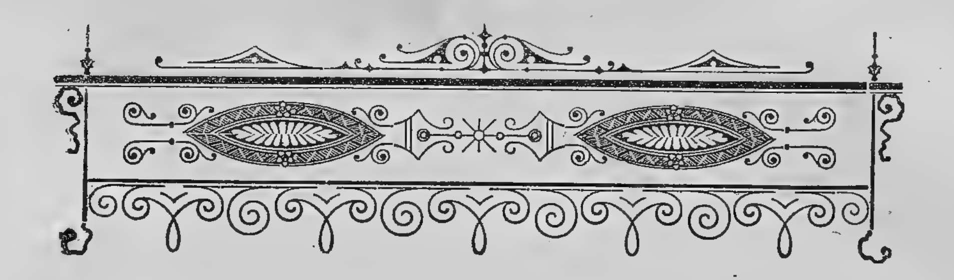
— Однако уже немного времени осталось до отхода поѣзда, сказалъ Владыко; не стоитъ Пафнутій того, чтобы только имъ напослѣдокъ заниматься; надо намъ и попрощаться... Владыко, побесѣдовавъ съ нами, благословилъ всѣхъ насъ, и черезъ полчаса поѣздъ понесъ его далеко.

По прошествіи десяти лѣтъ мнѣ довелось навѣстить высокопреосв. Іустина въ Одессѣ.

Между прочимъ вспомнилъ онъ съ усмѣшкой и о подвигѣ Пафнутія. Десять лѣтъ прошло, а видно было, что, въ разговорѣ объ этомъ шутливость прорывалась сквозь горечь: жаль мнѣ было такъ обмануться въ человѣкѣ, котораго я цѣнилъ, не того я ожидалъ отъ него и не считалъ его способнымъ упасть до такой плутовской выходки; что Бога гнѣвить, каюсь: видно, пенять приходится на себя; надо было помнить, что къ „братіи" слѣдуетъ всегда близко приглядываться, твердо знать ее всю, вдоль и поперекъ; долго ли одному порочному бездѣльнику сбить съ толку человѣка, въ которомъ нравственные и религіозные устои не внѣдрены прочно, а извнѣ ни поддержки, ни вліянія нѣтъ; этотъ, въ сущности, мелкій случай, нельзя не сознаться, сильно подчеркнулъ мнѣ тогда халатность моей власти и отчужденность ея отъ ввѣренной среды..., закончилъ святитель свои воспоминанія.

Сообщилъ —й.

М. И. Драгомировъ и время войны 1877—78 г.г.

(Изъ воспоминаній).

Генералъ Драгомировъ былъ увѣренъ въ томъ, что дивизія его выступитъ за предѣлы Россіи вполнѣ дисциплинированною; много стараній онъ вообще всегда прилагалъ къ тому, чтобы дисциплинировать ввѣренныя ему части; съ приближеніемъ же момента перехода границы усилилъ свои объ этомъ заботы; между прочимъ, онъ, при всякомъ удобномъ случаѣ, напоминалъ людямъ о долгѣ ихъ держать себя съ достоинствомъ по отношенію къ населенію вообще, а къ населенію того края, въ который намъ предстояло тогда вступить—въ особенности. По дивизіи было отдано распоряженіе—ознакомить людей въ самыхъ большихъ подробностяхъ съ содержаніемъ приказа, отданнаго главнокомандующимъ великимъ княземъ Николаемъ Николаевичемъ по арміи въ день объявленія Высочайшаго Манифеста, а также съ воззваніемъ, обращеннымъ его высочествомъ въ тотъ день къ жителямъ Румыніи.

Глубоко прониклись солдаты обращенными къ нимъ словами Главнокомандующаго, котораго они беззавѣтно любили всею силою своего чисто русскаго сердца; вотъ что между прочимъ преподалъ имъ великій князь въ своемъ приказѣ по арміи: „Не выдержали несчастные христіане - братья наши, возстали противъ своихъ угнетателей - турокъ, и вотъ уже два года льется кровь христіанская; нельзя было не возстать, такъ какъ осквернено и поругано все: святая вѣра Христова, честное имя, жены и дочери обезчещены,—имущество разграблено. Мѣра долготерпѣнія

Царя Освободителя истощилась. Послѣднее слово царское сказано, война Турціи объявлена. Намъ выпала доля исполнить волю Царя; не для завоеваній мы идемъ, а на защиту поруганныхъ, угнетенныхъ братьевъ нашихъ и на защиту вѣры Христовой! Дѣло наше свято, съ нами Богъ!

„Я увѣренъ, что каждый,—отъ генерала до рядового, исполнитъ свой долгъ и не посрамитъ имени русскаго. Да будетъ оно и нынѣ такъ же грозно, какъ въ былые годы. Добро мирныхъ жителей да будетъ для насъ неприкосновенно; ничто не должно быть взято у нихъ безвозмездно. Я требую самаго строгаго порядка и дисциплины, въ нихъ наша сила, залогъ успѣха и честь нашего имени!

„Напоминаю войскамъ, что по переходѣ границы нашей, мы вступаемъ въ издревле дружественную намъ Румынію, за освобожденіе которой пролито много русской крови. Мы должны относиться къ друзьямъ и братьямъ нашимъ христіанамъ съ полною дружбою, должны охранять и защищать ихъ дома, какъ свои собственные“.

Войска прилагали всѣ старанія къ тому, чтобы исполнить въ точности это назиданіе.—Они съ гордостью стремились оправдать ручательство, которое великій князь съ увѣренностью твердо высказалъ за нихъ въ своемъ воззваніи къ румынамъ при вступленіи въ предѣлы ихъ страны:

„Исполняя волю Его Императорскаго Величества Августѣйшаго Брата моего“, между прочимъ писалъ Его Высочество, „считаю долгомъ объявить вамъ, румыны, что проходъ нашихъ войскъ черезъ вашу страну и временное въ ней пребываніе ихъ, ни въ какомъ случаѣ, не должно тревожить васъ; мы смотримъ на ваше правительство, какъ на дружественное намъ; приглашаю васъ продолжать мирныя занятія ваши, а за всякое содѣйствіе, которое вы окажете нашимъ войскамъ, вамъ будутъ, безъ промедленія, уплачиваться деньги изъ казначейства арміи.—Армія Его Величества отличается строгою дисциплиною; я увѣренъ, что она поддержитъ свою честь среди васъ; войска наши не нарушатъ вашего спокойствія и съумѣютъ соблюсти должное уваженіе къ законамъ, къ личности и къ собственности мирныхъ гражданъ“.

Воззваніе Главнокомандующаго въ прекрасномъ, точномъ переводѣ на румынскій языкъ, было помѣщено на страницахъ мѣстныхъ газетъ, а также въ громадной массѣ отдѣльныхъ экземпляровъ, черезъ префектуры и меріи, было разослано по городамъ, деревнямъ и селамъ населенію. Страна, принявъ это воззваніе совершенно довѣрчиво, отнеслась къ факту вступленія нашихъ войскъ вполнѣ спокойно, а къ войскамъ крайне дружелюбно. Русскія га-

зеты, не только оффиціальныя, но и другія, также въ свое время, напечатали воззваніе на своихъ страницахъ [1]).

* * *

Не разъ вообще М. И. Драгомировъ вспоминалъ, какое дружелюбіе съ первыхъ дней обѣ стороны проявили другъ къ другу: „румыны поражали тѣмъ, что въ каждомъ новомъ городѣ, новомъ мѣстечкѣ встрѣчали и Радецкаго и меня депутаціями, выказывавшими особую привѣтливость и горячую благодарность за доброе отношеніе войскъ къ мирнымъ жителямъ и къ ихъ имуществу;— о нашемъ же сѣренькомъ солдатикѣ говорить нечего: онъ и въ этотъ походъ былъ полонъ того же добродушія, которое отличаетъ его вездѣ, а въ особенности отличало во всѣхъ войнахъ съ Турціей, когда онъ чувствовалъ, что является не простымъ завоевателемъ, а „покровителемъ, защитникомъ и освободителемъ порабощеннаго населенія". Любопытно узнать, какой взглядъ въ этомъ отношеніи нѣкоторые солдаты усвоили себѣ".

Разсказывая мелкія подробности прохожденія дивизіи черезъ чужіе края, М. И., между прочимъ, съ улыбкой вспоминалъ случай, который показалъ ему, какъ нѣкоторые изъ солдатъ въ мелочахъ своеобразно поняли и нашу роль въ этой войнѣ и положеніе населенія, среди котораго намъ довелось двигаться.—Однажды, уже въ Болгаріи, недалеко отъ Тырнова, въ одномъ изъ окрестныхъ селеній, когда дивизія находилась въ выжидательномъ положеніи (іюль), командиръ Подольскаго полка полковникъ Духонинъ, сообщая ему все касавшееся состоянія своей части, доложилъ, что нѣсколько человѣкъ солдатъ упорно просятъ доктора не эвакуировать ихъ, дать имъ возможность продолжать идти походомъ со своими ротами и участвовать въ дѣлахъ; а между тѣмъ врачъ находитъ, что они очень ослаблены лихорадками, и имъ необходимо на нѣкоторое время отдалиться отъ службы для подкрѣпленія себя отдыхомъ въ военно-временномъ госпиталѣ; просто плачутъ и со слезами умоляютъ оставить ихъ. „Заинтересовавшись этимъ докладомъ, разсказывалъ Мих. Ив., я отправился въ пріемный покой [2]) и велѣлъ показать мнѣ „обиженныхъ".

— „Ну, что, братцы, расхворались, надо вамъ полѣчиться, а для этого отправятъ васъ въ госпиталь.

— „Слушаемъ, ваше прев—во", отвѣтили они; затѣмъ помялись и

[1]) См. „Русскій Инвалидъ" и „Правит. Вѣстникъ", а также, между прочимъ, „Моск. Вѣд." 19 апрѣля 1877 г. № 93.

[2]) Такъ называется въ войскахъ временный лазаретъ, устраиваемый непосредственно при части (ротѣ, батареѣ, эскадронѣ).

одинъ изъ нихъ,—болѣе бойкій,— заговорилъ: „только мы, какъ есть, не нуждаемся; мы прошли походъ и на переправѣ благополучно вышли въ приступѣ систовскихъ высотъ; а что, значитъ, до болѣзни касательно, такъ она, эта самая лихорадка, привязалась давно, съ самаго начала,—„какъ мы еще только начали „рамына освобождать“... а теперь въ Боргаліи она отпустила маленько, полегчила“...

Не желая продолжать „обижать“ ихъ, а съ другой стороны, не имѣя также намѣренія идти въ разрѣзъ съ распоряженіями полкового врача,—Мих. Ив., какъ бы въ согласіи съ нимъ, велѣлъ въ томъ же селеніи расширить лазаретное помѣщеніе, съ тѣмъ, чтобы, не отправляя этихъ захваченныхъ маляріей людей въ тылъ, т. е. не отдаляя ихъ отъ подвигавшагося впередъ полка, выдерживать въ этомъ расширенномъ лазаретѣ, а по мѣрѣ выздоровленія тутъ же возвращать въ роты.

* * *

Тихо, спокойно прошли передовые корпуса нашей арміи изъ конца въ конецъ территорію дружественной намъ, когда-то освобожденной нашею же кровью, страны; крупныхъ жалобъ не было, вездѣ все во взаимныхъ отношеніяхъ между русскимъ солдатомъ и румынскимъ народомъ слаживалось и проходило вполнѣ благополучно, хорошо; но вотъ, вскорѣ послѣ окончанія 14-ою дивизіею „перваго военно-временнаго похода“ и сосредоточенія частей ея въ окрестностяхъ столицы Румыніи, сдѣлался извѣстнымъ случай съ солдатомъ одного изъ полковъ этой дивизіи: получивъ отъ ротнаго командира порученіе размѣнять десятирублевый кредитный билетъ и переходя съ нимъ изъ одной лавочки въ другую, а также изъ одного торговаго заведенія въ другое, онъ вездѣ на свою просьбу о размѣнѣ получалъ отказъ и это, въ концѣ концовъ, повело къ „неблагополучію“.

Дѣло въ томъ, что въ Румыніи кредитныхъ билетовъ вообще въ ходу не было; мѣстные торговцы ихъ вовсе не знали и принимали за свой товаръ исключительно звонкую монету, при чемъ, если не они, то, забравшіе въ свои руки всю ихъ торговлю, евреи стремились за наши полуимперіалы давать неполную стоимость, русскія же бумажки считали ни во что. Такъ какъ только небольшая часть содержанія въ дѣйствующей арміи отпускалась золотомъ,—остальное же выдавалось серебромъ, а больше кредитными билетами,—то въ дѣлѣ расплаты вообще предвидѣлись затрудненія; изъ желанія избѣжать ссоръ и столкновеній съ жителями, чины арміи старались въ самой мелкой торговлѣ выдавать въ уплату металлъ—золото, и, по преимуществу, серебро; но невозможно было обойтись безъ расхода бумажекъ,—пришлось, наконецъ, чаще и чаще

при покупкахъ предлагать кредитные билеты; исподволь втягиваясь въ это дѣло, населеніе все-таки предпочитало принимать металлическую цѣнность, а пріемомъ ассигнацій,—въ особенности крупныхъ, рѣшительно стѣснялось.

Злополучный солдатъ съ десятирублевой бумажкой попалъ во дворъ виннотабачной лавочки какого-то наглаго торговца, который объявилъ, что „бумажка эта ни черта не стоитъ"; а когда солдатъ съ жаромъ объяснилъ, что бумажка царская и не можетъ ни черта не стоить, торговецъ схватилъ ее и тутъ же швырнулъ въ помойную яму; въ одну секунду солдатъ обнажилъ свой тесакъ и пырнулъ имъ „цѣловальника".

Въ такомъ видѣ исторія эта дошла до свѣдѣнія Мих. Ив. Драгомирова. Дѣло добрыхъ отношеній, конечно, немедленно испортилось; въ Букарестѣ все общество возмутилось, громко раздавались въ городѣ требованія немедленнаго, строжайшаго наказанія виновника такого преступленія.—А когда, черезъ нѣсколько дней, въ румынскихъ газетахъ, въ особенности въ мелкихъ, появилось описаніе подробностей, по которымъ выходило, будто бы русскій солдатъ зарѣзалъ несчастнаго, мирнаго жителя, позарившись на его заработную кассу, неосторожно раскрытую въ присутствіи алчнаго разбойника-солдата,—тогда всѣ возгласы и крики слились въ общее неугомонное требованіе о томъ, чтобы убійца-грабитель былъ немедленно судимъ по законамъ военнаго времени и казненъ.

Формальное, строжайшее, добросовѣстно-произведенное разслѣдованіе, показавъ всю ложь газетныхъ статей, раскрыло, что авторомъ измышленій, очевидно бившихъ на то, чтобы возмутить населеніе противъ мирно наступавшей арміи,—былъ самъ же потерпѣвшій, отдѣлавшійся, кстати сказать, очень легкой раной; что онъ прибывъ изъ Бессарабіи, открылъ въ тѣхъ мѣстахъ торговлю не болѣе, какъ за мѣсяцъ до прихода нашихъ войскъ и уже успѣлъ приложить стараніе къ тому, чтобы надѣлать имъ мелкихъ непріятностей, что подданный онъ былъ русскій еврей, свободно владѣвшій румынскимъ языкомъ, по профессіи же онъ, какъ выяснилось, былъ торговецъ заложенными вещами мелкаго люда и занимался пріемомъ завѣдомо краденныхъ вещей.

Великій князь, получивъ среди самой серьезной работы подробное и обстоятельное донесеніе объ этомъ дѣлѣ, сообщилъ словесно принцу Карлу, что признавалъ бы правильнымъ, справедливымъ и единственно возможнымъ, въ виду всего оказавшагося, — наложивъ взысканіе на виновнаго солдата,—распорядиться съ тѣмъ вмѣстѣ высылкой клеветника къ мѣсту приписки.

Благоразумный и въ высшей степени тактичный принцъ Карлъ

*

на словахъ же отвѣтилъ великому князю, что съ своей стороны полагаетъ это предположеніе Его Высочества считать подлежащимъ исполненію, какъ распоряженіе, отданное въ военное время высшею командною властью арміи. Клеветникъ былъ высланъ въ Кишиневъ на распоряженіе мѣстныхъ властей.

Передъ самымъ выступленіемъ 14 пѣх. дивизіи, для сосредоточенія въ селеніе Бею [1]), откуда она должна была передвинуться къ Зимницѣ, Ѳед. Ѳед. Радецкій передалъ Мих. Ив. Драгомирову волю великаго князя о томъ, чтобы наказаніе на провинившагося солдата было наложено по его, начальника дивизіи, усмотрѣнію; Мих. Ив. просилъ ходатайства Ѳед. Ѳед. о зачтеніи виновнику бѣды въ наказаніе производившихся частыхъ внѣ очереди нарядовъ его на караульную службу съ добавленіемъ къ этому кары, налагавшейся въ подобныхъ случаяхъ покойнымъ Императоромъ Николаемъ Павловичемъ, который рѣшалъ такъ: „пусть виновный заслужитъ передъ врагомъ“. Главнокомандующій изъявилъ полное согласіе дать такой исходъ дѣлу.

Солдатъ все время несъ службу образцово, а на Шипкѣ былъ раненъ пулею навылетъ въ плечо съ раздробленіемъ ключицы; въ серединѣ августа онъ былъ, въ числѣ массы раненыхъ, эвакуированъ, вскорѣ послѣ того, какъ съ театра войны былъ перевезенъ въ Кишиневъ Мих. Ив. Драгомировъ.

* * *

Относительно подробностей исполненія возложеннаго на М. И. Драгомирова порученія—руководить десантомъ, небезъинтереснымъ является его собственный разсказъ объ эпизодѣ, который тамъ случился.— Уже успокоившись послѣ совершенія переправы на турецкій берегъ, М. И., усиленно направляя части своей дивизіи съ одной позиціи на другую,—внезапно увидѣлъ, невозмутимо спокойно стоявшаго возлѣ него, Ѳед. Ѳед.; машинально поздоровавшись съ нимъ и продолжая безостановочно заканчивать отдачу приказаній отдѣльнымъ командамъ, онъ вдругъ спохватился, такъ какъ отдалъ себѣ отчетъ въ томъ, что распоряжается людьми не своей части,—не своей дивизіи и не своего отряда,—то были уже взводы и роты полковъ девятой дивизіи [2]).

---

[1]) Конечный пунктъ, изъ котораго драгомировскій отрядъ, назначенный для переправы, собственно выступалъ къ мѣсту совершенія ея. (См. описаніе войны т. II, стр. 133 и 139).

[2]) Подъ командой ген. Драгомирова для совершенія переправы были сосредоточены слѣдующія части войскъ: 14-ая пѣх. дивизія съ 14-ою артилл. бригадою, 4-ая стрѣлковая бригада (подъ нач. ген. Цвѣцинскаго), двѣ сотни 7-го пластунскаго батальона, 1-я и 2-я горныя батареи, Донской ка-

— „Ахъ, Ѳед. Ѳед., извините“, сказалъ Мих. Ив.. „я увлекся“...

Ѳед. Ѳед. съ недоумѣніемъ взглянулъ на него и совершенно спокойно сказалъ: „что вы, что вы, продолжайте, не прерывайте своего дѣла, направляйте людей, здѣсь вы начали,—вы и окончите, дайте мнѣ до конца насмотрѣться на то, какъ у васъ все спорится“...

„Я навсегда остался подъ обаятельнымъ впечатлѣніемъ такого отношенія Ѳед. Ѳед-ча къ дѣлу“, не разъ говорилъ Мих. Ив.; „Ѳед. Ѳед. явился, въ этомъ,—казалось бы, мелкомъ эпизодѣ,—безсмертнымъ; здѣсь въ немъ сказался чуждый мелочности, опытный, здравый кавказскій военачальникъ во всеоружіи своего знанія натуры человѣческой и умѣнья во-время ободрить подчиненнаго, продѣлывающаго крайне серьезную работу, хотя бы съ малѣйшею тѣнью неувѣренности въ себѣ или недовѣрія къ самому себѣ“.

* * *

Еще съ осени 1876 года, — со времени ноябрьскаго приведенія дивизіи на военное положеніе М. И. Драгомировъ началъ усиленно входить съ представленіями о пополненіи состава офицеровъ; онъ постоянно, при всякомъ удобномъ случаѣ, докладывалъ великому князю главнокомандующему о большомъ некомплектѣ офицеровъ въ полкахъ дивизіи; его высочество этимъ также сильно озаботился; со времени болѣзни великаго князя, Мих. Ив. неотступно напоминалъ объ этомъ начальнику штаба арміи генералъ-адъютанту Непокойчицкому. Пока А. А. Непокойчицкій входилъ съ энергичными представленіями объ этомъ къ начальнику гл. штаба и къ военному министру,—М. И. Драгомировъ не упускалъ случая предлагать извѣстнымъ ему по прежней службѣ офицерамъ немобилизованныхъ частей переходить въ 14-ю дивизію; нѣсколько человѣкъ охотно перешли [1]), но это была капля въ морѣ; недочетъ офицеровъ былъ слишкомъ большой, единичными переводами пополнять его не представлялось возможнымъ.

Наконецъ главный штабъ обратилъ свое вниманіе на это дѣло и началъ переводить офицеровъ группами. Тогда въ М. И., отъ времени до времени, начали возбуждаться неудовольствія, а

зачій № 23 полкъ и сформированная почти черезъ мѣсяцъ послѣ объявленія войны, присоединившаяся къ штабу дѣйствующей арміи въ Плоэштахъ, сводная рота гвардейскаго отряда почетнаго конвоя Его Величества,—всего $16^{3}/_{4}$ батальоновъ, 6 сотенъ и 64 орудія. (См. „Описаніе русско-турецкой войны“ т. II, стр. 135 и 136).

[1]) Такъ между другими въ дивизію былъ переведенъ или прикомандированъ съ назначеніемъ командиромъ батальона Подольскаго полка подполк. генер. штаба Алексѣй Андреевичъ Боголюбовъ.

вѣрнѣе сомнѣнія, по поводу нравственныхъ и служебныхъ качествъ офицеровъ, попадавшихся къ нему: съ нравственной стороны они такъ или иначе выказывались черезъ короткій промежутокъ времени; служебныя же ихъ качества кидались въ глаза съ той стороны, что офицеры тѣ или зачислялись изъ отставки, въ которой передъ тѣмъ пребывали такъ долго, что успѣвали совершенно забыть и строй и службу, или переводились изъ частей, не имѣвшихъ ничего общаго со строевой службой.

„Много непріятнаго по этому поводу приходилось переживать „въ этой суетѣ приближенія минуты столкновенія съ врагомъ", разсказывалъ М. И.; „все впрочемъ кое-какъ улаживалось, пока являлись офицеры сравнительно въ молодыхъ чинахъ и могли занимать въ полку такое положеніе, при которомъ удобно и возможно было имъ и доучиваться и переучиваться". Но, однажды, передъ самымъ объявленіемъ войны, пришла бумага съ документами на переведеннаго въ Волынскій полкъ 14-ой дивизіи, капитана Ф., пробывшаго нѣсколько лѣтъ внѣ строя, слѣдовательно, строй забывшаго и перезабывшаго, а старшинство въ чинѣ сохранившаго".

По свѣркѣ со всѣми полковыми списками, капитанъ Ф. оказался старше всѣхъ капитановъ въ дивизіи и, ужъ, конечно, не назначить его въ должность ротнаго командира не представлялось возможнымъ; ожидать же какого-либо толку отъ этого назначенія являлось невѣроятнымъ.

„Прошло нѣсколько дней, явился и самъ капитанъ; по первому разговору не особенно симпатичный, съ большимъ самомнѣніемъ, никакой необходимости подучиться не признаетъ, какой-то всезнайка; предоставить его съ ротою въ предстоявшемъ походѣ самому себѣ прямо таки казалось опаснымъ и преступнымъ. Много заботъ мнѣ добавилъ онъ, а съ другой стороны, много тяжелыхъ непріятностей пришлось и ему пережить, пока всѣ мы, начиная съ батал. командира, боялись за ту часть, которую, въ сущности, по моему глубокому убѣжденію, приходилось не ввѣрить ему, а просто пожертвовать. Въ сношеніяхъ съ товарищами онъ самъ былъ очень корректенъ; по свѣдѣніямъ, приходившимъ изъ полка, хотя товарищи относились къ нему хорошо, но у большинства изъ нихъ какъ-то не лежала душа къ нему.

Въ походѣ кое-какъ его рота за другими подвигалась; мнѣ иногда казалось, что ничего худого, кидавшагося въ глаза, не было; иногда же, напротивъ, представлялось, будто бы я позволяю себѣ въ отношеніи къ нему на многое смотрѣть сквозь пальцы; то, вдругъ, приходило на умъ, что вижу неправильности, которыхъ вовсе нѣтъ

и за которыя капитанъ напрасно получаетъ непріятныя указанія, похожія на замѣчанія по службѣ.... Ѳед. Ѳед. Радецкій, взглянувъ на него при представленіи вновь поступившихъ чиновъ во время похода, сказалъ: „какъ будто чисто военныя замашки растранжирилъ; ничего, дайте ему свободу, походъ лучше всего отшлифуетъ, только не надо сбивать его съ толку".

Еще въ моментъ посадки капитана съ ротой на понтонъ подумалъ я, глядя на него: „надѣлаешь ты тамъ чудесъ, натворишь чего-нибудь доставшейся тебѣ ротѣ"!..

Такъ дѣло шло и неизвѣстно до чего дошло бы, если бы событія, свершившіяся въ ночь переправы, не разсѣяли все разомъ и безслѣдно: капитанъ Ф., попавъ со своей 3-ей стрѣлковой ротой на турецкій берегъ, сразу оріентировался и послѣ первыхъ же шаговъ боя, въ критическую минуту, съ большой ловкостью, энергично собравъ возлѣ себя десятка три стрѣлковъ, стремительно бросился съ ними на жарко отстрѣливавшуюся турецкую караулку; она разомъ была сбита, а вслѣдъ затѣмъ капитанъ же Ф. нанесъ жестокій уронъ турецкой ротѣ, отдѣлившейся отъ надвигавшагося со стороны Систова табора и бросившейся его атаковать справа. Этими двумя ударами онъ такъ повернулъ ходъ дѣла, что турки рѣшительно потерялись, наше же положеніе черезъ то стало вдругъ вполнѣ увѣреннымъ и таковымъ осталось въ этомъ пунктѣ до конца боя. Храбрость, рѣшительность и хладнокровная распорядительность дали капитану Ф. Георгіевскій крестъ, который закрѣпилъ за нимъ отмѣнное положеніе не только въ дивизіи, но и во всей арміи".

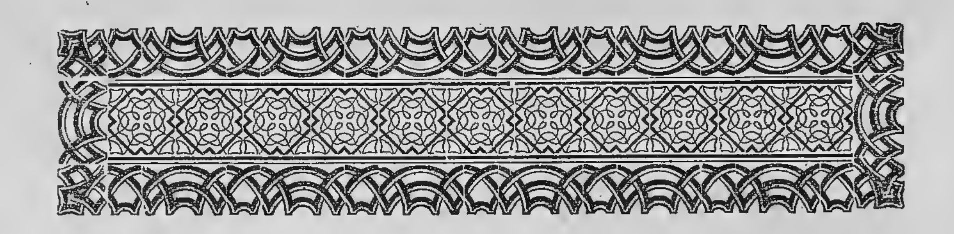
Съ тѣхъ поръ М. Ив. сталъ съ этимъ офицеромъ въ тѣ добрыя отношенія, которыя устанавливаются между двумя сторонами, когда одна изъ нихъ чувствуетъ себя какъ бы виноватой въ напрасныхъ и несправедливыхъ нападкахъ, а другая искренно рѣшаетъ всякую напраслину отъ души предать полнѣйшему забвенію и кромѣ хорошаго ничего изъ прошлаго не вспоминать...

Эти отношенія сохранились у Мих. Ив-ча навсегда; до конца дней своихъ онъ вспоминалъ б. капит. Ф. добромъ: „видѣлъ я такую распорядительность этого офицера въ бою, что уважаю его со всѣми его достоинствами и недостатками", говаривалъ Мих. Ив. и, видимо, всегда былъ радъ встрѣчѣ съ нимъ.

Вышло, что и капитанъ Ф. заслужилъ передъ врагомъ...

А. Е. К.

Воспоминанія жизни Ѳ. Г. Тернера[1].

Ознакомившись съ Германскими таможнями, я отправился въ Австрію, желая посмотрѣть и на австрійскіе таможенные порядки. Въ виду такого моего намѣренія, Убри пригласилъ меня, во время пребыванія моего въ Берлинѣ, къ обѣду вмѣстѣ съ Васильчиковымъ, который тогда былъ первымъ секретаремъ Посольства въ Вѣнѣ и находился кратковременно въ Берлинѣ. Убри полагалъ, что знакомство съ Васильчиковымъ облегчитъ мнѣ мои предполагаемыя занятія въ Австріи по изученію тамошнихъ таможенныхъ порядковъ. По пріѣздѣ въ Вѣну, я потому немедленно отправился къ Васильчикову, котораго, впрочемъ, я уже зналъ въ Петербургѣ. Васильчиковъ за временнымъ отъѣздомъ посла, управлялъ тогда Посольствомъ. Онъ принялъ меня очень affairé, извинился, что по случаю поглощенія всего его времени только-что возбудившимся новымъ дипломатическимъ дѣломъ онъ не можетъ заниматься мною—разсказавъ мнѣ впрочемъ, что его въ данный моментъ такъ занимало. Тогда только-что послѣдовало приглашеніе австрійскимъ Императоромъ всѣмъ царственнымъ особамъ Германіи съѣхаться для обсужденія на Fürsten Kongress'ѣ вопроса бо̀льшаго объединенія Германіи. Такъ какъ именно въ то время у насъ были крайне возбуждены польскимъ вопросомъ, въ виду опасенія принятія Франціею открыто стороны повстанцевъ, и сомнѣнія, какъ въ этомъ случаѣ отнесется къ нимъ Австрія—не послѣдуетъ ли она за Франціею—поднятіе новаго, столь важнаго вопроса въ Германіи оказалось намъ въ высшей степени выгоднымъ. Предложеніе Австріи клонилось несомнѣнно къ уменьше-

[1] См. „Русская Старина“ январь 1910 г.

нію вліянія Пруссіи, которой въ случаѣ, если бы этотъ конгрессъ разрѣшился выгоднымъ для Австріи образомъ,—пришлось бы довольствоваться второю ролью въ Германскомъ Союзѣ. При такомъ положеніи дѣла, Пруссія самымъ рѣшительнымъ образомъ отказалась принять какое-либо участіе въ предположенномъ конгрессѣ—и это произвело такой переполохъ въ европейской политикѣ и въ такой степени поглотило общественное вниманіе, что польскій вопросъ, который до того занималъ всѣ умы, отступилъ совершенно на второй планъ—что и оградило насъ отъ всякой опасности посторонняго вмѣшательства въ наше внутреннее дѣло. Этотъ важный эпизодъ разразился именно въ моментъ моего пріѣзда въ Вѣну и совершенно поглощалъ вниманіе Васильчикова, объяснившаго мнѣ важное для насъ значеніе этого факта, который до такой степени игралъ намъ въ руку

По пути въ Вѣну я заѣхалъ въ Лейпцигъ, чтобы посмотрѣть на происходившій тамъ Turnerfest, праздникъ гимнастовъ. Въ Лейпцигъ съѣхались турнеры со всей Германіи и были приняты тамъ самымъ торжественнымъ и гостепріимнымъ образомъ. Уже на станціи жел. дор. пріѣзжающихъ встрѣчали делегаты, предлагая имъ остановиться на частныхъ квартирахъ; меня и Магавли, съ которымъ мы съѣхались въ Лейпцигѣ, помѣстили у богатаго негоціанта въ роскошной виллѣ, гдѣ мы были приняты, какъ старые знакомые и почти родные, всѣмъ семействомъ хозяина. Весь городъ былъ разукрашенъ флагами, на улицахъ продавали комеморативныя медали съ эмблемою турнеровъ, четыре Ф. въ формѣ креста, какъ начальныя буквы ихъ лозунга, frisch, frank, froh, frei—свѣжо, откровенно, радостно и свободно. На большой красиво убранной площади, въ виду нѣсколькихъ тысячъ зрителей, происходили гимнастическія упражненія. Затѣмъ публика размѣстилась за длинными обѣденными столами, начались рѣчи, большею частью съ политической окраской.

Въ этихъ рѣчахъ выражалось главнымъ образомъ то же стремленіе къ объединенію Германіи, которое получило выраженіе и на Фюрстенъ-конгрессѣ, созываемомъ Австріей. Въ Вѣнѣ это проявлялось въ верхнихъ сферахъ, въ Лейпцигѣ оно шло съ низу. Въ то время собранія турнеровъ, собранія пѣвцовъ и разныя другія собранія чередовались въ Германіи непрерывно; въ этихъ дружественныхъ съѣздахъ лицъ, собиравшихся со всѣхъ концовъ Германіи, „Verbrüderungs feste“, выражалось господствующее тогда во всей Германіи стремленіе къ объединенію, на нихъ смотрѣли въ общественномъ мнѣніи какъ на подготовленіе къ будущему единству. И въ виду этого всеобщаго возбужденія, энтузіазма и увлеченія—Бисмаркъ хладнокровно произнесъ знаменитыя слова „Durch

Blut und Eisen" говоря, что не рѣчами и не съѣздами можно объединить Германію, а только желѣзомъ и кровью.

Слова Бисмарка поразили всѣхъ: въ то время, когда всѣ только о томъ и помышляли, какъ бы между различными частями Германіи установить болѣе тѣсныя дружественныя связи „Verbrüderung"— Бисмаркъ высказываетъ, что объединеніе Германіи можетъ произойти только путемъ междоусобной войны,—какое же это братское объединеніе; извѣстно, что родственныя войны, какъ и родственные споры, самыя ожесточенныя;—что же можетъ быть послѣдствіемъ такой войны, только ужасное взаимное ожесточеніе;—силою одни могутъ поработить другихъ, но дружное единеніе никогда этимъ путемъ достигнуто не будетъ; такая война можетъ посѣять только вѣчный раздоръ и вѣчную ненависть въ средѣ Германіи.

А все же Бисмаркъ былъ правъ, предсказывая съ поражающею ясностью грядущія событія. Въ эту минуту его можно было сравнить съ пророкомъ. Мнѣ кажется, что въ этотъ моментъ политическая мудрость и прозорливость Бисмарка достигла такой геніальной высоты, которая уже не могла быть превзойдена во всей его жизни. Вся послѣдующая его политическая дѣятельность всегда отличалась свѣтлымъ прозрѣніемъ существующаго положенія, точною оцѣнкою условій современнаго момента, яснымъ пониманіемъ — какъ надо дѣйствовать при данныхъ условіяхъ, и энергическою къ тому рѣшимостью безъ всякихъ колебаній, какія бы эта рѣшимость ни представляла трудности. Говорятъ, что когда Бисмарка разъ спросили: почему ему все удается, онъ отвѣтилъ—„потому что я всегда, раньше чѣмъ дѣйствовать, выжидаю, чтобы у меня были всѣ козыри въ рукахъ".

Въ моментъ всеобщаго возбужденія и энтузіазма, охватившаго всю Германію—не увлечься этимъ возбужденіемъ и за три года до Австро-Прусской войны ясно провидѣть будущее,—это было безспорно дѣло политическаго генія.

Несомнѣнно существовали многочисленныя данныя, которыя при хладнокровной оцѣнкѣ всѣхъ обстоятельствъ должны были привести Бисмарка къ такому воззрѣнію, — но почему же никто кромѣ него не умѣлъ усмотрѣть тогда настоящаго положенія дѣла?

Австрія, въ своихъ попыткахъ вызвать большее объединеніе Германіи, руководилась съ одной стороны опасеніемъ, какъ бы такое объединеніе, къ которому явно стремилось все общественное мнѣніе Германіи, не свершилось, противъ нея, подъ главенствомъ Пруссіи,—какъ это впослѣдствіи дѣйствительно и осуществилось,— а съ другой стороны она руководилась желаніемъ подчинить своему вліянію всю Германію и тѣмъ усилить свою власть, надъ негер-

манскими элементами Австрійской Имперіи—итальянскими, славянскими, польскими и венгерскими землями.

Пруссія смотрѣла на вопросъ болѣе безкорыстно, но съ своей стороны не могла согласиться на подчиненіе гегемоніи Австріи, не отказавшись отъ всего своего политическаго прошлаго; вмѣстѣ съ тѣмъ она не имѣла еще достаточно энергіи ни къ тому, чтобы принять Императорскую корону изъ рукъ народа, предлагавшаго таковую въ 1849 г., ни къ тому, чтобы актомъ собственной силы разрѣшить столь сложный вопросъ, — энергіи, которую впослѣдствіи удалось вселить въ нее тому же Бисмарку.

Правители другихъ германскихъ государствъ руководились преимущественно эгоистическимъ желаніемъ не жертвовать ни малѣйшею долею своей самостоятельности и своего самодержавія на дѣло объединенія страны. Баварія, Саксонія и другія мелкія государства особенно опасались подчиненія Пруссіи и подпаденія ея строго административнымъ бюрократическимъ порядкамъ управленія. Въ виду этого опасенія они болѣе склонялись къ Австріи. Вмѣстѣ съ тѣмъ, однако, въ средѣ ихъ являлась мысль, поддерживаемая саксонскимъ министромъ Бейстомъ и баварскимъ министромъ фонъ-дер-Пфортеномъ образованія совершенно несависимаго отъ Пруссіи и отъ Австріи, союза среднегерманскихъ государствъ.

Наконецъ, общественное мнѣніе при охватившемъ его отвлеченномъ стремленіи къ объединенію общегерманскаго отечества, въ отношеніи практическаго примѣненія идеи объединенія распадалось на крайне различныя группы. Была большая группа людей, которая понимала, что объединеніе возможно только подъ вліяніемъ Пруссіи, эта группа, руководимая Кобургъ-Готскимъ великимъ герцогомъ Эрнестомъ, образовала извѣстный Nationalverein; немало было и сторонниковъ Австріи, наконецъ, продолжали еще держаться въ обществѣ республиканскія настроенія, какъ послѣдствія 1848 года, которыя ничего не хотѣли знать ни о Пруссіи, ни объ Австріи. Ко всему этому примѣшивалась нѣкоторая соціальная антипатія, если можно такъ выразиться, существовавшая между южно-германцами и сѣверо-германцами, отчасти поддерживаемая религіозною рознью, которая не могла не отзываться на народномъ характерѣ. Въ доказательство отсутствія симпатіи между южно-германцами, особенно баварцами и пруссаками, могу привести разговоръ, который я имѣлъ нѣсколько времени спустя съ баварцемъ, директоромъ Линдауской таможни. Послѣ дѣловой бесѣды, мы разговорились съ нимъ о текущихъ политическихъ дѣлахъ и общественныхъ стремленіяхъ, при чемъ ясно выразилось совершенное отсутствіе на югѣ симпатій къ сѣверу, несмотря на идеи Einig-Deutschland. Онъ

говорилъ о пруссакахъ, какъ о педантахъ, людяхъ, которые всегда очень высокаго о себѣ мнѣнія, любятъ доминировать, людяхъ рѣзкихъ и непривѣтливыхъ, schneidig, ohne Gemüthlichkeit,—но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ сознавался, что на югѣ они не умѣютъ такъ усиленно усидчиво работать, какъ на сѣверѣ, т. е. Пруссіи. Онъ разсказывалъ мнѣ, что послѣ установленія Цольферейна нѣкоторыми баварскими таможенными чиновниками было предложено перейти въ Прусскія таможни. Такъ какъ содержаніе въ Пруссіи было значительно выше, то многіе изъ нихъ согласились принять дѣлаемое имъ предложеніе, — но скоро послѣ того опять вернулись въ Баварію, такъ какъ не могли привыкнуть ни къ той продолжительной дневной работѣ, ни къ той строгой требовательности, доходившей до педантизма, которыя господствовали въ прусской администраціи,—они не могли отдѣлаться отъ баварской привычки работать не спѣша—mit Gemüthlichkeit.

Все это вмѣстѣ взятое, неискренность Австріи, слабость Пруссіи, эгоизмъ среднихъ и мелкихъ германскихъ государствъ, неясность и разнородность стремленій къ объединенію проявившихся въ общественномъ мнѣніи и наконецъ существовавшую антипатію между южногерманскимъ и сѣверогерманскимъ характеромъ, Бисмаркъ вполнѣ оцѣнилъ и потому пришелъ къ убѣжденію, что вопросъ можетъ быть разрѣшенъ только насильственно, остріемъ меча. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ однако не опасался послѣдствій необходимой междоусобной брани, хорошо понимая, что какое бы ни было этимъ вызвано ожесточеніе и даже ненависть среди германскихъ государствъ, эти чувства могли быть только преходящими, что надъ ними должно было получить верхъ то общее чувство единенія, которое, несмотря на все, было такъ сильно въ Германіи.

Въ этомъ предвидѣніи онъ почти насильно побудилъ Вильгельма не воспользоваться доставшеюся на его долю побѣдою до конца, не унижать слишкомъ Австріи, не идти на Вѣну и сохранить самостоятельность и Баваріи и Саксоніи, не отнимая у нихъ ни куска земли. Благосклонныя и относительно легкія условія мира, вызванныя графомъ Бисмаркомъ, возъимѣли дѣйствительно черезъ немного лѣтъ ожидаемыя имъ послѣдствія. Австрійскій Императоръ, который вначалѣ до того былъ возбужденъ противъ Пруссіи, что отослалъ Вильгельму даже всѣ свои прусскіе ордена, мало-по-малу успокоился, и дѣло дошло до того, что, сплотивъ окончательно во-едино всю Германію, воспользовавшись патріотическимъ подъемомъ, вызваннымъ франко-прусской войной, Бисмаркъ успѣлъ довести Австрію до заключенія съ Германіей дружескаго договора,

послѣ котораго интимныя дружескія отношенія Германіи съ Австріею продолжаютъ все болѣе и болѣе укрѣпляться.

Окончивъ таможенные этюды, я съѣхался съ матушкой и сестрами, которыя тоже въ это время находились за границей, и мы отправились вмѣстѣ путешествовать по Швейцаріи. Въ самомъ началѣ нашего пути, мы были пріятно поражены красотою мѣстоположенія небольшого пограничнаго баварскаго города Линдау, лежащаго на берегу Боденскаго озера. Поразительно живописенъ уже самый подъѣздъ къ городу. Линдау, соединенный съ материкомъ длинною дамбой, въ нѣсколько верстъ протяженія, по которой идетъ желѣзнодорожный поѣздъ, имѣетъ по обѣимъ сторонамъ разстилающееся водное пространство, такъ что изъ оконъ вагона представляется картина, какъ будто бы поѣздъ плыветъ по водѣ, однимъ словомъ, та же картина, которая представляется и при въѣздѣ въ Венецію. Наконецъ, подъѣзжая къ городу, передъ глазами открывается поверхность громаднаго Боденскаго озера, у города небольшой красивый искусственный портъ, на одной изъ дамбъ котораго, выдающейся довольно далеко въ озеро, красуется статуя, большой каменный левъ, эмблема баварскаго герба, который вмѣстѣ съ тѣмъ служитъ маякомъ, для указанія входа въ портъ. Въ Швейцаріи мы провели нѣсколько недѣль, наслаждаясь красивою природой этой живописной страны.

По возвращеніи въ Берлинъ, я оставался тамъ еще нѣсколько недѣль, вращаясь въ самыхъ различныхъ кругахъ и слѣдя съ большимъ интересомъ за происходившимъ тамъ ученымъ и политическимъ движеніемъ. Я уже говорилъ, что благодаря Магавли я сошелся съ кружкомъ молодыхъ ученыхъ, по моему же оффиціальному положенію я оказался въ сношеніи съ разными оффиціальными личностями, занимавшими въ то время выдающееся положеніе въ мѣстной администраціи. Кромѣ того, во время конгресса я познакомился съ извѣстными экономистами, въ томъ числѣ и съ Михаэлисомъ, съ которымъ я особенно сошелся, съ Принцъ-Смитомъ и др. Все это были сотрудники выходившей тогда въ Берлинѣ, подъ редакціей Михаэлиса, экономической Vierteljahresschrift; вмѣстѣ съ тѣмъ большинство этихъ лицъ были депутатами въ Палатѣ и принадлежали къ преобладающей тогда націоналъ-либеральной партіи, сильно враждовавшей съ Бисмаркомъ изъ-за военнаго закона. Въ средѣ ихъ Михаэлисъ игралъ выдающуюся роль и какъ экономистъ, и какъ политикъ. Черезъ этихъ лицъ я вообще сошелся съ разными депутатами націоналъ-либеральной партіи и бывалъ нерѣдко на ихъ вечернихъ собраніяхъ, происходившихъ большею частью въ одномъ изъ пивныхъ ресторановъ. Эти собранія представляли боль-

шой интересъ благодаря происходившимъ на нихъ оживленнымъ политическимъ разговорамъ; въ то время вслѣдствіе борьбы палаты съ Бисмаркомъ, политическія страсти были до крайности возбуждены, а потому бесѣды о злобахъ дня велись всегда съ особеннымъ увлеченіемъ и представляли необыкновенный интересъ.

Вращаясь въ различныхъ сферахъ Берлина, я былъ удивленъ, замѣчая, что люди различныхъ ученыхъ интересовъ и различныхъ политическихъ оттѣнковъ сходились только между собою, обращаясь исключительно въ средѣ своей партіи, съ людьми же противуположныхъ оттѣнковъ и другихъ интересовъ не встрѣчались даже почти и въ обществѣ, кромѣ, разумѣется, оффиціальныхъ обѣдовъ и вечеровъ, дотого строго была у нихъ въ то время разграничена партійная жизнь. Разъ я коснулся этого вопроса въ средѣ депутатовъ, высказавъ имъ мое удивленіе, что между тѣмъ, какъ въ Англіи люди самыхъ противоположныхъ политическихъ оттѣнковъ постоянно сходятся между собою въ собраніяхъ, въ Берлинѣ и партійная жизнь и ученая жизнь строго разграничены въ различныхъ своихъ группахъ. Они вполнѣ со мною согласились, говоря, что у нихъ такъ уже сложилась жизнь. По моему мнѣнію, это объясняется тѣмъ, что въ Берлинѣ семейной общественной жизни, какъ у насъ, не существовало, — и потому дамы обыкновенно не принимали участія въ мужскомъ обществѣ; мужчины же, собираясь вмѣстѣ по вечерамъ въ ресторанахъ, при господствовавшемъ тогда въ Берлинѣ удивительномъ подъемѣ умовъ, какъ въ политической, такъ и въ ученой сферѣ, дотого были поглощены интересами дня, что только о нихъ и бесѣдовали; а такъ какъ у каждаго кружка были различные интересы и различные взгляды, то присутствіе лицъ, имѣвшихъ другіе интересы, только мѣшало бы живости взаимнаго обмѣна мыслей. Депутаты націоналъ-либеральной партіи не имѣли ничего общаго съ депутатами аристократической партіи, экономисты-фритредеры съ протекціонистами, молодые медики напр. съ учителями, и потому они всѣ группировались только между собою. Разумѣется, эта обособленность придавала каждой изъ этихъ группъ нѣкоторую односторонность въ сужденіяхъ, судили каждый только со своей партійной точки зрѣнія, и нѣкоторое доктринерство, которое проявлялось даже въ политической дѣятельности палаты; но вмѣстѣ съ тѣмъ это придавало движенію умовъ и большую глубину мысли и большую серіозность.

Вообще въ Берлинѣ въ то время повсюду проявлялась, какъ уже я замѣтилъ выше, самая усиленная, самая энергическая дѣятельность, дотого доходило тогда возбужденіе умовъ. Это не могло не отражаться и на общественной жизни берлинцевъ. Занятые

цѣлый день политическими и учеными вопросами, люди очевидно не имѣли возможности вести такую непринужденную семейную жизнь, которая существуетъ у насъ, и при которой каждый почти домъ открытъ и къ обѣду и къ вечеру для прихода друзей и близкихъ знакомыхъ, совершенно запросто. Берлинцы же, и политики, и ученые, и администраторы, въ тѣ времена дотого были заняты, что у нихъ былъ разсчитанъ каждый часъ дня, и потому имъ невозможно было отвлекаться отъ строго урегулированныхъ занятій посторонними посѣщеніями. Проработавъ же цѣлый день усиленно, усталые, они нуждались въ освѣженіи мыслей интересною бесѣдой и потому отправлялись въ свой ресторанъ, гдѣ они всегда могли застать интересующихъ ихъ лицъ, принадлежащихъ къ ихъ кругу, и переговорить съ ними не только о занимавшихъ ихъ въ данное время вопросахъ, но даже и о кой-какихъ дѣлахъ. Семейные люди со своими женами и семействами встрѣчались въ сущности только за обѣдомъ дома. Только отъ времени до времени они устраивали у себя приглашенные обѣды и приглашенные вечера. За обѣдомъ у профессора Вирхова я его спросилъ, какъ онъ находитъ время соединять столь разнообразную и ученую и преподавательскую и политическую дѣятельность. Онъ мнѣ отвѣтилъ, что это возможно только при самомъ строгомъ распредѣленіи дня, отъ котораго онъ никогда не отступаетъ. Его рабочій день начинался съ 6-ти часовъ утра, кажется письменными учеными работами, затѣмъ шли клиническія занятія, преподаваніе въ университетѣ, посѣщеніе госпиталя, затѣмъ нѣсколько часовъ посвящались изученію законодательныхъ проектовъ и другихъ дѣлъ, которыя вносились въ палаты,—или участію въ засѣданіи палаты, въ тѣ дни, когда эти засѣданія происходили, за тѣмъ передъ обѣдомъ еще обыкновенно лекція въ университетѣ,—потомъ обѣдъ домашній, и наконецъ вечеръ заключался въ кругу знакомыхъ въ ресторанѣ. Несмотря на то, Вирховъ совсѣмъ не казался сухимъ ученымъ, онъ былъ очень пріятнымъ собесѣдникомъ. Разумѣется, такой образъ жизни не могъ имѣть особенно хорошаго вліянія на семейную жизнь и на уровень женскаго свѣтскаго развитія. Жены ученыхъ и политиковъ, почти устраненныя изъ интереснаго мужского общества, сходились между собою также въ разныхъ кофейныхъ помѣщеніяхъ, это такъ называемыя Kaffee-Kränzchen, бесѣдуя между собою большею частью только о хозяйствѣ и о дѣтяхъ—мало интересуясь и политическими и литературными вопросами. Были впрочемъ и между ними исключенія, такъ напр., жены профессоровъ Вирхова и Михаэлиса являлись дамами чрезвычайно развитыми, умными и пріятными въ обществѣ.

Какъ я уже замѣтилъ, это было время ожесточенной парламентской борьбы съ Бисмаркомъ, котораго либералы обвиняли изъ-за военнаго закона въ нарушеніи конституціи; они видѣли въ немъ отъявленнаго врага германской свободы. Впослѣдствіи, когда результаты войны съ Австріей раскрыли передъ ними сущность патріотическихъ замысловъ Бисмарка, почти вся націоналъ-либеральная партія перешла на его сторону. Въ числѣ ихъ былъ и Михаэлисъ, который сдѣлался приближеннымъ сотрудникомъ Бисмарка по всѣмъ финансовымъ и экономическимъ вопросамъ. Въ то время Бисмаркъ еще не былъ противникомъ фритредерскаго направленія. Впослѣдствіи, когда онъ сдѣлался открытымъ и энергическимъ протекціонистомъ, Михаэлисъ, какъ убѣжденный фритредеръ, уже не могъ болѣе работать съ нимъ вмѣстѣ на этомъ поприщѣ и, не желая оппонировать ему, сложилъ съ себя званіе депутата. Тогда Бисмаркъ, продолжавшій уважать и цѣнить Михаэлиса, предоставилъ ему мѣсто директора Комиссіи Погашенія Долговъ и тѣмъ обезпечилъ ему почетное положеніе на остальное время жизни.

Вернувшись въ Петербургъ, я представилъ министру финансовъ записку съ изложеніемъ прусскихъ таможенныхъ порядковъ и съ указаніемъ, что по моему мнѣнію изъ существующаго въ Пруссіи могло бы быть примѣнено къ намъ. Въ то время уже была учреждена у насъ комиссія для преобразованія Таможеннаго устава, и въ эту комиссію были внесены на разсмотрѣніе и мои предположенія; вмѣстѣ съ тѣмъ я былъ назначенъ членомъ этой комиссіи. Многое изъ моихъ предложеній, между прочимъ вся система провоза товаровъ за таможенными замками, было принято и впослѣдствіи введено въ дѣйствіе.

Вскорѣ послѣ того князь Д. А. Оболенскій бывшій тогда, какъ я уже замѣтилъ, директоромъ департамента внѣшней торговли, пріѣхалъ ко мнѣ и предложилъ мнѣ въ очень любезной формѣ— мѣсто вице-директора департамента. Я изъявилъ согласіе и одновременно съ моимъ назначеніемъ на этотъ новый постъ сложилъ съ себя званіе секретаря Географическаго общества и члена въ главномъ выкупномъ отдѣленіи.

Князь Дмитрій Александровичъ принадлежалъ къ числу лицъ, окружавшихъ Великаго Князя Константина Николаевича и выведенныхъ имъ въ высокое положеніе. Въ началѣ царствованія Александра II-го Константинъ Николаевичъ былъ назначенъ управляющимъ морскимъ министерствомъ и затѣмъ предсѣдателемъ Государственнаго Совѣта. Пользуясь большимъ вліяніемъ на Государя, онъ стоялъ во главѣ либеральной партіи и былъ однимъ изъ главныхъ защитниковъ дѣла освобожденія крестьянъ. Его окружала

группа весьма способныхъ молодыхъ людей, значительное число которыхъ впослѣдствіи достигли министерскихъ постовъ,—въ публикѣ ихъ называли „Константиновскими орлами". Это были главнымъ образомъ гр. Толстой, Головнинъ, Рейтернъ, Оболенскій и нѣкоторые другіе.

Поставленный во главѣ морского министерства, Великій Князь началъ свою реформаторскую дѣятельность съ кореннаго преобразованія этого учрежденія—упрощеніемъ и устраненіемъ разныхъ излишнихъ и сложныхъ бюрократическихъ формальностей и введеніемъ возможно практическаго способа веденія дѣлъ. Князь Дмитрій Александровичъ принималъ дѣятельное участіе въ этихъ преобразованіяхъ въ качествѣ директора одного (кажется, комиссаріатскаго) изъ департаментовъ означеннаго министерства. Возлѣ него пользовались преобладающимъ вліяніемъ на Великаго Князя Головнинъ и особенно графъ Д. А. Толстой. Между ними и особенно между Оболенскимъ и Толстымъ возникло по этому поводу соперничество, и произошелъ разладъ, вслѣдствіе чего кн. Оболенскій впослѣдствіи и оставилъ морское министерство, получивъ званіе статсъ-секретаря Е. И. В.—Несмотря на крайне почетное положеніе, которое такимъ образомъ было за нимъ оставлено, князь Дмитрій Александровичъ тяготился отсутствіемъ всякой оффиціальной дѣятельности и искалъ, куда бы пристроиться. Разъ, какъ онъ самъ разсказывалъ мнѣ, гуляя лѣтомъ вечеромъ, на Елагиномъ Островѣ онъ встрѣтился съ М. Х. Рейтерномъ, который тогда уже былъ министромъ финансовъ, и съ которымъ онъ находился въ близкихъ отношеніяхъ, по прежней ихъ совмѣстной службѣ у Вел. Кн. Константина Николаевича. Рейтернъ разсказывалъ ему что Пашковъ, бывшій тогда директоромъ департамента внѣшней торговли, оставляетъ свой постъ и что онъ, Рейтернъ, озабоченъ пріисканіемъ ему наслѣдника. Тогда Оболенскому пришло на мысль предложить самого себя,—Рейтернъ немедленно принялъ это предложеніе, и такимъ образомъ состоялось назначеніе кн. Оболенскаго директоромъ департамента. Въ то время это былъ единственный директоръ департамента, носившій титулъ статсъ-секретаря.

Князь Дмитрій Александровичъ былъ умный и доброжелательный человѣкъ, дѣльный и интересный собесѣдникъ и большой другъ и поклонникъ славянофильскаго московскаго кружка; онъ былъ особенно близокъ съ Ю. Ѳ. Самаринымъ, Аксаковымъ, Черкаскимъ, Кошелевымъ, вмѣстѣ съ тѣмъ онъ находился и въ хорошихъ отношеніяхъ съ Н. А. Милютинымъ, душевно сочувствуя его дѣятельности по крестьянскому вопросу. Съ Вел. Княгинею Еленою Павловною онъ тоже находился въ близкихъ дружественныхъ отношеніяхъ. Истинный аристократъ, кн. Д. А. отличался большою просто-

тою и естественностью въ обращеніи со всѣми, и либеральнымъ настроеніемъ, которое побуждало его сочувствовать всѣмъ происходившимъ тогда реформамъ. Сойдясь съ нимъ, я до конца его жизни находился съ нимъ въ самыхъ лучшихъ, почти пріятельскихъ отношеніяхъ, которыя не нарушались даже разными мелкими столкновеніями, которыя неизбѣжны при продолжительной совмѣстной службѣ, тѣмъ болѣе, что въ общемъ мы всегда были одного мнѣнія и совокупно проводили реформы, при чемъ онъ, главнымъ образомъ, занимался преобразованіемъ административнаго устройства и личнаго состава таможеннаго вѣдомства, а я реформами таможенной процедуры, на основаніи изученія мною этого вопроса за границею.

Не рѣдко по вечерамъ пріѣзжая къ нему для совмѣстныхъ занятій по какому-либо таможенному дѣлу, я просиживалъ у него до поздней ночи, увлеченный его интересною бесѣдой. Онъ разсказывалъ мнѣ о своихъ отношеніяхъ къ московскому славянофильскому кружку, ихъ образѣ жизни и воззрѣніяхъ, высказывалъ свои сужденія о разныхъ лицахъ, читалъ мнѣ иногда свои наброски, родъ дневника, и такъ какъ онъ былъ человѣкъ необыкновенно живой, воспріимчивый и умный—то все, что онъ писалъ и разсказывалъ, вызывало во мнѣ живѣйшій интересъ.

По своей добротѣ, онъ былъ весьма мягкаго характера — и вслѣдствіе того не всегда проявлялъ желательную выдержку и энергію.

Такъ, напримѣръ, въ разговорѣ со мной, когда онъ мнѣ предлагалъ мѣсто вице-директора, онъ объяснялъ мнѣ, что вообще предполагается преобразованіе департамента внѣшней торговли, съ значительнымъ расширеніемъ круга его дѣятельности, такъ что этотъ департаментъ долженъ былъ превратиться въ нѣчто подобное министерству торговли. Преобразованіе его дѣйствительно состоялось, но князю Оболенскому не удалось провести эти преобразованія въ предполагаемомъ имъ смыслѣ, хотя его предположенія и основывались вѣроятно на предварительномъ обмѣнѣ мыслей по этому предмету съ Рейтерномъ. Дѣло кончилось тѣмъ, что вся чисто торговая часть отошла къ бывшему тогда департаменту внутренней торговли, директоръ котораго Бутовскій съумѣлъ настоять на необходимости такой группировки дѣла. Этотъ департаментъ получилъ тогда новое названіе департамента торговли и мануфактуры, а бывшій департаментъ внѣшней торговли былъ преобразованъ въ таможенный департаментъ, съ подчиненіемъ его вѣдомству исключительно таможенной части. Такой оборотъ дѣла уже съ самаго начала показалъ мнѣ, на сколько Оболенскій способенъ былъ увлекаться данной мыслью, но не имѣлъ за тѣмъ достаточно твердости характера, чтобы ее отстаивать, какъ слѣдуетъ.

Вторымъ вице-директоромъ у него былъ Н. Н. Колосовъ. Оболенскій объявилъ мнѣ съ самаго начала, что онъ намѣренъ предоставить мнѣ первенствующую передъ нимъ роль, такъ какъ я буду въ департаментѣ его alter-ego. Дѣйствительно, въ теченіе двухъ лѣтъ я продолжалъ занимать въ департаментѣ такое положеніе, управляя департаментомъ во время ревизіонныхъ поѣздокъ князя по Россіи, хотя я и былъ младшимъ вице-директоромъ. Но на третій годъ, отправляясь въ обычную лѣтнюю ревизіонную поѣздку, князь Дмитрій Александровичъ сообщилъ мнѣ, что Колосовъ былъ у него и жаловался ему на то, что хотя онъ старшій вице-директоръ, онъ все же постоянно устраняется отъ управленія департаментомъ, и что вслѣдствіе того онъ, т. е. князь Оболенскій, рѣшился въ настоящее время представить на выборъ министру—кому управлять департаментомъ во время его отсутствія. На это я ему возразилъ, что такое рѣшеніе противно тому, что онъ мнѣ заявлялъ съ самаго начала, что я буду его alter-ego и т. д.—но онъ только отвѣтилъ мнѣ, хотя и стѣсняясь нѣсколько: „что же дѣлать, я не могъ же отказать ему въ этомъ, не обидѣвъ его". Впрочемъ, для оправданій этой непослѣдовательности, я долженъ прибавить, что Колосовъ принималъ въ то время выдающееся участіе въ учрежденной тогда тарифной комиссіи и составилъ по этому поводу очень основательную работу, которая легла въ основаніе рѣшеній комиссій по пошлинамъ на хлопчатыя мануфактурныя издѣлія. При такомъ положеніи дѣла, Оболенскій дѣйствительно былъ поставленъ въ нѣсколько затруднительное положеніе его ходатайствомъ. Тогда я объяснилъ князю Оболенскому, что въ такомъ случаѣ и я буду ходатайствовать объ отпускѣ на время его отсутствія, чтобы не находиться въ подчиненіи у лица, передъ которымъ до того я имѣлъ первенствующее положеніе, и, разумѣется, Оболенскій согласился со мной. Но въ этомъ отпускѣ не оказалось надобности, такъ какъ Рейтернъ рѣшилъ, что и на будущее время временное управленіе департаментомъ должно быть поручено мнѣ, какъ и до того. Въ то время, когда князь Оболенскій принялъ управленіе департаментомъ, составъ таможенныхъ чиновниковъ особенно въ пограничныхъ таможняхъ оставлялъ много желать, контрабанда происходила въ довольно широкихъ размѣрахъ и не только въ смыслѣ провоза товаровъ мимо таможенъ, но и въ самыхъ таможняхъ допускалось немало злоупотребленій, въ видѣ пропуска высоко обложенныхъ товаровъ по низкой пошлинѣ, несмотря на то, что формализмъ и бумажный контроль были доведены до послѣднихъ границъ сложности. Злоупотребленіямъ послѣдняго рода было присвоено даже особое названіе—легальная контрабанда. Одно это названіе могло

служить доказательствомъ распространенія подобныхъ злоупотребленій. Вступивъ въ управленіе департаментомъ, князь Оболенскій очень энергически принялся за искорененіе существовавшихъ злоупотребленій и за раціональное преобразованіе всего таможеннаго дѣла. Одною изъ главныхъ причинъ неудовлетворительности состава таможенныхъ чиновниковъ слѣдовало считать недостаточность содержанія. Жалованье было самое незначительное, правда, по закону изъ всего поступленія таможенныхъ пошлинъ отчислялось 5% на дополнительное вознагражденіе чиновниковъ,—но эта сумма распредѣлялась очень неравномѣрно, такъ что нѣкоторые изъ нихъ получали очень значительное содержаніе, а другіе оставались при мизерныхъ окладахъ. Сознавая, что прежде всего необходимо обезпеченіе служащихъ, если желательно имѣть хорошій составъ чиновниковъ, Оболенскій обратилъ на этотъ предметъ серьезное вниманіе. Финансовое положеніе Россіи было тогда еще довольно неудовлетворительное, такъ что на значительное увеличеніе средствъ изъ Государственнаго Казначейства нельзя было разсчитывать. Поэтому князь Оболенскій рѣшилъ слить 5% прибивку съ штатными суммами, консолидировавъ эту прибавку окончательно въ суммѣ поступленій за послѣднее время, такъ что потребовалось только небольшое къ ней добавленіе для установленія новыхъ штатовъ, значительно болѣе обезпечивавшихъ служащихъ. Этимъ достигалось во-первыхъ установленіе за таможеннымъ вѣдомствомъ опредѣленной суммы,—между тѣмъ какъ въ виду постояннаго уменьшенія въ послѣдніе годы таможеннаго дохода уменьшалась и сумма 5% отчисленія, а во-вторыхъ этимъ путемъ достигалась возможность болѣе соразмѣрнаго распредѣленія вознагражденія служащихъ и установленіе постоянныхъ штатныхъ окладовъ, вмѣсто колебающагося изъ года въ годъ вознагражденія. Такимъ образомъ была получена возможность составленія вполнѣ удовлетворительныхъ таможенныхъ штатовъ. Какъ случайное къ нимъ добавленіе осталось только отчисленіе въ пользу чиновниковъ нѣкоторой суммы изъ поступающихъ штрафовъ и аксиденцій. Общее поступленіе таможеннаго дохода едва доходило въ то время 30 милліоновъ и не предвидѣлось значительнаго его возрастанія. Между тѣмъ благодаря произведеннымъ въ таможенномъ вѣдомствѣ реформамъ и общему экономическому подъему Россіи, таможенные доходы вскорѣ послѣ того стали значительно рости, въ настоящее время они колеблятся даже въ предѣлахъ 100 милліоновъ. Вотъ почему съ точки зрѣнія интересовъ таможенныхъ чиновниковъ впослѣдствіи стали сожалѣть о консолидаціи и снятіи со штатовъ существовавшей прежде 5% прибавки,—такъ какъ размѣръ ея уже черезъ нѣсколько лѣтъ бы удвоился.

Но этого тогда нельзя было предвидѣть, и во всякомъ случаѣ этими мѣропріятіями достигалось удовлетвореніе немедленной потребности—преобразованія штатныхъ окладовъ. Увеличеніемъ и преобразованіемъ штатнаго содержанія однако нельзя было ограничиться. Князь Оболенскій хорошо понималъ, что для того, чтобы поставить дѣло на здоровую ногу, надо новое вино вливать въ новые мѣха. Значительное число старыхъ чиновниковъ уволено было съ пенсіей, и на ихъ мѣста, особенно на мѣста начальниковъ округовъ и главныхъ таможенъ были назначены свѣжія лица. Выборы, сдѣланные кн. Оболенскимъ, были вообще удовлетворительными, такъ что можно сказать—весь составъ таможенныхъ чиновниковъ измѣнился и облагородился, благодаря чему появилось въ таможенной службѣ совершенно новое направленіе. Повѣяло какъ бы свѣжимъ духомъ. Были, разумѣется, случаи и неудачныхъ выборовъ, главнымъ образомъ вслѣдствіе разныхъ рекомендацій, которыми князь по своей податливости иногда увлекался; такъ между прочимъ былъ назначенъ, по рекомендаціи московскаго кружка, одинъ болгаринъ управляющимъ первоклассной таможни, который въ самомъ же началѣ былъ уличенъ въ серіозныхъ злоупотребленіяхъ. Но это были немногіе исключительные случаи, въ общемъ же, какъ я уже замѣтилъ, выборы были очень удачны.

Съ своей стороны я занялся упрощеніемъ и болѣе раціональнымъ устройствомъ таможенной процедуры, всевозможнымъ облегченіемъ правильной торговли; между прочимъ мнѣ удалось ввести существенное различіе въ размѣрахъ штрафовъ: за ошибки, имѣвшія явный характеръ обмана, и за мелкія ошибки показаній товаровъ, которыя могли происходить по недосмотру, особенно въ виду сложности нашего тарифа.

Всѣ эти мѣропріятія имѣли несомнѣнное вліяніе на улучшеніе таможеннаго дѣла, и я могу сказать, что когда въ началѣ семидесятыхъ годовъ князь Оболенскій, а затѣмъ и я оставили таможенное вѣдомство, его нельзя было сравнить съ тѣмъ, что было прежде. Несомнѣнно, въ рѣдкихъ случаяхъ еще попадались злоупотребленія, они случаются и теперь, но то, что было тогда, можно сказать, общимъ правиломъ, теперь сдѣлалось рѣдкимъ исключеніемъ [1]).

---

[1]) Ко времени моего служенія въ Деп. Т. Сб. относится одинъ странный и непріятный эпизодъ—доказывающій, какъ безъ всякой вины по неосмотрительности можно поставить себя въ неловкое и непріятное положеніе. Въ Департаментѣ былъ курьеръ К. чрезвычайно расторопный и потому пользовавшійся особеннымъ вниманіемъ начальства, по этой причинѣ остальные курьеры на него злились. Разъ этотъ курьеръ зашелъ ко мнѣ, чтобы сообщить, что на такомъ-то заграничномъ пароходѣ привезли и продаютъ

На слѣдующій годъ послѣ моего назначенія вице-директоромъ я былъ командированъ по одному дѣлу въ Варшаву. Это было первое время (1864 г.) по усмиреніи мятежа, а потому поѣздка въ Варшаву представляла для меня особенный интересъ. Дѣло, по которому я былъ командированъ, было такое. Начальникъ Сосновицкаго округа, Суходольскій, молодой, очень порядочный человѣкъ, незадолго передъ тѣмъ назначенный, крайне не понравился мѣстному еврейскому населенію, вѣроятно потому, что вслѣдствіе его строгаго контроля прежнія злоупотребленія на границѣ не могли уже продолжаться. Противъ него стали интриговать всякими путями и наконецъ воспользовались тѣмъ, что какой-то еврей, торговавшій по Сосновицкой таможнѣ, повѣсился, чтобы связать съ этимъ происшествіемъ Суходольскаго, возбудивъ противъ него обвиненіе въ томъ, что его дѣйствія вызвали самоубійство несчастнаго еврея. Объ этомъ былъ сдѣланъ доносъ графу Бергу, и несмотря на то, что обвиненіе было совершенно голословное, гр. Бергъ назначилъ слѣдствіе по этому дѣлу, увѣдомивъ объ этомъ кн. Оболенскаго, прося его прислать депутата Там. Департамента для присутствія при слѣдствіи. Такъ какъ съ первой же минуты нельзя было сомнѣ-

---

очень хорошій молодой картофель, такъ какъ можетъ быть и я пожелаю купить мѣшокъ; ни о чемъ не думая, я сказалъ ему „хорошо“ и далъ ему деньги; на другой день онъ привезъ мнѣ на домъ мѣшокъ картофеля. Нѣсколько дней спустя кн. Оболенскій говоритъ мнѣ съ озабоченнымъ видомъ „вотъ какое я получилъ письмо“ и передаетъ его мнѣ для прочтенія. Это было анонимное донесеніе (какъ потомъ оказалось, писанное однимъ изъ курьеровъ), въ которомъ говорилось, что курьеръ К. ѣздитъ по заграничнымъ пароходамъ и забираетъ отъ нихъ разную провизію, и что на-дняхъ еще онъ привезъ куль картофеля вице-директору Тернеру. Легко себѣ представить, какъ мнѣ было это непріятно. Я разсказалъ Оболенскому, какъ было дѣло, прибавивъ, что, разумѣется, мнѣ надо было сообразить, что неловко покупать черезъ курьеровъ предметы, привозимые на заграничныхъ пароходахъ, такъ какъ это могло подать поводъ къ разнымъ толкамъ, но что я этого въ ту минуту не сообразилъ. Чтобы выяснить, на сколько обвиненіе, возбужденное противъ курьера К. о томъ, что онъ даромъ получаетъ предметы, привозимые на иностранныхъ пароходахъ, справедливо, кн. Оболенскій приказалъ одному чиновнику по особымъ порученіямъ разслѣдовать это дѣло и доложить ему лично послѣ его возвращенія, такъ какъ онъ тогда именно собирался въ отъѣздъ для осмотра таможенъ. Во время его отсутствія, я какъ обыкновенно долженъ былъ управлять Департаментомъ. Изслѣдованіе не выяснило никакихъ злоупотребленій со стороны курьера К. и потому осталось для него безъ дальнѣйшихъ послѣдствій. Несмотря на то, мнѣ было, разумѣется, крайне обидно, что я былъ такъ глупъ не сообразить, какъ неумѣстно было съ моей стороны давать такое порученіе курьеру К., связавшее мое имя со столь непріятнымъ дѣломъ.

ваться въ томъ, что это дѣло еврейской интриги, то, опасаясь, какъ бы Суходольскій не сдѣлался жертвой этой интриги, вмѣсто командированія въ Варшаву кого-либо изъ подчиненныхъ чиновниковъ, князь Оболенскій нашелъ нужнымъ командировать туда вице-директора, какъ человѣка вполнѣ самостоятельнаго и поставленнаго достаточно высоко, чтобы имѣть возможность нейтрализовать вліяніе всякихъ интригъ и вывести дѣло на чистую воду. Вмѣстѣ съ тѣмъ такою командировкою онъ показывалъ графу Бергу, сколь серьезное значеніе онъ придаетъ этому дѣлу. Я съ удовольствіемъ принялъ предлагаемое мнѣ порученіе и, какъ слѣдовало ожидать, слѣдствіе, которое происходило въ самой таможнѣ, на границѣ, доказало только всю неосновательность обвиненія, такъ какъ не было приведено ни одного положительнаго факта, подтверждавшаго, что дѣйствія Суходольскаго имѣли какое-либо соотношеніе къ самоубійству несчастнаго еврея. Мнѣ легко было, зная, что я имѣлъ въ Петербургѣ солидную поддержку, устранить всякія попытки, которыя были дѣлаемы съ нѣкоторыхъ сторонъ, чтобы запутать вопросъ, энергическимъ требованіемъ, чтобы слѣдствіе нисколько не уклонялось въ сторону.

Такимъ образомъ цѣль моей командировки была очень легко достигнута, а вмѣстѣ съ тѣмъ это дало мнѣ возможность, до начала и послѣ конца слѣдствія, провести нѣсколько недѣль въ Варшавѣ,— пребываніе, которое было исполнено для меня величайшаго интереса.

Я помѣстился очень удобно въ роскошной „Европейской гостиницѣ", которая уже тогда была устроена совершенно на манеръ лучшихъ европейскихъ гостиницъ. Графъ Бергъ, какъ человѣкъ чрезвычайно тонкій, немедленно понявшій, какъ на это дѣло смотрятъ въ Петербургѣ, принялъ меня крайне любезно, почти какъ стараго знакомаго. Я у него нѣсколько разъ обѣдалъ, былъ на одномъ большомъ балу и получалъ приглашеніе въ его ложу въ театрѣ. У него же я познакомился тогда съ Треповымъ, который былъ начальникомъ полиціи и своими энергическими дѣйствіями во время возстанія обратилъ на себя вниманіе и положилъ тѣмъ начало своей дальнѣйшей карьерѣ. Треповъ отнесся ко мнѣ почему-то съ особенной симпатіею, и это расположеніе онъ выказывалъ мнѣ до конца своей жизни. Но что меня особенно интересовало, это встрѣча съ главнѣйшими дѣятелями, проводившими тогда въ Польшѣ крестьянскую реформу: Н. А. Милютинымъ, княземъ Черкасскимъ, Кошелевымъ, Домонтовичемъ. Со всѣми ими, кромѣ Кошелева, я уже былъ знакомъ изъ Петербурга. Я бывалъ у нихъ по вечерамъ и участвовалъ на интимныхъ обѣдахъ. Въ этихъ кругахъ я встрѣтилъ тогда тоже М. Н. Анненкова, — съ которымъ впослѣдствіи до самой его печальной смерти я находился въ дружественныхъ отно-

шеніяхъ. Хотя Анненковъ былъ тогда, кажется, помощникомъ Трепова, но при своемъ либеральномъ настроеніи, питая большое сочувствіе къ Н. А. Милютину, онъ держался болѣе партіи членовъ учредительнаго комитета, чѣмъ партіи Бергъ-Треповской. Въ этихъ кругахъ вечеромъ и за обѣдомъ происходила, разумѣется, оживленная бесѣда, такъ какъ все происходившее въ то время, крайне интересовало всѣхъ членовъ учредительнаго комитета, много говорили о крестьянскомъ вопросѣ, объ отношеніи къ дѣлу графа Берга и т. п. Графъ Бергъ, выказавшій во время возстанія большую энергію, пока дѣло заключалось въ преслѣдованіи и наказаніи виновныхъ, какъ аристократъ и остзеецъ, питалъ все же нѣкоторую симпатію къ польскимъ аристократамъ и не очень сочувственно относился къ разрѣшенію крестьянскаго вопроса, но, какъ тонкій дипломатъ, онъ ни въ чемъ прямо не противодѣйствовалъ ни Милютину, ни прочимъ членамъ учредительнаго комитета, — онъ только не оказывалъ имъ особенной поддержки, такъ что между Милютинымъ, Черкасскимъ и имъ отношенія были самыя дипломатическія, внѣшнимъ образомъ вполнѣ удовлетворительныя, но не особенно сочувственныя и откровенныя. Очень много въ то время разсуждали о только-что послѣдовавшемъ закрытіи монастырей и разсказывали между прочимъ разные происшедшіе при этомъ анекдоты. Такъ какъ число монастырей было въ Польшѣ чрезвычайно значительно, при чемъ во многихъ монастыряхъ число монаховъ было крайне невелико, то было рѣшено монастыри, въ которыхъ (кажется) менѣе 8 монаховъ, закрыть, предоставивъ монахамъ распредѣлиться по другимъ монастырямъ въ краѣ, которые не предполагалось закрывать. Мѣру эту удалось сохранить до того въ секретѣ, что когда насталъ назначенный для приведенія ея въ исполненіе день, то это явилось для монаховъ совершенною неожиданностью, вслѣдствіе чего и произошли при этомъ разныя сцены, иногда даже очень курьезныя. Такъ въ одномъ монастырѣ, подлежавшемъ закрытію, когда чиновники прибыли въ монастырь, они застали въ кельѣ одного монаха женщину въ крайне легкомъ одѣяніи, до того пріѣздъ чиновниковъ совершился неожиданно. Несчастная женщина такъ испугалась, что въ томъ же легкомъ одѣяніи, въ которомъ ее застали, побѣжала вверхъ по лѣстницѣ и спряталась въ колокольнѣ, откуда ее пришлось доставать. О томъ, до какой степени монахи были напуганы внезапностью этой мѣры, мнѣ самому пришлось случайно удостовѣриться на собственномъ опытѣ. Возлѣ Сосновицкой таможни находился знаменитый древній Ченстоховскій монастырь. Находясь въ Сосновицахъ, я пожелалъ взглянуть на эту знаменательную лавру, почитаемую и католиками

и православными, я поѣхалъ туда въ сопровожденіи двухъ таможенныхъ чиновниковъ въ мундирахъ. Мы подъѣзжаемъ къ монастырю, ворота открыты, но никто насъ не встрѣчаетъ, мы выходимъ изъ экипажа и направляемся во внутренность монастыря, проходимъ рядъ комнатъ и ни души,—наконецъ, намъ встрѣчается какой-то монахъ и спрашиваетъ насъ съ крайне испуганнымъ видомъ, чего мы желаемъ. Когда мы ему объяснили, кто мы и что мы желаемъ посмотрѣть монастырь, лицо его прояснилось. Очевидно, увидавъ издали экипажъ съ чиновниками въ мундирахъ, монахи испугались, у нихъ возникло подозрѣніе, не ѣдетъ ли это комиссія для закрытія монастыря, и вотъ почему передъ нами весь монастырь оказался какъ бы опустѣвшимъ. Вполнѣ успокоенный нашими словами, встрѣтившій насъ монахъ сталъ водить насъ по всему монастырю, самымъ любезнымъ образомъ показывая намъ достопримѣчательности этой древней святыни,—показавъ намъ все интересное, онъ пригласилъ насъ закусить у него въ кельѣ — предложивъ намъ очень вкуснаго и жирнаго гуся и превосходное венгерское вино, которое онъ налилъ намъ въ серебряные кубки. Мы съ удовольствіемъ воспользовались его приглашеніемъ и за тѣмъ, дружественно распростившись съ нимъ, уѣхали обратно.

Много наслышался я въ то время въ разговорахъ о банкирѣ Кроненбергѣ, первомъ варшавскомъ богачѣ, про котораго говорили, что ходитъ слухъ, что онъ былъ министромъ финансовъ повстанія, и который не смотря на то спокойно проживалъ въ Варшавѣ. Уже нѣсколько лѣтъ спустя я слышалъ въ Петербургѣ слѣдующія подробности объ этомъ дѣлѣ отъ барона В. М. Менгдена, который былъ въ Варшавѣ предсѣдателемъ института ипотечнаго кредита и хорошо былъ знакомъ со всѣмъ происходившимъ тогда въ Царствѣ Польскомъ.

При разслѣдованіи революціонныхъ дѣлъ дѣйствительно были найдены несомнѣнныя улики, что Кроненбергъ былъ чѣмъ-то въ родѣ министра финансовъ повстанцевъ. Сомнительно, чтобы онъ увлекся сочувствіемъ къ возстанію, но вѣроятно произведенное на него давленіе и угрозы были такъ сильны, что онъ не былъ въ состояніи отказать въ содѣйствіи повстанцамъ. Благодаря очень значительнымъ суммамъ, пожертвованнымъ имъ разнымъ вліятельнымъ лицамъ, дѣло было замято, тѣмъ болѣе, что онъ предложилъ въ видѣ искупленія—построить одну изъ вѣтокъ Варшавско-Вѣнской желѣзной дороги. Постройка эта состоялась, и по окончаніи ея, онъ даже получилъ какой-то орденъ. Между тѣмъ самое предпріятіе оказалось крайне выгоднымъ, дорога стала давать большіе доходы, такъ что искупительная его жертва оказалась очень выгоднымъ для него предпріятіемъ, онъ нажилъ на немъ большія деньги.

Съ этимъ же дѣломъ связано начало богатства банкира Бліоха, извѣстнаго между прочимъ разными статистическими сочиненіями, которыя имъ издавались и между прочимъ обширнымъ многотомнымъ трудомъ о войнѣ. По поводу представленія этого сочиненія онъ имѣлъ даже продолжительный разговоръ съ Государемъ и разсказываетъ, что этотъ разговоръ между прочимъ навелъ Государя на мысль—сдѣлать европейскимъ правительствамъ предложеніе о разоруженіи, которое повело къ собранію конгресса, оставшагося, впрочемъ, безъ существенныхъ результатовъ. Въ то время Бліохъ былъ еще бѣднымъ молодымъ человѣкомъ, хотя и родственникомъ Кроненберга. При устройствѣ акціонерной компаніи для постройки указанной жел. дороги, Кроненбергъ, зная большія способности Бліоха, пригласилъ его къ себѣ и сказалъ ему, что, желая обезпечить за собою большинство голосовъ въ общемъ собраніи акціонеровъ, онъ намѣренъ перевести на имя Бліоха значительное число акцій, съ условіемъ, чтобы послѣдній дѣйствовалъ во всемъ по его указанію. Бліохъ, разумѣется, съ радостью принялъ предложеніе Кроненберга. Когда постройка была окончена, и дѣло пошло въ гору, цѣна акцій значительно поднялась, тогда, однажды, Бліохъ, который между тѣмъ уже успѣлъ нажить нѣкоторыя деньги, явился къ Кроненбергу и сказалъ ему, что онъ пришелъ благодарить его за оказанное ему благодѣяніе и разсчитаться съ нимъ. Кроненбергъ, полагая, что онъ пришелъ къ нему, чтобы возвратить переданныя ему акціи, отвѣтилъ ему, что онъ въ продолженіе всего дѣла былъ вполнѣ доволенъ образомъ дѣйствій Бліоха, и что онъ не оставитъ его труды безъ вознагражденія. Но тогда Бліохъ объяснилъ ему, что онъ совершенно не намѣренъ возвращать ему акцій, что онъ оставляетъ ихъ за собою, и что онъ пришелъ только, чтобы уплатить ему ту стоимость акцій, которую онѣ имѣли въ моментъ ихъ выпуска. Легко себѣ представить, какъ Кроненбергъ былъ пораженъ неожиданностію такого сообщенія, и съ этого момента началась та ожесточенная вражда, которая продолжаетъ существовать между этими двумя первостепенными варшавскими банкирами.

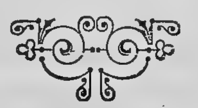
Въ обществѣ у Берга я познакомился тогда тоже съ нѣкоторыми иностранцами, которые въ то время играли роль въ Варшавѣ. Это были австрійскій генер.-консулъ баронъ Рехенбергъ, большой фаворитъ графа Берга и очень умный человѣкъ, прусскій военный агентъ Верди Дювернуа, который впослѣдствіи былъ военнымъ министромъ, и управляющій въ то время русскимъ участкомъ Варшавско-Вѣнской жел. дороги Regierungsrath, Haff. Все это были пріятные и образованные люди, въ обществѣ которыхъ я также нерѣдко проводилъ время въ веселой бесѣдѣ.

Представителемъ министерства финансовъ при графѣ Бергѣ былъ въ то время старый генералъ Т. Такъ какъ онъ, однако, совершенно не отвѣчалъ требованіямъ, соединеннымъ съ его положеніемъ, и совершенно не былъ способенъ защищать интересы министерства финансовъ, то на его мѣсто былъ назначенъ чиновникъ по особымъ порученіямъ таможеннаго департамента Лихтенштейнъ. Я рѣдко встрѣчалъ болѣе порядочнаго и пріятнаго человѣка. Умный, образованный, съ опредѣленнымъ и твердымъ характеромъ, онъ съ самаго начала съумѣлъ себя хорошо поставить въ Варшавѣ, пріобрѣлъ полное довѣріе и расположеніе графа Берга и потому служилъ очень полезнымъ соединительнымъ звеномъ между Варшавскимъ и Петербургскимъ управленіемъ, съ тактомъ и знаніемъ дѣла, улаживая несогласія, которыя иногда возникали между этими двумя правительственными центрами, и большею частью даже вовремя успѣвая предотвратить ихъ возникновеніе.

Характеристикой того, такія странныя столкновенія происходили въ то время иногда между разными исполнителями мѣстной администраціи—и какъ Лихтенштейнъ въ такихъ обстоятельствахъ умѣлъ ловко себя поставить и выдержать характеръ, можетъ служить слѣдующее происшествіе. Въ продолженіе всего смутнаго времени, всѣ лица, проѣзжавшія черезъ Вильну, подвергались тамъ весьма строгому досмотру со стороны жандармскаго офицера, назначеннаго графомъ Муравьевымъ. Возвращаясь изъ Петербурга въ Варшаву, Лихтенштейнъ долженъ былъ проѣхать черезъ Вильну. Завѣдующій станціей жандармскій офицеръ, молодой человѣкъ, зная по паспорту оффиціальное положеніе Лихтенштейна при графѣ Бергѣ, вѣроятно, чтобы показать свою власть, подвергъ его, несмотря на то, особо строгому досмотру, осмотрѣвъ всѣ его бумаги даже оффиціальныя и вообще отнесся къ нему болѣе чѣмъ невнимательно. Лихтенштейнъ преспокойно и безъ всякихъ возраженій подчинился этой процедурѣ. Когда же досмотръ былъ оконченъ и ревизовавшій его офицеръ сталъ гулять по платформѣ, Лихтенштейнъ къ нему подошелъ и въ формѣ частнаго разговора, чтобы не обратить вниманіе публики, гулявшей также по платформѣ, сказалъ ему слѣдующее: „Вы окончили ваши обязанности, и теперь я долженъ сказать вамъ нѣсколько словъ. Вы поступили не какъ разумный исполнитель власти, а какъ глупый мальчишка. Развѣ вы полагаете, что это должно служить къ укрѣпленію русскаго авторитета въ краѣ, когда въ присутствіи мѣстнаго польскаго и еврейскаго общества такъ относятся между собою чиновники графа Муравьева и графа Берга. Вы знаете, какое я мѣсто занимаю у графа Берга, и знаетъ вся здѣшняя публика; вы, кажется, хотѣли ей показать, что чиновники

графа Муравьева ни въ грошъ не ставятъ управленіе графа Берга и этимъ, несомнѣнно, доставили большое удовольствіе окружавшей насъ публикѣ, но принесли ли вы этимъ пользу русскому управленію въ краю, объ этомъ я предоставляю судить вамъ самому"... Пораженный этими словами, жандармскій офицеръ, невольно сознавая справедливость дѣлаемаго ему упрека и видя, что онъ имѣетъ дѣло съ человѣкомъ съ характеромъ—смиренно выслушалъ всю эту репримандy и, ничего не возражая, отошелъ сконфуженный въ сторону.

Я долженъ сказать еще нѣсколько словъ о Филипеусѣ, съ которымъ я также встрѣтился въ Варшавѣ. Во 2-ой гимназіи я учился вмѣстѣ съ двумя братьями Филипеуса. Отецъ ихъ былъ нѣкогда богатымъ землевладѣльцемъ и промышленникомъ въ Финляндіи, но дѣла его, кажется, находились въ нѣкоторомъ разстройствѣ. Старшій братъ, человѣкъ крайне энергическій, который былъ со мною въ одномъ классѣ, по окончаніи курса сталъ впослѣдствіи заниматься разными коммерческими операціями и поставками въ Восточной Сибири и, кажется, нажилъ значительное состояніе. Съ младшимъ братомъ, который былъ въ гимназіи ниже меня классомъ и котораго я послѣ гимназіи не видалъ, я теперь встрѣтился въ Варшавѣ. Онъ состоялъ при Милютинѣ, но, кажется, секретаремъ по найму, не имѣя оффиціальнаго служебнаго положенія. Его обязанность заключалась въ чтеніи всѣхъ иностранныхъ журналовъ и въ составленіи рефератовъ изъ нихъ для Николая Алексѣевича.

Поправки. 1) Авторъ „Житейскихъ встрѣчъ" въ № 1 „Русской Старины" за нынѣшній годъ проситъ насъ исправить досадную описку на стр. 49-ой, а именно: вмѣсто словъ „съ эпиграфомъ изъ Рылѣева: „повѣрь, мой другъ, взойдетъ она..." слѣдуетъ читать: „съ эпиграфомъ изъ Пушкина: „товарищъ, вѣрь: взойдетъ она..."

2) Въ статьѣ А. Жиркевича „По Вальтеръ-Скотту" на стр. 187, съ 4-й строки снизу слѣдуетъ читать такъ: И не безъ грустной, иронической улыбки долженъ былъ прочесть Хмельницкій мѣсто объясненія Шванебаха о томъ, что когда онъ, подполковникъ, лично убѣдится, что два-три камня и т. д. *Ред.*

Редакторъ-издатель **П. Вороновъ.**

водчиками по недостатку средствъ, и доставляетъ даровитымъ молодымъ людямъ способы къ окончанію ихъ образованія и приготовленія себя къ литературной и ученой дѣятельности, если призваніе ихъ къ ней окажется несомнѣннымъ, и если они не будутъ имѣть на то средствъ". При неизмѣнномъ вниманіи передового общества, фондъ всегда умѣлъ достигать поставленныхъ цѣлей и, не обращаясь ни въ узко-профессіональный союзъ, ни въ партійную организацію той или иной окраски, проявляя широкую терпимость ко всевозможнымъ направленіямъ мысли, полвѣка служилъ писателямъ и ученымъ и выросъ не только въ крупное предпріятіе, располагающее большими денежными средствами, но въ выдающуюся общественную силу.

Москва въ ея прошломъ и настоящемъ. Изданіе, посвященное памяти И. Е. Забѣлина. Московское книгоиздательство „Образованіе". Выпуски I — III. М. 1909—1910.

Посвященное имени недавно скончавшагося И. Е. Забѣлина, самаго лучшаго изслѣдователя и знатока исторіи и быта старой столицы, роскошное изданіе „Образованія" займетъ видное мѣсто въ нашей исторической литературѣ. Появленіе его какъ нельзя болѣе своевременно. Оно заполняетъ давно чувствовавшійся пробѣлъ. Какъ ни были широки изслѣдованія, которымъ отдалъ свою трудовую жизнь Забѣлинъ, они, конечно, не могли быть всесторонними; освѣтить и изучить прошлое Москвы во всевозможныхъ отношеніяхъ не подъ силу было одному работнику. Для этого необходимъ трудъ коллективный, и именно такое изданіе и предпринято „Образованіемъ". Къ участію въ немъ привлечены солидныя ученыя силы: Д. Н. Анучинъ, Ю. И. Айхенвальдъ, А. К. Бороздинъ, В. Я. Брюсовъ, М. М. Богословскій, А. Н. Веселовскій, М. О. Гершензонъ, Ю. В. Готье, И. Н. Игнатовъ, В. В. Каллашъ, А. А. Кизеветтеръ, М. В. Клочковъ, М. К. Любавскій, А. А. Мануиловъ, С. А. Муромцевъ, С. Ѳ. Платоновъ, В. И. Пичета, П. Н. Сакулинъ, А. И. Успенскій, С. К. Шамбинаго, Е. Н. Щепкинъ и многіе другіе. „Москва"—говорится въ предисловіи—„всегда была средоточіемъ русской мысли, русскаго творчества, животворнымъ родникомъ народныхъ думъ и стремленій. Здѣсь Россія отстаивала свою самобытность, русскій народъ—свои права и вольности. Здѣсь происходили главнѣйшія событія русской исторіи. О твердыни Москвы разбились всѣ волны междуцарствія—этой „великой разрухи земли московской"; здѣсь нашелъ себѣ погибель всемірный побѣдитель—Наполеонъ. Здѣсь всегда раздавался мощный голосъ народный. Москва всегда сливалась тѣсною духовною связью со всѣмъ русскимъ народомъ. Москва—средоточіе богатства Россіи, главный центръ всей нашей торговли и промышленности". Исторія Москвы—въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ исторія Россіи, и всесторонній трудъ по московской исторіи не можетъ не имѣть важнаго общенаучнаго значенія. „Кто въ Москвѣ не бывалъ, красоты не видалъ", съ гордостью говоритъ народъ о своей древней столицѣ, и въ полномъ соотвѣтствіи съ стильной красотою Москвы находится внѣшность разсматриваемаго изданія, въ которой превосходно сочетались роскошь и вкусъ. Многокрасочныя обложки работы П. Афанасьева, великолѣпные картины и рисунки Ап. Васнецова, снимки съ картинъ извѣстныхъ авторовъ, виды современной Москвы, стильныя виньетки—все это исполнено съ необыкновеннымъ изяществомъ и рѣдкою роскошью. Къ лучшимъ статьямъ въ вышедшихъ пока трехъ выпускахъ принадлежатъ статьи Д. Н. Анучина по геологіи и археологіи Москвы, М. К. Любавскаго „Возвышеніе Москвы", В. И. Пичета „Внѣшняя политика и ростъ территоріи Московскаго государства въ XVI вѣкѣ", С. Ѳ. Платонова „Московскіе земскіе соборы", В. В. Нечаева „Общій видъ и внѣшній ростъ Москвы за XVI—XVII вѣка", М. М. Богословскаго „Составъ московскаго населенія въ XVI—XVII вѣкахъ", А. П. Новицкаго „Церковная архитектура Москвы".

Л. З. Мсеріанцъ. Къ вопросу объ интересѣ Грибоѣдова къ изученію Востока. Спб. 1909.

Извѣстно, что авторъ „Горя отъ ума" не только раздѣлялъ со многими своими современниками романтическое тяготѣніе къ востоку, но питалъ къ изученію его постоянный и серьезный научный интересъ. Слѣдовъ этого интереса сохранилось множество—и въ перепискѣ Грибоѣдова, и въ отзывахъ людей, его знавшихъ, какъ Бѣгичевъ или Булгаринъ, и въ накопившихся до сихъ поръ оффиціальныхъ свѣдѣніяхъ о немъ. Едва познакомившись съ востокомъ, Грибоѣдовъ жаловался: „скудость познаній объ этомъ краѣ бѣситъ меня на каждомъ шагу". Но прошло нѣсколько лѣтъ, и онъ уже не только бѣгло говорилъ по-персидски, но даже могъ писать персидскіе стихи. Ничѣмъ единымъ и прочнымъ это вниманіе къ востоку не закрѣплено въ творчествѣ Грибоѣдова, но общая совокупность всѣхъ его упоминаній о востокѣ, восточныхъ „отраженій" въ его произведеніяхъ (статья „О Гиляни", отдѣльныя замѣчанія въ „Desiderata", крымскихъ и кавказскихъ „Путевыхъ запискахъ", отрывки изъ трагедіи „Грузинская ночь", поэма „Кальянчи", планъ трагедіи „Родамистъ и Зенобія") убѣждаетъ въ неслучайности и серьезности этого вниманія. На этой почвѣ онъ сблизился съ извѣстнымъ оріенталистомъ академикомъ Х. Френомъ и, говоритъ г. Мсеріанцъ, „можно думать, являлся для Френа именно тѣмъ желаннымъ дипломатическимъ представителемъ на востокѣ, который способенъ былъ принести пользу также и наукѣ". Г. Мсеріанцъ впервые опубликовалъ неизвѣстное до сихъ поръ письмо Грибоѣдова къ Френу, относящееся, вѣроятно къ началу іюня 1828 г.; въ немъ Грибоѣдовъ говоритъ о своихъ „будущихъ научныхъ занятіяхъ въ Персіи". „Быть можетъ"—заключаетъ авторъ,—„если бы не преждевременная, трагическая кончина, то Грибоѣдовъ, руководимый такимъ менторомъ, какимъ былъ академикъ Френъ, оставилъ бы послѣ себя память и не только какъ талантливый драматургъ и злосчастный дипломатъ". Послѣднее прилагательное доказываетъ незнакомство автора съ служебной стороною дѣятельности Грибоѣдова, который и на поприщѣ дипломатіи былъ выдающимся дѣятелемъ и достойно и съ успѣхомъ отстаивалъ интересы отечества на востокѣ.

Редакторъ-издатель П. Н. Вороновъ.

